
личное
мнение

АЛЕКСАНДР ДУГИН

ПОП-КУЛЬТУРА
и знаки времени

САНКТ-ПЕТЕРБУРГ
АМФОРА
2005

УДК 882
ББК 84(2Рос-Рус)6
Д 80

Дугин, А.

Д 80 Поп-культура и знаки времени / Александр Дугин. — СПб. : Амфора. ТИД Амфора, 2005. — 495 с. — (Серия «Личное мнение»).

ISBN 5-94278-903-7

В книгу известного философа-традиционалиста, геополитика, евразийца Александра Дугина вошли статьи, эссе, манифесты и интервью, тематически связанные с феноменом современной поп-культуры. Суждения автора полны неожиданных парадоксов, ироничного бреда и многомудрой герменевтики, разбирающей по косточкам тексты эстрадных шлягеров. Перед читателем открывается новый Дугин — Дугин играющий, прячущий в бороде безжалостную усмешку.

УДК 882
ББК 84(2Рос-Рус)6

ISBN 5-94278-903-7

Эту книгу я посвящаю памяти моего друга,
прекрасного музыканта и уникального человека
Сергея Анатольевича Курехина.
Многие темы и сюжеты этой книги навеяны им

Часть I

МЕТАФИЗИКА ЭСТРАДЫ

ЗА ВАЛЕРИЕМ ЛЕОНТЬЕВЫМ СТОИТ СТРАШНАЯ ТАЙНА

(интервью газете «Аргументы и факты»)

Эстраду принято ругать за банальность и несерьезность. Однако если посмотреть на нее философски, то можно узреть даже образ мира со всеми его парадоксами. Именно так считает философ, литературовед, специалист по контркультуре, автор книг «Абсолютная Родина», «Основы Геополитики», «Тамплиеры Пролетариата» и др. Александр Дугин.

— В жизни человеческого общества нет серьезных и несерьезных вещей. Неверно считать, что, мол, философия — это серьезно, а эстрада — некая банальность. Если человек глубок, он в любой мелочи увидит образ мира со всеми сложными противоречиями и парадоксами. Одного известного исламского шейха, мистика и духовидца, особо приближенного к Высшему Началу, кто-то из учеников спросил: «Как вы достигли тождества с Богом?» И он ответил: «Я слушал французский шансон в исполнении Эдит Пиаф. Я плакал, когда она так проникновенно пела о любви. Она явно подразумевала под этим любовь к Богу. Слушая ее голос, я визуализировал Аллаха и отождествлялся с ним. И так достиг высшей степени просветления». Поэтому для взгляда метафизика, изу-

чающего не только нравы эпохи, но и ее глубинное содержание, эстрада является одним из самых аппетитных блюд.

Меня в свое время поразила строчка из песни Валерия Меладзе: «...жить надо непременно хорошо...». Ничего, простите, глупее на первый взгляд высказать невозможно. И тем не менее это пелось с такой искренностью, чувством, смыслом и наивом, что мое сознание отказывалось принимать тот факт, что за провозглашением этой банальной формулы ничего не стоит. Я решил тогда вдуматься всерьез и провел параллель с фразой Артюра Рембо, в свое время поразившей меня: «Ад точно внизу». Обратите внимание, какая неуверенность тайно звучит в этом категорическом утверждении! Человек, напористо утверждающий, что «ад уж точно внизу», явно сомневается в этом. Из этой категоричности, скрывающей и вскрывающей неуверенность, проницательному литературному критику легко заключить, что ад, скорее, находится вровень с ним или даже выше него, а он просто себя (и нас) успокаивает... Точно так же в строчке Валерия Меладзе «жить надо непременно хорошо» скрыто расщепление мещанского обыденного сознания, подозревающего внутри себя самого какой-то скрытый подвох... Глупость и банальность основаны на определенных логических дефектах, которые в некоторых случаях начинают просвечивать и странно искажать смысл привычных разговорных штампов — попробуйте сто раз подряд произнести какое-то привычное слово, вы заметите через некоторое время, что смысл начнет

от вас ускользать... Когда Меладзе поет эти слова, он, очевидно, подозревает, что в них что-то не так... Я решился в одном эссе, посвященном творчеству Меладзе, проследить, что скрыто за этой интонационной закамуфлированной неуверенностью. И пришел к выводу, что здесь целая диалектика. Нормой настоящей православной христианской этики, столь внятной русскому, евразийскому человеку, является как раз «несчастное сознание», ориентирующееся на то, что только страдание и жизненные тяготы воспитывают душу... Иными словами, по совести «жить надо непременно плохо»... И вот, представьте себе, как православный человек, признающий этику страдания и «несчастного сознания», делает еще один шаг и доходит до мысли, что по совести надо не просто жить плохо, но и всячески скрывать это, не показывая виду... Так византийские истории про «тайных святых» на разные лады описывают, что настоящие святые были не те, кто молились, постились и света белого не видели, но те, кто молились, постились, света не видели, а прикидывались внешне самодовольными, во всем себе потакающими разгульными грешниками. Это традиция юродства, «внутреннего делания». Так был распознан и расшифрован этот куплет. Оказалось, что речь идет о парадоксе внешне «счастливого сознания», которое вуалирует в себе трагедию, а потом якобы преодолевает ее с этакой пронзительной русско-грузинской патриотической интонацией.

Или, например, группа «Карамель». Я видел только один клип, но оторваться от него не мог. Там по-

вторяется фраза: «Пам-пам-парам, капает дождик». Мне понравилось все — от содержания и мелодики до самих девушек, которые, наверно, уже в приличном возрасте, но так наивно визжат (как вилки), что все вместе создает впечатление небесного, совершенно незамутненного мыслью идиотизма. Это уже даже не игра со слушателем, а послание, у которого принципиально отсутствует посылающая и принимающая стороны. Продукт в себе. Ослепительная, почти буддийская пустотность. В этом есть что-то сверхчеловеческое, «фашистское» в хорошем смысле этого слова... На мой взгляд, образцом подлинной эстрады должна быть такая блистательная цельная тупость. Симпатия к этому коллективу — в моем круге своего рода пароль. Он нравится ироничному образованному банкиру и православному молитвеннику, тонкому собирателю авангардного джаза и молодому физику-теоретику, фанатичному маоисту и умудренному седому кинорежиссеру с собаками...

В этом смысле незаслуженно забыт еще один гений эстрады — исполнитель по имени Чича. Он мелькнул несколько раз в разгар перестройки на канале «2X2» в неподражаемом клипе. По берегу небольшой подмосковной речушки, засунув руки в карманы, расхаживал толстый, восточного вида человек, небритый, в спортивных штанах, и что-то напевал. Видок у него был такой, как будто кооператоры выехали за город, выпили и решили своего дружбана заснять. На мой взгляд, хорошая эстрада это та, которая похожа на «Карамель» и Чичу. Сюда же можно отнести Ларису Черникову, Таню Булано-

ву, Татьяну Овсиенко и певицу Натали с песней про «черепашку по имени Наташка» (я ее не слышал, но один очень духовно понимающий старообрядческий чтец советовал).

Но есть коллективы, использующие интеллектуальные элементы. Как, например, группа «Хочу!», поющая: «А я ей делал знаки, что у меня в пакетике раки». Сюжет песни таков: девушка тонет в реке, а парень, стоящий на берегу, показывает ей на свою хижину и предлагает попить пива и закусить раками. Девушка в результате так и утонула. В этом клипе все сделано по закону банального восприятия, с использованием привычных образов. Но подтекст разрушающий, агрессивный, с подвохом, звучит разъедающая сознание обывателя ирония. Это уже жесткий сюрреальный абсурд. Смотрят мужики, тетки, бабки ТВ, все мелькает правильно, девушки, юноши, мелодия, выпученные глаза черноусого мексиканского мучачо, а в целом логики никакой нет... Отлично...

Вот разные примеры того, как несерьезная эстрада может нести серьезные послания и как их можно серьезно интерпретировать.

— ***Как вам кажется, почему между поп- и рок-музыкантами есть негласное противостояние?***

— Я неплохо знаю рок-музыкантов и уверяю вас, в подавляющем большинстве это очень ограниченные и банальные люди. Просто им кажется, что они такие герои-парадоксалисты. Более того, если бы их пустили на большую эстраду, они в большинстве своем с удовольствием бы туда интегрировались и

забыли о своем противостоянии. Это в каком-то смысле отговорка неудачников. Многие из них хоть и популярны, но совершенно не выполняют функцию рок-музыкантов. На мой взгляд, адекватная музыка в жанре рок — это Егор Летов, Роман Неумоев, «Кооператив Ништяк», Псой Короленко (все это выходит на лэйбле «УР-реалист рекордз»). Не потому, что они радикальны, а потому, что адекватны тому, что делают. Это может нравиться, может не нравиться, но это настоящий рок. Наверно, это не столько музыкальное, сколько концептуальное явление. Но у каждого из перечисленных исполнителей есть очень пронзительные, выразительные, звуковые, интонационные и поэтические моменты, которые свидетельствуют о том, что есть настоящая рефлексия, подлинная оголтелость...

Среди эстрадников много достаточно адекватных людей, а есть полные балбесы, за которых просто краснеешь. Есть такой певец Валерий Леонтьев. Я многого не понимаю в этой жизни, но что он делает на эстраде, я не понимаю совсем. Это человек, лишенный минимального эстрадного вкуса. Некая печать недоразумения и неадекватности на всем, что он делает.

— ***А в чем, как вам кажется, феномен Леонтьева? Ведь он много лет на эстраде и по популярности и гонорарам входит в тройку эстрадных лидеров, следуя за Пугачевой и Киркоровым.***

— Если говорить об этой тройке, то Пугачева — очень показательный пример. Ее интонация, полуинтеллигентская культура, от имени которой она веща-

ет, — идеальное воплощение состояния души позднесоветского человека. Она «великая мать» 70 — 80-х, странноватая, но что поделаешь — такова эпоха... То, что она не исчезла, признак ностальгии по нашей молодости, когда мы ездили на юга, пили в НИИ чай в колбах. Пугачева до сих пор внутри многих из нас, поэтому адекватна и совершенно заслуженно находится на вершине Олимпа. Что касается Киркорова, он хоть тоже странный, но не вызывает ощущения полной неадекватности. Творчество Киркорова мы в свое время изучали с Курехиным, ходили на его концерт. Он назывался «Скажи солнцу „Да!“», мы расшифровали это как признание в солнцепоклонничестве, вы ведь знаете, что мировая история есть не что иное, как борьба луннопоклонников (из ордена Квинты) и солнцепоклонников (из ордена Кварты). А еще группа девиц из кордебалета у него выступала в трико, стилизованное под арестантские робы. Мы расшифровали это как знак — его поддержку Зюганова (на концерте мы были в 1995 году перед выборами, на которых Киркоров поддержал Зюганова) и камень в огород Сергея Адамовича Ковалева, над которым вообще все потешаются после того, как он проиграл хохлам в лохотрон две тысячи долларов. А еще правозащитник, интеллигентный человек, умница... То есть я хочу сказать, что Пугачева и Киркоров понятны...

А Леонтьев — вот это загадка. Даже Борис Моисеев понятен, а Леонтьев нет. Он не соответствует ни одному из критериев. Я слышал несколько таких страшных гипотез о его появлении на эстраде, таких, что язык не поворачивается их произнести. И это

в наше время, когда язык поворачивается произнести все что угодно... Секрет должен быть действительно страшен... Скорее всего, он действительно обладает темной тайной, позволяющей ему занимать место на эстраде, совершенно не соответствующее его артистическим (и всем остальным) качествам.

— ***Как вам кажется, патриотична ли в большинстве своем наша эстрада?***

— Думаю, что русский рок на девяносто процентов патриотичен. Там вообще нет мондиалистов и западников. Да и нашу эстраду нигде, кроме России, слушать не будут. Она для внутреннего потребления. Это специфический язык чувств, образов, эмоций и состояний, внятных исключительно нашей публике. Поэтому большинство — тоже патриоты, помимо своей воли, хотя и своеобразные. И даже неважно, о чем они поют, все равно это звучит патриотично. Не дай Бог кому-то повторить дурацкий ход Талькова — начать петь под электрогитару и с кордебалетом в духе Солженицына. Чем больше про ночную электричку, простые наши незамысловатые дела, тем более патриотично...

— ***Почему все-таки основная тема песен — любовь?***

— Я вижу здесь три причины. У Дени де Ружмона есть работа «Любовь и Запад», где он показывает, что банальная привычка западного человека слагать песни о любви не является общепринятой культурной парадигмой в границах человечества. Арабские

или африканские песни часто о других вещах. Дени де Ружмон считает, что этот культ любви есть специфическая черта западной культуры, восходящая к тайным братствам трубадуров и труверов, а также к гностическим ересям. От Европы это передалось и нам. Это во-первых. Во-вторых, песня призвана побуждать и возбуждать эротические чувства в самом широком смысле, включая духовно-эротические. Об этом в примере про исламского шейха. В-третьих, чисто технически написать песню не о любви крайне трудно. Песня, допустим, о банкире, буксире, конфете, трубе или о трудовом процессе будет звучать, мягко говоря, странно, просто как революционный манифест.

Записал Владимир Полупанов

«ЖИТЬ НАДО НЕПРЕМЕННО ХОРОШО»

Так сказал Валерий Меладзе. Вроде бы банальная позднесоветская мудрость, анахроничная на современном фоне. Но сказал правильно. Мало кто так правильно сказал в последнее время.

Когда гностик бросает на имманентный мир свой странный, слегка расфокусированный взгляд, когда контуры «черной весны» проступают сквозь, начинается первая стадия наложения полей. Они — глобальное да, мы — глобальное нет. С этого вяжется все остальное. Мы отстаиваем вертикаль и утверждаем, что скорлупы — порабощение и обман. Мы говорим тогда: «Жить надо непременно плохо».

Те, кто «живет хорошо», за это еще ответят. Отсюда чины блаженств в правильных религиях. Отсюда маламатья, юродство, хасидский рабби Зуся, избитый — по божественной зогаритской ошибке — пьяными казаками дважды...

Осмысленное, черно-трагичное, без улыбки, отношение к миру. Диакрисис, гносис, пристальное кровавое взвешивание неочевидных пластов реальности, по живому с радостью острым предметом.

Кое-кто отравил реки, и спасение следует искать лишь в лужах. Я предвижу то время, писал Ницше, когда последний благородный человек будет третирован как чандала. Не пренебрегайте пеплом.

Вскрывая лабиринты отчуждения и девиации мира, выстраивается черная эсхатологическая схоластика, где подмена громоздится на подмену. Но по мере утончения опытного взгляда куда-то незаметно уходит внутренняя сила. Созерцание абриса Даджжала, деталей его туалета кастрирует метафизическую волю, каким-то (каким, пока не ясно) образом сопряженную с нагнетенным — избранным свободно (не врожденным, я имею в виду) обскурантизмом. Так супруга, предназначенная Калки, эмаскулирует женихов.

И тут появляется Валерий Меладзе. Что бы мы без него делали?!

Крупный авторитет современного суфизма (автохтонный араб) утверждал, что слияние с Абсолютом лучше всего удается ему, когда он слушает Эдит Пиаф. Ее ностальгия и l'amour воплощают в себе безбрежную ностальгическую волю возврата (ма'ад).

«К нему возвращение». Кто Любимый? Кто единственный трансцендентный Cher Ami? Кого только и можно хотеть и желать? Не биологических же надувных террафимов...

Аналогичная история. Неофит даос хотел научиться летать. Пришел к учителю. Тот обещал научить летать через двадцать лет безвозмездной службы. Двадцать лет. О них следовало бы написать особое эссе. Приходит время расплаты. Как избавиться от наивного идиота? «Учитель» находит выход: «Лезь на вершину сосны и прыгай. Полетишь!» Этакий даосский ваучер.

Но к ужасу корыстного обывателя, доверчивый кретин поднимается в воздух и машет оттуда: «Спасибо, учитель!» (Герой Де Сада бросился бы в хижину за арбалетом и подстрелил на лету.)

Для проверки веры имеет смысл сбрасывать на людей глыбы свинца. Захочешь, сдвинешь. После прихода к власти мы восстановим ордалии. Подозреваемых в финансовых расстратах будут со скованными руками швырять в Москва-реку. Если навет и облыжно оклеветали, выплывут. Не могут не выплыть. А иначе какой смысл в том, что утверждается с амвона? Либо это все есть, либо лжецов надо самих на ордалии. Традиционализм — это упразднение условного измерения. Все случится буквально. Метафора есть превращение колдуна в волка.

(Забыл про завет Пимена Карпова: «Верьте всему и всем».)

Есть у «жить надо непременно плохо» лимиты и сроки. Они достигнуты.

Далее все будет иначе. То, что окружающий мир — наглая наперсточниковая афера, очевидно. На хохляцкий лохотрон попался интеллигентный диссидент Сергей Адамович Ковалев. «Сам не знаю, почему я отдал им две тысячи долларов», — растерянно оправдывался правозащитник. Все менее понятно, почему мы должны отдавать Дадджалу наши сбережения, даже если у него такой сложный костюм. Если бы (по преданию отцов) антихристу суждено было родиться хохлом, человечество, поперхнувшись от смеха, развеяло бы мгновенно злую магию последних времен. Ну а так что, серьезнее, что ли... Антихрист-шендерович, короткорукий провинциальный заеденный карла, worm-eater женщина-нетопырь командует бомбардировками живых гор... Кто спас в свое время эту маленькую злую свинью... (Олбрайт.) Тогда в Европе люди знали, что делали. Богомилы, хлысты и федосеевцы считают детей сатанятами. К некоторым это точно подходит. Вспомните поведение Хизра и ограниченность Мусы. Кто одновременно видит будущее и прошлое (т. е. рассматривает мир в пространственном, синхроническом аспекте, см. «Бытие и Пространство»), тому наплевать, маленький гад или большой, лучше кое-кого сразу. Пока не вырос. Ирод был движим той же логикой, но ошибся в определении координат. Тоже своего рода ордалия. Самый главный из младенцев-то не пострадал. Интересно, что о посмертной их судьбе на протяжении двух тысяч лет ведутся сложные богословские споры. Куда попали? Я думаю, по-разному. Кто куда...

Новая заповедь: «Жить надо непременно хоро-

шо». Черный гнозис меняет правила игры. Теперь плохо будут жить другие. Или не жить вовсе. Мы будем гулять и устанавливать границы возможного так причудливо, как нам только заблагорассудится. А кое-кто будет только служить и страдать. Запорожская лимита — такой же сор, как харьковская. Неважно. Видимо, кто-то о чем-то забыл. Напомним. Зайдем. Заглянем.

Нельзя абсолютизировать кали-югу. Нельзя вести джихад против карточных шулеров. Злая кукла Сороса — полая изнутри.

В Меладзе мне, как и когда-то Курехину, нравится все.

ПУСТЬ ВЕТЕРОК ОВЕЕТ ДУШУ ТВОЮ

(Меладзе-2: пляж и инициация)

La rottura

Предельное напряжение человеческих усилий, выливающихся в экстремальный опыт, приближает человека к инициации. Так рождается тема «Инициация и революция». В возможном опыте предела мерцает воронка невозможного опыта запредельного. На этом зиждется концепция «тамплиеров пролетариата».

Но здесь есть нюанс, есть нюанс...

Любое стремление отсюда туда есть только стремление, тяготение... В своей книге «Les principes du calcul des infinitesimaux» Генон называет вещи своими

именами: аналитически предел недостижим. Лимит «х» при «х», стремящемся к единице, никогда не станет тождественным единице. Всегда чего-то не будет хватать. Тот же парадокс Зенона Элейского об Ахилле и черепахе. Бесконечно малый элемент, недостижимый в стремлении, количественно незначителен, но онтологически огромен.

Иными словами, если у революционера-нонконформиста в какой-то момент что-то не лопнет (rupture du niveau, la rottura del livello, см. книги Эволы), инициатически его опыт окажется плевым. Иное не имеет общей меры ни с чем из Этого: и высшее и нижнее из Этого равноудалены от плоти Иного.

Из этого можно сделать много разных выводов.

Интереснее сделать все сразу.

Внимание Абсолюта капризно

Обыватель, отдыхающий на пляже, максимально удален от зоны риска, где роются подрывники, сговариваются революционеры и корчатся в коме объевшиеся психоделиков. Обыватель, валяющийся на топчане, снабжен защитой от революции. Это эталон «неинициации»... Тушка профана, изъятая из семиотического тира. Вне зоны высшего внимания.

Это было бы совсем так, если бы сами революционеры имели гарант обращения своей потенциальности в актуальность. Но таких гарантий Абсолют не выдает. Он вешает на крюках свободы алчущих и внимательно следит за абрисом их судорог. Возможны не те

судороги, дисквалифицирующие Восставшего. Просто не те...

И чтобы проиллюстрировать жонглирующую хрупкость дистанций, внимание Абсолюта перемещается на пляж.

Scwarze Augenblick

Сартр, язвительно критикующий Батайя, заметил, что его «внутренний опыт», взятый как приглашение и «сообщение», недалеко ушел от призыва порадоваться пивку или вытянуться на общественном пляже, подставив полный бок солнцу. Сартр иронизировал, но тамплиеры шуток не понимают. Они все интерпретируют буквально и принимают императив метафоры.

На пляже людно и жарко. Там продают пиво. Там стоят chaises longues и жжет приветливо отчужденное солнце. Здесь наше место. «Внутренний опыт» (=«инициация» для Батайя) — дело отдыхающих.

Войдя в суть вопроса, выпиваем пару литров пива. Добавляем еще. Кладем туловище на лежак. Сосновый ветерок Кипра (Анталии?) обдувает плоть. Разморенная, в ощущениях матричной ласки она расползается задремать. Книжка Сартра (Батайя?) надежно закроет лицо от ожогов. Сознание рассеивается.

Вот здесь! Вот здесь! Стоп! Augenblick...

Полупотерянное разморенное пляжное сознание близится к развилке: часть существа овевает ветерок, но что-то гладко и ледяно ускользает от его томных ласк. В вашем теле захоронена капсула, ледяная, оло-

вянная капсула, гильза, серебряное яйцо, снаряд... Очертания этого чужеродного предмета проясняются между тем, что ощущает ветерок, и тем, что остается бесстрастным. Никакой этики, бесстрастие этой части не есть благо. Это объективная фиксация. Та же часть не заметит, как вы умрете. В романе Майринка «Ангел Западного Окна» посвященный Бартлет Грин говорил о «башмачке Исаис». Башмачок (двусмысленный дар лунной богини) — серебряный носок проказы — делает нечувствительным к боли, к неге, к самым тонким и самым грубым встряскам плоти. На дыбе Бартлет Грин в качестве иллюстрации с хохотом откусывает себе палец. Проказа черной богини есть не что иное, как марка души, ее гофрированный шуршащей жестью вход.

Горячий пивной пляжный сладкий ветер подталкивает к бытию новую дифференцированную жизнь, подводит к ней, подразумевает ее, выводит из-за складок блуждающего внимания.

Иными словами: у полупьяного дремлющего обывателя «внутренний опыт» тот же, что и у умирающего на баррикадах революционера. Неподвижная капсула вечности привносит одно и то же волчье чувство недоумения в процесс существования обоих. Недоумения в опыте-пределе, недоумения в опыте-центре. Вы чувствуете то, что за краем, когда вам неимоверно больно, неимоверно бурно, неимоверно счастливо... Вы чувствуете в той же степени то, что за краем, когда вам неимоверно никак (условно хорошо — разве плохо выпить пиво на солнечном пляже?).

«Не ожжет тебя солнце днем, ни луна нощию», — сказано в Псалмах. Это о пляжных. Того, кто правильно расположился и подготовился, не «ожжет солнце». Это понятно. Но что такое «ожог луны»? От солнечного загара кожа белого человека темнеет. Было бы логично предположить, что от лунного загара кожа черного человека белеет. Было бы логично также предположить, что белые колдуны Африки пробираются ночами на мондиалистские пляжи, когда их покидают туристы, и от заката до рассвета нежатся в лунных ваннах.

Певчий Canzeus поправил меня. «Ожог солнца — внешний, — сказал он, — ожог луны — внутренний». «Ожог луны» есть печать, призывающая на фронт высоких прогулок лунатиков и ворочающая океаническими массами. Глядя на него, я подумал, что он знает, о чем говорит, не понаслышке.

Когда солнечный ветер овевает наше тело, вихри темной луны баюкают нашу душу. Двойная бухгалтерия.

Примаков дал задание взорвать Турцию изнутри *(оккультно-тектоническое оружие)*

Когда я смотрю на Евгения Максимовича, у меня не пропадает странное подозрение — не носит ли он бартлет-гриновский чумной серебряный носок?

Революция без инициации — барахло. Пролетариат без тамплиеров — банальные чандалы. Восставшие

без эзотерических путеводителей — достойные сожаления невротики. Читатели «оккульта» без автомата — безопасные пациенты. Но все они ничто перед стройными рядами ночных загорающих...

Турцию подорвали русские туристы — тупая исламская природа взбунтовалась против стольких трансцендентных жирков, распластанных на нечистоплотных курортах Анталии.

«Спорт из йорс» — анкуражирующе говорят турецкие массажисты жирным русским теткам, безнадежно потно накручивающим километры в спорт-комнатах второсортных отелей. «Йорс» — мелкотурецкое божество отелей, отбросов и побережий. Российско-туристическое божество без имени легко ломает «Йорсу» шейные позвонки. Сорок тысяч трупов...

Вы сказали, что трубопровод должен проходить через вашу территорию? Мы не ослышались?

ИНТУИЦИЯ АНЖЕЛИКИ ВАРУМ

(testamentum[1]*)*

Мирча Элиаде[2] говорит, что в начале иерофании[3] лежит интуиция. Интуиция воды порождает идею священных вод — вышних и нижних.

Вышних, друзья, и нижних.

Далее: как говорит Мирча Элиаде и дает понять

[1] *Testamentum* (*лат.*) — «завет».

[2] *Мирча Элиаде* — румынский историк религий.

[3] *Иерофания* (*греч.*) — «откровение священного».

Мирча Элиаде, а без него нам вообще нечего было бы делать, без Мирчи Элиаде, — в истоке архаического опыта священного лежит интуиция бытия — онтофания[1].

Представляете, ветка колышется, вода греет поцелуем берега, волосы на голове школьника тихо шевелятся в такт легкому подрагиванию ветерка... И мы хотим, хотим все это сразу... Динамически, иерофанически, хотим это засунуть внутрь себя...

Вот я послушал Анжелику Варум.

Я понимаю, что выступаю за определенный барьер и что этого писать не следовало бы... Я понимаю, что есть границы, что есть «Карамельки» и Меладзе, есть Никас Сафронов и Администрация Президента, и дальше определенных рубежей заходить не стоит под страхом потерять обаяние... Я все это понимаю, но я возвращаюсь к Югу.

Я делаю это, и это неотменимо...

Есть интуиция огня, и есть интуиция эстрады. Есть интуиция звезды и интуиция странника, интуиция моря и интуиция глупости...

Боря Симонов подарил мне вчера шлягеры всех времен.

Я слушаю их и плачу самыми серыми слезами на свете.

Я решил назвать Гарделя[2] и Пьяцоллу[3] «интуици-

---

[1] *Онтофания* (*греч.*) — «откровение бытия».

[2] *Гардель* — Карлос Гардель, культовый аргентинский исполнитель танго, разбился на машине, узнав об измене жены.

[3] *Пьяцолла* — современный аргентинский музыкант, композитор и аранжировщик.

ей Анжелики Варум».

Ля-ля-фа...

Так говорил Леша, который продавал «Элементы». Раньше он служил охранником бассейна, куда приезжали рок-музыканты и новые русские.

Сейчас он, Леша, убит. Расстрелян совершенно из-за пустяка. Он мало что понимал в жизни, Леша, он умер, его больше нет с нами...

Ля-ля-фа.

Зачем Анжелика вышла замуж за этого полнейшего идиота?

Она, она, носительница destino del corazon...[1] Она, «толстая хозяйка Юга»...[2]

Почему я пишу о ней? Едва ли я смогу это объяснить по-человечески...

Я не понимаю, как и Ницше, это священное Warum...

Sei stark, mein tapfres Herz...[3]

Ангелическое Warum...

Как же так вышло?

Я твердо решил двигаться к Югу.

Так всегда решительно движутся герои к жерлу любви, к жерлу, розовому пеклу, страстным лопас-

[1] *Destino del corazon* — «судьба сердца», слова из знаменитой аргентинской милонги (стиль танго).

[2] *«Толстая хозяйка Юга»* — «хозяйка Юга», в инициатических культах юго-западных цыган высший эзотерический титул, даваемый определенной цыганской девушке.

[3] *Sei stark, mein tapfres Herz, frag nicht warum* — слова из стихотворения Фридриха Ницше «Солнце садится», дословно «Будь сильным, мое храброе сердце, не спрашивай почему».

тям нашей Анжелики, раскинувшейся, как откровенный аскетический алмаз, перед нашими такими зоркими, такими вникающими в каждую подробность глазами, ах эти наши глаза...

Рискуя потерять все обаяние, мы облизываем сухие губы...

Гардель (или это был не он...) нажимает на педаль акселератора. Со всех сторон слышится его голос. Buenos Aires El Rio de Plata[1], Buenos Aires la tierra querida...[2]

Впереди колонна.

Это его колонна. Ветер сворачивается в пакет, кусок неба обрушивается в карман, на лбу появляется маленький ненасытный рот — рот сознания...

Вперед! Если жена изменила, вперед!

Если нет, тоже вперед!

Анжелика, открой мне свой глаз, вздрогни веком, капни слюной, обнажи небольшой палец своей ступни, чтобы мир перестал быть и с последней березы сползла бы сладкая, напитанная русским морозом шелестящая ночная рубашка.

> Мы вам честно сказать хотим,
> На девчонок мы больше не глядим.

Какие высоты аскетики!

Не глядим. Это правда, мы смотрим в себя, а там

---

[1] *Buenos Aires El Rio de Plata* — слова из танго Карлоса Гарделя — Буэнос-Айрес, река Рио де Плата (дословно «серебряная река»).

[2] *Buenos Aires la tierra querida* — оттуда же, Буэнос-Айрес, возлюбленная Родина.

такой раскрывшийся, раковинный, бесстыжий, воспаленный, аргентинский Юг...

Анжелика! Почему!

Почему ты лежишь на этом каменном столе, бессмысленно откинув голень, обсосавшаяся леденцов бесконечная фрау...

Немедленно прими таблетки и исчезни из моей жизни...

Куприянов сидел на опушке березовой рощи — лет двадцать назад, в прошлом веке, в прошлом тысячелетии... Мы пили.

Я спросил его: «Олег, если никто не знает, что такое философский камень, может быть, философский камень это ты? Тем более что твои родители были в ООН, ты так притягательно щуришься, у тебя худое сухое тело и электрички зовут нас откуда-то оттуда своими унылыми голосами...»

И я ответил сам себе: «Нет, чем бы философский камень ни был, он точно не Куприянов!»

Потом мы залезли на березу и пили там еще, предлагая друг другу упасть со всей высоты...

У меня больше нет старших, и я теперь буду говорить все, как есть, все старшие умерли...

Когда тело гниет, оно выпускает наружу маленьких белых птиц.

Друзья, скоро в толщах нашей любви откроется косое окошко и оттуда выйдет маленький рыжий мальчишка, ох, какой злой, злой, злой, злой...

Он улыбнется тебе, Миша, и тебе, Юля, и погрозит небольшой закатанной в газету сельдью... И ва-

ши дети проснутся внезапно и запоют все втроем ту мелодию, которой научил их старик, выходящий из стен, когда температура, и все оживает, и отовсюду раздаются скрипы, и птицы приносят теплые вещи, носки, свитера, все актеры больны водянкой — у них похитили душу, и в ледяных глазах их купается чужой ребенок.

Какое злостное бессмертие, какой, однако, гадкий подарок!

Она сидела рядом со мной на этом холме. Короткие ноги прикасались к моим штанам. Мы смотрели куда-то за реку. Я дотрагивался до ее скорлупы, царапал запястья о чешуйки... Мы смотрели в Лужники, как смотрят в лужу или в осень, в тетрадь, исписанную детскими стихами, или в экран телевизора, когда он не работает.

Я больше не умею выносить всего этого, раньше умел, но разучился.

Это «интуиция Анжелики Варум». Я повторяю эти слова, как рот монгола жует свой корень жизни — свой корень жизни и смерти...

Главное, чтобы было кого любить... Чтобы были штаны, зубы, врачи, солнце и такое большое, такое огромное зло, чтобы было и оно, так как без него все воды остынут, мышцы перестанут тянуться и грусть подернет наши зрачки, наши с тобой зрачки.

Мы ехали в церковь. Дима рассказывал про свою

[1] *Онейрических* — от *греч.* oneiros, сон, сновидение, «онейрический» — дословно «сновидческий».

прабабушку — как та ругалась во сне, называя онейрических[1] визави страшными словами.

«Самое жуткое ругательство, — сказал Дима Поляков, — было сукин кын»[1].

Сукин кын! Наконец-то он сделал это!

Теперь вся история человечества пойдет в ином направлении!

«Сукин кын!» — так говорил Заратустра.

Вы видели живых цыганок? У них дымятся лапы, а губы сводит нехорошая, смешная судорога. Все современные цыганки работают по своему направлению. Эту последнюю фразу я действительно не понимаю.

А еще Поляков рассказывал, что к нему в детстве приходил черт и напугал, пробубнив из прихожей: «Забодаю...»

Я бы с удовольствием вернулся и дал бы Вам пощечину... Но Вас, увы, нет, и мне некуда возвращаться. Или Вы постарели до безобразия, так что вся моя радость разбрызгается еще до того, как я дотянусь до

---

[1] Сукин кын — 1) смыслоподражательное сочетание из сновидений, тайный символ русских колдовских культов; 2) онейрическая идеома, звукоподражание, характерное для южнорязанских говоров детской и старушечьей речи, произносится в качестве шутливого заклятия котов и карликов; 3) простонародное, см. также «сукин хвощ», «сукин дождь» и малороссийское «сукин свын», игра слов, «кын» — мужской детородный орган у домовых (Полесье), у петухов (область Ладоги), у мышей (Поволжье), сочетание «сукин кын» — загадка-угадайка с гермафродитическим подтекстом. Чаще всего употребляется в выражениях: «Угадай, какой у суки кын?», «Велик, как сукин кын» и даже «Висит, как сукин кын», в данном случае это относится к указанию на вислоухость собаки и дурной слух.

кнопки Вашего звонка...

Впрочем, по памяти мне было там хорошо, особенно когда в окно падали неоновые пятна магазина «Рыба», и я был одет в китель, а остальные — без кителя, совсем без кителя, и на Тверской тормозил троллейбус, чтобы не отвлекать нас от того, чем мы обычно занимались, но он и не мог отвлечь нас, так как мы занимались делом.

Вот так я и решил двигаться туда, нарушая все запреты, все обещания, все клятвы, все песни и все письма. Ведь луна была безграничной...

Говорят, в Подмосковье тоже живут люди.

Я понимаю, что Вы уверены, что я все позабыл, наплевал, что это был только эпизод...

Вы... Вы... Я забыл имя, имена, вы все здесь участвуете, и не только вы, это неправда. Я любил всегда только тебя, только тебя одну... Я не мог иначе, и вы все должны меня понять и простить. Я не принадлежу себе, но обществу.

[...]

Я все-таки не понимаю, как ты, Анжелика, моя Анжелика, могла выйти замуж за этого идиота... Уж лучше за Киркорова.

Ах мой чертенок!

НЕПРЕРЫВНЫЙ ХОЛИЗМ ТАНИ БУЛАНОВОЙ

Я давно догадывался, кто она на самом деле... Курехин хотел познакомить ее со мной для совместно-

го проведения предвыборной кампании 1995 года в СПб, кажется, звонил, и, кажется, она была согласна... Что-то есть в ее слегка шепелявящих интонациях... Будто ты погружаешься в сладостный кровавый туман... Ее обертона странно знакомы, но никто из известных мне людей — девушек, женщин, родственников — так не говорит. Так говорят иногда наши внутренности, когда им нужна пощада. Она прощает всех, всех жалеет, у нее такое маленькое сердце, что ей самой его жалко, и от жалости оно раздувается, как воздушный шар, затмевает солнце, становится больше неба.

В ней что-то дышит, дышит, где и как хочет...

Все уходят, стареют, красятся... Она — остается, неброско, ненавязчиво, нежный комок жил, обрезки ветвей, зеленая салива ив...

Ее послание целиком холистское, интенсивно холистское. Оно незамысловато, как примитивная онтофания, самая священная из онтофаний, предшествующая всему. У Элиаде это замечательно и подробно описано. Перед тем как начинается культ отчетливых реальностей — пусть даже еще не целиком холистских и всеобъемлющих, смутных — таких, как Мать-Земля, не говоря уже о патерналистском светлом ее корреляте, — не является ли поклонение высоте и свету («теллуризм» Фробениуса) началом доминации чистого рассудка — т. е. признаком деградации, началом конца? Это всего лишь вопрос, не более того: не является ли взгляд в небо разрывом примордиальной мучительной смертной радости бытия? Так вот, перед тем как складывается культ отчетливых реальностей, у примитивов обнаруживается самая глубокая стадия

сакральности — на этой стадии одно не отличается от другого вообще. Не только неразличимы пары и полы божеств и духов, ман и сил, зверьков и кристалликов кварца — всеобщая сакральность земли не отличается от всеобщей сакральности всего остального, равно как и от не-сакральности, которой нет.

Недавно я понял, что «символизм» вещь двусмысленная. С одной стороны, символ сотериологичен — он снимает наличность вещи, дает обзор в ее свободную интериорность, где жизнь светоносных двойников, стоящих в очереди за трансцендентностью. Но эта наличность вещи... Так ли уж она налична, очевидна? Откуда она берется, чтобы потом быть снятой в приравнивании вещи к символу? Вот именно, сам символизм косвенно постулирует двойственность, т. е. вводит в обращение ту наличность, которую тщится затем снять. А зачем ее было вводить? Может быть, поэтому очередь во внутренних эонах все увеличивается, и даже в первых рядах счастливых «близких» («ацилут») начинаются зловещие трения, и в сердцах световые гиганты и бодрствующие бьют вазы...

Владыка Константин встретил меня неожиданной темой — Ноев потоп был наказанием за примордиальный матриархат. Именно в иллицитной «коммерции» с бне-элохим симпатичных дочерей следует искать корни кровавых культов Средиземноморья... Постепенно разговор соскользнул на метафизику зоофилии и Критские лабиринты. «Это шеддим, потомки ритуальных зоофилических браков, принесли в мир тайную религию ведьм...» Все так, все так...

Чудак Либенфельс был помешан на расовой ма-

гии зоофилии — с его точки зрения, духи элементов — гномы, нимфы, сильваны, эльфы, саламандры, террафимы и т. д. — были реальными продуктами первертных сношений людей с биологическим населением стихий. Странно, но и мой собеседник заговорил о волнах древних ариев, спускавшихся в разлагающиеся регионы Юга, в объятия рогатых луноликих красавиц, к парным молочным губам Минотавра.

Мисты древних культов одевались в женские платья, украшались девичьими венками. Сакральное — это женское, это только женское, женское — сакральное. Женское не избирательно, оно нацелено сразу на все и ни на что конкретно. Двигаясь к реальностям тайн, мужчины учились поступать так же.

Я не успел рассказать ему о своих соображениях относительно метафизики метаморфоз, которая отражает, по-моему, отказ от фиксированных видовых границ, утверждение «эволюции видов», только в вертикальных пространствах метемпсихоза, а не в горизонтальных волнах животных битв и адаптационных циклов. Иными словами, зооморфизм и ангеломорфизм суть частные случаи видовой открытости, «максимального гуманизма», постулируемого примордиальной онтологией.

Таня Буланова уже сообщила нам со всей возможной фундаментальностью, «что наше лето — зима». Это абсолютно гениальные, профетические строки. Кто еще так лаконично, неотразимо, жестоко и по-кошачьи смог бы выпалить великую метафизическую тайну: «Наше лето — зима». В одной фразе мудрость

веков, поколений, страданий, падений, нервов... «Царство количества», да, «наше лето — зима». Мы думали — лето, а оказалось — зима, «суд над современным миром». Да, слегка легковесно, но современники не выдерживают тяжести, им все надо доносить пропорционально, как они смогут переварить, внять. И Таня делает это... Мастерски делает это... Лучше и доходчивей «Etudes Traditionnelles» или «Милого Ангела». Наша, наша Таня Буланова... Это явно как-то соотносится с сорбоннским спецкурсом Жан-Пьер Лорана «La femme dans les eschatologies traditionnelles» или что-то в этом роде. Гина Сотейра... И вы думаете, Таня Буланова остановилась на этой трагичной, геноновской констатации — мол, «наше лето — зима»? Нет. Все гораздо, гораздо серьезнее. Вспомните последний пассаж из «Царства количества»: «В последнем счете конец мира есть не что иное, как конец иллюзии». И Таня:

...что наше лето — зима,
то, что лето — зима,
что все время — зима —
ты придумала сама!

Нельзя вкладывать слишком большой и серьезный смысл в слишком большие и серьезные вещи — да, с нами происходит нечто жуткое, да, скорее всего, мы отсюда не выберемся, но все это «ты придумала сама», все это есть, но всего этого нет. То есть мы имеем дело с дублем послания Валерия Меладзе: «Ты придумала сама», ergo «жить надо непременно хорошо». Так, кажется, получается, если я чего-то не за-

был... В общем, да — это нет.

Сегодня меня разбудил рев утреннего телевизора за стеной. Этого нельзя ни с чем спутать — ее голос. И вплетенный в поверхностный утренний сон полуразборчивый, но невероятно интенсивный писклявый зов последних глубин... Таня со своей новой (старой? — слушаю ее случайно, все настоящее должно быть услышано вскользь) композицией. Первое, что я разобрал, было апокалиптическое: «Да — это нет». Я всю жизнь посвятил размышлению над этой формулой, и вдруг она, она снова так беззастенчиво, богохульно... бласфемически уже вопит об этом, утром, с экрана, с крыш, всем подряд, протирающим глаза мужикам в майках и спортивных штанах в полосу, жующим школьникам, раздраженным бессонницей бабкам, ухоженным псам, милиционерам...

Парентезис про сон, утренний сон, мой сон: в нем я видел какой-то искусственный мир, наполненный виртуальными кабинетами и человечками. Это было что-то вроде компьютерной игры для малышей. Мне предстояло пройти ее занудливые и неинтересные этажи. Но внезапно стрелка перескочила на какую-то дверь, и я оказался сразу — минуя все предыдущее — на следующем уровне. Причем я (мой клон) был уже не гуттаперчевым гномом, а получеловеком-полупризраком. Я тут же принялся сражаться с налетевшими на меня существами. Один был очень отчетлив — у него была голова слона (Ганеша, подумал я после пробуждения), в руках он держал белый меч, одет был в бледные одежды. Я быстро сразился с ним и с еще одной фигурой, которую не запомнил. Далее я попал в иную

комнату, где огромные титаны сгрудились над кроватью, на которой лежала девушка. Сцена была полумультипликационной и не предполагала жесткости, хотя из контекста было понятно, что это групповое насилие. Заметив меня, титаны исчезли, и я увидел нити, идущие от девушки куда-то вверх. Они были как бы нарисованными. Девушка — теперь это был не образ, а скорее знак на схеме тетрадного листка в квадратик — была окончанием одной из трех линий. Тут я ясно понял — это Надежда, две другие — Вера и Любовь, а верхняя точка — София. Хотя, кажется, порядок во сне был какой-то другой. Вверху была Вера... Но точно, что освобожденная мной от титанов была именно Надеждой.

Потом я шел в метро, но у меня не оказалось денег и билетов, только в заднем кармане какие-то устарелые жетоны на троллейбус времен ранней перестройки, я ощупал карман и понял, что где-то оставил удостоверение, по какому можно ходить не только в метро, но и куда хочешь. Я решил спуститься на несколько этажей ниже — «там пускают», отчего-то решил я — и пошел по винтовой лестнице. Наконец я дошел до какого-то отверстия, которое оказалось ненормально узким. Чтобы пролезть туда — оттуда бил желтый искусственный свет, — надо было согнуться в три погибели, и отверстие к тому же еще сужалось. Я решил вернуться, но все закружилось у меня перед глазами, и меня завертело в винтовую лестницу... Тут-то я и услышал из телевизора: «ДА — ЭТО НЕТ».

Да — это нет. Это абсолютная формула примордиальной онтофании — той, которая предшествует

перводистинкции в чувстве сакрального. Продолжая прерванную тему о символизме: онтофания не символична, так как в ней отсутствуют символизируемое и символизирующее. Та вещь, которая была бы «наличной» и означала бы нечто иное, такой вещи нет, как нет и никакого «иного». Есть только это, которое и есть иное, есть только иное, которое и есть это. Символизм сам утверждает то, что потом снимает (преодолевает), значит, здесь мы имеем дело с хитрыми стратегиями рассудка, который уже как-то вторгся в бытие и начинает его сушить, выпаривать живительные соки. Онтофания не знает символизма, она в полном смысле слова олигофренична, в ней мало ума, и зачем он? Как мало ума в Тане Булановой, и здесь он излишен. Ее да — это нет. Наше да — это нет. Все просто! Удивительно просто, и в этом нет никакого символизма, просто да — это нет, и все. И ВСЕ.

ЗИЛИНАГЛАЗАЭ ТАКСИ

Это очень хорошая песня. Мне она так понравилась, что я отыскал в Сети слова и аккорды — вот они:

Am F G E
Вот и осталось
F Dm E
Лишь снять усталость
Am F G E
И этот вечер
F Dm E
Мне душу лечит

Am F
О-о-о-о на-на-на-на-на
G E
Зеленоглазое такси
Am F
О-о-о-о на-на-на-на-на
G E
Притормози, притормози
О-о-о-о на-на-на-на-на
И отвези меня туда
О-о-о-о на-на-на-на-на
Где будут рады мне всегда, всегда

Там и не спросят
Где меня носит,
Там, я-то знаю,
Всё понимают.

Если у вас в ушах также стоят специфические скрипучие, кряхтящие интонации хриплого голоса Михаила Боярского, я рад. Значит, мы с вами понимаем друг друга, значит, мы с вами одинаково осведомлены, приблизительно одинаково.

Я предлагаю вдуматься, о чем он так жалостливо и настырно кряхтит, Боярский, в своей шляпе.

«Вот и осталось». Уже само по себе одно неплохо. «Вот и осталось» каждый понимает в контексте своих насущных забот. Это может касаться возраста, недопитой бутылки водки, еще каких-то милых и недовыброшенных вещей.

«Лишь снять усталость». Да, усталости у человечества к концу времен накопилось предостаточно. Мы сегодня сами по себе не что иное, как выражение ус-

талости. Устали наши мускулы, устали мысли, устали от мониторов глаза, устали даже наши металлы.

«И этот вечер». Хрипучий «этот вечер» навевает что-то скабрезное...

«Мне душу лечит». Очень серьезное заявление.

«О-о-о-о на-на-на-на-на». На этом стоит остановиться особо и поразмышлять. «О-о-о-о» в совокупности будет четыре «О», т. е. мистическая цифра 40. Наверное, четыре «о» — это грань, когда усталость действительно накапливается и остается только ее снять. Итак: песня о middle life crisis'е. «О-о-о-о» — я повторю, с вашего позволения. Мы знаем также, что в языке ангелов отсутствуют согласные, они только так, как Боярский, и говорят: «А-а-а-а», «Е-е-е-е», «И-и-и-и», «О-о-о-о», «У-у-у-у» — «Зе-е-ле-е-е-на-а-а-гла-а-а-а-за-е такси».

«На-на-на-на-на» я, признаться, не помню, но если в Интернете написано, то и пусть будет «на-на-на-на-на». Кажется, Боярский в этом месте, напротив, мычал, произнося букву «у» с закрытым ртом. Букву «а» надо произносить с широко открытым ртом — это буква начала года и весны. А букву «у», которая дает как раз мычащее «(м)у-у-у-у», можно произнести и с закрытым ртом, попробуйте, кстати, сами. Это буква зимы и смерти. (М)у-у-у-у, да, именно так.

И самое главное — на предельном скрипе — апогей «*зилинаглазаэ такси*». Что в этом? Мне кажется, *все*. Или почти все.

«Притормози, притормози». No comments.

А вот дальше comments. «И отвези меня туда (о-о

и (м)у-у опускаю. — *А. Д.*), где будут рады мне всегда, всегда». Это действительно загадка. Судя по тому, каким *тоном* поет Боярский, таинственное «туда», «где», этот волшебный «топос» на самом деле являет собой нечто удивительное. Представьте себе в здравом уме Боярского в шляпе, старого, весьма относительно умного, с черной цыганской физиономией, который так противно, сознательно противно, нарочито, и выказывая всем, что делает это специально, ноет «зилинаглазаэ такси»... И где такому «будут рады»? Причем «всегда, всегда»? Действительно, это энигма. Такому рады не будут нигде, даже в Санкт-Петербурге, где есть обычай принимать и угощать весь вечер совсем неуместных и неказистых личностей, которых в Москве не пускают даже в метро и, будь они родными братьями, не здороваются на улице... Но это даже там *временно*. А вот «всегда, всегда»... Я думаю, что речь идет о *кладбище*, куда наш герой решительно и печально — отсюда скрип и тоска в голосе — собрался поехать на такси. Тогда все становится на свои места. И детские истории про черный-черный город, где на черном-черном шоссе голосует черная-черная женщина. Водитель останавливается, она влезает в кабину и черным-черным голосом говорит ему: «НА КЛАДБИЩЕ!» Последние слова надо выкрикивать страшно и пугающе, а перед началом рассказа погасить свет и всем ребятам залезть по уши под одеяло.

Вот, оказывается, куда едет Михаил Боярский. И, скорее всего, *все мы*, по крайней мере подавляющее большинство, хотя «не все умрут, но все изменятся».

Там всегда, всегда рады. И таким, в шляпах, тоже.

В таком случае и второй куплет этой замечательной по своему формальному минимализму и содержательному богатству песни приобретает неожиданно новую драматургию, обнаруживает свое послание, укрепляя нас в нашей догадке.

«Там и не спросят, где меня носит», понятное дело, не до этого, да и все равно. «Там» — слово произнесено. Эта песня о черном-черном топосе, предположительно о погосте, о кладбище, месте похорон, топосе топосов.

И решительное: «Там, я-то знаю, всё понимают». Действительно, если кто-то что-то понимает в нашем мире, то искать его надо там. И Боярский «это знает».

Вся песня расшифрована, Боярский у нас в руках. Если бы не скрип его голоса, не печаль дурацкой шляпы, не загадочный идиотизм его жгучего взгляда, мы терялись бы в сомнениях, но он осветил своей тьмой странный смысл этого незамысловатого шлягера. Теперь понятно, почему ему грустно и нам грустно от него и от песни. И от самих себя. «Вот и осталось». У меня совсем немного, на рюмку. Я стал страшно бояться кукушек. Как только я начинаю считать их икоту, они замолкают. Ужас. Черная-черная женщина...

«Там все понимают, все, все, все понимают...»

ТАТУ

(метафизика образа)

Скоро сказка сказывается, да не скоро дело делается. Так как наши современники понимают под «делом» какую-то полную дикость, я последую за ними и обращу свой взгляд на группу «Тату». Это, в отличие от онтологии Хайдеггера[1] или фонологии[2] Трубецкого[3], отдающих «ботаникой», чисто *конкретно*, и никто меня больше не упрекнет. Не упрекнет.

Проблема «Тату» стоит передо мной *давно и серьезно*. Я долгое время колебался, куда зачислить эту молодежную поп-группу — к евразийцам или к атлантистам? Процесс длился и длился, «за» и «против» постоянно нарушали баланс в ту или иную сторону, и постепенно две девочки-тинейджерки стали вопросом сами по себе — открытой философией современной эстрады... Головин (он произносит название коллектива «туту») мне не верит, считая, что это перебор, но, Женя, дорогой, таковы законы журнала «Oops» и «Cool girl», и мы не можем их игнорировать, ведь «*чеснок — доблестный воитель*»!!!

В глянцевых журналах работают только неонацисты. Когда фельдмаршал Геринг поднимал в воздух свои «люфтваффе», каждый пилот, в черной как смоль униформе, думал: летучая железная машина и «я» — это сегодня одно. «Я» — не «я», я — солдат фюрера, шестеренка Deutschland'a, который uber alles. И я выполню мой долг во что бы то ни стало.

[1] *Хайдеггер* — Мартин Хайдеггер, немецкий философ, автор великой книги «Бытие и Время», сотрудничал с нацистами.

[2] *Фонология* — наука о звуках, часть лингвистики.

[3] *Трубецкой* — Николай Трубецкой, князь, основатель евразийства, выдающийся лингвист.

То есть нет индивидуума, есть функция, цель и задача, великая преданность и благородная честь. Сегодня писать — доблестно и строго, без смысла и чувства — о Кеану Ривзе, Летиции Каста, «ВИА ГРЕ» и Ларисе Долиной — это то же самое, что поднимать в воздух нацистские эскадрильи. Новая сакральность аскетического адептата глянцевых молодежных журналов — здесь ценится только четкость исполнения, дисциплина малоумного повторения, жесткость анонимного канона, переведенного в нарциссическую эгоцентрическую безличность. Короче, к делу. «Тату» или не «Тату»?

Начну с конца — «Тату». Я выбираю их, тупых, малоосмысленных девчонок из ниоткуда, верных клерков эстрадных канонов, клипмейкерских абсолютов, рейтинговых уловок. Я люблю власть, я люблю побеждающих, я почитаю силу — «из силы в силу» — как последний аргумент. И даже если я когда-то не согласен с чем-то сильным и властным, я доказываю это не слюнями, но открутив сопернику голову и плюнув на поверженный труп. «Из силы в силу». Вас же, Юля и Лена, мне не хочется убивать, совсем не хочется, даже наоборот. Я думаю, мы на одной стороне, что-то мне подсказывает, что на одной...

По этому поводу приведу переписку по Интернету с анонимной лесбиянкой «Еленой», «серебряным жаворонком»:

«Здравствуйте, Александр Гельевич.

Мне хотелось бы узнать официальное мнение Вашей партии по одному важному для меня вопросу, а именно о сексуальных меньшинствах (геях, лесби-

янках, транссексуалах). Единственный доступный мне источник — ваш сайт www.evrazia.org — не говорит на эту тему ни слова, за исключением постоянного повторения слова „нравственность“. Но понятие о нравственности, как известно, у каждого свое. Что является нравственным с точки зрения Вашей партии? Упоминание о „тлетворном потоке информации, влияние которого нужно ограничить“ может быть истолковано и как стремление к сознательному замалчиванию сексуальных меньшинств как „тлетворных“ — во всяком случае, это распространенная практика и взгляд многих других политиков. Включая всех русских политиков с 30-х годов. Заранее спасибо, Елена».

На это я ответил:

«Официальное мнение таково: хорош только последовательный гетеросексуализм в священном браке, а также монашество. Другое дело, что руководство партии не страдает гомофобией (латентным гомосексуализмом), откуда некоторое безразличие к теме.

Есть также неофициальное мнение. И не партии, а меня лично. Я считаю, что надо делить людей на массы и немассы. Массам предписано строгое соблюдение правил морали. И если массы отклоняются, то массы будут наказаны. Немассы: тут все сложнее. Человек не автомат, а сложный организм. Прежде чем он доползет до высот духа, его носит по разным мирам и крайностям, заносит куда угодно, и заведомо уберечься невозможно. Духовный путь не электричка. Поэтому ряд в высшей степени релевантных евра-

зийских и консервативно-революционных персонажей — Клюев, Рембо, Кузьмин и т. д. были своеобразны в этом вопросе. Здесь нет партийной точки зрения, есть интуиции.

Стиль Евразии — *гетеросексуализм*. Это само собой складывается, без особых усилий.

Сегодня правы многие, кто думает, что элита на самом деле лишь извращенные представители масс. Это все более очевидно.

И совсем радикально: право на перверсию надо заслужить. АГД».

И далее, во время событий в Ираке, «Елена» снова послала мне письмо:

«Здравствуйте, Александр Гельевич.

Это письмо — снова по поводу Вашего отношения к сексуальным меньшинствам.

Две фразы из Ваших последних интервью: „Море — Карфаген, торговый строй, англосаксы, США, прогрессизм, гей-прайд, трансвеститы и «ковровые бомбардировки» Белграда или Багдада“.

„[США] пропагандируют «безопасный секс» и изменение пола, оскорбляя этим наше достоинство“.

Эти слова могут отнять у Вас 10% электората — именно столько людей, по статистике, принадлежит к сексуальным меньшинствам. Я сама никогда не пойду голосовать за политика, который не только не обещает сделать их жизнь лучше, но и страдает явной гомо- и трансфобией. Проблема в том, что, во-первых, мне нравится предлагаемая Вами модель мира во всех остальных чертах. Во-вторых, эта гомотранс-

фобия явно не вписывается в Вашу модель как органическая часть — она выглядит скорее притянутой за уши. Ведь геи и лесбиянки точно так же могут помогать строить многополярный мир. Они точно так же участвуют в демонстрациях против войны в Ираке. Сама я точно так же выступаю за ограничение американского информационного влияния и считаю их „культуру" угрозой обществу, выступаю против наркотиков и за нравственность. И не я одна. Так почему же сексуальные меньшинства попали в тот же разряд, что и ковровые бомбардировки в Багдаде, против которых они выступают?

Фестивали гей-прайд сейчас (которые к тому же пришли вовсе не из Америки) — это просто праздник людей, которые наконец-то освободились от преследований. Трансвеститы не мешают вообще никому — о них даже никто не слышит. Транспроституция — это проблема, которой транссексуалы боятся точно так же, как и любая нормальная девушка боится этого, и, как мессию, ждут прихода власти, которая гарантирует защиту от дискриминации работодателями. Ну а смена пола — это личное дело человека и выполняется исключительно по медицинским показаниям (даже в Америке), поэтому говорить об „оскорблении достоинства" несколько странно.

Ну а самое главное... Ориентация/идентификация человека — вещь врожденная, а значит, природе это зачем-то было нужно. Выступать против сексуальных меньшинств — то же самое, что и выступать против людей с определенным цветом кожи. Я могу понять,

что в России сильны гомофобные настроения... Но политик, подчиняющий свои убеждения политической конъюнктуре, не может завоевать моего уважения. Политик, который гомофобен по инерции и не может взглянуть в лицо фактам, — тоже. Я надеюсь, Вы не принадлежите ни к одной из этих категорий. С уважением, Елена».

Я привожу это «по делу». Как раз о «Тату». В самый разгар событий в Ираке Юля и Лена вышли на американские каналы в майках с надписью «Х... войне!». Не знаю, как вам, но мне это очень понравилось. Мне группа «Тату» нравилась и раньше. Что-то такое в их писклявости есть *затрагивающее*. И не только подростков. Так отчаянно пищать надо уметь. Каждый тембр, каждая интонация имеют своих гениев — и бас, и хрипота, и развязность, и гортанная нежность, и пугачевская внятная бабскость, и рокенрольный юмор графа Хортицы[1]. У всего есть правда и неправда. «Тату» — это *правда визга*. И они молодцы, Лена и Юля, они визжат как надо, как заказывали...

Есть мнение, что они вовсе не лесбиянки. Ну вот и молодцы! Между нами (только никому не говорите), я убежден, что *лесбиянок не существует*. Это мужской миф общества потребления. У мужчин в своеобразном возрасте возникает идея *женского, помноженного на женское*. И они готовы платить за иллюстрацию. Как готовы платить за намеки на педофилию. *Во всем*

---

[1] *Граф Хортица* — Георгий Осипов, бывший ведущий культовой программы «Трансильвания беспокоит» на «Радио 101», ныне выступает с группой «Запрещенные барабанщики».

виноваты мужчины — в нашей патриархальной цивилизации женщинам отведена роль *объекта*, и даже их протест против этой роли есть провокация первертных мужчин. Не стоит заблуждаться. Лена и Юля *нормальные* девчонки. Они молодцы. Они русские и без затей. И на потребу взрослым дядькам они стали гениями визга и писка. Здорово. В этом явно есть что-то евразийское, пока, правда, не ясно, что именно...

Но написали же они на майках золотые слова! И вовремя показали их. И снова мы перед дилеммой: да, мы не любим геев, мы виним за это проклятый Запад. Но если встанет вопрос: «С геями против США или с США против геев», *я, плюясь, выбираю геев*. А уж тем более лесбиянок, которых не существует в природе. Которые просто на самом деле нормальные (отличные) русские девчонки.

Иван Демидов резко со мной не согласен. Он даже хотел подать на «Тату» в суд. За все. Как он объяснил, «потому что родная дочь такого же возраста». Ну и что, Иван, что же такого?! Никто не заставляет все воспринимать буквально. «Тату» — это просто софткор[1] экранизация рассказов Ильи Масодова[2] (на этом настаивает Миша Вербицкий[3]), это просто расширенное повествование о приключени-

[1] *Софткор* — английское слэнговое выражение, нечто «мягкое», антитеза понятию «хардкор» — нечто жесткое, «крутое».

[2] *Илья Масодов* — современный писатель-некрореалист, описывает похождения «мертвых девочек».

[3] *Миша Вербицкий* — выдающийся современный математик, издатель сетевого журнала «:Ленин:».

[4] «*Мертвые девочки*» — см. Илья Масодов.

ях «мертвых девочек»[4]. Которым *ничего не страшно, но просто дико грустно*... И *странно*... Я согласен с версией Вербицкого. Искусство лет с тринадцати подростки вполне понимают с учетом условности. И «Тату» — это *симпатичная условность.* Условность пубертатного взвизгивания, изгибы гебефреническо-го[1] становления, изящное повествование о подростковой идиотии, а то, поди, вы в эти годы были лучше... Надо смотреть смерти в глаза: у нее нет челюсти, она плохо изъясняется. А вы хотели от двух прекрасно спродюссированных малолетних шалав изысканности изложения... Их «простые движения» и так достаточно изысканны, а рабочего в каске они и вовсе сбили гениально... Это побег, побег что надо... Мир инфернален, вперед, подруга, на ту сторону... У «Тату» есть гностическое измерение, точно угаданное субтильнейшим из медиакратов Костей Эрнстом, пославшим девушек на конкурс от Первого канала. Ну и что, что проиграли... Это происки атлантистов. Они думают, как мы, только с обратным знаком. Мне сообщили из конфиденциальных источников, что за провалом российского дуэта на Евровидении стоял сам Збигнев Бжезинский. Оплатил судьям взятку международный спекулянт Джордж Сорос, «следующий». По-венгерски «сорос» — «next», «следующий». Этот старый маразматик хочет быть «следующим». «Следующими» будут «Тату», Лена и Юля, в приспущенных юбках.

[1] *Гебефреническое* (-кого, -кий) — «гебефрения» — название диагноза психиатрического заболевания, заторможенность сознания, идиотия, свойственно подросткам и юношам (девушкам) в переходном возрасте.

Пусть, они потом поправятся на усладу животастым мужикам, тоже пусть, когда придет ночь, они вспомнят о смерти и встанут на сторону Отечества, эти мужики. Не так уж они и плохи...

Короче, *«Тату» — евразийский выбор*. Мы оплачиваем издержки, мы расскажем девчонкам в гримерке о логике русской истории и об этногенезе Московского царства. Какого хрена вы о себе думаете так много, что отказываете другим в возможном обращении? Что с того, что «простые движенья»... Не согрешишь, не покаешься... Вперед, девчонки, смерть атлантизму. Орешкин, fuck off, козел... Только журнал «Oops», только бронзовый загар глянцевой молодежи из нового русского «Luftwaffe». Вы сказали «Летиция Каста?» Вы сказали «Филипп Киркоров?» Абсолютно верно! Sieg Heil!

ЛЕЛИК

(группа «Фабрика»)

Группа «Фабрика» заслуживает внимания. Много что заслуживает внимания и кроме них. Вот, например, Кайли Миноуг... Маленькая, а какая пронзительная. На такую смотришь — и съедаешь. Хоть и из Австралии, а женщина. Но они тоже его заслуживают. Группа «Фабрика» идет прямо против глобализации, бросая вызов парадигмам постмодерна. Это героично, девушки, ох как героично.

Постмодерн знает совершенно других девок: со смещенным в сторону прав человека либидо. То есть

этим тварям ничего не нравится, их от всего мутит. А вам, кажется, нравится много чего... Ребята, дядьки, толстые, с деньжищами, курорты и упругие футбольные мускулы. То есть вы, девушки, защищаете висцеральные идеалы Традиции. Вот посмотрите на себя: ноги, руки, глаза, милые складки у губ, кудряшки, комбинации. Вы из античности, вы из онтологии, вы из области Земли и Неба. Вы, конечно, симулируете, но как достоверно, как классно! Лелик... Пашка... Понятно: продюсер, вкусы, фокус-группы. Но вы работаете на укрепление нашей идентичности. Русские люди смотрят на вас, «Фабрика», и офигевают. Они, русские люди, только этого и хотели. Лелика хотели.

Теперь зайдем с другой стороны. И я вам отвечу — это не просто эксплуатация ретро. Лелик — это вечное настоящее, это географический детерминизм. Мы просто любили и любим женщин как женщин, таких расплывающихся, подрагивающих мясом, таких раскрытых, как травы и цветы, таких душистых и насыщенных... Плоть должна быть плотью, а не правами человека. Лелик, солнце...

«Фабрика» — индустрия столкновения цивилизаций. Мило объективируя себя, вы субъективируете нас. Мы вам за это признательны. Отворачиваемся от телевизора, втянули отвисшие животы, напрягли атрофированные мышцы. И снова в строю. Снова мужики, русские мужики, вы только нас спросите, и мы вам тут же непременно ответим. Тоже не последний сорт, дети великих лесов.

Я декларирую это от имени Лелика, Пашки и Санька. Мы — Лелик, Пашка и Санек — в гробу постмодерн

видали. У нас все как было, все так хорошо. И вы нас в этом поддерживаете. Этика полов, хроника самолюбия, стратегия флирта — все неизменно. Знаете, наверное, что у нас в кармане? Правильно, очень увесистые инструменты. Хорошие, увесистые инструменты, больно дерущиеся при необходимости.

Постмодерн растворяет полы, играет с идентификациями, нагнетает нервический пафос. Против армии педерастов поднимается ленивый Лелик в спортивных штанах.

Солнце.

КИБЕР-БИОЛОГИЯ: ОЖИВЛЕНИЕ ШТРИХ-КОДА

(про группу «ВИА ГРА»)

Что хочет нам сказать это полиэтиленовое трио? Мы не помним их имен, их лиц. У них, наверное, есть только серийный номер и банковская карточка. Каждую можно легко заменить кем-то еще, и смена состава вызывает у фанов конструкторский интерес.

«У-у-у биология», — подмигивая, подвывают они. Но их жесты, фигуры и слабые кошачьи голоса отдают не биологией, а резиной и пластиком. Это киберженщины, сконструированные дигитально по чертежам Сороямы. Группа «ВИА ГРА» воплощает модельный ряд постэротики. Они вертятся и пришептывают точно так, как никогда не делают люди, как никогда не делают женщины человеческого рода. Женского в них настолько много, что оно исчезает, превращаясь в не-

что другое. Когда они поют без фанеры, то ни одна не может попасть в ноту и такт. Они становятся жалкими... но от этого, как ни странно, человечности не добавляется.

Призыв к изучению «биологии» и «анатомии» обнаруживает в их образе полное отсутствие цельности — руку, грудь, волосы или брови любой из них можно свободно прикрутить к другой. Вспотевший брюхатый мужик за обедом из клипа атакован бессилием собственного подсознания — в нем ничего больше не осталось. Не «ничего другого», а именно ничего. В группе «ВИА ГРА» на нас пялится сама смерть, танатос, прямая противоположность любви и страсти. Когда съемки клипа заканчиваются, их, очевидно, помещают назад в раствор формалина, где они бесконечно и бесчувственно нежатся, застыв между сном и бодрствованием. Резиновые перчатки обезумевшего гинеколога вытащили из их утроб сердца. Им остается только позировать и приплясывать, когда оператор подключает проводки, ведущие в гальванический шипящий раствор. Подавайте фреон...

В песнях великого Головина зловещие матовые куклы мадам Манделипп оживали под темными чарами суккубических энергий:

Если с кем-то случится беда
или какой-то эксцесс,
пробуждается тогда
их фарфоровый секс.

Тонким декадентам грезилось оживление мерт-

вых тел фиолетовыми импульсами запретного витализма. Девицы из «ВИА ГРЫ» демонстрируют — каким бывает проникновение синеватой трупности в живых (условно, конечно) существ.

«ВИА ГРА» — группа безусловно постмодернистская. В постмодерне принято менять пол, профессии, возраст, наркотики, конфессии, калейдоскопические цепочки извращений. Но самым тонким и внушительным ходом будет поменять живое на мертвое, сохранив видимость жизни. Это оживший штрих-код.

«МАРИ ПОЛЮБИЛА ХУАНА, ПОЛЮБИЛА, И ВСЕ»

(группа «Пропаганда»)

Эта песня группы «Пропаганда» посвящена разоблачению бессмысленности штампов буржуазного потребительского общества. Содержание песни дублируется для придания дополнительной убедительности видеорядом, в котором исполнительницы системой четко просчитанного и нарочито повторяющегося жестюэля оттеняют механические цепи стимуляции зрительского внимания. Особое внимание привлекает биэротический посыл песни: если звук нехитрых слов — «Мари полюбила Хуана (повторяется три, кажется, раза, если не больше), полюбила, и все» — обращен к женской аудитории (на ее сентиментальность и способность усваивать только короткие предложения рассчитывали авторы текста), то видеоряд, на-

против, обращен к мужской части зрителей, которой участницы настырно подмигивают, делают зазывающие жесты руками, ногами и мимикой, а потом неоднократно и в доминошной последовательности (так падают шашечки домино, если их разложить рядом друг с другом, а потом толкнуть, и получится эффект домино, в конце они должны давить на пружинку, и на голову героя валится тогда острие гильотины, и вот голова упруго отскакивает от туловища и катится, как кочан или идеально круглый оранжево-баскетбольный мяч, к ногам женщины-спецагента — Oh, boy! — восклицает та, Oh my gosh! — вторит ей напарник... по крайней мере, так было в каком-то триллере, название которого я не помню, я вообще плохо запоминаю названия, номера телефонов, часто путаю простые цифры — один путаю с два, два с три... а потом внезапно вспоминаю... да, это было именно три, а никак не два, как мне показалось... но я несколько отклонился от темы...) показывают то ляжки, то кусок бедра, то задницу в чулках, то хлыст, то воздушный поцелуй, пока не покажут все, что имеют, или все, что еще имеет ценность, — девки в группе подобраны самым, кстати, случайным образом, явно концепт girl next door, и поют также song next corner (как «ВИА ГРА» и «Блестящие», которые мне тоже очень нравятся), все правильно, их научили только хлопать глазами... одним словом, отличный клип, очень философский.

Он разоблачает, показывает, что современный человек, смотрящий телевизор, тыкающий пальцами в Интернет, меняющий программу на программу

и прилипающий к рекламе, чтобы не пропустить какие-то важные новости от Лореаль-Париж или Пантин-Про-Ви, давно уже покинул зону среднего антропологического статуса и на скоростном лифте заслуженного проклятия спустился на несколько этажей ниже по лестнице множественных состояний бытия (Рене Генон).

«Мари полюбила Хуана» — получается «марихуана» — отличный материал для герменевтики ведомства Черкесова. То есть прямой призыв к лигалайз в скрытой — но прозрачной — форме. Мне кто-то рассказывал, что кампании по борьбе с наркотиками финансируют холдинги наркодельцов. По этой логике выходит, что пропагандисты наркотиков на самом деле и есть настоящие борцы с ними. Это должно понравиться Мише Вербицкому, но меня не убеждает.

Тема скользкая, лучше ближе к Хуану. Уважаемые читатели, наверное, по исследованиям о Лелике (группа «Фабрика») и о дуэте «Тату» знают мое отношение к гомоэротике и, соответственно, мою приверженность к гендерным гетеростратегиям как к последнему прибежищу консерватора в стремительно голубеющем мире. Поэтому и в этой работе не могу не заметить обнадеживающий гетеросексуализм содержания. «Мари полюбила Хуана». Хорошо, что не Донну Летисию, и хорошо, что Хуан не полюбил Педро, хотя об этом мы не узнаем. Мы знаем, что полюбила Мари, т. е. она его, а что он в ответ сделал, не знаем, к сожалению... В принципе фантазия включается и подсказывает. Наверное, он-то как раз ее не полюбил, пото-

му что занимался либо бизнесом, либо see-sighting'ом, либо брился.

«Полюбила, и все!» В принципе всем бы нам так поступать — решительно, необратимо, фатально, безотзывно, раз, и все, и как отрезало, и как оторвало... Полюбила, и все! Здорово. Чем короче слова в песне, тем больше в ней смысла. Была такая эстрадная песня, я ставил ее в своей передаче «Finis Mundi» на «Радио 101» в программе о Графе Лотреамоне. В ней пелись даже не слова, а отдельные звукосочетания — мана-мана — ля-ля-ляляля — мана-мана — ля-ля-ляля — и так до конца, в середине только певец начинал причмокивать и пускать пузыри, а потом снова возвращался к мана-мана.

Одним словом, так как смотреть телевизор просто невозможно, а смотреть его надо, ловлю себя на мысли, что просто заставляю себя делать это. Ноги коченеют, руки отваливаются, а я все равно — щелк пультом, щелк... Смотри, говорю сам себе, смотри... Тренируй зрение, напрягай мозги, а то они совсем атрофируются, самое интересное пропустишь... Да, так я частенько повторяю себе, но не всегда справляюсь... Так вот, когда сила воли побеждает, я стараюсь смотреть «Мари полюбила Хуана, полюбила, и все» и очень расстраиваюсь, когда этого не показывают. Вы мне возразите, пожалуй: запиши на DVD и смотри потом сколько хочешь. О! Я приведу обратный аргумент: это же получится не прямой эфир! А нужно только прямой. Мари должна полюбить Хуана только в прямом эфире, и чтобы девчонки моргали глазами именно мне, а не DVD. Только тогда все становит-

ся на свои места, и сфера коммуникаций — как-никак мы живем в информационном обществе — нас поглощает и переваривает, ассимилируя в своем дискурсе. Нас не проведешь, we've got the message! Одним словом я объявляю этот клип группы «Пропаганда» «временной автономной зоной», в этом клипе можно быть и не утонуть, потому что на других каналах и в других клипах показывают только одних и тех же огромных волосатых мышей и вставших из гроба юмористов. Спаси меня от всего этого, дорогой Хуан!

МАРМЕЛАДЪНЫЙ

(Incontournable Кати Лель)

Каждое время имеет свой мелос. Свой гимн. Совсем давно мы пели жестокие песни про «погибших от рук Рот-фронта и реакции». С этого все начиналось. Гимн как гимн. Потом, когда рухнула наша страна, мы, устремив злые зрачки под надбровные дуги, ревели «Союз нерушимый» — с той же интонацией, что и про «погибших от рук Рот-фронта», с той же угрозой и с тем же отчаянием... Позже, в середине 90-х, увлекшись «хоронзоном» Хортицей, мы перешли на «Мами-блю». «О, мами!» — провозглашал тогда один из нас, встретив другого и вознеся десницу вправо и вверх. «Мами блю!» — отвечал тот в ответном жесте. Но магия и этого гимна постепенно рассосалась.

После черты черного миллениума стало понятно, что надо все менять — менять нашу музыку. И тут мы

услышали ее. Incontournable Катю Лель с восхитительным «Мармеладъным». Ни мгновенья колебаний, новый гимн обозначен. Это и есть современный гнозис, пиршество правильных, строго воспитанных чувств и верных жертвенных ориентаций.

«Не позвонила, не открыла и не звала». Нарратив представляет ускользающее существо, не находящееся ни по одну сторону двери — ни со стороны звонка, ни со стороны замка.

«Почти душила, но забила на твои слова». Душила и потрошила, как Божий день ясно.

И далее гениальное: «Опять мне кажется, что кружится моя голова». Голова либо кружится, либо нет. Это столь легкое и заманчивое чувство, что его имитация, его фантом, его подделки просто невозможны. Представьте: мне кажется, что у меня что-то чешется. Что у меня что-то вертится... Класс. И это превосходное «опять» — эфемерные дубли ощущений и эмоций рециклируются снова и снова, неясность наползает на неясность. Писк идет из глубины глубин, из центра Земли. Суверенный писк Кати Лель.

И далее она произносит то запретное, что немногие отважились бы произнести в здравом уме и моральной гармонии: «мой Мармеладъный». Апофеоз. «Мармеладъный» — тот, кого мы так тщетно искали, хотели, зверели и снова хотели все это время. Новое имя торжественного и зловещего эона, высокие горизонты обреченного триумфа искупительной меланхолии, теперь я знаю, как зовут тебя, потерянный и несосчитанный ангел, — имя твое «Марме-

ладъный».

И как только произнеслось заветное имя, разодрались завесы немоты и струя предчувствуемой глоссолалии вырвалась наружу: «Попробуй мъ-мъ», — возопила Лель на языке согласных — так говорят с закрытым ртом, полным великих тайн и камней, на зимнем языке умерших в прошлом сезоне птиц. «Мъ-мъ» услышав однажды, забыть невозможно! Но далее... «Попробуй джага-джага». Катя Лель сказала *это*! Она *это* сказала! Тетраграмматон расшифрован, у таинственной буквы «шин» выросла четвертая ветка. Эта ветка называется «джага», если звук «йот» произносить на арамейский манер, твердо. По сути, это высказывание замедлило приход последнего дня. Но и после ЭТОГО она не успокаивается, а продолжает вколачивать: «Попробуй мъ-мъ» — заря багровой Аменты, таинственной страны эонов хеймармении с плавающими лицами козлоголовых архонтов... И ароматом черных сожженных идолами трав. «Мне это надо, надо». Да, надо. И снова про голову... «Опять мне кажется, что кружится голова». Теперь понятно, почему головокружение кажущееся. Вам ведь понятно? Это «антимимон пневма», кривляние обособившегося двойника в зеркале, хруст скорлуп, вопль Пистис Софии из нижних оборок диакониссы кромешной мглы.

«Мой мармеладъный, я не права» — на сей раз совсем радикально.

И чтобы ни у кого уже не оставалось никаких сомнений, лисья мордашка Кати Лель впечатывается

в клипе в уютный угол подогретого изнутри «Бумера».

О Мармеладъный! Гимн нашей последней горькой мечты!

«И ОСТАВЛЯЮТ ВАС УМИРАТЬ»

(«Ласковый май»)

Политический кризис 2008, который стремительно приближается к России, коренится в музыкальной истории конца прошлого века. Поп-музыка перестройки — это тайный язык, который закодировал все последующее. Ключевой поп-группой является группа Андрея Разина и еще какого-то беспризорника «Ласковый май». Сегодня пухлый Разин грустен и бессодержателен, но когда-то именно он суверенно управлял Россией. Он и его группа «Ласковый май».

Марк Захаров рассказывал мне о том, как впервые встретился с новым поколением поп-музыки. Ему позвонил Андрей Разин, представился «от Горбачева» и сообщил, что приедет завтра в «Ленком» с официальным визитом. Захаров проверил и получил подтверждение из высоких инстанций. На следующий день по красной дорожке в здание театра из шикарного авто выпал юный Андрей Разин («Ласковый май»), кивнул Марку Захарову и отправился выслушивать пожелания. Захаров пожаловался, что театр не выпускают за границу на гастроли. Разин: «Не вопрос, выпустят». И уехал. Театр выпустили.

Я услышал «Ласковый май» впервые много позже. Когда его, наверное, уже никто не слушал. Это было у художника Валеры Коноплева, рисовавшего Ленина с красными и злыми глазами и Крупскую с пулеметом и крыльями. После тяжелейшего метафизического разговора Коноплев поставил какую-то омерзительно желтую кассету, откуда забренчал электроорган (как в деревне на танцах) и раздался жалобный дикий голос: «И оставляют вас умирать на белом...» Это было очень точно. Потом Коноплев прокомментировал, что это «Ласковый май». Тот самый, с беспризорниками и дублями.

Вместе с Андреем Разиным в СССР пришел постмодерн. В самой дешевой и гадкой версии, но именно он. Все его признаки: отчужденность, рециклирование, стирание границы между жанрами (при чем здесь Горбачев?), дубли, коммерческая эксплуатация и ревалоризация откровенного мусора, фиктивная наивность, холодная игра на тлении остывающей жизни... Все, что последовало за Разиным — и ГКЧП, и Ельцин, и олигархи, и российские пиарщики и политтехнологи, и медийные акулы, и кремлевские элиты, — все это бесконечные клоны «Ласкового мая». По сути, с тех пор и до сегодняшнего дня нами правит «Ласковый май», группа неизвестно откуда взявшихся проходимцев, тонко уловивших всю бездну внутренней усталости народа, уже неспособного отличить не просто оригинала от подделки, но вообще — одно от другого.

Все, что остается нам, это мурлыкать: «...и оставля-

ют вас умирать». Умирать, видимо, оставляют нас... Больно и гадко от всего этого, и в первую очередь от самих себя.

«БЛЮЗ»

(Земфира Рамазанова)

Мне нравится поп-музыка тем, что она движется к семантическому минимализму. По ней можно наблюдать процесс исчезновения культуры из жизни. Дело в том, что я не большой поклонник культуры. Само это явление было построено на костях Традиции, которая для меня превыше всего, и я не могу не испытывать определенного злорадства, когда культура испаряется. Вот почему мне нравится эстрада, намного меньше рок-н-ролл, и вот почему я ненавижу оперу.

Но индустрия клипов меня радует особо. Тут и слушать бесхитростные слова под три-четыре аккорда не обязательно, можно просто окунуть взгляд в мерцающую волшебную плоскость, и все приходит в фокус. *Зазор между воспаленным духом, взыскующим онтологической истины, и той мерзостью, которую мы называем жизнью, лечится музыкальным клипом*. Щелк, и вижу Земфиру Рамазанову с ее новым (или старым, поди их разбери) клипом «Блюз». Конечно, писать об этой барышне как-то противно. Но ничего, я обещал себя преодолевать, значит — к делу.

Земфиру вместе с губастым парикмахером, «опарышем из Владивостока» (как называет его Боря Си-

монов), создал на своей даче ослепительный Роман Абрамович. Попутно он создал там же лисенка в чужой пилотке и похожего на персонажа из «Wizard of Oz» достопочтенного рава Берла Лазара. Все проекты Романа Абрамовича, «тайного царя» демократической России, чрезвычайно успешны. Даже Земфира Рамазанова. Невзрачная и неказистая татарка очень пришлась. Ее косноязычие, типичное для русских, отдыхающих в Анталии, было чрезвычайно узнаваемым. «Я не нарочно, просто совпало...» Непереваренная пубертатная каша неопрятной провинциальной троечницы. То есть все, чтобы прельстить народ, находящийся в состоянии энтропийного гомеостаза. Тот факт, что этот червячок не сдается, вызывает уважение. Конечно же, без «тайного русского царя» она бубнила бы свой поток сознания в уфимском кабаке, как тысячи других точно таких же. Но тут ее вынесло на парикмахера, а через него и на Абрамовича. И дело пошло.

Но я не об этом, об этом все знают и без меня. Мне понравился минимализм ее клипа «Блюз». Собственно, понравилось одно: там ей и всем остальным участникам бьют кулаком в морду. По роже течет кровища, серо-натурально, челюсть дергается, но самое интересное — *глаза тех, кто получает по харе*. Эти глаза не просыпаются! В них нет ни ужаса, ни бараньей покорности, ни возмущения. Они *получают, и все*. Как у моих любимых девушек из «Пропаганды»: «полюбила, и все».

Я не понял, о чем песня «Блюз», я понял, что она проникла в самый центр нашей жизни. Вот точь-

в-точь так мы, русский народ, воспринимаем эти удары — по носу, в скулу, в ухо, в бровь, в глаз, в лоб. Не пассивно, не покорно, не ужасаясь, не зверея.

Получаем, и все.

СОВСЕМ НЕ ПРО ФАШИСТОВ

(первая беседа Александра Дугина с Александром Лаэртским на радио «Эхо Москвы» — программа «Монморанси»)

Лаэртский: Представляю нашим радиослушателям Александра Дугина, геополитика, философа, писателя, главного редактора журнала «Элементы». Здравствуйте, Александр!

Дугин: Здравствуйте!

Лаэртский: Вы знаете, я сразу, не откладывая в долгий ящик, позволю себе зачесть, на мой взгляд, интересное сообщение, пришедшее на наш пейджер. «Александр! Куда вы поедете на майские праздники?» — спрашивает Николай, видимо, и вас, и меня. Я позволю себе первым ответить. Я лично поеду в зоопарк, а что вы собираетесь делать? Вообще, мне хотелось бы узнать определение праздника для вас. Я считаю, что какие-то календарные даты, навязанные индивидууму социумом, с позволения сказать, — это своего рода такой эндогенный зоб, который заставляет радоваться, когда не радостно. Настоящий праздник — это, к примеру, для кого-то даже хорошо опорожнить желудок, для кого-то — записать хорошую музыку, или послушать концерт, или просто —

светит солнышко. Как вы можете эту мою тираду прокомментировать?

Дугин: Вы знаете, когда человек пребывает в аутичном состоянии, он, конечно, имеет возможность радоваться собственным праздникам. Но вы правильно заметили — не очень приятно, когда нам их навязывает внешний мир. Гораздо интереснее, когда мы навязываем внешнему миру наши собственные праздники. Поэтому, на мой взгляд, настоящий праздник — это когда человек умудрился по своей собственной воле заставить все общество, весь остальной социум праздновать какой-нибудь день, например пятое мая, седьмое мая или шестое.

Лаэртский: Или каждый месяц отмечать восьмое...

Дугин: Или восьмое. Настоящий праздник все-таки должен иметь некоторый социальный объем. Когда мы просто убегаем от внешних праздников, это, на мой взгляд, эскапизм, этого недостаточно. Надо заставить всех остальных радоваться вместе с тобой. И в общем, не так важна причина, важно умудриться, суметь сделать это. Вот тогда будет настоящий человеческий праздник, если мы сможем заставить перенести, например, восьмое марта на девятое или на седьмое. И праздновать тогда уже не День мужчины, а День ребенка, или не просто День женщины, а какой-нибудь особый, матрикулярный день.

Лаэртский: Можно праздновать день дерева, в общем-то, совершенно неважно, какой день. Мы, кстати, предлагали и выносили на обсуждение даже в Ду-

му этот вопрос, чтобы каждому дню присвоить свой праздник. Например, есть День учителя, а мы еще объявим День беременной женщины на первом месяце, потом День беременной женщины на втором месяце, чтобы у каждого было по дню, чтобы каждый чувствовал себя причастным. Вот сколько у нас в году дней? Я не помню. По-моему, триста с чем-то...

Дугин: Это меняется. На самом деле количество не строго определено, оно варьируется где-то между тремястами шестьюдесятью и тремястами шестьюдесятью с лишним. Но поскольку градусов в круге триста шестьдесят, то это базовое годовое число, а остальные дни то прибавляются, то отнимаются. У египтян было так: они полагали, что триста шестьдесят дней — это дни правильные, дни «в законе», а потом еще прибавлялось пять-шесть, в зависимости от того, как они посчитают, и эти взявшиеся ниоткуда дни, чтобы как-то их распределить, люди посвящали различным богам. И в зависимости от разных теологических моделей, количество дней менялось, триста шестьдесят — это стартовая черта, исходное число, но к нему полагается плюс еще нечто. В древнем Мемфисе была традиция, когда год преодолевал отметку трехсотшестидесятого градуса, люди, вставая, с утра поднимали руку и каждый новый день загибали один палец по очереди — таким образом подсчитывая лишние дни, чтобы не забыть и не потеряться. Но поскольку это сопровождалось совершенно чудовищными возлияниями, как это было традиционно в неделю рождения богов, то естественно, что уже на

пятый или даже на четвертый день люди сбивались со счета и начинали загибать те же самые пальцы по второму разу. Вы сами понимаете, крепкие египетские напитки этому только способствовали — это сейчас в исламизированном Египте запрещен алкоголь, а раньше-то можно было и вполне пить очень сильные средства, и курить, потому эти дни богов, пятидневная неделя могла периодически неопределенно растягиваться. В этом отношении, сколько дней в году, строго говоря, трудно сказать — триста шестьдесят с чем-то. Ну минимум — триста шестьдесят и пять. Хотя можно бы и добавить еще несколько.

Лаэртский: Я думаю, что мы набрали бы необходимое количество персонажей, которым эти дни нужно было бы прилепить, дабы как-то праздновать. Кстати, пришел вопрос, по-моему, уже вам: «Александр! Посмотрел ваш фильм „Тайны века“. Он мне очень сильно понравился. Планируете ли вы выпуск новых фильмов? Если да, то когда? С уважением, Паша».

Дугин: Дорогой Паша! Я очень благодарен вам за звонок. «Тайны века» — это была лишь некоторая разминка. Лет шесть назад люди на телевидении меня попросили сделать какой-то увлекательный сериал. Я предложил на выбор несколько тем, самых разнообразных: от похитителей детей до оживления мумий, воскрешения мертвых. Была даже идея снять такой фантасмагорический сериал про русского мыслителя Федорова, который предложил с помощью магических операций восстановить всех умерших людей. Причем он также предлагал про-

граммы управления погодой и много интересного в этом ключе. Я предложил целый ряд занятных направлений, но почему-то Первый канал выбрал тематику про фашистов, аргументировав тем, что про фашистов точно всем понравится. Про Федорова и про воскрешение мумий трудно сказать, а про фашистов точно. Я сказал — пожалуйста, я могу сделать и про фашистов. И вот сделал пять программ про фашистов. Они были очень интересные. Но на четвертой программе все закрыли и начали штурмовать Останкино. Причем во время штурма мина попала как раз туда, где мой товарищ — я, правда, с другой стороны был — нападающий, со стороны народа, — а мой товарищ, Воробьевский, как раз монтировал пятую программу «Тайны века», и мина угодила прямо в него. Но тем не менее он спас пленку. А Александр Николаевич Яковлев, поняв наконец-то, после многократной прокрутки фильма, что фильм про фашистов, а он не любит фашистов, и я тоже не люблю фашистов, но меня попросили — я предлагал про мумий, про Египет, про похищение младенцев, про чревовещание, самые разнообразные темы, но меня попросили, потому что это модно, потому что все это будут смотреть, и действительно, так оно и оказалось, — но Александр Николаевич Яковлев что-то перепутал и решил, что эта программа действительно про фашистов и что не надо про фашистов рассказывать, и снял эту пятую серию с эфира. А там уже начиналось про Кроули, то есть уже совсем не про фашистов. Там уже очень интересное должно было быть, про Теодора Ройса,

бывшего шансонье, друга Вагнера, который был анархистом и главой немецкого О.Т.О. То есть в первых сериях я поначалу немножко отдалился от основной, запланированной темы. И тут Александр Николаевич Яковлев неожиданно для себя решил посмотреть телевизор, те программы, которые ему было поручено курировать, и снял с эфира вот этот наш несчастный проект, некоторые выпуски из которого потом стали самостоятельно тиражироваться разными сомнительными персонажами и распространяться. И они распространились до такой степени, что их посмотрело еще большее количество людей, нежели на момент телевизионных трансляций.

В принципе я готов продолжать этот сериал, мне самому уже стало интересно. Не очень углубляясь в эту тему, я сделал по заказу серию про фашистов — но теперь это звучит как вызов, в ситуации, когда столько людей не поняли того, что я сделал, мне теперь самому хотелось бы снять шестую серию, и опять про фашистов, а затем седьмую и восьмую. То есть я готов продолжать до тех пор, пока люди наконец не поймут, что не в фашистах дело, а в воскрешении мумий на самом-то деле. Надо просто немножко шире смотреть на вещи. И в этом отношении я планирую восстановить этот сериал, сделать шестую, седьмую, восьмую, девятую и десятую серии, то есть еще пять серий про фашистов. У меня материала достаточно, и свежий материал появился, и кое-какие архивы, но я все-таки намерен продолжить тематику последней серии и добиваться

своего, знаете, как правозащитники, как Новодворская, — дайте мне сделать еще про фашистов, и еще, несмотря на то что это была абсолютно не моя инициатива. А на другом канале я мог бы вести параллельный сериал про мои любимые мумии и про Федорова.

Лаэртский: Дело в том, что по нашему телевидению идет огромное количество всяческих документальных кадров. Однажды я включил диапроектор — а я все вообще без звука смотрю, то есть он у меня называется диапроектором, — и увидел Адольфа, который стоял весь в свастиках, в оружии и говорил свои речи. По другой программе тоже шли какие-то эсэсовцы, и у них были свастики. Большинство людей смотрят диапроектор — поскольку этот бред уже всем опостылел, без звука — и могут счесть это за фашистскую пропаганду. Может, в вашем фильме сделать значок, как в криминальной хронике, или расплывчато, или еще лучше с бликами, и сколько по кадру головок фашистских солдат, столько таких вот черных полосочек у каждого на глазах, ну, заретушировать, чтобы не было понятно, кто в кадре...

Дугин: Вообще другие знаки можно поставить. То есть идут фашисты, а у них пепси-кола на знаменах. Кстати, это хорошая мысль. Либо рассказывать про фашистов, а показывать какие-нибудь пейзажи швейцарских Альп. А при этом идет какой-то текст — раз, как вы говорите, все без звука слушают, значит, можно таким образом совершенно спокойно обезопасить телезрителя от нежелательных кадров и ком-

ментариев...

Лаэртский: Даже лучше не Альпы, а показывать внутренности какого-нибудь ресторана типа «Макдональдс», это больше привлечет, потому что когда люди едят и смотрят телевизор, то видеоряд должен быть более насыщенный, чтобы способствовать более интенсивному слюноотторжению. А интересно, какое вот в целом отношение Александра Дугина к этому значку — свастике. Ведь дело в том, что значок-то несет под собой реальный энергетически мощный потенциал воздействия на психику и так далее. А сейчас он применяется кем попало и где ни попадя. Вот не приходила ли кому-нибудь в голову идея приватизации этого значка? К примеру, я плачу большие деньги, и никто в мире не имеет права, кроме меня, использовать эту свастику ни на полотнах, ни по телевидению. Вот мы так делали с птицами, то есть изображение всех птиц было попросту приватизировано. Где бы ни появилось изображение любого пернатого существа — птицы, — за это люди платили деньги, потому что у нас был патент. Сейчас же это все реально. Как мы раньше летали в тыл врага и при этом наносили на фюзеляж любые, какие хотели, символы. Нужен был нам американский, мы наносили американский и летели вроде как американцы. Так же и здесь, происходит путаница в этом плане: кто угодно прилепил и пошел.

Дугин: Да, это хорошая идея, но лучше бы так, если человек или компания, которые приватизировали бы свастику, сами по себе оказались бы для этого достаточно странными людьми и соответствовали

имиджу. Отличный вариант, если бы до этого додумались такие, скажем, компании, как «Пепси-кола» или «Кока-кола». То есть если просто какой-нибудь Иван Иванович приватизирует свастику, это будет тупо. А вот если «Кока-кола» приватизирует, это будет символическое действо. С другой стороны, вы спросили, каково мое отношение. Я считаю, что свастика — это хорошо, но одной ее недостаточно. Чтобы получить весь энергетический комплекс заложенных в этом символе значений, надо обязательно вторую свастику — справа и слева, например. Или правостороннюю и левостороннюю. Вот если люди, к примеру, любят наносить татуировки, многие скинхеды татуируют на лбу, над ухом свастику, то они ошибаются, потому что этот энергетический символ, его тайна — символизмом которой я много занимался — в том, что надо обязательно две свастики, например на левом и на правом виске, на лбу и на затылке, или на левой руке повязка и на правой руке повязка, чтобы крылья глядели в разные стороны. Это асимметричный символ, вся его мощь...

Лаэртский: В замкнутой цепи. Как пример можно привести фирменные, хорошие колонки, у них же этикетки наклеены тоже по две, не наклеят же они на одну этикетку, это глупо, это брак.

Дугин: Совершенно верно. Это стереосимвол. Поэтому свастика используется только отчасти, когда ограниченные люди ее просто накалывают, или вырезают, или целуют, или не знаю, что с ней делают еще, они, на мой взгляд, ошибаются. У нас все так, в России... С одной стороны, я очень люблю свою страну и

свой народ — он все делает гениально, но все-таки в этом отношении меня удивляет, что такой проницательный этнос и не может додуматься, что одной свастики мало, что надо две свастики.

Лаэртский: Вы сказали «гениально», это, мне кажется, не совсем удачное определение, не гениально, а искренне. А вот искренность — это своего рода тоже гениальность. То есть если человек что-то делает искренне, его уже можно назвать гениальным. Значит, на него не наложило свою коррекцию время, общение в круге людей, с которыми он в школе или где-то еще учился. Кстати, пришел на пейджер вопрос: «Лаэртский, как звучит ваше отчество?» — то есть сомневаются насчет фамилии, дескать. Все правильно, так, как вы и думаете, Алексеевич. Далее: «Господин Дугин! Расскажите, пожалуйста, про друзей вашей юности — имею в виду людей, с которыми вы начинали». Но, кстати, передо мной сидит не такой уж старый человек, чтобы у него спрашивать о юности, а «начинали» — с какого момента и что начинали, непонятно. Давайте определим момент, с которого вы начинали.

Дугин: Спасибо, может, не такой уж старый, но и не такой уж молодой. У меня за плечами двадцать лет войны, я старейший российский политик, что многие забывают. Ведь в основном люди занялись политикой в России где-то в перестройку — конец 80-х — начало 90-х годов, и даже старые бурдюки, нынешние старцы политического Олимпа, те, кого принято называть серьезными, взвешенными центристами, ломанулись в политическую деятельность

очень поздно, когда их уже выпихнули с их прежних мест. Я же занимался политикой, действительно, с конца 70-х годов, у меня был мой политический мир как выстраданная идея, которую я немножко корректировал за это время. Она подвергалась эволюции, но я от нее не отказываюсь, и поэтому я совершенно полномочен называть себя старейшим российским политиком. Именно старейшим. Несмотря на то что внешне я выгляжу не очень старым... Во-первых, трудно сказать, сколько мне лет, я сам подчас затрудняюсь, поскольку это субъективное понятие — время, годы. Если все так механически мерить, то мы дойдем до полной ерунды, как измерить, например, любовь, силу любви в единицах. Время — это тоже вещь совершенно субтильная, тонкая.

Лаэртский: Совершенно с вами согласен. Очень глупа сама дата рождения и тот восторг, с которым все это событие воспринимают и начинают бурно отмечать. Непонятно, откуда взялась эта цикличность в употреблении дат.

Дугин: Когда у других день рождения, во-первых, не очень вдаешься в это, там всегда кормят и поят, в общем, это неплохо. Другое дело, что свой день рождения, здесь вы совершенно правы, его незачем отмечать, а надо отмечать дни рождения других людей. Причем, когда вас приглашают, можно даже не вдаваться, действительно ли это день рождения, — приглашают, значит, надо идти. Особенно мне всегда нравятся салаты, вот салаты и день рождения — это настоящий праздник, и тут неважно, сколько человеку лет или этого человека уже нет.

Если мне дадут салат, то можно все и помянуть, и вообще все будет весело. Вот это настоящий праздник, когда дают салаты.

Да уж, действительно, субъективное измерение времени — это более чем субтильная вещь. Касательно того, что товарищ спросил по пейджеру: юность проходила, как мне кажется, нормально. У меня были свои университеты, как у Горького они были на дне, у меня они были не совсем на дне, но где-то близко ко дну позднесоветского периода. Я в это время работал дворником, в какое-то время меня даже оттуда выгоняли за недееспособность.

Лаэртский: Извините, у меня такой вопрос. Наших радиослушателей всегда интересуют какие-то подробности. Вот момент — когда вы работали дворником, какая рука у вас была выше на метелке — правая или левая? Толчковая была левая рука или правая? Я почему спрашиваю, потому что я правой рукой в правую сторону никак не могу, у меня реакции туда нет, я только слева гребу, даже когда плыву в лодке, всегда меня влево тянет. Это я ни в коем случае не намекаю ни на какие политические моменты, это действительно так.

Дугин: Я, наверное, был действительно не очень профессиональный дворник. В первый день, когда я вышел на работу, у меня тут же сперли ведро, грязное ведро со щеткой. Я его оставил где-то, это было пять часов утра, я решил пойти и честно вымести дорожку до того, как появятся первые дворницкие начальники, такие своего рода ЖЭКовские олигархи, и поставил посреди дороги ведро с грязной тряпкой. Никого не

было, и я только примерился, чтобы схватиться за метлу, но обернулся и вижу, что ведро уже сперли.

Лаэртский: Автомобилисты.

Дугин: Вы думаете?

Лаэртский: Уверен. Слить там что-нибудь или залить.

Дугин: И после того момента меня оттуда выгнали, сказав, что, если у вас сразу такое происшествие, до того, как вы еще приступили к работе... Я, конечно, был страшно расстроен, мне представлялось, что это была настолько никому не нужная вещь, ведро было не новое, малопривлекательное, было пять часов утра — я настолько расстроился, что перестал мести вообще, то есть я бросил это занятие, и меня даже оттуда за такую недееспособность отчислили. Прошло какое-то собрание, где меня прорабатывали на предмет профнепригодности, и я в итоге решил посвятить себя другим вещам. Я стал изучать иностранные языки, которые тоже тогда были никому не нужны, так же, как и другие мои достоинства, и я решил, поскольку это не было затребовано, я решил изучать языки сам по себе, писать, говорить и жить в этом контексте, как будто это кому-то надо. И совершенно без задней мысли я выучил европейские языки и стал жить, как будто я вполне нормальный человек: говорить сам с собой по-французски, писать... Я написал первую книгу по-испански, потом ее перевел на русский, потом пытался ее на французский перевести, но в это время уже грянула перестройка, и такой аутичный мир языково-линг-

вистической реальности исчерпал свою необходимость, я смог уже говорить на русском языке то, что я думаю, или то, что я хочу. Таким образом я вступил в более открытую реальность. Но друзья моей юности, мои учителя — это тоже были страннейшие люди, которые приблизительно так же хвастались своими трудовыми книжками, в которых было написано — родился, и все.

Лаэртский: Белый лист. Tabula rasa.

Дугин: Да, белый лист, и периодически какието страшные записи — арестован, обыскан или наказан.

Лаэртский: Или телефоны девок.

Дугин: Я был вхож в эти странные миры людей, которые занимались лингвистикой, философией и настоящей, реальной политикой, среди этих людей тоже есть настоящие политические старцы.

Лаэртский: Бытует мнение, что перестройку сделали не политики, а музыканты, люди искусства. Вы говорите — занимались настоящей политикой, может, правильней сказать альтернативной политикой. Ну какая там была политика, это все равно что профсоюзная деятельность в советское время, может быть, именно в альтернативном подходе и была какая-то их сила.

Дугин: Дело в том, что надо было выбирать одно из двух: либо мы не существуем — и тогда они, вот эти мешки занимаются политикой, а мы будем мести тротуары, — либо их не существует. Вот мой старший товарищ, близкий друг и великий, по моему мнению,

музыкант, человек и политик Евгений Всеволодович Головин написал еще в 60-х годах следующие строки: «Они и мы мучительно устали — они от нас, а мы от них». То есть этот круг моих друзей, политиков — они же были и музыкантами, и певцами, и плясунами (очень плясать любили). Если признать их мир как мир нормальных людей, тогда всех остальных позднесоветских людей нужно было перевести в какую-то иную категорию, либо наоборот. Но поскольку с массовой точки зрения их псевдоочевидное могущество и правота доминировали, то нас как политиков просто не было — они были политики, и Андропов был политик, и водка андроповская, «Юркины рассветы» были политикой, Леонид Ильич Брежнев, шамкающий, был хороший политик, поднимающееся перестроечное урло вокруг него — вот они были. А нас не было. Но, оказывается, то, что они своими свинцовыми задницами осваивали как бытие, все это сейчас — гносеологическая демонстрация, полуфикция, полумайя, полубуддийское затемнение сознания. А мы, которым самим было очевидно, что нас нету, что нас просто не существует, что это галлюцинация, а не люди со своей политикой, со своими книгами, со своими языками, что нет ничего из того, чем мы занимаемся, и нас самих нету, потому что у нас не было никакого пространства, нулевое социальное пространство, ситуация, равная зеро. Мы были майей, галлюцинацией. Нам так и говорили: вас нету, молодой человек, вас нету, вы здесь не живете и не прописаны. Мы не бунтовали, не возмущались, не визжали, не создавали правозащитных организаций, а мы просто гово-

рили нечто пропорциональное: это вас нету. Вас нету и нету никакого совдепа. В 1982 году я писал «Конец проклятому совдепу уже не за горами». Меня вызвали в КГБ и сказали: «Вы что, молодой человек, идиот? Какой конец? Советский Союз будет стоять вечно, это вечная реальность. Посмотрите на нас, на наши здания. Посмотрите на нашу мордатость», — то есть там было восемь или девять здоровых, толстых, очень весомых, свинцовых мужиков. Они говорят: «А вы кто? Вы с гитарешкой, с вашим обликом...»

Лаэртский: С драненькими джинсенками...

Дугин: Приблизительно да. «Вас нету, а вы говорите конец...» Там еще было веселое продолжение — «Два миллиона в речку, два миллиона в печку, наши пулеметы не дают осечки». Они говорят — да, да, конечно. Вот где ваши войска? Вы один и плюс три-четыре идиота рядом с вами. Отщепенцы, социальные вырожденцы. Вы не можете говорить, что совдеп рухнет, совдеп — это абсолют, это брахман, и эти толстые дядьки действительно смотрелись очень убедительно, как они сидели за столом. Меня привели, приволокли в КГБ, устроили обыск у меня в квартире, и это все было убедительно. Но у меня к тому времени уже состоялся свой внутренний мир, и был он настолько галлюцинативен, не то что альтернативен, но радикально иной, что меня и разубеждать-то не было смысла, я с ним заведомо был согласен. Я все равно считал, что конец проклятому совдепу не за горами, я не пытался кому-то донести это, я не орал, не кричал — послушайте, товарищи, как все плохо! Но я был просто уверен, что рано или поздно майя совде-

па разойдется. Она разошлась. И ничего хорошего. Сейчас новая майя. Как до того была майя перестройки.

Лаэртский: Здесь я позволю себе не согласиться с тем, что майя совдепа разошлась. Мне кажется, что это скорее не политическое явление, а онтологическое. И еще возрастное. Мне приходится общаться с достаточно большим кругом людей, среди них я иногда с ужасом замечаю персонажи совершенно деполитизированные, некоторые даже приветствуют нынешнюю политику, дескать, демократия, но при этом у них остался советский менталитет. То есть они, приходя домой, кушают те же макароны, ту же колбасу, слушают белокурую Машу Распутину, которую даже недавно показывали по телевидению...

Дугин: Это ядовитые макароны. Совдеп и нынешние демократы — это приблизительно одно и то же, с моей точки зрения. Это одна форма майи. Причем которая проникает не через следование какой-то политической линии и не через впитывание в себя того, что дядьки говорят по телевизору, а через макароны. Я всегда задумывался, как можно осуществлять столь глубокое проникновение гипнотического идиотизма в саму суть, в центр человека. Я пришел к выводу, что если бы люди подвергались прямому гипнозу со стороны дикторов, радиопрограмм, телевидения, то у них бы ничего не вышло. Человеческое существо имеет все-таки серьезный механизм защиты против такой чумы, и потому их зомбируют через отравленные макароны. Я думаю, что у современного мирового правительства существует способ изготов-

лять совершенно специфическую колбасу и специфические макароны, в которые они и вкладывают самые главные тупые, действующие на любое быдло наркотики.

Лаэртский: А не думаете ли вы, Александр, что немаловажную роль играет обстановка в роддомах, в родильных заведениях, где вполне возможно, что новорожденным через пуповину вводят определенную информацию... Вы обратите внимание, как у людей пупки устроены, у кого-то вдавлен, у кого-то выпуклый, одинаковых пупков не бывает. Мы проводили статистику и пришли к выводу, что, как правило, люди с вдавленным пупком обладают большими склонностями к этому самому совдепу. Я прошу никого не обижаться, у кого впалый пупок, я ничего не хочу сказать, бывают и исключения, но тем не менее так по статистике. И мы предположили, что производятся какие-то инъекции в момент родов, отчего пупок втягивается. Это первое, то есть в момент родов эта совдеповская инъекция проникала в человека, а затем уже с сиськой матери, поскольку она тоже полностью была подконтрольна действию этой инъекции. Мы знаем, что всеподавляющая материнская любовь — это, считай, насилие. А затем, когда у него отрастали зубные отростки, он подходил к процессу поедания макарон, колбасных изделий, в которые, естественно, тоже что-то подмешивали. Кстати, Америка тоже под этой бедой ходит — смотрите, они уже скоро начнут оперяться, у них уже вырастают грилеобразные ноги. У них своя беда в этом плане. То есть это все на государственном уровне начинается, с род-

домов, я уверен.

Дугин: Про пупки — это особый разговор. Но младенцев же колют в череп, пока он мягкий, они им колют какие-то чудовищные инъекции, и вообще, вопрос о содержании этих шприцов должен быть рассмотрен Государственной Думой, мало ли что им туда колют, собственно говоря? Раз мы построили так называемое демократическое государство, то каждый должен знать, какой препарат именно их младенцам колют в череп — потому что это очевидно, и все знают, кто заходил в роддом и опекал там своих жен, что маленьким детишкам в их неокрепшие черепа, пока они еще не стали твердыми, вводят гигантские шприцы с какой-то жидкостью. Они утверждают, что это необходимо, потому что это предохраняет от чумы, питает их, укрепляет, но...

Лаэртский: Меня терзают смутные сомнения, что вы немножко перепутали процедуры. Скорее всего, шприцом производят отсос, а через пупок происходит клизмирование.

Дугин: Я говорю о том, что такие вот суровые, бородатые нянечки обычно хватают гигантские шприцы и вводят их маленьким детям в неокрепшие головы...

Лаэртский: Но это перед телевидением и перед папой. А когда папы нет и ребенок наедине с ней, вполне возможно, что производится все-таки отсос. Я почему-то уверен.

Дугин: Это может быть. Но я вижу этот вопрос невероятно серьезным, и хорошо бы выяснить и сделать так, чтобы каждый россиянин знал о содержании

того, что в этих шприцах находится. Даже если они просто отсасывают нечто, то что это — люди должны знать.

Лаэртский: Куда дели тогда, если отсосали, куда дели?

Дугин: И что отсосали? Мало ли что можно отсосать. Но вот содержание шприцов — это специфическая информационная сфера, и она должна быть открытой.

Лаэртский: Пришло послание на пейджер. Александру Дугину от Савелия: «Вы говорите неправильно, в те времена (видимо, о которых мы рассказывали. — *А. Л.*) указывали для нас так: зачем ты думаешь, за тебя думает Фюрер». Ну, в принципе есть элемент какой-то правды в словах Савелия. Ведь я же помню, что многие здравомыслящие люди очень близко принимали к сердцу кончину того самого Фюрера. Я помню полные трагедии и слез глаза соседок по своей коммунальной квартире, когда объявили о смерти Л. И. Брежнева, это была какая-то кимирсеновщина.

Дугин: Но все-таки Леонид Ильич не думал за нас. Есть такая известная фашистская поговорка: «Бросьте химеру совести — Фюрер думает за вас». На что Савелий, видимо, и намекает. Леонид Ильич не выступал в этой роли, он просто тихонечко жил. У моих друзей был знакомый, который работал на закрытой цэковской видеотеке. Это был друг моих друзей. Мне о нем только рассказывали, его звали Владимир Иванович, он заваривал страшный чай, от которого человек

просто умирал. Он выбросил свою жену из окна, по каким-то соображениям, и в общем был такой авантюрный, интересный, патриотически ориентированный эстет. Он работал на выдаче фильмов и однажды рассказывал (у него была специальная карточка, и его за это очень любили, красная карточка, с которой везде пускали в 70-е годы), как члены Политбюро заказывали из его фильмотеки разные фильмы. И большинство из состава помоложе заказывали полупорнуху, «Шербургские зонтики», классические западные фильмы... От Леонида Ильича приезжали его телохранители и спрашивали всегда одно и то же — мультфильм «Слоненок, который умел летать». Этот мультфильм Леонид Ильич, как говорил Владимир Иванович, смотрел постоянно, и в принципе, зная это, не скажешь — Фюрер думает за вас. Совершенно другой, мне кажется, контекст. Мне представляется, что он был очень хороший человек, и я сам не то чтобы уж плакал, как ваши соседи по коммуналке, но может, несколько взгрустнул, ничего в нем не было плохого, мне кажется...

Лаэртский: Я сам расстроился. Ничего отрицательного до сих пор о нем не могу сказать. Совершенно добрейший человек...

Дугин: Разве что он был связан с украинской мафией.

Лаэртский: Ну так корни дают о себе знать.

Дугин: Вот это, кстати, действительно проблема. У нас в обществе совершенно, мне кажется, неправильно поставлен расовый вопрос. У нас не любят

почему-то невинных людей, таких, как евреи или кавказцы. В каком-то контексте и те и другие — замечательные люди, когда они оказываются в своей среде, когда они исполняют национальные танцы, едят национальную пищу, тогда они открытые, милые люди. Но у нас совсем не проработана проблема некой внутренней, совершенно несводимой, непримиримой оппозиции между великороссами и малороссами. И эта вещь просто чудовищна, мне представляется, потому что настоящий заговор — не еврейский заговор и не кавказский, такие теории — сущая ерунда в сравнении с заговором малоросским. Малороссия, которая ведет тайную войну против Великороссии. И вот они маленькие, Малороссия, и они хотят умалить великороссов. Они ненавидят великороссов, потому что они малороссы, а это великороссы, они отказываются называть себя малороссами и гордо говорят, что «мы хохлы», и отказываются называть нас великороссами, говорят, что «они москали». И вообще, они выстроили такую модель, очень похожую на нас. Не отличишь. Фамилии, внешности — у них нет специфических национальных отличий, ни носов, ни танцев, ни своей пищи, кроме сала и селедки.

Лаэртский: Нет, у них папаха есть, гопак. Еще пояс есть, кушаком вроде называется.

Дугин: Это лучшие представители Малороссии. А самые страшные малороссы от великороссов абсолютно ничем не отличимы. У них нет никаких национальных, ни внешних, ни внутренних признаков,

но они по духу, по своему метафизическому статусу именно малороссы. Они видят Россию какой-то маленькой, гадкой, они ненавидят нас и все время желают нам зла. И вот эти малороссы являются самым страшным расовым врагом великороссов. На них надо бы обратить внимание, на их бесконечную подрывную деятельность на протяжении всей русской истории, на их тайные общества, которые они формируют вокруг своей гаденькой идейки.

Лаэртский: Но с другой стороны, это и мощная инъекция для повышения иммунитета великороссов. Не следует обращать внимание на эти их самовозбуждающие действия. Представьте, ведь они дальше пойдут, узнав, что на них обратили свое внимание великороссы. Они подумают: о, значит, мы не кучка каких-то говнюков, с позволения сказать, ну мы им сейчас — и как хлынут к нам. То есть мы дадим им, как следствие, приток новых рекрутов. Нужно ли это?

Дугин: Вообще говоря, стоит эту тему вынести в центр внимания... Мы живем все-таки в открытом обществе, как сказал Джордж Сорос, и мы стремимся к нему, к открытому обществу. Я считаю, что политически некорректно игнорировать эту проблему. Вы правы, что тактически, может быть, следует не замечать этих отщепенцев, но, с другой стороны, нельзя и хранить молчание. Говорить о них и разоблачать их — это действительно означало бы придавать им новый онтологический статус. Но и не замечать, игнорировать их — это тоже крайне опасно, потому что их

маленькая адская компания будет хватать нас за пятки — они постоянно нас щиплют, пытаясь оторвать от нас маленькие фрагменты. Малороссы — это такое, в принципе, человеконенавистническое и очень гадкое тайное общество, со своими протоколами малоросских мудрецов.

Лаэртский: Интересно, как у них передается эта ненависть, есть ли там элемент какой-то генетики? Или рождается грудничок, который, естественно, ненависти не помнит никакой, потом эту ненависть ему внушает мама, и у него начинает просыпаться генетика? А если мама ему ничего не будет передавать, вполне возможно, что и раса, и национальность роли играть не будет. Я, например, знаю одного чернокожего, которому долго не показывали зеркало и вообще не говорили, что он чернокожий. Он воспитывался в очень узком кругу людей, там было их человек пять всего, они выращивали для себя все необходимое, добывали пищу, наладили утилизацию отходов...

Дугин: Как космонавты.

Лаэртский: Да. Никто ему не говорил, что он негр, и они общались на равных, он совершенно адекватно себя вел, зато потом, когда он вышел из этой ситуации, то увидел себя и умер. От страха. Сперва он долго оттирался — вроде остальные люди светлые, а он, может, где-то измазался, и ему постеснялись сказать. И тогда он воспринял себя каким-то отщепенцем, белой вороной, да простят мне этот каламбур. Так какова все же роль мамы и генетики в формировании этой силы?

Дугин: Малороссийской? Знаете, есть такая парадоксальная наука, называется сериология. Когда я делал сериал про фашистов и готовил новые серии, я столкнулся с этой наукой, сериологией, — это шарлатанская наука, это псевдонаука, не соответствующая никакой реальности, но от этого ее ценность только увеличивается, на мой взгляд. Потому что если наука будет отвечать реальности, это будет банальность, а не наука. Обратите внимание, все наиболее интересные научные открытия утверждают: все, что человек видит, — это неправда. Например, идея, что все состоит из атомов. Наука утверждает то, что человек не видит, не понимает и не знает. То есть смысл и содержание всякой науки — это не говорить банальные вещи, а говорить, наоборот, небанальные вещи. Это в каком-то смысле ревизионизм реальности. Это утверждение, что реальность не такова, как нам кажется. В этом, на мой взгляд, такой нерв науки. Так вот, наука сериология — это наука о группах крови. Есть четыре группы крови: первая, вторая, третья и четвертая. Все нормальные люди, включая африканцев, индусов, китайцев, имеют в основном первые три группы крови. Первая, вторая — это европейские и индейские группы крови. Азиатская и африканская — третья группа крови. Большинство человечества принадлежит к этим трем группам крови, между ними нет особенного, явного различия — это все нормальные люди. Но есть четвертая группа крови, ее происхождение наиболее загадочно, и ее носители отличаются самыми странными качествами, то есть они миноритар-

ны, такое human minority. Ну так вот, поразительно, что есть два этноса, у которых эта четвертая группа крови колоссальным образом распространена: это айны в Японии и украинцы. Вот это действительно странная закономерность. Я думаю, что все три группы крови хорошие, а эта четвертая — какая-то антигруппа, я не знаю айнов, с ними не сталкивался никогда, их осталось где-то несколько тысяч, и они не представляют никакого вреда. Даже если бы они захотели со своей четвертой группой крови спровоцировать разложение Японии, я думаю, им бы уже по количеству состава это не удалось, но доминация четвертой группы крови в среде малороссов — вот это мне представляется как крайне опасный синдром.

Лаэртский: А резусность играет какую-то роль? Ведь там бывает положительный и отрицательный резус.

Дугин: Вот четвертая группа крови, кстати, не переливается, если ее перелить человеку с другой группой, то он становится просто другим. Она всеми отторгается и сама всех отторгает, вообще, это какая-то странная группа.

Лаэртский: Субстанция даже. Мы рассматривали под микроскопом, и там все тельца крупнее в два раза практически.

Дугин: Это очень загадочная группа крови, и можно поставить вопрос такой — а вообще кровь ли это, собственно говоря?

Лаэртский: Меня тоже терзают сомнения, что интересно — действительно, она появилась не так давно.

Медицине известны первые три группы еще на рубеже восемнадцатого века...

Дугин: Даже ближе к девятнадцатому веку стали исследовать эти вещи, систематизировать их. А четвертую группу действительно открыли позже всех, и даже не факт — открыли ли ее по-настоящему. Потому что есть лишь такое понятие — четвертая группа крови. Но кто эту кровь видел?

Лаэртский: Может, чтобы утешить, потому что нельзя сказать человеку — слушай, в тебе не кровь течет вовсе. А медики успокаивают — в тебе кровь, но только четвертой группы.

Дугин: Возможно, так, из гуманистических соображений.

Лаэртский: И из врачебной этики.

Дугин: Но, вообще говоря, поскольку мы строим открытое общество, можно было бы наплевать на этот момент и сохранить всю конструкцию неприкосновенной, если бы не тот колоссальный исторический негатив, связанный с малороссийским заговором, который вредит нашей замечательной Родине и нашему прекрасному народу на протяжении многих веков.

Лаэртский: Приходит большое количество сообщений на наш пейджер, и я позволю себе часть из них зачитать: «Если вы не обладаете достаточными медицинскими познаниями, почему вы позволяете себе, геополитику, рассуждать о столь серьезных вещах? Думаю, что если сегодня вас слушают медики, то у них волосы становятся дыбом. Будьте аккуратны в опре-

делениях. Откуда такое неуважение к человеческой анатомии?» Подпись — врач. Что мы на это ответим? Я полагаю, что уважение или неуважение к человеческой анатомии касается терминологии. Так как уважение к человеческой анатомии — это уже неуважение к человеческой анатомии, поскольку к анатомии нельзя прилеплять ни глаголов, ни прилагательных, ни существительных, анатомия сама по себе и есть анатомия. Почему человеческая, если мы препарируем лягушку? Над ней же тоже нельзя смеяться, например, бегать, размахивать огромной лягушачьей лапой, хлестать ею девушек по роже. Анатомия — это наука, над которой издеваться нельзя, врач.

Дугин: Я объясню. У меня, честно говоря, нет уважения к анатомии. И знаете почему? В первой половине послания врача уже есть объяснение почему. Я действительно геополитик. Я оперирую большими категориями, категориями пространства — хартленд, римланд, мировой остров, континент Евразия, атлантизм. Надо поддерживать свой профессиональный уровень, постоянно читать книги, касающиеся геоэкономики, структурных трендов, изменения плавающих материковых границ, — и вот на этом фоне плавающих границ и трансформации континентов, безусловно, фактор человеческой анатомии не только теряется, но кажется таким незначимым, потому что в таком глобальном представлении кажется, что анатомию легко заменить, или отменить, или переделать, какая еще анатомия? Я оперирую в своей профессиональной деятельности глобальными цифрами, то есть не

просто один младенец, а все младенцы мира, или не один человек со своей анатомией, руками и ногами, а двести пятьдесят миллионов рук или пятьсот миллионов глаз, то есть это приблизительно то, что составляет минимальный объект геополитического интереса. Здесь разные градации, разные масштабы. Врач рассматривает зубы, яблоки... Знаете, я однажды был в Калуге...

Лаэртский: Какие яблоки?

Дугин: Глазные. Я там беседовал с одним молодым человеком, он пришел на нашу лекцию вместе с какими-то старенькими бабушками, так вот он заявил, что работает в морге. И в этом морге они занимаются тем, что продают офтальмологу Федорову глаза от трупов, чтобы добывать из них глазные хрусталики. Когда в его больнице переставляют пациентам хрусталики, то обычно говорят об их искусственном происхождении, но на самом деле это не так, они изъяты из глаз трупов. И вот он рассказывал — отковыряю глаз у одного трупа, потом у другого, потом накрою тряпочкой и иду с этим ведром, полным глаз, к офтальмологу Федорову. Так вот, у человека, который работает в морге, взгляд на анатомию совершенно иной, чем у геополитика. Потому что геополитика — это сразу очень много глаз. Я не представляю, как их отдельно выковыривают и складывают в ведро. Я представляю себе ослепительный гигантский сад этих человеческих глаз, которые смотрят, думают — и их надо кормить, их надо обустраивать, перемещать. И конечно, к анатомии я дейст-

вительно не очень присматриваюсь. Увы, это издержки профессии, поэтому с вами, Александр, мы говорим в общих терминах. Вы эстет, человек искусства, у вас анатомия тоже, наверно, своя, магинативная, эстетическая.

Лаэртский: Я тоже намерен извиниться перед врачом за пупки. Про пупки это все же я телегу прогнал — так что я думаю, с врачом мы разобрались. Кстати, вчера я был на одном массовом мероприятии, там люди по команде и руки поднимали, и всячески ими размахивали, я посмотрел — и в целом получалось красиво, когда этих поднятых рук очень много, это красивое зрелище. Но затем мы вычленяем одного, начиная его рассматривать как обнаженное человеческое существо. Можем ли мы назвать его — как анатомы, геополитики, врачи — назвать это тело красивым созданием? Так, еще Стругацкие заметили: единственное существо, которое выделяет дурной запах, — это человек.

Дугин: Это малоросс.

Лаэртский: Далее. Дантист, скажем, вычленяет из этой анатомии зуб, кто-то аппендицит и поэтому не может воспринимать человека в целом. Вот врач, занимающийся только резкой аппендицита, для него сам человек — такая достаточно абстрактная тушка. Это вполне нормальный подход, мы же не можем быть во всем профессионалами, хотя к этому стремимся. Зато этот вопрос прямо-таки в тему: «Уважаемый Александр Дугин! Правда ли, что мировое масонство полностью себя исчерпало, есть ли масонская организация в России, если нет, существует ли

какая-нибудь альтернатива». Амалия Викторовна спрашивает. Женщин, кстати, не берут, по-моему, в масонство?

Дугин: В традиционное. Но есть так называемая ложа прав человека, от госпожи Деразм, куда входили многие основатели теософского общества, такие, как Ани Безан. То есть в ряд либеральных гуманистических лож берут и женщин, но даже в традиционном масонстве существует так называемый градус дружбы, куда может войти и женщина, но классическое масонство, конечно, сугубо мужское, такой мэннер бунд своего рода. Но люди, которые сейчас в большинстве своем наполняют русское масонство, это просто тяжелые идиоты или проходимцы, которые появились там, ожидая грантов от фонда Сороса или просто возможности присосаться к каким-то западным донорским структурам. И в современной России вряд ли масонство играет такую зловещую и негативную роль, как принято на этот счет полагать. В каком-то смысле тайные общества — это институциализированная скизофрения, расщепление сознания.

Лаэртский: Кстати, вы не замечали, Александр, что в последнее время усиливается странная тенденция? Если раньше, например, было определение — шеф мощной финансовой организации или можно было услышать: «Вы куда звоните, вы звоните в официальную организацию». Сейчас стало популярным слово структура — финансовая структура, криминальная структура. Появилось принципиальное отличие между словом «структура» и словом «органи-

зация».

Дугин: Организация — это обычное понятие, можно узнать, кто организовал ее и как. А вот структура — действительно нечто более загадочное, сложное, дублирующееся. Мой друг Жан Парвулеско постоянно упоминает одно из любимых своих выражений: «Все, что приближается к сущности, — раздваивается». И это раздвоение, это умножение сущности номиналисты — те люди, которые основали современный мир в своих философских подоплеках, в том числе и последователи Уильяма Оккама — они дошли до того, что все самое интересное этой бритвой и срезали. Зачем умножать сущности, говорили номиналисты, а вслед за ними и картезианцы, и кантианцы, и Поппер, вся эта мондиалистская линия. Они говорили, зачем умножать сущности, все и так понятно, давайте срежем второй план, — и тем самым они создали абсолютно профанический мир, там, где только организации и где все понятно. На самом же деле настоящее, хитрое, особое сознание всегда тяготело к дублированию сущности, к удвоению планов в интерпретации одного и того же момента, то есть это нечто противоположное принципу Оккама. Бритва Оккама кастрирует реальность, она как раз антиконспирологична, она пытается объяснить всю реальность очень банальным способом.

Лаэртский: Скажите, считаете ли вы честным со стороны средств массовой информации и вообще со стороны социума постоянно оперировать этими терминами? То есть силовая структура внушает рядовому обывателю какой-то, я бы сказал, тихий ужас, ко-

гда при демонстрации любой красной корочки у него все сразу опускается, холодеет, человек эндогенно пропотевает и пугается.

Дугин: Мне кажется, это положительное явление, потому что человека надо запугивать, он хочет, чтобы его запугивали, таким образом у него происходит изменение сакрального. Я давно еще замечал, что КГБ выполняло очень важную функцию. Оно всех тотально запугивало, возвращаясь к ситуации, напоминающей то, что раньше называлось страх Божий. Каждый человек должен знать, что он может в какой-то момент, и в самый близкий момент, быть схвачен, подвергнут какому-то репрессивному насилию, человек должен это чувствовать, это дает вкус экзистенции. Мне как раз кажется, что такого рода запугивание и намеки на вездесущий тайный второй план структуры, откуда может прийти невидимая, карающая пощечина человеческому существу, мобилизует его, придает терпкость мировосприятию. Человек должен быть запуган...

Лаэртский: Мне почему-то кажется, что это не запугивание, а наоборот, какая-то видеофильмация, какая-то возможность дать всем поиграть в силовые структуры. Что-то в этом есть, извиняюсь, от онанизма. Я даже не имею в виду явления, я говорю о новой терминологии. Меня она дико смешит. Ощущение, что либо они всех очень мощно разводят, либо они действительно груднички. И кто им навыдумывал терминологию, откуда эта силовая структура, кто тот человек, который первый употребил это публично? Мне хотелось бы подойти и спросить: «Что это у те-

бя за неологизм такой, пап, откуда ты взял это и кто ты вообще?»

Дугин: Вы правы в том смысле, что на них часто намекают, об этом говорят — криминальные сериалы, многозначительные фигуры речи, но, с другой стороны, мы все-таки строим открытое общество, это очень жалко, что мы его строим, но мы его строим. Конечно, хотелось бы воспрепятствовать этому максимальным образом, но не все желаемое осуществляется, и, поскольку мы строим открытое общество вопреки всякой логике и полезности такого мероприятия, мы все же начинаем говорить о тех вещах, которые мы раньше только подразумевали. Когда только подразумеваешь тайную структуру и не говоришь, это приобретает статус какой-то вытесненной за пределы сознания очень серьезной кары. А когда об этом начинают твердить на всех углах, то впечатление постепенно смазывается. Но тем не менее в этом открытом обществе должна быть закрытая часть — хотя бы и эти странные кавалькады 600-х «мерседесов» с мигалками.

Лаэртский: Была такая мысль — разузнать про этих людей, но нас не пустили, гнали отовсюду со словами «пошли вон отсюда, ступайте!» И к нам уже позже стали просачиваться некоторые сведения, что на самом деле в этих «мерседесах» просто ездят обычные люди, которым нужно создавать видимость какой-то деловой суеты, связанной с силовыми структурами. Вот они по кольцу или по Рублевке ездят туда-сюда, безо всякого задания — просто, дескать, жизнь идет. Статисты. Сколько сейчас профессио-

нальных водителей без работы осталось. Вот, может быть, они и ездят, на джипах и «мерседесах» за определенную плату. Вот вы бы отказались прокатиться на джипе, и за деньги, не просто так?

Дугин: Если бы мне кто-то предложил проехаться в джипе, я бы предпочел, чтобы в первую очередь объяснили, по какому делу, а дальше все остальное. Я все-таки стараюсь траектории своих поездок, передвижений совмещать с некоторой телеологией, целеполаганием... Хотя, с другой стороны, в любом случае демонстрация наличия тайных структур, спецслужб тоже само по себе не так плохо.

Лаэртский: Но давайте вспомним, был Советский Союз. Это была огромная территория, населяло ее количество людей фактически то же, что и сейчас, включая все бывшие республики. И если когда-нибудь и проезжала машина с маячком — то это наверняка у человека белая горячка, и «скорая» ехала откачивать. Сейчас же в маленькой России они где только не ездят...

Дугин: Большинство из них могут быть просто бандиты, которые разъезжают по своим делам. Сейчас, вы знаете, наши структуры, спецслужбы, увы, представляют собой довольно разложенную систему. Я как раз считаю, что они в обществе выполняют очень важную роль — санитары леса своего рода. Во-первых, они всех пугают, выполняют роль функции бича Божьего. С другой стороны, они дают интересное представление своим видом, своим выражением лиц — эти сотрудники спецслужб дают обывателю представление о том, что не все так просто, своим ви-

дом они словно подчеркивают свою скизофреническую деятельность, ставят на ней акцент.

Лаэртский: Поравнялся я однажды с автомобилем, на котором такой проблесковый маячок, — очень важный, почтенный автомобиль. Я даже заглянул, кто там внутри сидит, но никакой там важности не было, обыкновенные усатые дядьки, семечки лузгают, даже вот к стеклу карта засаленная прилипла, видать, там они и в картишки перекидываются. Одеты, как один, в костюмы еще из универсама «Москва», тех времен, а уж вылезет из машины — ботиночки стоптаны...

Дугин: Либералы несколько дискредитировали престижность профессии шпиона, разведчика, тайного агента. Это один из массы перекосов в перестроечно-демократической майе, то есть это гайдаровско-попперианская майя, которая явно исчерпывается точно в той же степени, как в 1982 году, когда я был абсолютно убежден, что конец проклятому совдепу вот-вот разразится. Точно так же, на сто процентов и с еще с большей убежденностью и уверенностью, нисколько не сомневаясь, полагаю, что вот этому либеральному, западническому восторгу перед Европой, рынком и так далее вот-вот наступит конец. Это последний этап, неважно, кто кого выбирает, неважно, кто лично возглавляет государство, но этот этап точно закончился, мы вступаем в более нормальное общество, и престижность этого тайного скизофренического пространства спецслужб должно заново возрасти. А соответственно, должны быть отменены

в приказном порядке стоптанные башмачки, усы, костюмы из универсама, семечки и так далее. Прежде чем человек сядет в машину с мигалкой, он должен пройти фейс-контроль, тест на состоятельность, на право представлять тайную власть.

Лаэртский: Я бы хотел немножко проанализировать то состояние, к которому мы сейчас пришли. Мы сейчас поговорили об этом. А началось все раньше. Что меня начало настораживать — это был год 1992-й, я катался в метро, потому что у меня это было любимое развлечение, там воздух чистый, там люди красивые ездят, я там катаюсь и замечаю следующую картину: стоит такой грудник лет под тридцать пять, в кооперативных, очень плохой выделки штанишках, в куртчонке, с сумкой из кожзаменителя, в которой явно лежат ворованные с родного завода транзисторы, которые никуда впаять нельзя, поскольку половина сгоревшие или выкусанные пассатижами. С ним стоит девка, ну так, нормальная, ничего, более-менее, то есть меня не ужаснула. И вот он громко, перекрывая шум электрички, ей исполняет такую песню, дескать — я сам плачу своим сотрудникам зарплату, сейчас мы подписали контракт, я на этом контракте поднялся, вот я сейчас сам плачу зарплату и сам штрафуюсь и так далее. Это первый раз, когда меня это насторожило. Это 1991–1992 год.

Дугин: Но возвращаясь — люди, которые работают в тайных структурах, сейчас должны заново переосмыслить свое призвание. Во-первых, если они действительно какие-то левые ребята, они должны

покинуть эти замечательные заведения. Если они туда пришли в силу подозрения о сложном устройстве реальности, если это была их онтологическая локация и в каком-то смысле цель работать в спецслужбах прозвучала как голос особого психического устройства, то они должны взять сначала себя в руки и затем взять уже в свои руки остальных. Я тоже наблюдаю в этих средах разложение, упрощение. Сейчас, например, в Академию ФСБ набрали огромное количество девок, которые разлагают сотрудников и мешают им сосредоточиться на реализации серьезных проблем.

Лаэртский: Поскольку ходят в колготках постоянно...

Дугин: Я совершенно не против женского начала, но что любопытно — в них абсолютно отсутствует понимание серьезности. Они тоже должны внушать ужас, олицетворять страх Божий — и несмотря на то, что они женский пол, все равно необходимо помнить о служении Родине и о той суровой метафизической задаче, которая перед ними стоит. То есть они должны внутренне содрогаться от той сложной реальности, в которую они погружены. И вот этого я совершенно не замечаю. Должен быть новый подход к face control, сейчас руководителям разведорганизаций надо очень тщательно подойти к внутренней дисциплине, чтобы это были рыцари в своем роде, чтобы это был заговор людей с непроницаемой внешностью. Необходимо восстановить имиджевую, положительную сторону — не лузгающих семечки

левых молодцов с усами, под мигалкой, а по-настоящему эффективных людей, которые не давали бы каких-то оснований подхихикивать над собой. Они должны воплощать в себе карающую десницу. Вот в тайном учении Каббалы говорится, что есть две колонны бытия — одна колонна благости, Хесед, а другая наказания — колонна Гебура. И вот спецслужбы по своей структуре и типологии должны больше интересоваться тематикой Гебура, левой колонной, под властью сефиры Пехад, то есть следовать путем левой руки. Есть благословляющая правая длань, но это уже министерство социального обеспечения. А вот спецслужбы должны воспитываться на практиках левой руки, жестокости, и внутренней в первую очередь. Ведь человек не может выступать в роли социального садиста, каким должен быть нормальный представитель полноценной спецслужбы, если он сам по отношению к себе не осуществляет садических интенций. Если он такой валенок с семечками и с усами — похожий на малоросса, простите, — то, конечно же, он и сам себя не пугает и никого другого испугать не в состоянии. Он просто готов с этими потоптанными ботиночками, как вы правильно заметили, и себя, и Родину, и всех своих друзей, и родную Академию просто сдать за копейки. С этим пора завязывать. Мне кажется, эпоха такой вальяжности, софти, гайдаровщины, когда каждый гэбэшник хотел немножко походить на Чубайса или на Гайдара, но у него не получалось, и поэтому он так и ездил весь заплеванный и загаженный, — это все должно уйти. Пусть дешевенький, но суро-

вый костюм, то есть ботинки, галстук, цвет глаз, выражение лица — в этом должна быть перманентная, очень осмысленная, многомерная скизофреническая суровость.

Лаэртский: Вот сообщение пришло: «Слушаю с самого начала. По-моему, ведущий — не уверенный в себе человек. Откуда столько ироничной злости? Вы ведь молодой человек». Подпись — Саша. Саша! Но, во-первых, я совершенно не молодой, начнем с этого, а во-вторых, иронии и неуверенности столько потому, что я как раз этот фейс-контроль не пройду. Могу даже объяснить почему. В момент, когда я волнуюсь, я дышу столь активно и шумно, что лобовое стекло автомобиля даже запотевает. Это не шутка, это серьезно, несмотря на все включенные там вентиляции. Представьте себе, что я пойду в какую-то структуру — все же отсыреет, оружие отсыреет, техника. И поскольку мне без мазы туда ломиться, естественно, я чувствую себя неуверенным и обиженным в общем-то на них на всех. И еще одно сообщение. Вот угроза: «Ирония в значительной степени может быть сетью». Но мы угроз не боимся, потому что у нас есть каски, которые нам выдали на время, пока этажом выше ведется ремонт. Вы, кстати, Александр, не обращайте внимания на людей, которые тут лазят, прибивают что-то. «Почему вы все время повторяете слово „грудничок“ и „грудничок“? У вас что, дома новорожденный ребенок?» — спрашивают друзья. Друзья! У нас на радиостанции, чтобы как-то прожить, — это секретная информация, начальство не знает — я сдаю соседнее помещение людям с Савеловского вокзала,

и грудничков тут на данный момент пять, все они с мамами, все они здесь живут — так что любовь к этим пухлым созданиям в моей душе пылает камином. «Что вы можете сказать о геотектонических разрывах на территории Москвы? Заранее спасибо». Подпись — Ы. Вы что-нибудь можете сказать, Александр?

Дугин: Французское слово «рэптюр» очень важное с точки зрения инициации, которая предполагает разрыв сознания. Тектонические разрывы представляют колоссальную опасность для всех жителей нашей столицы. На территории Москвы их несколько. Пока они геотектонические, виртуально-потенциальные, но они могут актуализоваться при определенных обстоятельствах. Известно, что и в Москве, в закрытых структурах, и в США разработано тектоническое оружие, способное вызвать землетрясение в любой точке мира, — и там, где есть геотектонический разрыв, проще простого все это дело похоронить, и, поскольку сейчас ухудшаются отношения между Москвой и Вашингтоном, не исключено, что такие люди, которые владеют геотектоническим оружием на другом конце земного шара, могут воспользоваться этим страшным инструментом для активизации потенциальных геотектонических разрывов на территории Москвы и отправить так называемый лужковский парадиз в никуда, туда, где ничего нету, где, по версии, есть просто огонь, и все. Если говорить по поводу лужковского рая, меня недавно спросили, примут ли Кириенко в депутаты? После уже я

как-то шел по Думе и обратил внимание на огромную золотую табличку, и там написано — депутат Парадиз. Когда я увидел депутата Парадиза, я понял, что они примут не только Кириенко, но даже и дядьку с семечками, с одними усами и малороссийской фамилией. Вы можете себе представить человека с фамилией Парадиз, в этом есть что-то гипнотическое.

Лаэртский: Заметьте, в Югославии себя так называют: например Ярослав Караджич, Василич, может, и он просто имя написал — Парадиз. Может, он просто ближе к массам стремится.

Дугин: Может быть, но само понятие — я глазам своим не поверил — оказывается, есть депутат Парадиз. В этом есть какой-то аутогипноз, мне кажется. Каждый депутат в каком-то смысле Парадиз. И каждый москвич в каком-то смысле Лужков. Это некая самоуспокоительная идея, но на самом деле каждый человек, даже если он просто романтически привержен идее силовой структуры, он обязан понимать то, что наш товарищ Ы — который сюда послал информацию и сообщает, что наш парадиз и мы все — лужковы на геотектонических разрывах, что под нами лежит некая онтологическая брешь, в которую при определенных обстоятельствах все мы рискуем полететь. Это то же самое, что и депутат Парадиз. Он не знает о том, что Дума может быть разогнана, что его депутатство может окончиться, что он может отравиться какими-нибудь думскими котлетами — они очень вкусные и дешевые, но на самом деле кругом очень подозрительные лоточники, очень подозри-

тельная говядина...

Лаэртский: А с приближением лета выявляются какие-то эпидемиологические явления — мухи...

Дугин: И конечно, депутат Парадиз может где-то крепко-крепко осесть...

Лаэртский: Неожиданно для себя.

Дугин: И по поводу геотектонических разрывов надо всем помнить. И я думаю, что москвич, нормальный, самодовольный, лужковский такой, поглаживающий пузо москвич, отправляющийся по своим челночным делам или поглазеть на смену дня и ночи на красивых прибранных улицах — по сравнению с ужасной расхристанностью всей остальной страны, — вот такой москвич должен помнить о геотектонических разрывах, он должен просыпаться и говорить себе: «Мы живем на геотектонических разрывах». Он должен в обед, как мусульмане, пятикратной молитвой вспоминать о том, что не все так гладко, так сладко, так вечно, как кажется.

Лаэртский: Вопрос к Александру Дугину. «Что вы думаете о саентологии Хаббарда, имеет ли Кириенко к этому отношение, на ваш взгляд?» Подпись — Михаил.

Дугин: Во-первых, надо помнить, что основавший саентологию Рон Хаббард был членом Ордена восточных тамплиеров и кроулианцем. То есть, мягко говоря, сатанистом. Он, правда, совершил предательство. Настоящий человек, который считал себя антихристом, был Парсонс. Он погиб в результате алхимической операции по созданию ядерной бом-

бы, особой, герметической, алхимической, сатаноантихристовой ядерной бомбы, которую он хотел продать Израилю. И в результате одного из магических экспериментов с вызыванием Бабалон, великой матери сверху, Нуит, Хадит и других темных могуществ Парсонс погиб. Но перед этим Рон Хаббард, основатель саентологии и духовный гуру нашего нынешнего премьер-министра — кстати, воспользуюсь случаем поздравить его, я был сторонником его избрания... Хотя все и считают меня крайне оппозиционным человеком, я приветствую этого нового премьер-министра именно потому, что в этом есть определенный нонконформизм — избрать саентолога. Так вот, Рон Хаббард, основатель саентологии и духовный гуру Кириенко, сообщает о том, что в России сейчас правят наконец-то настоящие кроулианцы, в стране уже обосновался такой телемитский дух. Телемизм — не такая плохая вещь, хотя нельзя сказать, что она и достаточно хорошая. Так вот, продолжая, Рон Хаббард был еще известен тем, что увел у Парсонса — антихриста, взорванного при изготовлении герметической, кроулианской ядерной бомбы, — жену и яхту. То есть он был также еще проходимцем и воришкой. Он посадил на эту яхту жену, которая выполняла роль жрицы в определенных парсоновско-кроулианских ритуалах, загрузил в нее деньги из фондов, которые наивный антихрист Парсонс копил, затем на этой яхте махнул в Калифорнию и там организовал вот эту саентологистскую лабуду, используя гипноз, техники по одурачиванию, в целом,

«Амфора», Дугин, «Поп-культура и знаки времени», 111

ту юмористическую магию, которую практиковали в кругах Ordo Temple Orientis. Я считаю, что на вид это такая подслащенная софт-лабуда — посмотрите налево, скосите глазки, поднимите ножки, хлопайте в ладошки — то есть это тренинг для русских банкиров, которые хотят выучиться заново ставить подпись, сделать мондиалистский апдейт себя. Но не надо забывать об истоках саентологии, которые коренятся в hard core, в таком порнографически-садистическом сатанизме.

Лаэртский: Я хотел бы вернуться к очень давнему посланию на пейджер, касающемуся фрикса и гикса. Для тех наших радиослушателей, кто не в курсе, Александр, может, вы сначала вкратце расскажете предысторию, что это за понятие, что за явление?

Дугин: Фрикс по-английски означает «урод». Был такой замечательный культовый фильм Тода Браунинга, который снял в качестве актеров реальных пин-хэдов, даунов, бородатую женщину, были продемонстрированы уроды, очень похожие на одного аналитика по имени, может, знаете, Соколов — вот это просто вылитый персонаж Тода Браунинга, совершенно классическая иллюстрация. Максим Соколов — просто дубль бородатой женщины Тода Браунинга, и вот пин-хэды, дауны, женщина-паук, трехногие карлики — все это Тод Браунинг вместил в очень интересную кинематографическую конструкцию, где, кстати, главную роль играет русская актриса. Этот фильм, снятый в 30-е годы, был признан мировым сообществом как шедевр неприличия, негуманизма,

и лишь в эпоху более веселых и спокойных в отношении гуманизма 70-х — 80-х этот фильм опять получил культовый статус, и всякому приличному человеку имеет смысл посмотреть этот фильм.

В каком-то смысле это парадигма нашей культуры, и сама культура фрикс стала сейчас крайне модной. Трансвестизм, американский культ идиота в качестве положительного героя. В принципе у Браунинга это все очень парадигматически выстроено, и я думаю, что в каком-то смысле интерес к уродству, патологии, вырождениям, извращениям в современной культуре не случаен, поскольку само понятие нормы несколько растворилось, оно немножко идиотизировано, и потому в этих фигурах абсолютизированных окультуренных даунов проявляется некоторая растерянность нашего калиюгического человечества перед фактом своего собственного наличия, которое утеряло сверхнормальный смысл. Бритва Оккама, о которой мы говорили, она как бы среза́ла, среза́ла и среза́ла дополнительные сущности, обращая человека к своему собственному индивидуальному наличию. И она в итоге сре́зала настолько все, что разница между уродом и нормальным человеком просто стерлась, высшее предназначение утратилось, и современное апокалиптическое человечество само по себе является сборищем фриксов, сборищем разнообразных многоплановых уродов, чье уродство уже не является дискредитирующим компонентом. То есть если человек пин-хэд — это нормально, и у нас такие пин-хэды, вот Саша с Лолитой — типичные, кстати,

браунинговские персонажи.

Мы оказались в ситуации засилья персонажами Тода Браунинга, засилья фриксов в разных аспектах, это, на мой взгляд, показательное качество нашей среды. А гикс, о котором спросил продвинутый радиослушатель, означает английский термин для цирковых осатанелых дебилов, которые за небольшие суммы денег или просто аплодисменты готовы поедать в экскрементах червей или каких-то ящериц на потребу публике. Вот, кстати, такая идея всеобщей идиотской продажности, когда за небольшую похвалу, за небольшую мзду человек готов — и без того сидя по уши в экскрементах — еще осуществить какую-то аутодеструктивную и самоуничижительную акцию, это одна из сторон нашей современной жизни. Это уже становится не то что унизительно, а нормально. У нас большинство политиков типичные гиксы, вот Владимир Вольфович — классический гиксовый персонаж. Вот был в свое время доктор Папюс, он был каббалист, но в Америке был второй доктор Папюс — цирковой гипнотизер и псевдосилач, поднимавший картонные гири, поедавший тараканов на потребу публике, вот этот доктор Папюс-дубль страшно напоминает своей историей Владимира Вольфовича. Это тоже своего рода гикс, классический российский мажорный гикс. Я считаю, что вопрос о фрикс энд гикс — это вопрос обо всем. Это уже вышло за уровень сборников, которые издавали всякие альтернативные организации типа друзей Адама Парфри, американские эстеты или правые

взбесившиеся хиппи — очень приличные, кстати, замечательные люди, из детей цветов превратившиеся в таких вот шизоидных монстров. И вот они издают пачками такие сборники, как «Фрикс», с иллюстрациями разных уродств, с историей, классификацией, кадрами из фильмов типа мондо или таких снаф-шоу, когда люди снимают реальные убийства или преступления в третьем мире с оплатой реальным действующим лицам или их семьям. Когда какого-нибудь латиноамериканского мужа из многодетной семьи отправляют за деньги на снаф-шоу — его на потребу публике грохают и все это снимается на пленку в real time. Мне кажется, что сейчас эта культура, культура фрикс, гикс, культура снаф, мондо — это наше обрамление, это объективно, и не надо припудривать это уродство. Либо с этим надо как-то серьезно, фундаментально кончать, вместе с кали-югой, вместе с этими безднами, лабиринтами многовекового, длительного, постепенного извращения, либо признать это, как оно есть. Постмодерн — это фрикс энд гикс.

Лаэртский: Это, согласитесь, все же не в виде апокалипсиса к нам пришло, оно тоже достаточно закономерно развивалось, и появление всех вот этих мощных фриксов и иже с ними на телевидении произошло не сразу и не спонтанно...

Дугин: Конечно, мы сами постепенно к этому дошли.

Лаэртский: Поэтому можно считать, что это есть один из естественных путей развития человечества, то есть где-то был потерян иммунитет против такого

социального уродства, а отсюда и юродства, поскольку действительно испытываешь определенный срам за этих людей, которые переходят, пожалуй, самую фундаментальную грань того, что действительно можно делать и что делать никак нельзя. Если ты испытываешь за кого-то срам — не жалость к ним, а именно срам, — то в общем это означает, что действительно здесь преступлена какая-то очевидная граница. Но с другой стороны, а как же мы с этим покончим — это все равно что взять и вырубить девственный кедрач, потому что когда-то кедрача тоже не было и он также развивался по законам какой-то своей пусть дебильной, но гармонии.

Дугин: Дело в том, что я к этому вопросу отношусь несколько серьезней. Во-первых, я не рассматриваю это как совсем отрицательное, но еще и как нечто знаковое, показательное. Вы совершенно правы, это не просто чья-то провокация — такое количество уродов, фриксов, кретинов и гиксов — warm eaters, которыми запружена наша политика, культура, средства массовой информации — все, что мы видим вокруг, все это, конечно, нельзя искусственно трансплантировать откуда-то, воспитать. Безусловно, это синдром некоего фундаментального вырождения, но как с этим покончить? Мне представляется, что не лобовым образом. Из-за того, что они такие, откровенно большинством своим неполноценные люди, которые определяют моду и модели поведения, мне представляется это недостаточным основанием для того, чтобы просто терроризировать или, например, уничто-

жить — это ничего не даст, потому что те люди, которые будут их уничтожать или возьмут на себя социальную санацию, будут ничем не лучше и выведут такое же поколение фриксов, если не хуже.

Лаэртский: Заметьте, как они развиваются. Достаточно посмотреть некоторые рекламные ролики, где фигурируют фразы о том, что такой-то журнал расскажет вам о жизни и тусовке в столице и в мире. То есть не о жизни, заметьте, доярок под Смоленском. Я бы вообще не называл это культурой, по-моему, это сплошная профанация, дебилизация, и вырождение здесь определенно присутствует.

Дугин: Но это все-таки еще не показатель настоящего гикса. Вы хорошо выбрали слово «срам». Есть персонажи, за которые испытываешь срам и стыд без того, чтобы они показывали фиги или душили каких-то ласточек из гнезд, — у них просто на роже написана непристойность и неприемлемость их, а особенно неприемлемость в качестве персонажей, которых можно учитывать, уважать, с которыми можно общаться. Некие бесстыжие, бессовестные пин-хэды, и их засилье — это не только случайное следствие того, что они просто дегенерировали, повылезали, охамели. Я думаю, что человечество в конце нашего цикла, в конце кали-юги утратило свое осмысление, свое значение. Того значения, которое в любых формах традиционной цивилизации и даже современной еще до тотального наступления постмодерна имело некоторый смысл в преодолении, — вот его сейчас нет. Любая культура, любая религиозная, социальная сфера пред-

полагала, что человек должен преодолевать свою данность, кем бы он ни был, и несмотря на все его естественные ограничения искать в этом преодолении некоторую осмысленность существования. То есть это преодоление было в той или иной степени содержанием всех типов цивилизаций, всех типов религиозных и даже современных обществ, такого как, скажем, социалистическое общество. Закончилась эпоха модерна, это факт. А как к этому факту отнестись — уже можно так, так и так, по-разному. Постмодернизм — это одна из реакций на наступление постмодерна, но могут быть и другие реакции. Так вот, попав и войдя в постмодерн, мы объявили об отсутствии высшего смысла существования отдельного человека, цивилизации, культуры и общества — всегда, наверное, были уроды, всегда были странные, дегенеративные, срамные персонажи — но постмодерновый уродец — это пародия на андрогина Золотого Века, часть великой пародии, орды гогов и магогов, жестом защиты от которых Александр Великий возводил свою стену — от Саши и Лолиты в том числе...

Часть II

МУЗЫКА-СМЕРТЬ

ВОЗМЕЗДИЕ ИДЕТ...

(памяти Курехина)

Рано, слишком рано он умер. Полный планов и сил, проникнутый музыкой и мыслями, обновленный духовно и удивительно юный физически. Сергей Курехин оставил нас явно прежде своего срока, не вовремя... Насыщенная, интенсивная жизнь прервалась на высшей ноте, в момент обретения Сергеем последних формул, обобщающих богатый, яркий, наполненный интуициями и творческими открытиями путь.

Курехин был гениальным композитором, его «Воробьиная оратория», несомненно, будет признана классическим музыкальным произведением конца XX века. Он был одним из лучших современных джазовых авангардных пианистов, признанных во всем мире и игравших с элитой современного музыкального мира. Он был столпом постмодернизма, развивавшим в своих блестящих «Поп-механиках» наиболее интересные, захватывающие, убедительные и выразительные аспекты постмодерна в целом, резко контрастирующие с второсортными поделками других представителей этого направления, уходящими корнями в слюнявость позднесоветской либеральной диссидентуры и пропитанными духом

старья и бездарности. Он был блестящим интеллектуалом, охватывающим огромное количество философских пластов — от традиционализма и истории религии до постструктурализма и психологии глубин. Он был душой Санкт-Петербурга, вдохновителем практически всех более или менее интересных тенденций и мотивов в питерском нонконформизме. В свое время он был духовным наставником и для Гребенщикова, и для Цоя, и для Академии Тимура Новикова, и для Африки, и для целой плеяды новых кинематографистов (самым талантливым представителем которой является друг Курехина — Сергей Дебижев), и для Сергея Шолохова (из столь интересной когда-то, но выродившейся программы «Тихий дом»), и для многих других. Участие в курехинских Поп-механиках было стартом для большинства известных музыкантов, художников, артистов. Отход от Курехина почти всегда вел к затуханию, омертвению, вырождению... Он был как сама жизнь, тонкий дух, меркуриальное движение, оживляющее плотные формы...

В последние годы Курехин пришел к Консервативной Революции. С «Элементами» и национал-большевизмом его соединяли духовные, идейные и дружеские узы. Бесконечно жаль, что это стало последним, заключительным этапом его судьбы, а не новым шагом к выяснению собственной миссии (как считал и до последнего дня жизни верил сам Сергей). В парадоксальном и насыщенном творческим духом движении Консервативной Революции Курехин увидел формулу, как нельзя лучше соответствующую логике

его собственного творчества, в котором всегда совмещалось несовместимое — архаическое и модернистское, классическое и авангардное, сверхсерьезное и сверхлегкомысленное, изысканно-интеллектуальное и гротескно-идиотское. Его последние политические пристрастия нельзя интерпретировать примитивно. Неверно считать, что он стал из «либерала» «национал-патриотом» (или даже «фашистом»). Еще менее верно полагать, что он видел в этом средство для нового уровня эпатажа. Все гораздо сложнее. К такой глубокой и духовной личности не подходят примитивные клише, продукты усредненных мозгов. Последний этап его идеологических приоритетов так же сложен и парадоксален, как весь его путь, как его личность, как его судьба, как его творчество. Это еще предстоит осознать, осмыслить и адекватно проинтерпретировать.

Нас оставил великий человек. Когда он был рядом, казалось, что все впереди, что будет еще много неожиданностей, концертов, акций, встреч, интервью, программ.

Мы были с ним уверены, что идиотский ужас «либералов» перед его новыми ориентациями постепенно сменится более адекватным отношением, стремлением понять, а вместе с тем постепенно расширятся и культурно-эстетические рамки восприятия патриотической оппозиции, закостеневшей в маразматической архаике, для которой Курехин отождествлялся с космополитизмом, «демократией» и развенчанием Ленина (которого Сергей разоблачил как «психологического визионера-гриба», кстати,

не так уж и плохо, по сравнению с мондиалистскими биороботами). Наш конспирологический план заключается в том, чтобы открыть «демократам» ценности Традиции и евразийства, а «патриотам» привить вкус к авангарду, нонконформизму, творческому поиску. Курехин мечтал о новой евразийской империи — предельно жесткой вовне (ощетинившейся ракетами и авианосцами) и предельно мягкой внутри (с расцветом муз, с фонтанами, нимфами и фавнами, с поэтами и учеными — своего рода «русский рай»). Он называл это «империей ежового типа». Синтез предельного тоталитаризма с предельной свободой. Здесь нашлось бы место для всех антагонистических сил...

Как только пришла первая жуткая весть о его болезни (вначале никто не знал, что речь идет о роковом и неизлечимом заболевании — раке сердца), я наугад открыл книгу французского поэта Луи Каттье «Вновь обретенная Весть», по которой иногда можно очень точно предугадать будущее развитие событий. Я наткнулся на загадочную фразу из пункта под символической цифрой 72: «72. У нас больше нет места в этом мире, где сердца людей ожесточились подобно железу или подобно цементу мертвого храма». Я был поражен, насколько точно это соответствовало трагической ситуации Сергея. Вскоре я навестил его в больнице и рассказал об этом происшествии. Он задумался, но тут же снова пришел в свое обычное веселое расположение духа и принялся строить планы, как он будет дурачить корреспондентов по поводу своих видений во время только что перенесенной

клинической смерти (хотя на самом деле он просто погрузился в черную пустоту).

Его сердце не было «подобно железу». Он был величайшим исключением — его сердце было *живым*. Саркома убила не просто биологический орган, она — вестница катастрофы — погасила священный огонь творчества, духа...

Но этим законам править осталось недолго. Подлинно живое нельзя убить. Неправильно говорить, что Курехин остался с нами. Нет, он ушел, но он ушел в жизнь, в свет. Горе тем, кто остался. Остался во мраке этого убогого, вялотекущего, мертвящего, энтропийного существования. Вторая часть пророчества Луи Каттье, которая была расположена на правой стороне той же страницы, звучит так: «72. Чем более жестокими и дикими они будут, тем больнее будут им пытки и тем совершенней перемелет их смерть».

Сергей Курехин умер. Но ничего не закончилось. Никто не уйдет от ответа. Он погиб, как воин, как аристократ, как герой. Дегенеративные власти Санкт-Петербурга отказались хоронить гения на Литераторских Мостках, так как «он был фашистом» (по их выражению). Он страшен им даже в гробу. Все в порядке, Сергей, мы все расставим по своим местам.

«Возмездие идет». Когда я выходил из больницы Курехина за день до его смерти, именно эта фраза бросилась мне в глаза с угрюмой больничной стены.

Мы им еще покажем.

418 МАСОК СУБЪЕКТА

(эссе о Сергее Курехине)

72. У нас больше нет места в этом мире, где сердца людей ожесточились подобно железу или подобно цементу мертвого храма.

72. Чем более жестокими и дикими они будут, тем больнее будут им пытки и тем совершенней перемелет их смерть.

Луи Каттье
«Вновь обретенная Весть», книга XXII

Два постмодернизма

Постмодернизм не есть нечто фиксированное и строгое, раз и навсегда данное и описанное. Речь идет лишь о прогрессивном осознании исчерпанности ценностных систем и художественных методов, свойственных эпохе «модерна». Постмодернизм единодушен в отрицании модернизма, в попытке его преодоления, но там, где речь заходит о новом, альтернативном утверждении, это единодушие мгновенно пропадает. Одни постмодернисты целиком наследуют сам дух «нового времени», видя в постмодерне только новый (хотя и особенный) этап непрерывного культурного развития. Но есть и иные носители того же постмодернистского импульса, понимающие, однако, постмодернизм как конец целого периода в цивилизации, связанного с «новым временем», как внезапно открывшуюся возможность обратиться (пусть в новой форме) к тем реальностям, на отрицании которых

базируется эта цивилизация. Постмодерн — в своем сарказме и осмеянии серьезности авангардистской рефлексии — делает возможным духовную реабилитацию «премодерна», т. е. мира традиции, со свойственными ему культурой, аксиологией, этикой и т. д. Иными словами, можно определить этот второй вариант постмодернизма как разновидность Консервативной Революции...

Сергей Курехин, безусловно, принадлежал к этому консервативно революционному направлению.

Поп-механический «тоталитаризм»

Курехин собирает в своей «Поп-механике» практически все виды искусств — балет, музыку, мелодекламацию, цирк, театральные постановки или кукольный театр, эротический перформанс, живопись, декоративное искусство, кино и т. д. Причем такое слияние разрозненных элементов проходит сквозь все его творчество — с навязчивостью, подчеркивающей неслучайность, глубинную обоснованность метода для самого художника. Кажется, что мы сталкиваемся с настоящим хаосом, с тотальным синкретическим смешением всех стилей и жанров в странном полусмешном-полусумасшедшем представлении, в котором непонятно, когда весело хлопать, а когда мрачнеть. На первый взгляд такое смешение — чистый авангардизм, т. е. шаг «вперед» по отношению к распределению жанров даже в модернистском контексте, где самые радикальные попытки выйти за пределы стиля все же подчиняются внутренней логике,

присущей данной сфере искусств. У Курехина же — особенно в его масштабных, тотальных, массовых «Поп-механиках» — просматривается (впечатляюще) стремление сочетать именно «все», все, вместе взятое. По мере развития «Поп-механики» неумолимо расширялось не просто количество элементов, используемых в шоу, но и количество жанров, дисциплин... Самые последние этапы творчества Курехина (многих поставившие в тупик) характеризуются тем, что в этот контекст постепенно включается политика (естественно, экстремистская), ритуал, научные опыты. Единицы представления расширяются от личностей до коллективов, от объектов до видов, от стилей до жанров, от персоналий до дисциплин.

В этом стремлении к тотализации творчества — объяснение последних увлечений Сергея. Те, кто не понял смысла этой ориентации, видимо, никогда всерьез не задумывались над сущностью того, что он делал и раньше. В противном случае обращение к политике, геополитике, эзотеризму не воспринималось бы как нечто странное, «скандальное». Экспансия за пределы жанровой ограниченности, некоторый постмодернистский «империализм» в искусстве логично перетекли в область политического, где оперируют с особенно большими величинами — историей, социальными учениями, массами. Естественно, что «империалиста» в творчестве более всего привлекает евразийский масштаб в политике, а стремление к пределам в искусстве естественно трансформируется в увлечение политическим радикализмом...

Скоморохи — жрецы премодерна

Если в отношении модерна смешение всех видов искусства (шире, культуры) в нечто единое является действительно новым и беспрецедентным, то в более широком историческом контексте все выглядит иначе. Дело в том, что ортодоксальные виды современного искусства — как-то: музыка, балет, живопись, театр, литература и т. д. — сложились как незыблемые самостоятельные жанры довольно поздно — начиная с Возрождения, а кристаллизовались и совсем уж недавно — с началом Нового времени. Оказывается, модерн или современное искусство получили жанровую спецификацию (от которой они жаждут освободиться в постмодернизме) строго в момент перехода от общества традиционного к обществу профаническому.

А что же было до этого?

Здесь мы сталкиваемся с некоторым интересным обстоятельством. Все современное искусство в христианской и постхристианской цивилизации развилось из некоего общего комплекса, в котором сосредоточилось наследие дохристианского — «языческого» — религиозного и эзотерического культа. В Европе это была культура труверов или миннезингеров, в России, с еще большей наглядностью, эту же функцию выполняли скоморохи.

Христианство, и особенно строго православие, осуждает всякое внерелигиозное искусство — особенно это касается музыки, плясок, светских песен, театральных представлений и т. д., — справедливо

считая все это продолжением дохристианской сакральности. Позднее ставшие светскими развлечениями игра на музыкальных инструментах, пляски, поэзия, театральные представления и т. д. изначально были инструментами магических и теургических ритуалов. Их исполняли специальные категории жрецов или пророков (вспомним кельтских бардов и ваттов, бывших членами жреческой иерархии друидов). До сего времени некоторые примитивные народы, у которых распространен шаманизм, сохраняют такое же отношение к искусству. Пение, пляски, представления, рецитация мифов и т. д. — дело исключительно шамана, который и является центральной и основной фигурой в сфере того, что в профанической цивилизации стало называться «искусством». Даже в Ветхом Завете упоминается о подобной практике: например, пророк Елисей (ученик Илии) начинает пророчествовать, когда слышит игру на гуслях специально приглашенного музыканта. Но в самом изначальном обществе пророк и музыкант были не двумя различными персонажами, а одним и тем же лицом. Так, в ессейских кругах понятия «пророческая школа» и «музыкальная школа» были синонимами!

Христианство вытеснило эти дохристианские теургические культы из социальной реальности, но они не исчезли полностью и стали достоянием особых групп, довольно маргинальных, но сохраняющих вопреки всему основы древнейшего знания, принципы культовых практик. На Руси главным братством такого рода после окончательного иско-

ренения волхвов и их традиций стали скоморохи, «веселые люди».

Скоморохи в своих представлениях фактически воплощали в себе в синтетическом состоянии все то, что позднее получит название искусства в модернистском смысле. Они «играли» на музыкальных инструментах, «плясали», показывали «театрализованные» представления, рассказывали «предания» в стихотворной форме, водили с собой дрессированных зверей и т. д. Но все эти элементы их деятельности были объединены общим сакральным знанием космологического порядка — их шутки, даже самые грубые, были формой изложения символической доктрины, пляски представляли собой теургические магические жесты, в своих песнях они передавали инициатические секреты, вытесненные христианской догматикой. При этом и сами они, и их зрители впадали в состояние транса, т. е. особого духовного настроя (прелести), в котором ясно ощущается присутствие потустороннего мира. Неудивительно, что при этом важную роль играло употребление алкоголя или иных психотропных веществ (возможно, грибов).

Именно скоморохи (и их традиция) являются для России начальным автохтонным синтезом того, что позднее станет искусством и его жанрами. Пляска перейдет в балет, пение — в оперу, игра на музыкальных инструментах — в симфоническую музыку, пересказ мифов — в литературу, дрессировка зверей и шутовство — в цирк и т. д. Важно заметить, что в отдельную область — оккультные науки — выделилась и сакральная сторона учения скоморохов.

Единственно, что секуляризация русского общества шла под прямым воздействием Запада, поэтому на становление светской культуры больше повлияли продукты разложения «западных» эзотерических организаций, которые тем не менее были прямыми аналогами русского скоморошества. Это привело к некоторому культурному дуализму, сохраняющемуся и до сих пор: высшие классы русского общества считают культурой результаты расщепления единого комплекса европейских труверов или «жонглеров», тогда как народные массы во многом наследуют автохтонное скоморошеское понимание «развлечения» или «веселья». С этим, в частности, связано культовое значение «пьянки», но это особая тема.

Зловещий смех

То, что всегда делал Сергей Курехин, — не просто творческий поиск, это упорное и последовательное воссоздание того органического единства, которое предшествовало и классике, и модерну, и гипермодерну — рок-музыке, авангардизму и т. д. Поражает, с каким постоянством он воспроизводил все основополагающие черты традиционного, «докультурного», «архаического» жречества. Будучи по образованию классическим музыкантом, пианистом и композитором (одним из лучших российских джазистов), он с самого начала тяготел к введению в свои концерты животных, зверей. Не одноразовый эпатаж, а настойчивая уверенность в осмысленности представления

животного на сцене как самозначимого, глубоко символического акта. Звери в традиции — календарные и космологические символы. Каждый вид — буква в священной книге, внятной жрецам. Кролики, львы, коровы, курицы Курехина (как медведи, собаки и козы русских скоморохов) — суть тотемические и астрономические знаки. Подобно римским авгурам (предсказателям по птичьему полету), Курехин особенно интересуется орнитологическим символизмом — воробьям, к примеру, он посвящает свою гениальную «Воробьиную ораторию». Одно время он даже был воодушевлен проектом постановки монументального памятника воробьям.

В «Поп-механике» постоянно возникала тема театра, постановки. Иногда концерт фактически полностью превращался в спектакль. Внешняя абсурдность сюжета (как и у скоморохов) скрывает символические ряды. Так же объясняются и внешне странные, почти комические телепередачи — знаменитые «Грибы» — под видимой нелепостью скрыты эзотерические доктрины. После публикации на русском текстов Теренса Маккены («Пища богов») о влиянии на психику психоделических грибов и об их связи с сакральными культами у древних народов, идея о том, что «Ленин был грибом», должна восприниматься далеко не так бредово. Магическая подоплека большевизма становится все более очевидной; Курехин лишь опережает строгие научные исследования, облекая серьезнейшие доктрины в гротескные формы, вызывающие смех.

Кстати, о смехе. Сам феномен смеха не так очевиден и прост, как кажется. Традиция считает, что это привычное в человеческом обществе действие на самом деле есть форма контакта с потусторонним, и поэтому в некоторых магических практиках с помощью смеха вызывают духов. Сопоставьте с этим запрет на смех и улыбку во многих аскетических практиках, а также ритуальный характер смеха в средневековом обществе; например, алхимический и оккультный, оперативно-магический «мессидж» у Рабле.

Смех, который вызывал Курехин, странен и неоднозначен. Тот, кому казалось, что он понимает смысл его улыбки, заблуждался еще больше, чем тот, кто откровенно недоумевал. В этом смехе есть что-то изначальное, крайне невеселое. В принципе и сами скоморохи часто предстают в истории как двусмысленные персонажи. Воплощая в себе архетип «пришельца», «иного», «чужого», скоморохи вызывали одновременно и интерес и отторжение (даже ужас). Они были как бы посланцами «с той стороны».

Есть мнение, что с годами «Поп-механика» становилась все мрачнее, от «лучезарного юмора» переходя к «зловещему мракобесию». На самом деле лишь прояснялся изначальный проект Курехина. Становясь более понятным от полноты реализации, он начинал пугать.

Растворение личности

В «Поп-механике» участвовало множество знаменитых личностей — музыкантов, певцов, актеров, художников, поэтов, общественных деятелей. Но все

становились своего рода манекенами в странном действе Сергея Курехина, в сознании которого они приобретали особое культовое функциональное значение, совершенно отдельное от того статуса, который был присущ им сам по себе. Сквозь всех начинала просвечивать какая-то особая реальность, особое неопределенное существо... Причем это не личность самого режиссера, организатора и манипулятора странного хаоса, но нечто иное, «магическое присутствие», размытые, но довольно зловещие черты «кого-то еще». Улыбаясь, сам Курехин говорил о предчувствии рождения в космической среде «нового существа», которое должно вот-вот обрести физиологическую оболочку. И снова в этом слышатся нотки архаической теургии, волевой манифестации в привычном контексте грозной потусторонней реальности...

Слово «скоморох» произошло от слова «маска». В последней «Поп-механике» (октябрь 1995) все участники были в масках. У Курехина все становятся масками, странным карнавалом, зловещим водоворотом, в котором растворяется личность, привычная реальность, где все ожидания неизменно обманываются. Персона исчезает...

Но вспомним этимологию слова «персона» — так назывались именно «маски» в греческих трагедиях. Генон подчеркивает инициатический смысл античного театра. Смена масок одними и теми же актерами иллюстрирует инициатическую идею того, что индивидуум не есть вещь в себе, законченная и абсолютная реальность. Это — лишь игра высших духовных сил, временное образование, сотканное из грубых элемен-

тов, готовое в любой момент раствориться. А за всем этим — холодно и неизменно — стоит неподвижное небесное Присутствие, вечное «Я». Вовлекаясь в водоворот абсурдных и не имеющих самостоятельного значения ситуаций, в некоторую космическую «Поп-механику», вечное «Я» забывает о своей природе, начинает отождествляться с маской. Сакральный театр призван напомнить о том, что это заблуждение, что важно лишь грозное Присутствие, а люди — только тени потусторонних объектов. «Поп-механика» — как и раек скоморохов — модель мира, ремейк архаического святилища.

418

Жизненный проект Сергея Курехина амбициозен в высшей степени. «Поп-механика» должна стать до конца тотальной. По ту сторону модерна все яснее вырисовываются черты «новой реальности». Искусство, каким оно было в эпоху модерна, исчерпано. Вместе с ним исчерпана культура модерна, философия модерна, политика модерна... Человек модерна подошел к роковой (для себя) черте. Апокалиптические мотивы нынешней цивилизации стали почти «рекламной» очевидностью.

А за гранью мрака пробиваются невидимые пока лучи. Новый Эон, новый мир, новый человек.

Люди с психологией «soft» видят грядущее в тонах инфантильного оптимизма — нью-эйдж, экология, дзэн-буддизм, пережитки хиппи. Курехину гораздо ближе апокалиптические краски Алистера Кроули.

Новый Эон будет жестоким и парадоксальным. Век коронованного младенца, обретения рун, космического буйства Сверхчеловека. «Рабы будут служить и страдать».

Восстановление архаической сакральности, новейшее и древнейшее одновременно, синтетическое сверхискусство — важный момент эсхатологической драмы, «бури равноденствий».

Кроули утверждал в своей «Книге Законов», что только тот, кто знает смысл числа 418, сможет перейти в новый Эон, в котором наступит эра подлинного постмодернизма — без стонов и компромиссов.

Последняя «Поп-механика» проходила под знаком 418. Фактически это была кроулианская постановка, иллюстрирующая конец Эона Осириса.

Что-то подсказывает, что скоро мы увидим вокруг нас странные знаки.

Буря равноденствий.

«Поп-механика» Сергея Курехина играла в пришествии нового Эона особую роль.

ГОРОД КУРЕХИН

Тайна имени

Санкт-Петербург навсегда останется в моем сознании его городом. Улицы, станции метро, набережные, концертные залы, книжные магазины, аудитории институтов, мастерские художников, репетиционные базы музыкантов, Пушкинская, 10, салон

Дебижева... На всем этом печать Сергея Курехина, его интонации, его присутствие, его походка. Его дух, его стиль, его взгляд.

Мы шли по набережной, обсуждая нашу предвыборную кампанию осенью 1995. Внезапно остановившись, Курехин говорит:

— Александр Гельевич, нам необходимо ввести в предвыборную агитацию такую важную тему — имя города.

— ?!

— Если город постоянно переименовывают, если его имя не очевидно, то все имена не настоящие. Если бы Питер точно назывался Питером, то его не стали бы все время называть по-разному. А раз так, то у него нет имени.

— Не может быть города без имени.

— Да, конечно, значит, его имя — тайное. Какое-то секретное, еще не найденное, не озвученное.

— Может быть, он не «Санкт-Петербург», а просто «Санкт»? — предположил я.

— Нет, скорее всего, сложнее... Надо найти имя города... Для этого надо устроить какой-то сногсшибательный сеанс.

К этой теме мы возвращались еще не раз. Имя города. Город без имени. Город-призрак. Город — мерцающая тревожная возможность. Бросок России к Северу (положительно), но и к Западу (отрицательно). Город огромной империи (положительно), но империи светской, профанической (отрицательно). Питер, двойственная реальность, город-перевертыш.

В наших прогулках с Сергеем Курехиным, которые были одновременно перипатетическим политическим заговором, философским дискурсом, планированием макропроцессов в современном искусстве и обменом магическими формулами, мы заметили, что реальность Питера воспроизводит лабиринт. Даже идя по самой прямой улице, прочерченной по голландской линейке, остается ощущение, что двигаешься по спирали. Какой-то темный дух заворачивает шаги в причудливые траектории, не имеющие ничего общего с евклидовыми законами. Постоянное смещение, раздвоение пространства. Но пространство формирует мысль (а мысль пространство), поэтому семантика Питера такая сложная, мерцающая, двусмысленная, семантика спирали.

Сергей Курехин немыслим без Питера. Его дух связан с этим городом глубочайшими узами. Никто так ясно и объемно не понимал его, не выражал его, не воспроизводил его парадоксальных, спиралевидных парадигм. Я подозреваю, что Сергей и был «духом Питера», как бывают духи священных рощ и ручьев, рек и холмов, лесов и полей. Этимологически слово «гений» некогда означало у римлян именно «дух», подразумевая «дух места». Гений Курехина — питерский гений.

Тайна имени города без названия, города гниющего и веселящегося, болтливого и насупленного, тонкого и болезненного, лабиринтно тупикового и непрерывно ищущего выхода за свои расплывчато-тюремные невидимые границы. Сергей унес с собой на ту сторону секрет невероятной важности. И по всей ви-

димости, делу его нет подлинных наследников, он был настолько выше и глубже коллег, что с его исчезновением пропала волшебная ось.

Нераскрытая тайна имени.

Путешествие из Москвы в Петербург

Курехин, зная все нюансы и детали питерской интеллигенции, видимо, давно разочаровался в ее магистральной, несколько по-слабоумному «явлинской» ориентации. Во всяком случае своего скепсиса он не скрывал. Но стремился изменить такое положение дел, вдохнуть в мозги города новые темы и сюжеты, новую энергию и новые концепции. Он чувствовал кризис — не только городской, но национальный — и искал иные пути. Питер — важнейшая точка русской истории. «Культурная столица». Поэтому — как в лаборатории — там должны были быть осмыслены и реализованы новые модели, открыты новые горизонты.

Наша предвыборная кампания совместно с Сергеем Курехиным была стратегическим ходом в этом направлении.

Известно, что питерцы не любят москвичей. Так же, как романовская Россия не любила Московскую Русь. Питерцы — западники и либералы, интеллигенты и рационалисты, модернисты и апологеты светской культуры. Эта тенденция во многом реализовалась в антисоветских ликвидаторских реформах последнего времени. Не случайно Чубайс — один из самых разрушительных персонажей новейшей российской исто-

рии — выходец из Питера, равно как и Собчак — человек, обладающий уникальной способностью произносить очень длинные и гладкие, но предельно бессмысленные дискурсы.

То, что Курехин был инициатором моей предвыборной кампании в Питере, имело символический смысл. Я — коренной москвич, патологически люблю Москву и московский период истории. Я — последовательный и радикальный противник западничества, либерализма, профанического уклада. Следовательно, я представляю собой символическую антитезу всему питерскому настрою, его исторической ориентации. Сергей же, напротив, плоть от плоти именно Питера. Наш союз, наша предельная солидарность призвана была нарушить базовые клише, открыть внимательным созерцателям и активным деятелям — интеллигенции, властям, людям культуры, администрации — новый путь невозможного альянса — авангардизма и традиционализма, постмодерна и премодерна, национальной идеи и аристократического космополитизма, глубокой трагической серьезности и легкой иронии, «правого» и «левого» (если эти термины еще вообще что-то означают). Питер должен был отыскать свое тайное имя через обращение к своей матрице — к Великой Москве, центру мира, полюсу Святой Руси. В этом — пространственный символизм выборной кампании. На уровне политических идеологий — тоже сходная картина. Символ либерализма — Курехин — выступает в альянсе с силами, которые клеймятся по меньшей мере как «недемократические» (хотя это

неправда, я — сторонник органической демократии) и экстремистские.

Сознательная наша стратегия по смещению банальных клише. Сергей ожидал, что она будет понята и принята довольно легко, он верил в сообразительность питерской элиты, не сомневался в своем авторитете, доверял интуиции и проницательности друзей. Но все случилось иначе.

Змея вокруг сердца

Курехин рассчитывал, что большинство будет ошарашено. Так и было. Что зашевелятся его давние недоброжелатели и завистники. И так было. Что никто поначалу ничего не поймет. И так было. Но при этом он ошибся в одном — он был уверен, что небольшое ядро наиболее проницательных и авангардных людей Питера схватит идею, солидаризуется с этой ориентацией «поиска имени», «нового курса». Конечно, кое-кто — больше из доверия к Сергею, чем из понимания, — его поддержал, но критическая масса не сложилась. Это, на мой взгляд, было чем-то большим, чем банальное недоразумение. Какие-то странные, малопривлекательные силы, но очень серьезные и очень негативные восстали на сложный и тонкий наш план.

Курехина не поняли, Курехина предали. Вызов не был расшифрован. Все свели к эпатажу, скандалу, эскападе, экстравагантности, заблуждению.

Светлый дух города столкнулся с темным духом, который имел множество лиц. Болотные испарения

подавили утонченное пламя. Тупиковые лабиринты улиц, не ведущих никуда, одержали триумф.

И скоро тьма подступила к Курехину, к его сердцу, к человеку-звезде, к тонкому духу понимания и тайны.

9 июля 1996 года Сергея не стало. Страшный диагноз — саркома сердца. Когда Курехин последний раз приезжал в Москву, мы говорили с ним о древнем гностическом символе — змее, обвившемся вокруг сердца, сердца Осириса, умирающего и воскресающего бога. Тревожное предвидение, хотя Сергей еще и не догадывался о своей болезни. Змей, обвившийся вокруг сердца. Ночь непонимания и пассивности, жестокий ритуал погашения светильников.

После смерти Сергея Курехина его памяти было посвящено множество программ и статей. Но последний период то стыдливо обходился молчанием (о мертвых либо хорошо, либо ничего), то сквозь зубы бормоталось что-то невразумительное. Я еще не встречал ни одного материала, ни одной передачи, где была бы предпринята попытка осознать и осмыслить его путь и его вызов, его идеи и его миссию, логику его судьбы и концептуальное содержание его творчества. Это по меньшей мере подозрительно.

А ведь это вы убили его! Не стройте иллюзий. Вы.

Этот город должен был бы носить его имя, если не был бы городом тупиков.

ДА, СМЕРТЬ НАТАШИ МЕДВЕДЕВОЙ

(типа некролог)

Она и не скрывала своего удивления от факта существования. Это была не поза, но пустота (и, наверное, смерть) жила в ней и раньше. Ее глаза никогда не цвели, хотя судороги по телу пробегали регулярно. Мне кажется, она хотела раньше почувствовать то, что лежит на грани — там, где собираются бандиты и отщепенцы, эгоисты и художники, фарцовщики и героинщики. Она хотела склониться над пропастью и пропасть, но у нее не получалось. Она так и провисела над пропастью, а потом застыла.

Она привезла из Парижа моей маленькой дочери розовый рюкзачок с синей головой слоненка. Прохладный подарок, не дежурный, не сентиментальный, ничего, по сути, не выражающий. Я хорошо помню этот рюкзачок...

Еще я помню, как она красила стены подвала на Фрунзенской, набросив на супермодные пятнистые лосины пролетарский халат. Она была одной ногой из народа и никогда не стеснялась этого.

Я думаю, она с трудом осмысляла свое тело, казалось, она ходит с ним, как с модным пластиковым плащом, оно было для нее чем-то внешним. Казалось, что она давно уже начала наряжаться в смерть, причем с той женской серьезностью, которая на самом деле отсутствует у женщин — они лишь ее изображают, она же не изображала. Я помню ее черные длинные ногти.

Она пела песню про станцию Токсово и про «Да, смерть», намекая на «Viva la muerte» Милана Астрая из этой мучительной Espagna Negra... Еще она пела песню в самом начале перестройки про Ленина и про дадаистов, отличную песню, которая понравилась моему тестю, старому коммунисту и герою войны, он не заметил в ней иронии, потому что в ней иронии и не было. Это была просто песня. И она сама была просто Наташа Медведева, в ней не было второго смысла.

Когда вышла ее книга стихов в крохотном формате, она с радостью сжимала ее в костистой вытянутой ладони.

Еще она замечательно и гортанно говорила на кухне с Егором Летовым, и острый Летов становился мягче, роняя свет своих омских бровей на лимоновский стол.

Во многом ее сделал, конечно, Лимонов. Он обобщил и отчеканил ее собственную пустоту, облек ее в те формы, которые освоил сам. Но и получив форму от Лимонова, она продолжала нестись — ее продолжало нести. Она имела какой-то внутренний вес, вес сам по себе, вес рвущейся пустоты.

Когда она подошла к Пугачевой — все замерли. Когда отошла — все вздохнули с облегчением.

Трагична? Да, безусловно, так трагичен дождь, лес, ручей, фонарь.

Я думаю, что она часто вспоминала школу, танцы и брата. Как она сейчас? По всей логике в рай ей будет пробраться не просто, хотя, может быть, милосердные сумерки выстроят для нее особый посмерт-

ный мир — из серого света, пронзительных, слегка вульгарных духов, острых перьев и разрозненных звуков — не рай, не ад, но специальный временный, приблизительный мир Натальи Медведевой, которая родом из Питера, как и Путин.

Если можно не заблудиться, но при этом сбиться с пути, если можно упорно карабкаться и в то же время неподвижно висеть, если можно петь и одновременно молчать, то Наталья Медведева это проделала.

Ее жизнь ничего не доказала и никого ничему не научила.

Она явно была, но что это значит, едва ли кто-то может сказать...

РАЗВЕРНУВ ПАНОРАМУ МОЛЧАНИЯ

(умер Тимур Новиков)

Он был не просто крупнейший современный художник, но создатель стиля, творец кода. Новая Академия — это именно код. Код мировосприятия, миропонимания, код мысли, видения, языка. Греция превыше всего! Безнадежно спасающая тонущий мир красота. Дендистская ирония... Вслушивание в паттерн отечественного художества... Заговор нового классицизма... Забытые вещи Джона Кейджа...

Он не распознан, не расшифрован и явно не будет — мы доказали много раз, что не способны понять ни ушедших, ни оставшихся, — он отошел, как разрывается ткань, скорее всего, слегка улыбаясь, со-

средоточенно, с мудрым светом давно опустевших глаз, созерцавших то, как оно на самом деле есть. Тимур развернул панораму молчания, ткани и фотографии ожили и умерли на наших глазах, потом ожили снова и снова умерли. Я считал его другом, соратником по заговору, концентратом вопросительной эстетики зловещего вашего города. Он был участником «Евразии», но Евразия есть и по ту сторону, и сады ее так же пышны.

Что-то есть в смерти от детских песен, от серой воды утренней русской речки, от горького шоколада. Одна радость, что все там будем. Пусть обживается. Упокой, Господи, душу усопшего раба Твоего.

РОДИНА-СМЕРТЬ

(роман Неумоев)

Отчим моего близкого друга, яростный антисоветчик, умер перед самым концом Совдепа, буквально накануне прихода Горби к власти. В своей последней агонии он с ужасом повторял: «Это (т. е. совдеп) будет длиться вечно... Не кончится никогда... Никто не сможет ничего изменить...»

Буквально через несколько лет от той реальности, которую умирающий человек считал в полном смысле слова «вечной» — он родился, прожил и умер при ней, — не осталось и следа. Игорь Шафаревич в своей книге «Социализм как явление мировой культуры» приводит пример династии китайских узурпаторов, которые пришли к власти всего на несколько лет, но

ввели свою эру и принялись переписывать историю таким образом, чтобы заранее оправдать свое будущее тысячелетнее владычество.

Многие вещи кажутся нам неколебимыми, абсолютными, вечными, каменно-неподвижными, но достаточно легкого дуновения ветерка, и они исчезают, растворяются, рассеиваются, как призрак или туман. Психоанализ в этом случае говорит о «комплексах», т. е. самогипнозе личности, превращающем незначительную деталь и случайное переживание в непреодолимую психологическую преграду, делающую существование человека бесконечным кошмаром.

Сегодня нет больше брежневских химер, выдававших себя за стражей вечности: исчезли лозунги, парткомы, портреты, гэбэшники, ОВИРы. Причем все произошло быстро, мгновенно, молниеносно. Казавшееся вечным распалось в один миг, массивные троны и солидные карьеры оказались хрупкими, как рябь на воде.

Но человеческое сознание так устроено, что обязательно поддается гипнозу, возводя кумиров, наделенных фиктивной вечностью даже в том случае, если печальная судьба их предшественников мрачно свершилась у них на глазах.

И снова складывается на пустом месте массовое психическое заболевание, новая, сотканная из комплексов, картина болезни. Вместо партийной касты появились «богатые», и теперь уже их власть кажется абсолютной и неуязвимой. В политике все поделено между несколькими наиболее ловкими персонажами. То же самое в культуре, где сформировался

новый официоз, кланово сплоченный не меньше брежневского и не допускающий в свою среду посторонних.

И точно так же, как в конце застоя, кажется, что социальная магма застывает, утрачивает последнюю гибкость. Круговращение элит практически остановлено еще до того, как оно смогло всерьез начаться. Все места, даже во второсортных лавочках, распределены. Все зоны влияния, избирательные округа и приватизируемые сектора промышленности поделены.

Это так, но это иллюзия. Это гипноз, это комплекс. А комплекс, как известно, дело не внешнее, а внутреннее. Рабом делает человека не посторонний агрессор, а он сам. Героя никто и никогда не сможет унизить — ни зона, ни совдеп, ни концлагерь, ни либерализм. Герой — это просто здоровый человек, растворивший комплексы, на которого поэтому не действуют больше чары бесконечных крошек Цахесов, объединившихся в профсоюз. Все они существуют только из-за нашей добровольной кастрации, из-за самогипноза. Мы так боимся смерти, что предпочитаем умереть, но не думать о ней, не сталкиваться с ней, не бросать ей вызов. И поэтому мы предаем свое достоинство и вверяем судьбу Системе, основанной на круговой поруке бездарностей, глупцов и подлецов. Мы сами порождаем ту иллюзию, на непреодолимость которой потом сетуем. На самом деле власть Системы строится на совершенной фикции, на вульгарном обмане, на примитивном воровском трюке. Она берет за основу маленькую человеческую

слабость — неготовность умереть «здесь и сейчас» — и раздувает ее до гигантских пропорций. В традиционном обществе эта проблема решалась легко — через обряд инициации. Человек проходил инициатическую смерть и потом на опыте обнаруживал, что за одной формой существования следует другая, а следовательно, смерть всего лишь эпизод, синкопа, переход. Если и после инициации человек подчинялся определенным нормам, так только исходя из осознания их священной духовной оправданности, а не из шкурного страха. Инициация — это то, что отличает человека от животного. Потеряв инициацию, люди превратились в неполноценных, дрожащих баранов. Они приняли Систему и стали верить в ее гнусные мифы. Появились псевдоценности и псевдоавторитеты. Эфемерное и случайное стало рассматриваться как вечное. И напротив, дух, ум, глубина были дискредитированы как нечто маргинальное, малоэффективное, излишнее.

Мы живем в мире, который вот-вот рухнет. Вот-вот растворится. Наше общество построено на идеях и принципах, за которые никто не заплатил, которые никто не омыл кровью, которые ни у кого не вырваны в смертельной борьбе. Мы пассивно сдали одну идеологию и так же пассивно и вяло притянули к себе разрозненные фрагменты других идеологий, часто совершенно противоречащих друг другу. Нами правят законченные идиоты, и точно такие же идиоты возглавляют оппозицию — второй эшелон, рвущийся к власти. Последние всполохи героизма, характерные для краткого этапа честной борьбы 1991–1993, без-

возвратно затухли. Даже для того, чтобы разжечь самые пламенные сердца, не хватило огня. Болотный мох проел все. И снова кажется, что этому не будет конца... А на самом деле мы стоим у самой последней черты.

Истинная элита, которая сменит весь этот ирреальный балаган, должна произрасти из регионов смерти. Один современный поэт (Роман Неумоев) странно назвал смерть «родиной». Смерть растворит комплексы страха, обнажит лучи настоящего; как опавшие листья, исчезнут в небытии телевизоры, банки и биржи, правительственные аналитики и кремлевские интриганы — весь этот параноидальный паноптикум, нагло выдающий себя за реальность.

В самых ближайших «разборках» у нормальных людей нет своей доли. Жадная толпа уже распределила между собой даже объедки. Но эта мразь скоро исчезнет.

Мы должны жить и действовать так, как будто ничего этого уже нет, «здесь и сейчас». Как если бы мы уже умерли и перед нами простираются чистые горизонты духовной реальности, залитой небесными лучами мысли и терзаемой снизу багряными языками космической страсти. Нам нужна НОВАЯ ПАРТИЯ. Партия Смерти. Партия тотальной вертикали. Партия Бога, российский аналог «Хезболла», действующая уже по совершенно иным законам и созерцающая совсем иные картины. Для Системы смерть — это действительно конец. Для нормального человека — это только начало.

Гейдар Джемаль рассказал мне как-то исторический эпизод: один итальянский генерал из Республики Сало, в конце войны посылая своих людей на верную гибель, увещевал их такими словами: «Не думаете ли вы в самом деле, что будете жить вечно?»

Великолепный аргумент. Большинство людей вопреки всякой логике продолжают жить и действовать так, как если бы они были бессмертны. Чувство справедливости требует от нас, чтобы мы помогли человечеству рассеять это недоразумение.

Этого требует от нас наша Родина, Родина-Смерть.

ЕГОР ЛЕТОВ: РАБОТА В ЧЕРНОМ

Интеллектуальный постпанк

Одним из ярчайших парадоксов нашего времени является факт безумной, ни с чем не сопоставимой популярности среди молодежи группы «Гражданская Оборона» и ее лидера Егора Летова. Тысячи «фанов» штурмуют залы, где проходят его выступления, юноши и девушки в майках с его портретом наполняют летом московские улицы и вагоны метро, его песни выучиваются наизусть, и на концертах публика даже не слушает его тексты — так хорошо она знает их на память. Его любят и боготворят не только в Сибири, откуда он родом, но и в столице, в крупных городах. Ему гарантирован тотальный успех в любом зале любого городка России, и не только России.

Что же здесь парадоксального? — могут спросить те, кто наблюдает за рок-культурой лишь со стороны.

Дело в том, что музыка и поэзия Летова на самом деле представляют собой глубочайшее интеллектуальное послание, которое даже в своем наиболее поверхностном аспекте апеллирует к культурным явлениям, известным лишь профессионалам и элите. Аллюзиями на фильмы Копполы, Герцога, Фассбиндера и Вендерса, на тексты Германа Гессе, Беккета, Мамлеева, Андреева, Сэнт-Экзюпери и Арто, на политические доктрины Бакунина, Сореля и Прудона, на дзен-буддизм, магические учения и т. д. — всем этим полны песни Летова. И одновременно именно они заучиваются ребятами 12–14 (!) лет, которые живут в мире «Гражданской Обороны», как в психоделической цитадели, противопоставленной внешнему миру, где сменяют друг друга в калейдоскопическом ритме режимы и системы, политики и партии, оставаясь, в сущности, одним и тем же — отчужденной Системой, безжизненной и бескровной.

Казалось бы, подростки должны увлекаться чем-то попроще, чем-то более понятным и веселым, нежели полная страшных образов и сложных идей поэзия Летова, требующая от слушателей такого культурного уровня, который не часто встретишь даже у «матерых» советских интеллигентов. Но на деле все обстоит обратным образом. Попсу, бессмысленные и лишенные всякой идеи песни, любит именно старшее поколение — в этом сходятся откровенная урла и «новые русские», рэкетиры и «чичи», истэблишмент и обыватели. Чем младше постперестроечный подро-

сток, тем больше у него шансов стать поклонником именно сложного Летова, а не кривляющихся дебилов попсовой эстрады.

У Летова есть *послание*, которое близко и необходимо молодежи. Бешеный успех «Гражданской Обороны» — глубинный синдром неких фундаментальных изменений в сознании и идеологии целого поколения. Именно по этой причине распознать и расшифровать Летова так важно именно сейчас.

Структура свободы

Одной из важнейших категорий в идеологии Летова является идея *свободы*. Это для него высшая ценность и последняя цель. Но по аналогии с текстами Тантр и доктриной Юлиуса Эволы Летов в своем творчестве все четче различает «свободу» и «освобождение». Освобождение предполагает путь эволюции, постепенных изменений, путь последовательных состояний и действий, направленных на достижение почти однозначно недостижимой цели. Это метод прогрессизма и либерализма. Этот путь Летов отвергает сразу и полностью, начиная с самых ранних песен. «Все, что не анархия, то фашизм <...> но анархии нет!» В этой короткой летовской фразе выражен синтез его мысли. Если «анархии (= свободы) нет», то именно ее отсутствие, а не иллюзорное к ней приближение должно быть положено в основу радикального опыта. Радикальное осознание невозможности освобождения приводит Летова к траги-

ческому утверждению того экстремума, где эта невозможность проявляется ярче всего. Наступает режим «суицида», «некрофилии», рождается грандиозная по своей серьезности и глубине эстетика «Гражданской Обороны», по внешним признакам напоминающая западный панк. Диалектика некрофильской мысли, отказ от всех промежуточных решений, радикальное требование всего «здесь и сейчас» и не мгновением позже приводит Летова к парадоксальному выводу: «истинная свобода — это обратная сторона предельной несвободы, проявляющейся в безумии, смерти, последнем унижении, заточении в темницу, в гроб, превращении в предмет, в «общественный унитаз», «в лед». В одной из своих лучших песен «Война» Летов ясно формулирует этот принцип:

— Свобода или плеть?
— Свобода или плеть?
— Свобода или плеть?
— Свобода или плеть?
— Плеть!

Свобода обретается не вне, а внутри, не по пути вверх, а по дороге вниз. Она обнажается через мрак, а свет ее только отпугивает. Она достояние обделенных, а не удел обласканных судьбой. Плеть, страдание, боль, пытка, смерть ближе к ее тайной сущности, нежели все внешние атрибуты независимости и власти.

Многомерный танатос

Если для обывателя смерть — это абсолютный конец, то для жаждущего свободы Летова — это скорее великое начало. Смерть у него не одномерна и не плоскостна, она обладает множеством измерений, исследование и описание которых составляет динамическую ткань творчества «Гражданской Обороны».

Мука, пытка, страдание, погруженность в последние низы бытия, восприятие мира как гигантской и безысходной выгребной ямы, суицидальные порывы, некрофильские, садо-мазохистские припадки — это преддверие Смерти, вскрытие ее фактического присутствия в бытии, обнаружение ее повсюду и во всем. Постоянство и единственность некрофильской темы всех текстов «Гражданской Обороны», а также их совершенная серьезность опровергают возможное подозрение, что речь идет о некотором искусственном концепте. Летов органически воспроизводит «гностический синдром», т. е. восприятие мира, свойственное гностическим сектам ранних христиан, которые считали, что весь мир создан «злым богом», «демиургом», а следовательно, его последним основанием является именно смерть и страдание. В отличие от западного панка, чей стиль в лучшем случае заканчивается обостренным экзистенциализмом и эстетическим эпатажем, Летов вписывается, скорее, в совершенно иную, сугубо автохтонную, русскую духовную традицию, в которой глубинные гностические мотивы повторяются со странной регулярностью — у фи-

лософа Сковороды, у Кириллова в «Бесах» Достоевского, у многочисленных персонажей Мережковского, Сологуба, Платонова, Мамлеева, а также в поэзии Хлебникова, Есенина, Клюева.

За предчувствием смерти Летов погружается в исследование ее самой. Это наиболее сильные и страшные песни, где дается феноменологическое описание состояний post-mortem. Их сюжеты спонтанно воспроизводят общий сценарий инициации, первая фаза которой — «работа в черном», «oeuvre au noir» — повсеместно называется «опытом смерти» или «сошествием в ад». Моделью такого текста является «Прыг-скок», длинная композиция с одноименного альбома, бесспорно, одного из лучших летовских дисков. Зашифрованное в ней описание путешествия «по ту сторону» может быть понято и как феноменология «психоделического путешествия» с помощью — явно чрезмерной — дозы наркотиков, и как инициатический опыт первой фазы герметического «Великого Делания». Текст песни дает впечатляющие и телесно конкретные образы вступления в тот мир смерти, который открывает особое бытийное измерение, находящееся по ту сторону пространства и времени. Само «прыг-скок», знакомая детская присказочка, становится здесь инициатическим термином, обозначающим «разрыв сознания», «выпрыгивание из обусловленной человеческой формы», «переход в надиндивидуальное».

«Прыг — секунда! Скок — столетие!» — поет Летов, указывая на опытное преодоление законов вре-

мени. И далее — «прыг под землю, скок на облако, ниже кладбища, выше солнышка...» — что означает преодоление законов пространства. И самым главным символом текста становятся «качели без пассажира», двигающиеся «без постороннего усилия, сами по себе», — это человеческая форма, телесно-психическая, покинутая духом, который отправляется в страшный вуайяж по ту сторону.

Так вскрытие вездесущей смерти, как гностический синдром ненависти к проявленному актуальному миру, перерастает в танатофилию, в любовь к смерти, а она, в свою очередь, выводит Летова в новое магическое измерение, свободное от тоталитарных законов концентрационного внешнего мира.

Постижение внутренних таинственных измерений смерти, исследование ее бытийного объема, радикальный опыт полного рискованного погружения в нее — все это постепенно приводит Летова к парадоксальному результату: из заклятого врага смерть превращается в помощника и учителя, способствующего обретению истинной свободы, в проводника, показывающего новые горизонты; в других терминах «фашизм» из объекта ненависти, главного противника «анархии» осознается как ее достаточное основание, как необходимое условие для ее реализации, как ее сущностный союзник.

Эволюция политических взглядов Егора Летова — не просто влияние внешних обстоятельств и даже не императив «вечного экстремиста». Эти взгляды строго соответствуют глубине его магического опыта, эта-

пам «постижения науки бытия», стадиям инициатической «работы в черном», которую Летов проходит, проживает и описывает, к которой, более того, он приглашает всех своих поклонников.

Война!

Политическая эволюция Летова, которая поставила в тупик многих его поклонников, не очень глубоко вдумывавшихся в сущность его послания, имеет и более простое, «негностическое» объяснение. Летов, абсолютно преданный «свободе», был и остается яростным противником Системы, т. е. социальной реальности, построенной на законах отчуждения и пытающейся замаскировать свою смертоносную сущность под фарисейским покровом мещанского благополучия, сытости и конформизма. Когда Система была тождественна совдепу, Летов, естественно, был в рядах его самых радикальных противников (ранний антисоветский период). Но по мере эволюции этой Системы к либерально-капиталистическому образцу политические акценты «Гражданской Обороны» изменились соответствующим образом. Жирные коммунисты и тупые обыватели быстро «перестроились» и превратились в защитников «демократии и либерализма». Без всяких усилий и искусственных поз изменилась и политическая позиция Летова. Когда «антисоветизм» был политическим синонимом анти-Системы, Летов был «антисоветчиком». Когда таким синонимом стал «либерал-капитализм», «Гражданская Оборона» органично перешла на «национал-большевист-

ские» позиции, логично занимая место среди тех сил, которые наиболее неприемлемы лагерю «сытых», «подлых», «лживых». На самом деле это настолько просто и естественно, что даже удивительно, как многие люди могут испытывать по этому поводу недоумение. Непонимание этого хода «Гражданской Обороны» свидетельствует только о полном непонимании даже самых поверхностных аспектов творчества группы, начиная с самых первых альбомов и песен.

Но в политическом пути Летова есть и еще более глубинный элемент. Личный путь Летова отражает определенные объективные закономерности самой нонконформистской политики, где долгое время такие понятия, как «свобода» и «фашизм», «коммунизм» и «национализм», были противопоставлены друг другу. За последние годы в русской и международной политике со всей очевидностью проявился искусственный характер таких противопоставлений. С одной стороны, силы Системы демонстрируют абсолютное отсутствие принципов в том, что они легко меняют идеологии: западные троцкисты становятся защитниками буржуазного строя, советские коммунисты превращаются в ярых капиталистов, либералы оправдывают политические репрессии и физический террор, поборники радикального интернационализма и демократии надевают маски убежденных националистов и т. д. И чем очевиднее и наглее метаморфозы Системы, тем яснее для ее противников становится условность политических клише, а следовательно, нонконформистский компонент всех идеологий стре-

мится к концентрации, фиксации в едином парадоксальном революционном фронте. Против системного лицемерного псевдо-«коммунизма», псевдо-«национализма», псевдо-«либерализма», псевдо-«фашизма» и т. д. складывается революционный лагерь нонконформистов, выдвигающий тезис объединения всех идеологий на противоположном Системе, революционном, радикальном полюсе, полюсе Восстания, Протеста, Бунта, Непримиримости. «Гражданская Оборона», ее политический путь являются символическим знаком рождения такой Революционной Оппозиции, воплощают в себе насущную необходимость нового Фронта.

Нелепо считать — и сам Летов много раз отрицал это, — что Летов изменил свое отношение к «советизму» и «фашизму», что он отказался от «анархизма» и «панка», что он пересмотрел свои убеждения. Если бы сейчас начать все сначала, Летов проделал бы точно такой же путь, и его борьба с советизмом была бы столь же радикальной и бескомпромиссной, что и раньше. На каждый «вызов» Системы подлинный революционер дает «ответ», соответствующий обстоятельствам и конкретной политической обстановке. Он не может не быть «против», пока законы Бытия не победят законы «обладания», а принципы «солнечного света» принципы «лунного отражения».

А для того, чтобы Система из «концлагеря отчуждения» превратилась в Империю Свободы и Вечности, она должна быть разрушена и подорвана в самых своих глубинных основаниях. «Злой Демиург» должен быть повержен, а те, кто претендуют на власть,

должны пройти всю бездну страдания, окунуться в облагораживающий опыт смерти, «работы в черном», реализовать «разрыв сознания», обрести то таинственное измерение, что соединяет «этот мир» с «миром иным». Как в древних сакральных царствах и еще до сих пор среди малочисленных народов, не потерявших традицию, править могут только *посвященные*, только герои, только люди, прошедшие страшные испытания водами и пламенем внутренней духовной Революции.

Пока этого не произойдет, на периферии жизни, затерянные в гигантских ядовитых городах и заброшенных, занесенных снегом поселках участники общенациональной «Гражданской Обороны» будут копить благородную ярость отверженных, презираемых, отказавшихся от своей доли в фиктивном и подлом мире Системы. Со шприцом, бритвой, стаканом, револьвером или просто в медитации будут погружаться они под шаманский голос пророка Егора Летова в очистительный опыт смерти, чтобы либо исчезнуть в нем, проглоченные страшной стихией, либо вернуться преображенными и готовыми к Восстанию, к Революции, к Войне.

Рано или поздно Война придет. Так сказал Егор Летов:

— Мир или война?
— Мир или война?
— Мир или война?
— Мир или война?
— Война!

И даже больше:

— Мир или война?
— Свобода или плеть?
— Любовь или страх?
— Бог или смерть?
— Война!

ЛЕДНИК

(столкнулись льдина и Бодров)

Огромный кусок льда живет своей неспешной жизнью. Прильнув к каменному ложу, он ждет, веками ждет своего часа, и, когда приходит его час, он знает, что делать.

Когда вода, вулкан, соль или пыль гробит обычных обывателей, нас интересуют лишь статистика и отдельные кадры — гигантская волна обрушивается на хрупкую плетеную хижину, ничего себе, целых 600 человек утопло, ужас-то какой... Но стихия фатально промахивается, жертвой натуральных бедствий редко когда становятся знаковые фигуры цивилизации.

В Каббале есть реестр смертей — все они соотнесены с социально-политической значимостью личности еврея, профессиональной деятельностью, принадлежностью к тому или иному колену и т. д. Только последними в списке, на 70-х местах, идут дурацкие смерти, выпадающие из четкой логики математического понимания игры жизни и смерти. За порогом 70 начинаются случайности. Поскользнулся, ударился

рожей о булыжники на мостовой, потерял сознание, умер, не приходя в себя. Для евреев в Каббале все расписано, у не-евреев же судьбы, как у скотов — там у всех смерть после 70-го числа, демоны сырой могилы Аза и Азаэль, как заправские мясники, глушат их как попало, без привязи к содержанию.

Есть нечто подобное в нашем осмыслении природных катастроф. В них редко когда попадают VIPы современного мира, а если попадают, то всем сразу приходит на ум, что катастрофа устроена специально — для их устранения. VIPы вынесены из природы, они олицетворяют цивилизацию. Они нечто подобное евреям в каббалистических реестрах — они те, кто есть, и те, чья судьба взвешена и сочтена, не произвольна.

Если бы льдина Великой Алании задавила тысячи местных жителей и безымянных туристов, мы восприняли бы это из телевизора как информацию о падеже скота или саранче. Да, ужас, ужас... Но как-то мимо нас... Так в WTC никто не погиб с именем, все какие-то статистические берковицы и джонстоны. VIPам, кажется, бен Ладен не страшен, как самому бен Ладену — американские бомбы.

Не будь Сергея Бодрова в осетинских горах, мы бы говорили о льдине. Сейчас мы говорим о льдине и о Бодрове. Они столкнулись. Смерть после 70-го номера с трудом вяжется с VIP-фигурой «последнего героя», баловня российского кинематографа, носителя одной из самых узнаваемых российских физиономий. Наверное, все было сложнее. Как с Помпеями столкнулась стихия неумолимого конца античнос-

ти, а с дворцом Вальтасара кара Божия, так и происшедшее с Сергеем Бодровым важнее природы.

Мудрый железный ледник, ослепительный и бесстрастный, свободно парящий в каменном воздухе, ныряющий в толщи курящейся тяжести растворенных бездн, он мягко присутствовал в своем древнем логове и не собирался двигаться. Он разложил свое раскаленное белое тело на десятках километров, не замечая революций и войн, репрессий и реформ. Он только жадно втягивал в себя влажные тучи и пестовал тайное пламя. Что должно было произойти, чтобы он решил изменить позицию? Раскинуться в ослепительном сне, поднять раскаленный корпус, пустить сок черной каменистой грязи?

К леднику в гости приехал сам Сергей Бодров, «последний герой», «Брат-2». И ледник захотел обнять его, похлопать по влажной щеке, дружески дунуть в переносицу...

«Мене», — сказал Сергей. «Текел», — подхватил оператор. «Упарсин», — в два голоса подтвердили осетинские омоновцы из сопровождения.

Если вы ничего не понимаете, если для вас все бытие вытеснили застекольные кривляния бесплотных безжизненных марионеток, которых вы считаете «героями», если вы совсем невменяемы, то ледник придет к вам в гости. И в первую очередь к дирекции.

Не сразу войдет, постоит на пороге, подумает, обернется, кивнет, нахмурится. Он принесет с собой большую сладкую гибель, подергивание кожи, новые пряники, раскрашенные резиновые подарки. Лед-

ник — это как Дед Мороз, он приходит необратимо и грозно, клича свою Снегурочку-смерть.

Он доберется до самых сердцевин, придя с высот, он не пощадит даже тех, кто захочет укрыться от него на высоте телебашен, этих окостенелых пальцев, указывающих в пустое, обесчещенное лупоглазыми спутниками черное небо. Ледник это то, что после 70-го номера. Но уже не только для статистических медиа-скотов, но и для телеведущих.

Теперь мы многое знаем. И это знание необратимо.

Ледник победил диктора, задавил актера, прихлопнул режиссера-постановщика.

Один — ноль. Один, друзья, ноль.

В нашу пользу.

Часть III

КРАЖА КУЛЬТА

SEX, DRUGS && ROCK'N'ROLL

(интервью Мише Вербицкому
для сетевого журнала :LENIN:)

Sex

«Все естественное в современном (кали-югическом) распределении эротических функций и ролей — неверно и порочно».

Вербицкий: В номере вашего журнала «Элементы», посвященном эротике, многие из авторов осуждают модную вседозволенность и распущенность половой жизни, результат революции 1960-х. Это должно влечь за собой осуждение порнографии. В противовес этой позиции, к примеру, тот же Лимонов утверждает, что русское телевидение должно показывать больше красивых голых женщин, увеличивая рождаемость. Как в таком контексте вы относитесь к идее распространения порнографии?

Дугин: Мое отношение к этому вопросу, равно как и ко всем остальным проблемам, представляет собой динамическое и диалектическое сочетание двух парадоксальных элементов из полярно противоположных сфер. В общем, можно сказать, что я за предельные формы полярных позиций — за сочетание аскетизма и тантры, радикального нонконформизма и жесткой дисциплины. Я против порногра-

фии, особенно в смысле «порнографии образов», как это понимает Бодрийяр, но и против мещанского фарисейства. Эротика — проблема центральная для всех манифестированных существ, не только для людей. Это вопрос о сущностной двойственности всего проявленного. Поэтому нашим ориентиром должна стать тотальная сакрализация эротики. Это не противоречит ни сексуальной магии, ни монашеской практике аскетизма. Это противоречит вялотекущему рыночному буржуазному унтерменшевскому сексу, который помещается на пространстве между софт (иногда хард) порно и лицемерной «стрэйт»-моралью политически корректного большинства. Обратите внимание, современный «центризм» уже не тот, что был раньше, — он и более правый, и более левый, более пермиссивный, но и более лицемерный. Мне близко все то, что находится за пределами «политически корректного». Порнография (если только речь не идет о тантро-инициатических ритуальных образах) есть десакрализация и дематериализация эротизма.

Вербицкий: Когда-то Говорухин продвигал в Думе законопроект, ограничивающий порнографию на российском ТВ. Одобряете ли вы подобные начинания?

Дугин: Говорухин — совок. Его оппозиционность — на уровне противоречий в рамках единого «политически корректного» лагеря. Его законопроект — издевательство над идеей оппозиции. Он снабдил его принятие показательной тирадой — мы не можем остановить гибель Великой империи, так пусть

хоть наш народ не увидит половых органов и полных пенетраций. Я не возражаю против софт-эротики, но половые органы при развале Империи — это слишком. В этом смысле моя позиция — прямо противоположная. Пусть полные пенетрации, лишь бы была Империя. А если эти ублюдки не могут ее отстоять, то тем более полная пенетрация лишь обнаружит их ублюдочную недоделанность в глазах народа, который поймет, что это шкурные эгоистичные и тупые степашки, а не оппозиция.

Вербицкий: Отто Вайнингер, оккультист и философ, несомненно близкий Генону и Эволе, видел женское начало в сексе как однозначно злое/деструктивное и провозглашал примат мужского гомосексуального секса над гетеросексуальным. Эта тенденция доминирует во многих эзотерических школах; среди близких вам политических движений (румынская «Железная Гвардия») гомосексуалисты часто в большинстве. Как вы лично относитесь к мужскому гомосексуализму, его магическим/эзотерическим аспектам?

Дугин: В «Железной Гвардии» более распространены были аскетические практики и гетеросексуализм (часто с космогоническим оттенком — ритуальная свадьба Кодряну). В этом отношении интересны идеи Ганса Блюхера из Вандерфогеля, а также идеи Бенна о фаллической и гомосексуальной основе государства, рожденного из Меннербундов. Это все занятно и явно соответствует определенным «фашистским» архетипам. Но столь же ортодоксальна и гомофобская линия, равно как и женопоклонничество.

Кроме того, помимо консервативно-революционного наследия мы апеллируем к «новым левым», где версии эротических архетипов еще разнообразнее. Так что какой-то строгой официальной линии не существует. Как я уже говорил, я против десакрализированного секса, против его отчуждения в фарисейском обществе и особенно против его коммерциализации. Любовь — антитеза рынка. И она интимно сопряжена с метафизикой и свободой. Любая жесткая легитимация здесь всегда чревата альенацией.

Вербицкий: Почему в авторитарных консервативных/правых движениях, таких, как фашизм, часто доминируют гомосексуалисты?

Дугин: Есть версия, что фашизм есть замещение отсутствующего отца. Многие тянутся к фашизму как к компенсации за недостаток мужского начала в детстве. Я заметил, что эта особенность повторяется и сегодня. Но неверно утверждать, что гомосексуализм — это предпосылка фашизма. Все сложнее. Часто консерваторы бывают и стрэйт.

Вербицкий: Почему в авторитарных прогрессивных/левых движениях (ленинизм, маоизм) гомосексуализма заметно меньше?

Дугин: Коммунизм есть недостаток материнского начала. Это, кстати, подмечал и Эвола. Что касается меньшего процента гомосексуалистов у коммунистов — это неверно. Европейские компартии и особенно троцкисты сплошь гомоэротической ориентации. Только в случае фашистов такая ориентация связана с акцентуацией мэйл, а у коммунистов фимэйл. Вооб-

ще, вопрос настолько сложный, что всегда имеет две стороны. Любопытно, что и либералы сегодня выдвигают на авансцену явных пэдэ. Но если пэдэ коричневые или красные разоблачаются, то пэдэ либеральные, напротив, только вызывают симпатию. Система — такая свинская вещь, что любой аспект трактует в свою пользу. Логики и последовательности здесь не дождешься. В любом случае центральное значение здесь имеет солидарность, пробужденность, активность и революция.

Вербицкий: Нету ли здесь связи между политикой и алхимией/тантрой/sex magic Эволы и Кроули? Можно ли сказать, что политика бывает связана с sex magic и тантрой? Если да, то не могли бы вы привести примеры такой связи?

Дугин: Политика одной из своих сторон (наиболее интересной) связана с миром оккультного. Это факт. Мир оккультного одной из своих сторон (наиболее интересной) связан с миром инициатической эротики. Примеры вы и сами знаете — Мириам, О.Т.О., Телема, мартинизм, иллюминаты, египетская масонерия, девиантный тантризм и их связь с коммунизмом, фашизмом, либерализмом (в масонском аспекте) и т. д. Мой тезис, который я разбирал во многих книгах, но пока еще не довел до окончательной формулировки, такой. Ось политики — тайная политика, оккультные и мистико-геополитические проекты закрытых организаций и лож (причем здесь все неоднозначно, парадоксально, многомерно). Ось оккультизма — магоэротизм как наиболее действенная, шокирующая, революционизирующая сторона.

Вербицкий: Правильно ли я понимаю, из помянутого выше номера «Элементов», что вы рассматриваете лесбиянство и агрессивность в женском сексе как однозначное зло? Почему?

Дугин: Не так однозначно. Роль женщины — тайна лунного страдания и духовное восстание против земного подавления субтильной субстанции. Самое омерзительное в эротике — самодовольство, эгоизм, индивидуальный или общеполовой. Эротика — магический путь преодоления ограниченности. В наше время самодовольные истерические и омерзительно тупые гомосексуалисты и лесбиянки профанируют инициатические таинства не менее стрэйт обывателей. Смена пола, отклонение от нормы должны приводить к трагическому шаманскому погружению в иные сферы, а не к проститутской масс-медийной карьере или к комфортному клубному угару. Все это одинаковое свинство.

Женщина должна страстно искать свой архетип. Ее место в революции. Если не способна на революцию, тогда на кухню. А если не хочет (или не может) ни того ни другого, тогда в исправительно-трудовую колонию.

Женщина — демон. Но в то же время — падший ангел. В этом виновата не столько она сама, сколько семитический (или индоевропейский кочевнический) патриархат, превративший жрицу и фею в глупое и упрямое животное. Я, как и Герман Вирт, сторонник «женского апокатастазиса». Это путь через сублимацию и интеллектуализацию женщины. Она может и должна стать андрогином. Мужчина — как не андро-

гин — такой же демон и идиот, будь он стрейт или пэдэ. Все естественное в современном (кали-югическом) распределении эротических функций и ролей — неверно и порочно.

Вербицкий: Как вы относитесь к идее запрета абортов?

Дугин: Я против абортов. Дети — самое нормальное, что осталось в современном мире. Их так называемые родители — на самом деле много возомнившие о себе нанятые сотрудники субтильных сил, которые никакого права не имеют распоряжаться тем, что созидается через них.

Я сторонник санации абортисток. Кроме того, в православной стране — это тяжкий грех. Дети не виноваты, что их родители ублюдки. Возможно, они рвутся в этот мир, чтобы опрокинуть власть нового мирового порядка, а шкурные воняющие тетки и самодовольные кретины папаши — холуи системы — им в этом препятствуют.

Вербицкий: Видели ли вы журнал Answer Me! № 4, «Rape» issue? Как вы относитесь к воинствующей мизогинии Петера Сотоса и Бойда Райса («Let's hear it for violence against women»)? Вообще, какое отношение в Бойду Райсу («NON»)?

Дугин: Не видел. Мизогиния — элемент здоровой кали-югической нонконформистской мизантропии. Это очень понятно. Отношение к Бойду Райсу — спокойное. Он культовая фигура в некоторых американских и европейских наци-сатанинских молодежных кругах. Лучше это, чем софт и «политическая корректность». Сергею Курехину музыка «НОН» нрави-

лась. Мне не очень. Это все занятно, как и индастриэл в целом или дарк вэйв. Но как-то не вдохновляет. Однако есть нюанс. Онтологическое различие России и Запада еще настолько велико, что, попадая на Запад, Райс и К° видятся по-другому — намного, намного приятнее. В России же есть столько реальных магических энергий и сил, что странно было бы брать это за образец. Другое дело, что у нас фатально отсутствует концептуально-интеллектуальный аппарат, чтобы осознать великое наследство. Выработка этого аппарата — национальный императив.

Вербицкий: Про mainstream феминизм я даже не спрашиваю, потому что отношение, вероятно, будет резко негативное. А как вы относитесь к радикальному феминизму, в духе Валерии Соланас (Society for Cutting Up Men — S.C.U.M.) и книги Re/Search «Angry Women»? Как насчет гиноцентристского язычества и поклонения Богине? Как вы относитесь к традиции Wicca?

Дугин: Лично я по мере знакомства с Виртом постепенно менял свое отношение к феминизму — от отрицательного (эволаистского) к нейтральному и положительному. Концепция Вирта, ученика Бахофена и основателя Аненэрбе, в следующем. Нордизм — арийский матриархат, оседлость, гнозис, руны, Бог-Внутри, Магические короли, Туле. Далее приходят народы Финда — патриархат, кочевничество, эксплуатация, государство, рабство, номократия. Этакий иудаизм, исламизм и бюрократическая российская империя (после Петра). Во главе народов Финда — «голены», мужские жрецы. Они свергают власть «Бе-

лых Дам», «весталок», «гигантш». Арийские женщины — одного роста с мужчинами. Отсюда тема «гигантши» в бессознательном. Феминизм — арийское учение, консервативная революция. Тема Богини (откуда пародийная Викка — но в нашем мире все пародийно) — тема эсхатологическая и позитивная. Но ее ортодоксальной версией является (как и во всех остальных случаях) православие и культ Богородицы.

Вербицкий: Если вы отказываетесь от диалога/сотрудничества с радикальным феминизмом, то как это согласуется с программой объединения всех маргинальных/радикальных групп в борьбе с Системой? А если вы за диалог с женским движением — как это согласовать с запретом на аборты?

Дугин: Я не отказываюсь от феминизма, но вместо абортов предлагаю женское монашество или институт неовесталок.

Drugs

> «...Амфетамины, пэцэпэ, некоторые лекарства на основе коки и маков, пэдэ, вырожденцы, фриксы, уроды, мулаты, монстры, сифилитики и спидоносы, карлос кастанеда и ряд других химических веществ...»

Вербицкий: Классический лозунг Тимоти Лири: «Tune in, turn on, drop out» — как вы понимаете смысл этой фразы (магический/эзотерический/социальный)? Как вы относитесь к этому лозунгу? К Тимоти Лири вообще?

Дугин: Все нонконформное имеет положительные стороны. Психоделика вводит человека в мир параллельный — как и алкоголь, помешательство, большое личное горе, шок, интенсивное чувство, опыт войны и т. д. Но смысл в том, чтобы превратить пассивный опыт контакта с потусторонним в активный. Наркотики редко когда оставляют открытой такую возможность. В магии есть два этапа — растворение и кристаллизация. В Революции есть два этапа — разрушение и нигилизм и созидание нового порядка. Подозрительно «drop out». Истинно активный магический опыт не имеет предела, он не заканчивается. Грубо говоря, наркотики надо принять только один раз, но так, чтобы уже никогда из этого состояния не выходить. Только одноразовый и однонаправленный опыт является инициатическим. Лири — неплохой человек. Он совершенно прав в ситуации омерзительного и безысходного Запада. Пусть Запад будет пропитан наркотиками, пэдэ, вырожденцами, фриксами, уродами, мулатами, монстрами, сифилитиками и спидоносами. Это — авангард Евразии. Позитивный идеал будет предложен Западу только после радикального слома его системы, а пока нигилистическая фаза наиболее актуальна. У нас двойная мораль — для Евразии все это не так актуально, и мы заинтересованы по меньшей мере в строгом контроле над нигилистическим этапом магического становления. Отсюда осторожность в таких вопросах. Для Запада мы имеем иную модель. Полная деструкция, поддержка всего, что способствует размыванию мондиалистского мира.

Хайль Тимоти Лири! Хайль ЛСД!

Мы же ограничимся пивом и размышлением.

Вербицкий: Доктор Лири считал, что изобретение ЛСД открыло перед человечеством революционные перспективы социального переустройства. Очевидно, Транснациональное Оккупационное Правительство США было того же мнения, потому что ЛСД было запрещено и Лири приговорен к тюремному заключению. Как вы считаете, повлечет ли социальные потрясения появление психоделических препаратов в свободной продаже? Если да, то каково ваше отношение к «психоделической революции»?

Дугин: Предыдущий ответ покрывает этот вопрос. Свободу наркотиков в свободном мире. Мы же найдем иные, более традиционные и евразийские вещества.

Вербицкий: Многие считают медицинским фактом, что марихуана не вызывает привыкания и гораздо более безопасна для здоровья, чем алкоголь и табак. Жители штата Калифорния с этим, похоже, согласны, поскольку через головы Клинтона и конгресса провели референдум, легализующий медицинское использование марихуаны. Одобряете ли вы такое решение?

Дугин: Я абсолютно солидарен с жителями штата Калифорния. Только надо не останавливаться, а продолжать в том же духе. Очень положительное воздействие на здоровье оказывают также амфетамины, пэцэпэ, некоторые лекарства на основе коки и маков, лафофора вильямси, карлос кастанеда и ряд других химических веществ.

Вербицкий: Согласны ли вы с конспирологическими теориями, объясняющими криминализацию марихуаны сексуальными проблемами гомосексуалиста Эдгара Гувера и финансовыми интересами газетной корпорации Херста?

Дугин: Не в курсе этой теории, но по опыту знаю, что чем нелепей конспирологическая модель, тем больше у нее шансов оказаться чистой правдой. Более того, я проводил серию экспериментов с моделями дезинформации. Например, утверждается предельно гротескная и по видимости совершенно лишенная всяких внешних подтверждений теория. Обнародуется. Возмущенные наглостью идиотских инсинуаций оппоненты начинают собирать факты, доказывающие нелепость утверждений. Информация начинает циркулировать в массах в виде слухов по принципу «Нет дыма без огня». В конечном итоге оказывается, что самые дичайшие выдумки были очень близки к правде. Эту методологию я почерпнул из замечательного руководства по революционной подрывной работе — «Протоколы сионских мудрецов», гениальное произведение.

Вербицкий: Чем это объяснить?

Дугин: Человеческая фантазия — не произвол, но особая жестко структурированная реальность, чья деятельность протекает в особом аналитически-синтетическом режиме, оперирующем с реальными, но не осознанными данными. Человек не способен придумать чего-то нового. Фантазия имеет дело с рециклированием множества реальных данных, обрабатываемых по модели, гораздо более совер-

шенной, нежели устройство рассудка. Это не так уж и сложно.

Вербицкий: Правда ли, по-вашему, что марихуана нисколько не вредна и является во многих практических вопросах заменителем алкоголя? Если да, то не послужит ли законодательное внедрение употребления каннабиса в России решению проблемы алкоголизма и ужасающей смертности? А поскольку марихуана есть такой действенный афродизиак, то не послужит ли эта же самая мера увеличению рождаемости?

Дугин: Я сторонник более традиционных для России средств — водка, пиво (арийские психоделики на основе зерновых), мухоморы на худой конец. Смертность у нас растет не от физических причин, но от тоски. На глазах Система упускает последние запасы геополитической континентальной жизни.

Стимулировать эротику должна революция, а не химия. Мужчина должен быть мобилизован на войну, женщина — на страдание (и сострадание). Пробуждение — лучший наркотик.

«Ивресс люсид» тантрического посвященного превращает стимуляторы в гнозис, а гнозис в наркотики.

Вербицкий: А. Кроули, У. С. Бэрроуз и другие были уверены в чудесных качествах yage, марихуаны и прочих психоделических препаратов и рекомендовали их употребление в оккультной практике и для стимуляции творческих способностей. Каково ваше мнение на этот счет?

Дугин: Самый лучший наркотик — социальное восстание, вооруженное сопротивление, напряженная медитация. Химия может в этом помогать, а может и мешать. Кроули не показатель, он был выдающимся и активным магом и легко (относительно) перерабатывал всякие психоделические субстанции в материю созерцания и медитации (равно как и сексуальные энергии). Но его последователи — уже совсем иная история. Истерики, неумные, претенциозные неудачники, тщеславные недоучки, сколько они ни жрали и ни пили, толку от этого было очень мало. Их творческие способности вызывают большие сомнения.

Бэрроуз и вовсе человек глубоко индивидуальный. Он сам замечателен, но есть ли такая вещь, как «школа Бэрроуза»?

Я полагаю, что практически каждого можно заставить служить Социальной и Национальной Революции. Но сделать из человека посвященного настолько трудно, невероятно трудно, что я склоняюсь к тому, что посвященными рождаются. Уж больно по-идиотски выглядят все эти оккультисты или даже «генонисты»... Нормальному человеку все идет на пользу, ублюдок умудряется из высшей ортодоксии сотворить свинство.

Кроули интересен, глубок и талантлив. А Гермер? А Крумм-Хеллер? А Парсонс, у которого Рон Хаббард угнал жену и яхту, а сам он тупо взорвался в лаборатории (не антихрист, а устрица)?

Вербицкий: Кстати, практикуете ли вы церемониальную магию, высокую тантру или практичес-

кую Каббалу? Как вы относитесь к еноховской магии (enochian magic)?

Дугин: Енохианские темы очень интересуют. Как и Джон Ди, Голден Доун, Телема и т. д. Каббалу прилежно изучал, равно как и тантрические доктрины и магические учения. Вопрос о практике предпочитаю оставить в стороне.

Вербицкий: Как насчет еретических/эзотерических теорий в науке? Теории полой земли? Теории космического льда Ханса Хербигера? Теории катастроф Иммануеля Великовского? Оргонной теории Вильгельма Райха?

Дугин: В науке, как в политике, — чем экстравагантней и «бредовей» теория, тем она более интересна, перспективна и в конечном итоге истинна. Теория катастроф не очень абсурдна, хотя интересна. Хорбигер более странен и привлекателен. Райх вообще прав. Все еретическое, даже взаимоисключающее, позитивно и заслуживает интереса.

Rock'n'roll

«...Подделки нам враждебнее открытых врагов...»

Вербицкий: Когда-то очень давно (году в 1987–89-м) вы совместно с очень странной компанией участвовали в написании книги «Rock in USSR», написанной на густом таком broken English. Редактором был Троицкий. Поддерживаете ли вы с ним отношения? Как насчет Васина и прочих петербургских рокеров и функционеров от рока?

Дугин: Броукен инглиш на совести «Прогресса»: я писал на русском. Компания была совершенно случайная, подобранная идиотами издателями. Проект получился настолько неудачным, что я с женой отказался даже давать свое фото. С Троицким я пересекался в то же время, но никаких отношений не поддерживал. Он очень плохо и злобно прореагировал на нашу дружбу с Курехиным. Вообще, он конформист и софти. Очень, кстати, мало что понимает в современной музыке (как говорят специалисты). Васина я видел. Это просто бессмысленный унтерменш. Петербургских рокеров я не знаю.

Вербицкий: Вашим соавтором по этой книге был Гейдар Джемаль, также появлявшийся в первом номере «Элементов». Впоследствии вы часто его ругали за те или иные высказывания. Разделяете ли вы до сих пор этот критический взгляд? Если да, то почему?

Дугин: Джемаль мой старинный друг и духовный учитель. Его позиция очень логична и последовательна. Когда мы пребывали в относительно безответственной ситуации антисоветского подполья, вопросы конфессиональных расхождений (я — православный) и отношения к нации (мы все ненавидели Совдеп и желали ему скорее провалиться) вообще не стояли. Когда дело дошло до развала страны и межконфессиональных конфликтов, все изменилось. Джемаля я считаю абсолютным гением, величайшим мыслителем и человеком нашего Эона. Но он последователен в акцентуации своей особой трансценденталистской метафизики и исламской идентичности (в том числе

геополитической). Он — крайне правый. Он остался антисоциалистом и русофобом, как и ранее. Я эволюционировал в сторону национал-большевизма, левого национализма и христианской (православной) метафизики. Позиции несводимы, особенно у тех, кто стремится как можно ярче обозначить специфику своей позиции, сопряженной с осмыслением истории и ее тайной логики в самый критический и эсхатологический момент.

Все это довольно логично...

Вербицкий: Меня в свое время буквально потряс роман Тимура Пулатова «Плавающая Евразия». Каково ваше мнение об этой книге и о Пулатове вообще? Image Джемаля, по первому номеру «Элементов», мне напоминал персонажей из «Плавающей Евразии» — есть ли какая-то связь между Джемалем и Пулатовым, или это мне показалось?

Дугин: С Пулатовым дружил Проханов, я его не знаю и не читал. Пулатов, если я не ошибаюсь, был функционером Союза писателей. Джемаль печатался и в «Дне», когда я там сотрудничал.

Вербицкий: В седьмом номере «Элементов» вы давали интервью с Егором Летовым. Продолжаете ли вы поддерживать с ним отношения?

Дугин: Летов человек талантливый, недооцененный, позитивно ориентированный, но с очень склочным и дурным характером, исполненный рессантимента (по Ницше). В свое время он даже умудрился повздорить по пустякам с мягчайшим и деликатнейшим Курехиным. Летов очень сложный человек. Я с ним отношений не порывал, хотя и особенной

близости нет. В «Элементах» появляются интервью не только с друзьями, хотя это интервью было взято в период нашего довольно тесного сотрудничества.

Вербицкий: Как вообще вы относитесь к политической инициативе Егора Летова, Романа Неумоева и других — «Русскому Прорыву»? Они, мне кажется, пытаются объединить русские имперские традиции и идеологию анархизма (скорее даже, ситуационизма).

Дугин: Летов и Неумоев (который очень оригинален и талантлив, вообще странная, но аутентичная личность) идеологически мне крайне близки. Но жизнь рокеров анархична не на уровне теории, но на уровне быта. У них каждую минуту меняются настроения и планы. В целом они союзники, а прозюгановские девиации Летова или черносотенный уклон Неумоева я не склонен воспринимать чересчур серьезно.

Вербицкий: А как относитесь к творчеству самого Летова, Неумоева и прочих сибирских панков (Черный Лукич, Манагер, «Кооператив Ништяк», «Чернозем» и других) за последние два-три года?

Дугин: Летов и Неумоев чрезвычайно талантливы. Они создали стиль и особую квазиидеологию. В настоящее время их нагнетенная конструкция, однако, начинает резко осыпаться. Во-первых, Система не дремлет и сумела настолько их маргинализировать или очернить, что они как бы растворились. Во-вторых, у них явно не хватает прагматистских навыков для экспансии даже в маргинальном секторе. И наконец, они слишком неустойчивы психически, чтобы проводить свою культурную линию рационально,

а менеджеров у них вообще нет (тем более идеологических). Боюсь, что скоро они растворятся (не без помощи Системы).

Вербицкий: Есть ли, по-вашему, связь между политикой творческого человека, его магией/эзотерическими пристрастиями и эстетикой? Нужен ли такой синтез? Если нужен, то есть ли в России писатели/философы/музыканты, способные к такому синтезу, в рамках близкой вам философии? (Могу предугадать ответ: Мамлеев, Головин. А кто еще?)

Дугин: Связь есть, и огромная. Такой синтез неизбежен. Тот, кто это отрицает, просто свидетельствует тем самым о своей периферийности в отношении инстанций реальной власти (независимо от поста). Если политический руководитель или идеолог не интересуется оккультным, значит, кто-то рядом интересуется, и этот «кто-то» и есть сознательный и настоящий властитель. Оккультные тексты читают в политике и экономике в России все. Колдуют все. Но это уже настолько банально, что неинтересно.

Вербицкий: Владимир Сорокин, «Сердца Четырех»: магический реализм Великой Империи или руководство по прикладной Каббале? Что значит для вас эта книга Сорокина, в контексте имперской эзотерики национал-большевизма? Были ли у вас контакты с Сорокиным?

Дугин: Сорокин — неудачный, на мой взгляд, ремейк Мамлеева, подделка, конформистский дубль. Как и Пригов и совсем уже бездарная вереница «постмодернистов». Эти люди ничего не знают и ничего не умеют. Книга Сорокина — ничтожна. У меня

контактов с ним не было. Вообще, сложилась ситуация жесткого противостояния вторичных персонажей и плагиаторов против оригиналов и источников плагиата. Это клановая позиция. Мамлеева активно релятивизируют. О Головине не упоминают. Летова замалчивают. Курехина подонки почти убили. Это не случайность, а продолжение советской культурно-политической стратегии. Подделки нам враждебнее открытых врагов. Из-за океана, возможно, этого не видно.

Вербицкий: Слушаете ли вы современную музыку? Какую? В ваших изданиях была серия статей о музыке World Serpent Distibution (Current 93, Death in June, Sol Invictus, Boyd Rice...). WSD, с постоянными отсылками к текстам Эволы, F. Yockey и прочих философов Консервативной Революции, должна быть вам близка, по крайней мере идеологически. Какие из альбомов/артистов WSD вам нравятся?

Дугин: «Дарк вэйв», цитируемый вами, мне известен, идеологически симпатичен, музыкально не убедителен. Йоки — гениальный человек, Эвола — мой духовный ориентир наравне с Геноном. Мне очень нравится Катарина Валенте и музыка фрикс-пати с «Репертойр рекордз». Этот называется, если не ошибаюсь, стиль «лунстерз». Легкая музыка 50—60—70-х, чья легкость и юмор постепенно превратились в самый агрессивный и разоблачительный антигуманизм, который только можно придумать.

Я хорошо знаком с Георгием Осиповым и Борисом Симоновым, которые являются, на мой взгляд, лучшими музыкальными экспертами в области музыки

в России. Борис был информатором Курехина многие годы. Их вкусам я доверяю и на этой базе подбираю музыку к программам. Хотя иногда я и использую в качестве иллюстраций «Сайкик ТВ», «Сроббинг Гризл», «Сванс», «Сол Инвиктус», Тайбета и т. д.

Вербицкий: Не планируете ли вы дальнейших контактов с WSD (прерванных, как я понимаю, трагической кончиной С. К. 418)?

Дугин: Лично я довольно далек от этого. У Бориса Симонова свой музыкальный магазин, он, по-моему, связан с этой фирмой каким-то образом. Я был бы заинтересован в более общем проекте — изложение базовых национал-большевистских и евразийских теорий на английском языке и их распространение в различных художественных и академических средах. С этой целью я предполагал создать англоязычный сайт. Но этот проект только начал осуществляться. Кстати, данное интервью могло бы фрагментарно стать первым аккордом концептуального диалога, если это в ваших силах и если вы, как я понял, имеете некоторое отношение к американской дарк-вэйв культуре.

Беседовал Миша Вербицкий

ABSOLUTE BEGINNERS

Дэвид Боуи, посвященный

Дэвид Боуи известен как музыкант и актер; мало кто знает, что он является членом инициатической организации, исповедующей принципы «пути левой руки» и «телемизма». Поэтому неудивительно, что

его песни, клипы и эстетические проекты имеют оккультное измерение.

Его песня «Absolute Beginners» — типичный образец такого многоуровневого «мессиджа», где эмоциональность и психологическая эстетика внешнего плана скрывает эзотерическое ядро.

Подделка

«Absolute Beginner» — дословно «абсолютный начинающий» — словосочетание, содержащее в самом себе полное логическое противоречие. То, что является абсолютным, не «начинается», так как подлинно абсолютное не имеет ни начала, ни конца, не возникает и не исчезает. И наоборот: то, что имеет начало принципиально не абсолютно, но, напротив, относительно. Это философский аспект.

Есть противоречие и на чисто житейском уровне: попытка «начать сначала» у наших современников, их слабосильный и невыразительный протест против собственного вырождения, старения, оглупления на фоне стремительно остывающей цивилизации, где энтропии уже никто не противостоит и даже не пытается, — в высшей степени сомнительны. Дети, точно по Гесиоду, рождаются сегодня с седыми висками и с колыбели норовят мыть машины и открывать счета в банках. Все признаки конца железного века. Какое уж тут «новое начало», да еще абсолютное...

Сам Боуи, несмотря на свою изобретательность

и талант, вряд ли может всерьез претендовать на альтернативу. Он фасцинирует именно как декадент, как углубленный в тревожный нарциссизм перверт, как пожилой меланхолический англосаксонский извращенец, но совершенно не как герой или носитель «нового». В нем нет ни «абсолюта», ни «начала», скорее, дурманящая экзотика разложения, аромат распадающейся плоти, укутанной в мондиалистские гаджеты.

Absolute Beginner — концепция, взятая Дэвидом Боуи из арсенала очень глубоких гностических доктрин. Она навеяла хорошую песню и странный клип.

Доктрина Звезды

Абсолютное Начало, которого нет и не может быть, тем не менее является осью запретного, героического знания, передаваемого по тайной цепи. Сквозь банальную статическую картину метафизики — внизу переменчивое относительное, вверху неизменное абсолютное — особая парадоксальная воля некоторых посвященных утверждала с риском для ума и жизни головокружительную, захватывающую перспективу. Есть нечто, что рассекает логический и религиозный дуализм, — есть Вечное Начало, таинственный Луч, который «закрыт» с одной стороны и «открыт» с другой. На этом луче все великие пропорции и соответствия трех миров теряют свой смысл. Верх и низ меняются местами, совершается невозможный, немыслимый брак Небес и ада, о котором

догадывался гениальный Блейк.

Это называется «доктриной Звезды».

«Телемиты», последователи француза Рабле и англичанина Кроули (а именно от них Боуи позаимствовал концепцию своей песни, сам будучи членом братства О.Т.О.), считают, что «звездой является каждый мужчина и каждая женщина». Воплощение конечности и относительности, явный видовой неудачник, заканчивающий свою историю полнейшей пошлостью Мирового Банка и Мирового Рынка, откровенная биологическая подделка под гордое и чистое ангелоподобное существо — человек, с другой («телемитской») стороны, несет в себе «звезду», пылающий ледяной луч. Сквозь убогое месиво его тщедушной душонки бьет странный, невозможный, головокружительный свет.

Это свет Абсолютного Начала, того, которого не может быть.

Черные лучи

Почва уходит из-под ног. Ценности традиции настолько вырождаются и профанируются, что противостоять вялому нигилизму уже не в состоянии. Консерватизм и прогресс — два лика одного и того же процесса — дегенерации. От бурной некогда истории остались голод, похоть и полиция. Все знаки говорят о том, что мы предельно далеки от Начала. Как старого, так и нового. Пассионарность истрачена полностью.

Что же имеют в виду «телемиты», чьи тревожные

идеи весьма далеки от оптимизма нью-эйдж или пенсионеров-теософов, когда утверждают за *каждым* парадоксальную возможность «звезды» — «нового начала»? Конечно же, речь идет не о вульгарном «обращении», «просветлении», «обретении истины» и т. д. Посмотрите на этих «неофитов» всех религий и культов — затравленный взгляд, всполохи блаженной глупости, странная жестикуляция явно внутренне нездоровых тел... Они отходят, дергаясь и шипя, а отнюдь не обретают или зачинают.

Черный луч телемитской звезды скользит по иной траектории. Он не фиксируем извне, не схватываем привычными средствами. Он нарочито отпугивает и отталкивает, рядясь (провокационно) в ризы антиномизма. Он стремительно покидает того, кто хочет обратить преображающее наитие в систему. Он не поддается институционализации. Но он вечно и абсолютно мерцает в своем эоническом ритме вопреки воле циклов и сгущающейся массе темных эпох. Он сам выбирает себе формы и тела для проявления, стремиться к нему бессмысленно и бесполезно — его выбор произволен и неспровоцирован, не зависит от заслуг, достоинств и поступков, безразличен к «моральному облику» и успехам в дыхательных упражнениях.

Абсолютное Начало без пола, возраста, профессии, поста. Прорезающая завесу полоумного нагромождения атомов бритва кристального пробуждения.

Преданная альтернатива

Вопрос, на самом деле, центральный. No future — не просто броский тезис гротескного молодежного движения, которое к настоящему времени совершенно выдохлось. Тезис о «Конце истории», развитый Фрэнсисом Фукуямой, по сути то же самое, только взятое в оптимистическом soft ключе. Исчерпанность — основное открытие постмодерна. Триумф симуляции — радость нездоровая. Хитрые хищники электронной лжи настолько насилуют реальность, что окончат свое социальное манипулирование в компании обезумевших машин. В конечном итоге вся фантастическая литература XIX века стала технической банальностью в XX, того же вполне можно ожидать от XXI века. Особенно если учесть, что большинство крупных фантастов (от Жюля Верна до Лавкрафта) были членами могущественных эзотерических организаций, активно участвующих в придании цивилизации заведомо заданного облика.

Никто из фантастов и футурологов «Нового Начала» не предсказывает. Прогнозы страшны; чем более далекое будущее, тем более оно выглядит чудовищным. И человек устремляется в ни от чего не спасающий нарциссизм, под лоскутные покрывала явно ложных и не успокаивающих формул. Как раскрашенные стервятники парят над развалом банкиры и телеведущие. Мертвые заклинатели трупов. Верить телемифам — превратиться в идиота; не верить — сойти с ума от одиночества (вокруг все верят). No star in sight.

Советская система как-то очень прохладно и тупо

отнеслась к отчаянной попытке «новых левых» разработать альтернативную буржуазному строю идеологическую версию путем модернизации (и пересмотра) традиционных антикапиталистических доктрин. Уютные аппаратчики поплевывали на отчаянные попытки нонконформистов вырваться к позитивному проекту. Уже тогда поняв неизбежный провал совдепа, «новые левые» обратились к эзотеризму, гностицизму, другим (неортодоксальным для левых) дисциплинам.

По сходной траектории развивались и «новые правые», отбросившие шовинизм, ксенофобию и рыночность «старых правых» и открывшие для себя ценности революции и социализма. Но всех «новых» — и правых и левых — совдеповские партократы (будущие «демократы» или «капээрэфники») обвинили в «нигилизме», а сами вскорости тупо рухнули раскормленными телами в похотливую гниль «реформ» и национального предательства. Снова, как тысячи раз в истории, настоящие нигилисты обвинили тех, кто стремился преодолеть нигилизм, в нигилизме.

Итог печален. Без помощи Москвы умные и честные, но бессильные «новые» были раздавлены Системой (Фуко, Делез, Дебор — самоубийство, у остальных естественная смерть или забвение) или выродились в «полицаев мысли» (Анри Бернар Леви, Глюксман, Хабермас и прочие подонки). Без болезненного духа огненного восстания сама Москва скатилась в силки Мирового Правительства.

Во всем никакого Начала, никакого намека, ника-

кого шанса. В лучшем случае, надеются интеллигентные пессимисты, грядущая катастрофа пройдет сглаженно, как эвтаназия. Что, в принципе, все «демократические» и «патриотические» издания имеют против «одномерного человека» Маркузе? Как «народ» в начале ницшеанского «Заратустры», возжелавший «последних людей», все сектора нашего общества с радостью остановились бы на «одномерном человеке», который возглавит «коалиционное правительство».

А песни Боуи слушали бы бывшие молодые люди (сейчас далеко за 30), потягивая пиво «Heineken».

Конец иллюзии

Альтернативы, Нового Начала нет. Нет вовне (кругом подделки). Нет внутри (силы души остыли). И тем не менее зреют гроздья гнева, плетутся сети заговора — мирового заговора против постылого настоящего.

Это заговор Звезды. В любом возрасте, в любом месте, в любом состоянии, в любое время, в любой ситуации, в любой позе — «каждый мужчина и каждая женщина» могут *начать*, могут открыть Абсолютное Начало, пронзить себя черным Лучом, не имеющим конца, проходящим сквозь циклы и эпохи вопреки всякой логике, всякой внешней предрасположенности, всякой причинно-следственной системе. Любой жизненный импульс, любой страстный порыв, любое пронзительное состояние может внезапно перейти за грань, если сделается

чрезмерным, необузданным, превышающим смысл. Жадность и щедрость, аскетизм и разврат, ревность и верность, злоба и нежность, болезнь и сытость могут стать Абсолютным Началом, страшным громовым аккордом Новой Революции, единой и неделимой, правой и левой, внешней и внутренней.

Только нельзя допустить того, чтобы после пика наступил новый спад. Интенсивность должна только повышаться, за кульминацией должна следовать еще большая кульминация, перегрев индивидуальности должен зажигать внешний мир пламенем восстания — того восстания, которое является (по Сартру) единственной силой, спасающей человека от одиночества.

Абсолютное Начало не зависит от объективности, для него нет понятий «рано» и «поздно», «здесь» и «там». Тем лучше, если «nothing much to offer, nothing much to take»...

Конец цикла — это в конечном счете конец иллюзии, как сказал Генон.

Песня Боуи, сопровождающая чтение «Книги Законов», горечь абсента, который Кроули называл единственной инициатической субстанцией среди алкогольных напитков («зеленая богиня»), неожиданный накат эротокоматоза, прекрасный и болезненный фанатизм экстремистской политической ячейки, случайно упавшая тень, похожая на кельтский крест...

Абсолютное Начало на расстоянии вытянутой — левой — руки.

У ГАИШНИКОВ УКРАЛИ КУЛЬТ

(вторая беседа Александра Дугина с Александром Лаэртским на радио «Эхо Москвы» — программа «Монморанси»)

Лаэртский: Сегодня в гостях у нашей программы философ Александр Гельевич Дугин. Здравствуйте, Александр!

Дугин: Доброй ночи.

Лаэртский: Огромное количество писем пришло в нашу программу от соотечественников из разных уголков необъятной страны с момента нашей с вами последней встречи.

Дугин: Вы знаете, это очень странно. Дело в том, что, как говорят, после этой программы письма приходят не только вам. Естественно, они приходят мне, но также их шлют в совершенно разные инстанции. Несколько моих знакомых, которые работают в прачечной, говорят, что даже им случайно занесли. Видимо, общестатистический обстрел письмами был настолько велик, что они попали в самые невероятные и не имеющие никакого к нам отношения инстанции.

Лаэртский: Второе объяснение этому то, что они пишутся весьма предусмотрительными авторами в нескольких экземплярах, поскольку если это письмо не получит огласки и отзыва в одной инстанции, то в другой на него наверняка обратят внимание. У нас в свое время был проект, который назывался «Открой свою душу и пожалуйся». Согласно ему люди могли присылать свои жалобы куда попало и на кого попало. Все, кто получал эти письма, должны

были реагировать на них, чтобы помочь своему ближнему, открывшему душу.

Дугин: По законам статистической физики это очень правильный ход. Еще в девятнадцатом веке физики открыли, что кратчайшее расстояние между двумя точками — прямая. А согласно теории вероятности статистической физики человек, идущий из точки А в точку В, попадет в пункт назначения с большей степенью вероятности в том случае, если он направляется в точку С или идет в любом другом направлении. По большому счету, физическая вселенная, а человеческая тем более, представляет собой такое огромное количество каверзных неожиданностей, что факт получения письма адресатом имеет очень малую степень вероятности: мало ли что случится с самолетом, почтальоном, чиновником, а может, сам человек пойдет и поскользнется, упадет. Поэтому намного надежнее, во-первых: заготавливать несколько экземпляров; во-вторых: посылать их по методу случайно выбранных чисел совсем в другое место. Например, в Ледовый Дворец спорта. Такое письмо наверняка попадет в «Эхо Москвы».

Лаэртский: Да, абсолютно точно. Это называется попетлять. Теперь, если позволите, я хотел бы зачитать вам некоторые из писем. Первое — от нашего постоянного радиослушателя Харольда Эдуардовича Подреберного. Он пишет: «Недавно возвращался домой поздно вечером, подъезд был не освещен. Споткнулся, упал, слава богу, не разбился, но потерял вставную челюсть с золотыми зубами. Поднялся домой, нашел фонарик, вернулся на то место. Искал везде,

но ничего не нашел — видимо, эту челюсть уже кто-то увел». В диком физическом и духовном состоянии сейчас находится Харольд Эдуардович Подреберный. Ростислав Адольфович Грудка пишет о своем тяжелом случае отравления кабачковой икрой. Из-за этой икры он месяц пролежал в больнице, где ему занесли гепатит. А вот письмо от Владимира Владимировича Путина, он пишет, что недоволен своей работой, что он всю жизнь мечтал стать пожарным и был бы хорошим пожарным, но не случилось. Вкратце сформулирую вопрос, который красной нитью проходит во всех криках души (сокращенно КД). Скажите, Александр Гельевич, почему к нашему берегу то говно, то палка?

Дугин: «А что же вы хотели?» — хотелось бы ответить радиослушателям, которые написали такие пронзительные письма. А что же вы, друзья, хотели? Времечко таково! Сами выбрали себе такой уклад жизни, сами теперь ищите свою вставную челюсть в подъезде с фонариком. Тут уж обращаться не к кому. Сейчас в нашем мире каждый сам за себя. Человек человеку волк, как говорит либеральная истина. Это еще Локк сказал.

Лаэртский: И все-таки, если проанализировать динамику изменений в нашем обществе, в котором мы живем, хотя бы относительно нашей последней встречи. Вспомните, в то время таких писем не было, в то время нам писали: «Взял польского ликера, хорошо посидели». Конечно, это мелкая радость, но все-таки радость! Сейчас же статистика совершенно другая. Я не знаю, чего бы хотели все эти люди, что бы выбросило к их берегу. Может быть, как

самый лучший вариант, они предпочли бы просто чистую реку? Реальность же такова, что это все приплывает и приплывает. Верите ли вы в теорию...

Дугин: В теорию «чоха»?

Лаэртский: Да, в теорию Мартына Денисовича Калиброванного.

Дугин: Простите, я подумал другое. Есть такая теория «сречи и чоха», которая как раз занимается вопросом того, что прибьет к берегу каждого конкретного человека и всех вместе взятых.

Лаэртский: Очень интересно. Может быть, сначала о ней поподробнее?

Дугин: Ее суть в очень сложной системе определения настоящего по будущему, что само по себе очень необычно, чаще судьбу предсказывают, исходя из разных предшествующих моментов. К примеру, если увидел ворону, перелетающую слева направо, значит, будет беда, летящую справа налево — две беды.

Лаэртский: Это универсально для каждого индивидуума или все-таки от чего-то зависит?

Дугин: Для всех по-разному. Это надо сопоставлять со сном, который видел на неделе. Это способ гадания наоборот, где по событиям предполагаемого будущего прогнозируется настоящее. Ретроспективный анализ. Это как раз называется теорией «сречи и чоха».

Лаэртский: Как интересно. Мы где-то года два назад давали советы нашим боязливым радиослушателям, как вести себя в темном подъезде, чтобы не потерять жизнерадостное настроение и не бояться получить по голове. Наши советы многим помогли,

но многим и навредили, так как не был разработан индивидуальный подход.

Дугин: Здесь есть универсальное правило. Людям, которые боятся стать объектами или жертвами агрессии, можно универсально посоветовать так называемую бихевиористскую модель поведения, которую разработали современные психологи. Ее смысл сводится к следующему: для того чтобы не быть жертвой, надо быть агрессором. Для того чтобы не стать объектом насилия, надо стать субъектом насилия. Следовательно, людям, которые боятся зайти в темный подъезд, следует представить себя маньяком-убийцей. Этот человек должен зайти в подъезд с очень серьезными намерениями: всякое попавшее ему под ноги живое существо немедленно задушить, утащить в подвал, где разорвать и сожрать. При этом совершенно не важно, каков этот человек на самом деле, даже если это совершенно спокойный доктор из поликлиники. Когда человек находится именно в таком состоянии и очень хитрым, озлобленным, собранным и предельно кровожадным входит в подъезд, считается, что сопровождающая его психологическая аура настолько сильна и заряжена, что отгоняет потенциальную угрозу напрочь. Все зависит от психики и человеческого настроя, поэтому, если сосредоточиться внимательно на том, что ты являешься агрессором, ты отбиваешь потенциальную охоту делать то же самое по отношению к тебе другим людям.

Лаэртский: Как вы думаете, может, было бы лучше, входя в подъезд, чувствовать себя не маньяком, а сотрудником СОБРа, ведь маньяки, как правило,

народ пугливый...

Дугин: Но очень хитрый. Сотрудник СОБРа, безусловно, не пугливый, но и не хитрый. Представьте себе, что в темный подъезд, в котором прячется хитрый настоящий маньяк, входит сотрудник СОБРа. Маньяк, конечно, побаивается сотрудника СОБРа, но только когда сталкивается с ним в светлом помещении лицом к лицу. И вот такой спокойный, самоуверенный, самовлюбленный сотрудник СОБРа проходит мимо мусоропровода, за которым прячется маньяк...

Лаэртский: Извините, что я вас перебиваю, но мне хотелось бы заметить, что колонна мусоропровода построена специально для этого во времена тоталитарного соцреализма.

Дугин: Совершенно верно, но ведь это понятно только тому, кто воображает себя маньяком. Входя в подъезд, он думает: «Где бы мне скрыться? Где бы мне спрятаться? Как использовать ту или иную архитектурную особенность подъезда, окрестности?» ...И вот проходит мимо него сотрудник СОБРа, и, когда он уже прошел, помахивая своей дубинкой, маньяк сзади без предупреждения визгливо набрасывается на него, даже если это женщина. Сотрудник СОБРа не ожидает такой пакости, потому что секунду назад в том месте никого не было, и от растерянности подставляет свою яремную вену, которую маньяк мгновенно перекусывает. Вот вам пожалуйста! Трусливый, трепетный в каком-то смысле, но очень хитрый и не в своем уме маньяк всегда в конкретной жизненной ситуации победит сотруд-

ника СОБРа. Ваше предложение, конечно, интересно с психологической точки зрения. Есть и такая школа в бихевиоризме, но классическое направление бихевиористской философии все-таки советует принимать на себя психологическую маску так называемого маньяка.

Лаэртский: Целиком согласен. У меня есть одна знакомая, ей всего семнадцать лет, она, если ее не взять за руку, ни за что не станет переходить никакую дорогу, даже маленькую лесную тропинку: боится, что ее сшибет автомобиль. Ей нагадала какая-то гадалка, что ее ждет смерть под колесами...

Дугин: Здесь, Александр, действует такой же принцип: ей надо поездить на машине, причем без прав и не учившись.

Лаэртский: Извините, я не упомянул еще один важный психологический момент. Она не боится самого факта наезда на нее автомобиля или смерти от автомобиля. К этому она относится спокойно, как ни странно. Ее пугает вероятность показаться смешной людям, которые могут это увидеть: взлет тушки, отлетающая туфля...

Дугин: Рецепт снова точно такой же. Можно посадить на дорогу огромное количество надувных поросят, затем сесть за руль и начать их давить. Понимаете, человек больше всего боится того, что еще не случилось, но может случиться. Если она увидит, как по воздуху разносятся фрагменты этих надувных поросят, которых она сама задавила, у нее произойдет определенный трансферт собственного ужаса, собственного страха, собственного опасения, и субъект и

объект этой сложнейшей ситуации, которая является основой ее комплекса, просто будет снят. Она увидит, что отнюдь не смешно летать по воздуху в виде фрагментов. Все как рукой снимет. Тут уже другая опасность: она может настолько почувствовать себя уверенной, что ни на какой свет не будет обращать внимания. Будет совершенно спокойно ходить по скоростной трассе, совершенно не обращая внимания на проезжающие машины. Так можно доиграться. Все должно быть в меру.

Лаэртский: Да, это достаточно интересное решение, но есть еще генетические фобии. К примеру, человек, находясь внутри живота, ужасно боится появления на свет. В книге «Рекордов Гиннесса» есть такой Петр Тамада, который настолько боится окружающего сухого мира, что сам себя добровольно заключил в искусственное подобие маминого живота и сейчас, будучи пятидесятилетним мужчиной, все еще плавает, кормится через эту самую пуповину. Как ни парадоксально, у него абсолютно не развит желудок, при этом он общается с людьми при помощи знаков и бульканья.

Дугин: Это, конечно, серьезный случай. Для того чтобы помочь этому человеку, его нужно посадить в бассейн, наполненный живыми карпами, он их должен выбрасывать из него и смотреть, как они рыпаются на бережку и медленно сдыхают, лишенные влажной структуры. Произойдет самое страшное, произойдет трансферт. Я не исключаю, что он может излечиться.

Лаэртский: Вполне возможно, что любовь к ост-

рым ощущениям в нем все-таки проснется. Кстати, что, на ваш взгляд, скрывается за определением «любовь к острым ощущениям» или «любитель острых ощущений»? Имеется в виду любовь к риску, которая в той или иной степени присутствует в каждом человеке? Какой отдел головного мозга, какие клетки получают кайф от этого состояния?

Дугин: Немецкий философ Мартин Хайдеггер писал о том, что само бытие человека в его внутреннем, духовном измерении представляет собой риск, но не обычный риск, а рискованный риск. У Хайдеггера есть такая формула: «Бытие без укрытия в максимально рискованном риске» — это сущность человеческого существования, поскольку в отличие от большинства предметов, животных, растений и существ потустороннего мира человек не является определенным, самотождественным. Это существо, стоящее под знаком вопроса, он все время на грани. Он может быть отождествлен либо с духовной стихией, либо со звериной. В этом отношении само существование человека есть колоссальный риск. Чем тоньше человеческая и культурная организации, тем в более высоких и утонченных, сублимированных формах эта рискованность проживается и осуществляется. Но есть люди попроще, которые переводят эту фундаментальную метафизическую рискованность в бытовые формы. Мне рассказывали, что очень много людей с Кавказа не пристегиваются на аттракционах в парке Горького, бравируя перед своими спутниками или спутницами своей удалью. Когда они повисают вверх ногами, они просто гроздьями сыплются с этих

аттракционов. Насколько я знаю, сейчас существует такая специальная служба, которая предупреждает людей с кавказской внешностью об опасности...

Лаэртский: Да, хватайтесь не за кепки, а за поручни!

Дугин: Некоторым даже не продают билеты, поскольку это стало массовым случаем. По большому счету, это определенная форма продления, пусть даже в несколько упрощенном варианте, той любви к метафизическому риску, которую более сублимированные и культурные, более образованные и интеллигентные существа обращают в быструю или московскую езду, и чем опаснее, тем интереснее. В этом отношении чем тоньше структура человеческого существа, тем возвышеннее зона риска, к которой он тяготеет. Самая рискованная вещь — мысль, поскольку она открыта всем ветрам. Когда человек мыслит по-настоящему, он подвергается колоссальному риску. Его могут заплевать, забить...

Лаэртский: Это в том случае, если он эту мысль опубликует...

Дугин: Нет, в любом случае. Сам факт рождения мысли — это очень рискованная вещь. Философы часто говорят, что слышат в своей голове голоса, которые постоянно критикуют их манеру нового открытия, поскольку критика существует не только в текстах или полемиках, конференциях, дискуссиях, но еще и сама по себе. Старый пласт мысли или привычное, банальное клише — они постоянно крутятся в голове творческого человека, оспаривают его новое

открытие.

Лаэртский: Мне все-таки кажется, что этот внутренний консерватизм включается в тот момент, когда человек пытается эту мысль сформулировать поподробнее, чтобы поделиться с окружающими. Мысли бывают разные, голоса, скорее, предупреждают о том, что человек готов ее опубликовать. Я думаю, что именно так ее стоит трактовать, хотя могу и ошибаться.

Дугин: Нет, вы правы. В любом случае это одна из самых ответственных и самых рискованных сфер человеческого существования, одна из самых возвышенных и самых соответствующих его внутренней природе — сфера мысли. Здесь, конечно же, риск колоссален, но на среднем уровне, между аттракционами и сферой философии, существует московская езда. Я много раз выезжал из Москвы и видел, что по мере приближения к Москве люди начинают пользоваться и руководствоваться какими-то другими правилами. Например: ездить нужно только по встречной полосе, красный свет означает свободный проезд, на зеленом, по московским меркам, можно затормозить и начать кого-то высаживать или с кем-то разговаривать. Также белая сплошная полоса обозначает возможность ее пересечения в любом месте...

Лаэртский: Или что нужно ехать по ее центру.

Дугин: А это, кстати, в зависимости от района. Желтая полоса рядом с тротуаром означает круглосуточную стоянку. Место, где должен останавливаться троллейбус или автобус, — на самом деле знак парковки. Это целый ряд московских правил дорожного дви-

жения, которые резко отличаются от общепринятых и в других городах практикуемых.

Лаэртский: Меня очень бесят девки, пассажиры и проститутки, потому что около них, как правило, выстраивается череда: один с правой полосы, другой на ней же, но немножко левее... В итоге получается огромный хвост...

Дугин: А вы заметили, что они никогда никуда не уезжают?

Лаэртский: Да! Заметил.

Дугин: Это очень просто объяснить. Наши люди еще не привыкли к капиталистическим отношениям. Они, увидев проститутку, подъезжают и спрашивают: «Девушка, вас подвезти?»...

Лаэртский: Совершенно тупо думая, что она согласится.

Дугин: Да, но вместо этого она переходит к либеральным ценовым таксам. Водитель недоумевает: «Какие таксы? Я же со всей душой остановился!» А дальше за ним такой же водитель с душой, за ними еще и еще...

Лаэртский: И вот со всей душой и ей работать мешают, и мне ехать не дают.

Дугин: А потом в конце этой душевной очереди кто-то в кого-то вляпывается, и там начинается душевная разборка. Поэтому там, где они концентрируются (особенно их много на Ленинском проспекте), просто сплошные аварии. Проехать невозможно благодаря такой неразберихе. Видимо, либерализм у нас все-таки не дал своих глубоких корней, потому что люди ко всему подходят с более человеческим от-

ношением.

Лаэртский: Я бы здесь не совсем согласился с определением; это не человеческое отношение: водитель видит девушку и хочет ее подвезти. Мы как-то проводили беседу на эту тему. А если на пути попадается мужик? Может, он гений мысли, может, он стихи пишет, может, он врач, который людей от смерти спасает? Никогда ни один водитель не остановится, если только он не голубой, и не скажет: «Дружище, давай я тебя подвезу». И если он видит девушку, то это не человеческое отношение, он хочет все равно, как говорится, «это», поверьте, хочет. Иначе бы он не остановился.

Дугин: Это ведь тоже хорошо. Мы на самом деле страна нормальная, здоровая. На Западе никто не останавливается с предложением подвезти, а останавливаются с такими очень мелкими меркантильными предложениями. А вот мужчине, особенно в Америке или Амстердаме, просто нельзя остановиться у обочины: к нему либо подбегут маленькие негритята с ножичками, либо выстроится другая череда машин, лимузинов с совершенно извращенными намерениями. Слава богу, что у нас сохраняется определенный консерватизм: здоровые люди — здоровые отношения — здоровое общество.

Лаэртский: Меня радует проявление человеколюбия, но я не могу понять, почему, когда машину останавливает девушка, у которой нет нужной суммы для платы за проезд, ее не подвозят. Неужели так трудно? Почему ей приходится ехать на метро? Этот подход сам по себе не совсем грамотный, он меркан-

тильный, а не человеколюбивый.

Дугин: Мне кажется, что это, наоборот, нормальный подход. Человек принципиально полагает, что нормальная порядочная девушка должна ездить на метро. Откуда у нее деньги? Если у нее есть деньги, то их источник — коррупция. Метро, конечно, дорогое, но не до такой степени, чтобы подозревать человека, на нем ездящего, в каких-то нетрудовых доходах. Но когда он останавливает машину, это уже подозрительно. Люди не могут прямо выразить своих идеалистических чаяний — они ведь и не воспитывались в традиционалистском консервативно-революционном духе, — поэтому они вынуждены находить косвенные формы изложения своего идеализма. Это можно понять.

Лаэртский: Интересно, а каким образом наличие метрополитена в определенной местности влияет на менталитет общества? Допустим, что в Москве нет метро. Как может измениться жизнь москвичей? Имеются в виду не проблемы с передвижением, а, если можно так выразиться, духовная жизнь граждан. Метро ведь сближает...

Дугин: Я думаю, что радикальным образом. Во-первых: общественный транспорт — одна из форм позитивной коллективной, социальной и общинной жизни: когда человек находится у себя в жилище, он находится в приватном, индивидуальном, а когда он выходит, он попадает в сферу социального. Есть такой французский философ Ален де Бенуа, он утверждает, что самая главная беда возникла из-за индивидуального личного транспорта. Индивидуальный

транспорт — когда человек не покидает сферу приватного, находясь на улице. Так вот, метро — одна из форм наиболее массового транспорта, где люди погружаются в атмосферу общения; метро — коллективная аура. Обратите внимание на символизм спуска и подъема. В древних традиционных обществах в таких формах происходила инициация: человек спускался куда-то под землю в особые храмы, потом поднимался оттуда. Эти спуск и подъем означают прохождение определенной духовной символической практики, поскольку это как бы смерть и новое рождение: он покидает свет, покидает плоскость людей, затем спускается в ад, а после опять выходит...

Лаэртский: Только уже очищенный.

Дугин: В каком-то смысле да, поэтому существует столько легенд и мифов по поводу метрополитена. К примеру, несколько людей мне рассказывали, что есть такие станции, которые все время проезжаешь, особенно на кольце. Стоит чуть-чуть выпить, и на такой станции совершенно невозможно выйти. К таким станциям относится станция «Новослободская». Ее чуть-чуть выпившие люди проезжают постоянно.

Лаэртский: Я все время проезжал станцию «Добрынинская».

Дугин: Это связано с геомагнитными аномалиями метро, поскольку только внешне на карте этот круг является круглым, на самом деле есть существенные отклонения от циркулярной формы...

Лаэртский: Да, он может быть эллипсом, а может

даже, у него аппендикс есть, о котором никто не догадывается, и, возможно, подобные станции находятся как раз в аппендиксе, причем этот аппендикс может быть и внутренним, и наружным...

Дугин: Немного выпившие люди более, что ли, чувствительны к тонким субтильным движениям, к рельефу психологического пространства, они не мыслят грубо, рационально: «Надо на „Новослободскую“ — значит, поеду на „Новослободскую“», — эта логика очень поверхностна. На самом деле человек в большинстве случаев мыслит аналоговым сознанием: едет не строго туда, куда надо, а как бы примерно, он едет куда-то...

Лаэртский: Даже по запаху.

Дугин: Он едет по делу, а это дело тоже представляет некий элемент психического рельефа. Поэтому если выпившему человеку нужно выйти на одной из заколдованных станций, которая не предрасполагает к выходу, он ее непременно проедет и будет вращаться по кольцу до тех пор, пока этот поезд не направится в депо и его не высадят.

Лаэртский: А мы как-то предлагали, писали даже в Госдуму, чтобы весь мусор, который набирается в течение дня в двух или одном контейнере у входа, выносили два самых последних пассажира. Это должно было повлиять на расторопность людей перед закрытием метрополитена, чтобы они там не бродили, мешая работникам. Но почему-то этот законопроект не прошел...

Дугин: А двум первым пассажирам нужно давать

призы за то, что они рано встали и отправились по делу.

Лаэртский: Да, стимуляция жизни, стимуляция активности (сокращенно СА).

Дугин: На самом деле мне кажется, что забота о том, чтобы человек сталкивался в своей жизни с неожиданностями, это забота социальной среды. Например, едет человек в метрополитене, вдруг на какой-то станции двери открываются и ему дарят цветы. Просто так, от метрополитена. Не всем подряд — это слишком жирно, — а какому-то одному случайному человеку. Также какую-то станцию можно проехать без остановок. Это дает определенную спонтанность. Человек сел на поезд Москва—Калуга, хотел выйти на станции 119-й километр. В расписании было написано, что поезд здесь останавливается, а электричка ее взяла и проехала. Это, конечно, может вызвать некое оживление, эмоциональный всплеск...

Лаэртский: Это бодрит!

Дугин: На первом уровне это может вызвать негативные ощущения: сбивка плана. Но что может быть лучше, чем сбиться с плана, сойти с этой убогой и грубой рациональной прямой, которой человек живет...

Лаэртский: Да, почувствовать себя свободным, не зависящим от обстоятельств. Бывает ведь так, что не зависишь от обстоятельств настолько, что зависишь от них полностью, и наоборот. Вот в данном случае это зависимость от обстоятельств: проехал станцию,

но сразу же становишься от них независимым.

Дугин: Совершенно верно. Кстати, в теории сновидений электрички являются пределом несвободы, поскольку поезд не может свернуть с пути. Таким образом, проезд какой-то анонсированной станции, уход поезда с другой платформы — все ждут поезд на одной платформе, а он на пять минут раньше ушел с другой — вначале вызывают у людей ощущение бешенства...

Лаэртский: И обиды.

Дугин: Да, но все это — рациональная реакция. На самом деле, если бы люди относились внимательнее к культивации душевных качеств, они были бы рады, поскольку возникает столкновение со спонтанной стороной реальности.

Лаэртский: Конечно, но эти оковы мешают им раскрыть свою черепаху... Скажите, исходя из всего выше нами изложенного, зачем быть тонко организованным? Это же невыгодно. Невыгодно чувствовать эти потоки, гораздо выгодней жить от них изолированно, быть счастливым. На самом деле то, что многие называют серой жизнью, есть кирпичики того самого фундамента, на котором стоит могучее дерево, дающее плоды.

Дугин: В чем-то вы правы, но не совсем. Дело в том, что как раз попытка сублимации того глубинного онтологического беспокойства, которое испытывает человек высокоорганизованный, — одна из форм защиты. Вы можете себе представить, что философ, например, выпадет из-за того, что не пристегнулся, катаясь на американских горках? Ясно, что фи-

лософ или человек, который погружен в утонченные формы осознания метафизического риска, поостережется таких экстремальных форм физического. Но люди, которые попадают в самые нелепые истории, например, кончают жизнь, когда им на голову падает кирпич, явно представляют собой некое серое большинство, так как в истории не зафиксирован ни один факт глупой смерти известного человека. Это очень интересный момент. В Каббале, еврейской традиции, существует даже кодификация различных смертей, и есть смерть № 72 — смерть от идиотизма, например, когда человек умирает оттого, что ему на голову упал балкон. Раввины и талмудисты считают, что это самый глупый человек, который может существовать на Земле, если с ним приключается смерть № 72. Как раз с теми людьми, которые не задумываются о тонких аспектах существования, рано или поздно приключается самое дикое, самое жестокое и чудовищное приключение, потому что они откладывают на потом столкновение с серьезными проблемами. В итоге им в тарелке попадается кусок отрубленного пальца...

Лаэртский: Или стекло.

Дугин: Да, но стекло физически опасно, а кусок пальца с ногтем психически опасно. Ест человек пельмень, в нем что-то хрустит, он его выплевывает и видит палец... Представляете, что с таким обычным серым человеком становится? А с человеком, который привык видеть в мире неожиданное, необычное, загадочное, тонкое, ускользающее от банальных клише, такое не случится, а если даже и произойдет, он

и глазом не моргнет. Он в своих видениях, чувствах и подозрениях сталкивается с такими сложными вещами, что на него это не произведет никакого впечатления.

Лаэртский: Здесь встает такой резонный вопрос: когда публично высмеиваются идиоты, то идиоты не чувствуют этой насмешки в свой адрес, также если человек не задумывается о том-то и том-то, как он может об этом задуматься, если он просто этого не видит? Для него данных субстанций просто не существует. Есть ли, на ваш взгляд, какие-то формы тренинга, с помощью которого можно было бы взять не полного идиота, с ним все ясно, а человека, стоящего чуть-чуть левее, и заставить немножечко переосмыслить свое «я» и место своего «я» в данном окружающем его сосуде? Как это сделать? Если ты ему об одном, например, о том, что Шадэ выпустила пластинку новую, а он отвечает, что они вчера с Васькой ключ сперли и пропили. Это, конечно, банально, но он этим живет.

Дугин: Хорошо, но я не вижу метафизического противоречия между выпуском пластинки и пропитым ключом. Ключ может быть насыщен огромным смыслом, особенно если он краденый, так как существует метафизика кражи. Мы знаем, что в древней мифологии боги кражи были одновременно воспитателями человечества, так называемые культурные герои, в частности бог Гермес, бог кражи, одновременно был психопомпом, водителем душ. То есть банального, как такового, нет. На самом деле вы задали очень интересный вопрос...

Лаэртский: Да, я, может быть, неправильно его

сформулировал. Мне все-таки кажется, что способность воспринимать тонкие вещи скорее заложена в генетике, и ее нельзя приобрести.

Дугин: Трудно сказать. Ницше ставил перед собой вопрос, возможно ли облагородить людей. Он так и не дал на него однозначного ответа. По крайней мере, воспитывать людей в уважении к священным аспектам реальности, к спонтанным аспектам реальности, к внутренней свободе бытия вполне возможно. Это свойство традиционных сакральных цивилизаций. В разных странах по-разному, мы, возможно, немного позже, чем Запад, но человечество мало-помалу переместилось в рациональные формы мышления, где сновиденческому, психологическому, интуитивному, утонченному, сакральному было отказано в праве на существование. Возникла реальность, которая внешне производит впечатление вполне разумной, четкой, строгой и логичной, но сакральное измерение не исчезло только из-за того, что люди перестали его воспринимать, оно просто стало приобретать некие более зловещие черты. Если мы отказываемся видеть и признавать потустороннее или субтильное — рельеф параллельного мира, это еще не значит, что он исчезает. Это значит, что он переходит в некую иную форму и начинает нас беспокоить, взрывать и подталкивать, уже помимо нашей воли и помимо нашего сознания, к вещам подчас экстравагантным и странным. Человек смертен, рано или поздно он столкнется с собственным концом и с тем, что находится за ним. Раньше смерть соприсутствовала человеческой жизни в традиционной сакральной цивили-

зации и людей не то чтобы готовили к умиранию, они просто жили внутри смерти, и поэтому отношение между потусторонним и посюсторонним было более прозрачным, более относительным и гибким, вот отсюда они и замечали то, что сейчас не замечаем мы...

Лаэртский: Нет, не мы, а...

Дугин: Ну да, большинство людей. И я полагаю, что необходимо, безусловно, просто переосмыслить, исходя из полноты представлений о подлинной структуре реальности, наше к ней отношение, наши с ней отношения. Я думаю, что западный рационализм — философия Нового времени, философия Просвещения — полностью исчерпал себя. В ответ остались макаронники, пельменники...

Лаэртский: Окорочкисты.

Дугин: Люди, руководствующиеся банальными рекламными паузами, набором советов о том, как надо намазаться очень дорогой мазью, чтобы на следующий день лицо 40-летней женщины помолодело. Эта женщина, наверное, действительно будет считать, что помолодела, но на самом деле после нанесения этой зеленой глины за сто долларов два грамма у нее просто нет лица. Это способ просто такого одурачивания, последний результат некого рационализированного, механистического отношения к миру. Нам действительно нужна фундаментальная духовная революция, и тогда пельменники встанут на нашу сторону. Не сами они плохи, что грубовато живут или крадут гаечные ключи. Необходимо насытить все слои общества не культурой, но уважением к сак-

ральному, а этого можно добиться путем ритуализации самой простой деятельности. В традиционной цивилизации каждая профессия имела свои специфические ритуалы, обряды, своих духов, в дохристианском мире своих богов. У каждого ремесла были свои боги-покровители, поэтому цеха, братства жили совершенно особой насыщенной жизнью. Даже башмачники, казалось бы, простая профессия: они, делая башмаки, почитали так называемое одноногое божество, или божество зимнего солнцестояния, отсюда связь со священной пяткой (Ахиллесова пята); Будда даже изображается иногда в виде стопы. Все, что связано со стопой, ногой, обувью, — все это имело в традиционной цивилизации сакральный характер, и башмачники тоже были духовным братством, хотя, возможно, и соответствуют нашим пельменникам, у которых украли культ. У наших механиков, автослесарей украли культ.

Лаэртский: Даже у гаишников украли культ.

Дугин: Конечно, это же милиция, древние воины, которые поклонялись Митре, в христианстве архангелу Михаилу и т. д. Когда у людей отнимают культ, сакральное, они превращаются в по-настоящему бессмысленных тварей и восполняют это мрачноватыми вещами. Я думаю, что на Руси (русские люди всетаки намного более традиционны, более священны, чем западные) это восполняется пьянством. Люди, которые клеили обои у себя дома, наверняка замечали, что в советских квартирах прямых углов просто не существует, потому-то обои не сходятся. Можно мерить сколько угодно, но все обои будут распола-

гаться совершенно странным произвольным образом. Когда люди доходят до угла, они видят, что обои складываются иксом, так как стены сопоставлены таким образом, что по-другому их клеить нельзя. Почему так? Просто строители пытались восстановить отсутствие сакрального элемента приемом алкоголя, так что если клеить обои выпившим, то все сойдется.

Лаэртский: Да, войдешь в нужною фазу, настроение...

Дугин: В резонанс тех людей, которые строили это. Отсутствие прямых углов и линий — свойство сакральности, потому что в жизни нет прямых линий: дерево растет приблизительно прямо... Приблизительность, крючковатость равняется сакральность...

Лаэртский: Да, вообще эта попытка человека все выпрямить очень странная. Единственное, что человек пока еще не выпрямил, это саксофон, хотя, по идее, он должен просто бесить людей своими кривыми формами. Тут встает другой вопрос: может быть, этот рационализм не так уж плох. Я совсем недавно понял то, какое великое дело и большой вклад вносят в духовность, например, группа «На-На», Алена Апина, Филипп Киркоров и многие другие. Попросту говоря, они подкармливают людей, лишенных ритуала, той прикормкой, которую они и требуют. Может быть, этот рационализм был вызван попыткой не сделать духовное общедоступным. Кто же будет тогда работать?

Дугин: Вот это разумно, потому что духовное рас-

полагает к созерцанию, и поэтому русские люди не любят работать. Вернее, любят, но сами по себе, как Бог на душу положит. Они любят делать что-то особое, например, сплясать или вдруг скосить целое поле, хотя после окажется, что не то.

Лаэртский: Или приделать к «Жигулям» колеса от МАЗа.

Дугин: Но это именно от полноты солнечных творческих сил внутри. Я недавно был на научной конференции, где говорили, что в нашей стране есть области, в которых зарплату вообще не выплачивают. Люди сами изыскивают средства и платят за воду, чтобы ходить и работать. Это избыток, совершенно нарушающий закон любой экономической деятельности. Просто русский человек есть существо солярное, солнечное, поэтому он работает не потому, что он должен, а потому, что хочется. Иногда ему больше хочется работать, чем меньше ему платят, тем больше хочется. Русский человек живет по сакральным нормам. А вы обратили внимание, что если платить людям, то они говорят: «Буду я еще за три тысячи работать!» Предлагают ему тридцать тысяч, а он в ответ: «Ну, нашли дурака, за тридцать тысяч в месяц вкалывать!» Что ни давай ему — все равно мало. Это тоже признак нормальной живой природы. Русский человек не хочет быть измеренным материально, поэтому он успешно саботирует либеральные реформы. Он привел к развалу попытки выстроить всю ситуацию по жесткой материальной логике. Этим он фактически выигрывает цивилизационную дуэль с теми наивными реформаторами, которые решили

загнать наш огромный великий и непредсказуемый народ в какие-то жесткие рамки.

Лаэртский: В кошелечки рассадить.

Дугин: Я хотел бы спросить, что же рационального в Киркорове или Апиной? Это же, наоборот, культ.

Лаэртский: Я и говорю о культе, я говорю о том, что эти люди на самом деле весьма и весьма не просты!

Дугин: Конечно, мы с Сергеем Курехиным ходили на концерт Филиппа Киркорова. Я, конечно, удивился, когда он меня пригласил. Там была Алла Борисовна. Мы сидели в ложе партера, у людей, которые видели нас, был шок больше, чем если бы они увидели марсиан. Название у концерта было очень интересное: «Скажи солнцу: „Да“».

Лаэртский: Очень интересное название!

Дугин: Вообще, нас интересуют солнцепоклонники, лунопоклонники — это явно вписывалось, потом кордебалет киркоровский был весь в арестантских робах. Представляете, девушки в арестантских одеждах! Я думаю, что это был тонкий ироничный намек в адрес Сергея Адамовича Ковалева. Многомерная ирония, ирония двойной точности.

Лаэртский: А мне кажется, что они вряд ли даже слышали друг о друге. По крайней мере, Киркоров о Ковалеве, хотя я могу и ошибаться.

Дугин: Может быть, но во всяком случае это была довольно тонкая аллюзия.

Киркоров в то время и Зюганова поддерживал. Легкая банализация так называемого зла. То, что для урла зло — сталинизм, ГУЛАГ, — это лишь одна

из форм очень тонкой пропаганды реставрации каких-то более или менее нелиберальных режимов. В общем, Киркоров произвел очень хорошее впечатление, Пугачева произвела отличное впечатление. А вспомните, что Апина поет: «Он уехал прочь на ночной электричке» — это же патриотический пейзаж, ситуация, которую русские люди много раз наблюдали. Одинокая, слегка кособокая девушка под дождем на ночной платформе, силящаяся прикурить...

Лаэртский: «Он уехал прочь на ночной электричке» — это же запах дач, сирени...

Дугин: Это ностальгия, совершенно специфический патриотический пейзаж, эмоциональный пейзаж. В этом отношении мне представляется, что здесь как раз ничего рационального нет.

Лаэртский: Абсолютно согласен! Я это как раз и имел в виду, Александр Гельевич. Меня даже больше удивляют люди, которые говорят об этом: «Фи!» — и пытаются найти себя в каких-то других формах искусства, например в глубоком underground'е или авангардном джазе, не понимая, что эта музыка является культом и их же и спасает. Именно наличие Филиппа Киркорова позволяет им слушать авангардный джаз, как ни парадоксально.

Дугин: Я неплохо знаю людей, которые любят современную музыку, среди них огромное количество банальных и умственно неполноценных людей — фанатов Гефтера и Мамардашвили — полных идиотов. Чем отличаются Гефтер, Мамардашвили или кто-то аналогичный от ведущего программы «Спокойной

ночи, малыши!» дяди Володи, я не знаю. С точки зрения реальной метафизики разница между ними не заметна. Кстати, у нашего рока с нашей эстрадой большой разницы тоже нет, зато у рокеров огромная претензия, что они нонконформисты, а эстрадники попсовики. На самом деле банальными являются не эстрада и рок-музыка или профессия, банальным является отношение людей к тому, что они делают и что делают другие...

Лаэртский: То есть самооценка и оценка того, что находится вне зоны твоего действия.

Дугин: На нашей эстраде есть прекрасные исполнители. Хотя, например, насчет группы «На-На» ничего сказать не могу, я в недоумении перед этим явлением. Есть несколько вещей, которых я просто не могу осмыслить. К ним относятся «На-На», Валерий Леонтьев и еще какие-то персонажи, которые, на мой взгляд, ни с банальной точки зрения, ни с метафизической в эстраду не входят. Даже Борис Моисеев входит, а они нет!

Лаэртский: Очень странный персонаж. Моему мозгу он непостижим...

Дугин: Я думаю, он болен. Но, с другой стороны, есть люди, которые принципиально не останавливаются перед тем, чтобы эксплуатировать какую-то форму определенных расстройств. Это, кстати, было традиционно именно в западной либеральной культуре. Моисеев — проявление именно либерального отношения к эстраде. Например, есть такой театр «Люди» — страшное название, — я видел их выступления, там лилипуты изображают нелилипутов.

Представляете! И на это люди ходят и хлопают. В этом состоит особая форма извращенного вуайеризма. Таких людей, как Моисеев, не надо скрывать, но также не следует выставлять напоказ, пусть они где-то ходят по своим делам. Нельзя так издеваться над человеком!

Лаэртский: Вы мне буквально открыли глаза, потому что я мыслил по-другому о данных людях. Я думал, что в их окружении нет хороших друзей или просто умных людей, которые бы сказали: «Дружище, ну кто же тебе сказал, что ты хорошо поешь, кто же тебе сказал, что красиво танцуешь? Уйди! Сядь и не позорься!» А оказывается, все по-другому!

Дугин: Это гораздо более страшная вещь. Жестокий менеджмент. Эксплуатация порока. Садистическое наслаждение уродством другого человека, неадекватностью его оценок и самооценок. Если у таких людей начать брать интервью, выпускать плясать, строить рожи, будет странным образом занятно, поскольку в каком-то смысле эти люди представляют собой шок для нормального восприятия. Мы периодически сталкиваемся с такими людьми на улице, но если с такими людьми будут всерьез беседовать в программе Михаила Леонтьева или в программе «Намедни» Парфенова, то на самом деле будет ощущение некоторого медиакратического шока. Мне кажется, что продюсеры Бориса Моисеева — жестокие садистические люди — таким образом и работают.

Лаэртский: Они, видно, уже выжали всю его

мощь. Он уже не тот Боря, которого мы знали молодым.

Дугин: Вы знаете, в таких нюансах специфической клинической картины развития болезни я ничего не понимаю. Я привел примеры этих эстрадных исполнителей именно как стоящих вне жанра, но тем не менее среди людей эстрады есть прекрасные метафизические эстрадные исполнители типа Валерия Меладзе, Тани Булановой или группы «Пепси», которые действительно адекватно делают эстраду.

Лаэртский: Да, целиком согласен. Меладзе делает работу профессионально, хотя я больше всего не люблю музыкальных журналистов. Хуже всего, когда на какой-либо радиостанции существует программа о музыке. Например, спрашивают человека: «А ты чем занимаешься?» — «Я музыкальный журналист и на таком-то радио веду программу о музыке, у меня даже есть конкурс о группе Rolling Stones». Это меня поистине удручает. Не знаю почему.

Дугин: Если посмотреть на среднего музыкального журналиста, то этому человеку далеко за 30, у него очень странная внешность, нехорошая посадка глаз, ходит в засаленном свитере. Ему просто не далось другое, поэтому он им и стал. Есть такие профессии, само занятие которыми предполагает некоторое милосердие с нашей стороны. Я думаю, на долю милосердия имеют право и музыкальные журналисты, по крайней мере на то, чтобы мы их не обсуждали.

Лаэртский: Согласен. Понятно, каким образом

музыка дефрагментирует общество, а что касается изобразительного искусства и скульптуры, является ли скульптура более примитивным искусством, нежели холст? Чтобы оценить картину, нужно обладать воображением, необходимо представить объем, как бы хорошо он ни был прорисован, а вот любую скульптурную композицию можно пощупать, к тому же и сам вид искусства появился намного позже.

Дугин: В разных формах традиционных цивилизаций существовало табу на объемное изображение. Дело в том, что в сакральных знаках не акцентировался объем, так же, как и в живописи; не было даже теней, не говоря о перспективе, которая появилась в эпоху Возрождения. Существовала определенная сакральная табуированность на это дополнительное измерение, так как человек не должен был изображать с помощью своих рук трехмерных идолов.

Лаэртский: Как вы считаете, верна ли теория, что наши далекие предки, находясь на достаточно примитивном уровне развития и имея те же два глаза и два уха, обладали монозрением и воспринимали только монозвук?

Дугин: Да. Монозрение существовало, поскольку существовали определенные органы восприятия, которые находились в шишковидной железе. Эти специальные органы иногда изображаются на индусских картинах в виде третьего глаза на лбу. Если наше зрение двойственно — два глаза, — то раньше было монозрение. Отсюда истории о циклопах и одноглазых, живших в древности. Это память об иной форме существа, которое схватывало вещи не в ду-

альном аспекте, а синтетически и мгновенно. Не то чтобы они не видели каких-то измерений, они видели сущность, эссенциальную сторону, проникали в некую духовную суть вещей, которую и изображали. Там, конечно, не было той отчетливости и той трехмерной фиксированности, которая существует при обычном взгляде, поэтому древние сакральные изображения были как раз двухмерными. Это сохранилось в русской иконописи.

Лаэртский: Соответственно, скульптуры появились тогда, когда у людей начали проявляться признаки стереозрения?

Дугин: Да. Признаки деградации сакральной цивилизации. Например, в Греции, когда возникла рациональная философия, стали делать скульптуры. Аналогично это происходило на Западе после схизмы. В православной культуре совершенно не принято делать скульптурные изображения, есть только плоскостные изображения. В полной мере это началось с эпохи Возрождения, когда открыли перспективу. Это действительно формы определенной духовной, спиритуальной и в том числе импрессионной впечатленческой деградации людей.

Лаэртский: Сейчас у нас плохая пища, атмосфера, как результат происходят мутации. Могут ли люди в одно прекрасное утро проснуться с монослухом и монозрением?

Дугин: Я думаю, мутация, которую все так боятся, в каком-то смысле и негативна, если брать за позитив то, что мы сейчас имеем в качестве современных людей. Но если к этому отнестись с традиционалист-

ской точки зрения, станет понятно, что она может открыть какие-то положительные спящие качества в людях. Ведь то, что мы имеем «как позитив», — предмет последней формы деградации полноценного человека. Я не фанат генной инженерии, но меня с ней примиряет то, что хуже состояния, в котором живут современные люди, с точки зрения их духовного призвания просто нет. Бóльшую бездну между ними и их архетипом просто сложно себе представить, поэтому любая модификация этого человеческого существа либо даст улучшение, либо не даст ничего. Монослух — то, что древние пифагорейцы называли музыкой сфер. Помимо гаммы звуков есть еще так называемый всезвук, который является неразложенным. Свет, раскладываясь на хроматические спектры, порождает цвета, то же самое с монозвуком.

Лаэртский: Монозвук — канат, по которому раньше люди шли, руководствовались в своей жизни, а сейчас его раздробили.

Дугин: Поэтому, если сейчас начнутся определенные биологические мутации, есть шанс, что из человеческого существа вылупится что-то более интересное. Шанс небольшой.

Лаэртский: Но есть. Мы еще забыли о таком аспекте, как запах. Мы несколько дней назад провели один эксперимент, дали понюхать землю, привезенную из непроходимых джунглей, нескольким добровольцам. У некоторых появилось в глазах некоторое подобие разума, было видно, что, если дать ему понюхать еще немного, он сможет произвести какую-

то свою идею. Проходило минут десять, признаки разума исчезали. Что вы можете сказать по этому поводу?

Дугин: Запах в традиционной классификации относится к самым низшим аспектам человеческого существа. Люди, различающие запахи, как правило, низкой организации. Оценивать плохие или хорошие запахи, говорить о запахах считалось непристойным в традиционном обществе. Есть системы этикета, которые говорят, что человеку, сказавшему: «Здесь запахло» или «Как от вас приятно пахнет!» — можно дать пощечину, потому что люди, обращающие внимание на запахи, являются уродливыми и похотливыми карликами, которые реагируют на тот срез реальности, который человек культурный и воспитанный должен не замечать.

Лаэртский: Сейчас новая мода в парфюмерии — натуральные запахи — запах земли, рыбьего жира, дизельного двигателя — то, что мы давно предлагали. Люди на это клюнули. На самом же деле те, кто это ввел в моду, надо полагать, люди, вышедшие за рамки рационализма, видимо, просто пошутили...

Дугин: Да, скорее всего. А теперь что касается земли. У Платонова в «Чевенгуре» есть персонаж, который считает себя богом и питается землей. Когда люди возвращаются к сакральным истокам своего существования, они действительно начинают питаться землей, поскольку она сакральна. Я слышал теорию о том, что жизнь коренится в гумусе, покрытии Земли. По этой теории гумус является живым истоком. По-моему, она принадлежит Ушакову. Он купил себе

несколько гектаров земли, которые всячески удобряет. Ничего туда не сажает и не собирается. Он взращивает саму землю.

Лаэртский: Это же правильно. У фермеров так принято — сегодня поле отдыхает, пока засеем другое...

Дугин: Он хочет, чтобы земля отдыхала всегда. Тогда, с его точки зрения, гумус, каким-то образом накопив свой внутренний потенциал, даст новые формы жизни. В древнегреческой мифологии говорится о том, что если засеять поле зубами дракона, то вырастет армия. Это воспоминание о древних эпохах, когда люди росли, как пшеница на поле. Этот фермер предполагал, что при правильном освобождении земли от излишней растительности в какой-то момент из нее вырастет нечто более интересное. Есть шумерский миф о гиганте Улликуме, который вырос из земли. Из специфически очищенной и возделанной земли каббалисты создают големов — живых человекоподобных существ. Я думаю, что у этого фермера не все благополучно, но я вижу в этом некую экстремистскую форму работы с традицией, воспроизводство некого полузабытого архетипа.

Лаэртский: А сейчас я предлагаю обратиться к звонкам наших радиослушателей. Здравствуйте, вы в прямом эфире.

Звонок: Здравствуйте, Александр Гельевич! Вы, как человек умный, не могли бы мне помочь понять следующее обстоятельство? Человек с высшим образованием лежит три года на диване и плюет в потолок. Ему предлагают разную работу, но он все отка-

зывается, предпочитая такую жизнь, которую ведет. Подсознательно желает прихода к власти тоталитарных сил, которые бы насильно поставили его в строй и заставили работать.

Дугин: Вопрос очень интересный. Вы описали почти идеального русского человека, который проводит три года в созерцании, лежа на диване. Во-первых: он осмысляет, как все оно есть на самом деле. Поскольку все вместе не поддается конкретному разложению на части, — как ни старайся, все равно это все будет ускользать, ведь познать можно только какую-то конкретную часть, — он в своем стремлении познать целое не мелочится. Он получил высшее образование, посмотрел, как ему дали определенную форму примитивной дрессуры, что-то узнал и залег на диван. Эта сцена блестяще была описана у Достоевского в «Бесах». Когда Шатов укоряет Степана Трофимовича Верховенского, он говорит: «Что же вы говорите, что надо укоризной стоять, а сами все время на диване лежите?» На что Степан Трофимович отвечает: «У нас в России, миленький мой, укоризной стоять можно только на диване лежа!» Кто на диване лежит, тот укоризной, по сути дела, и стоит, поскольку если делать начнем, то совсем все разрушим. Обломовщина тоже очень тонкая вещь, мы просто созерцательно в дреме копим гигантские силы. Теперь второй аспект: чего ждет этот замечательный диванный лежебока, который фактически воспроизводит архетип русских народных сказок? Вспомните, Илья Муромец сиднем сидел, Иван-дурак лежнем лежал. То есть традиционный русский архетип обычно находится в неком со-

зерцании всего вместе. Он не спешит размениваться на мелкое, он ждет наступления тоталитарной власти. Тоталитарная власть сейчас оплевана, слово стало оскорбительным. Но что такое totalitas? Это всеобщее, тоталитарная власть — значит «всецелая власть». Он ждет не того, чтобы его заставили работать, он ждет того, когда все — общество, государство — придет ко всему, все сольется со всем. Что более всего раздражает человека? Частности, когда одно с другим не сходится.

Лаэртский: Он не может понять, какой из частностей отдать предпочтение в созерцании, — боится ошибиться.

Дугин: Совершенно верно. Он хочет что-то сделать, а потом думает: «А вдруг прогадаю? Лучше никуда не ходить».

Лаэртский: Лучше выждать.

Дугин: Тоталитарный режим не должен быть жестоким. Он должен быть гуманным, мягким, но тем не менее тоталитарным, чтобы ничто не осталось вне его внимания, чтобы излечить раз и навсегда внутреннюю причину психоза и паранойи, ведь, как говорит современная психология, источником шизофрении является неспособность человека свести в единую модель разные вещи. Например, по телевизору на одном канале говорится одно, на другом — другое, на третьем — третье. Если он начнет в это погружаться рационально, у него сразу возникнет ситуация расщепления сознания, которая очень быстро приведет к неврозу. Поэтому человек должен выключить телевизор и спокойно сосредоточиться на себе в ожи-

дании тоталитарного режима. Я считаю, что тот человек, которого описал нам радиослушатель, — идеальный русский человек, правильно, что ждет, он дождется своего, все будет в порядке, работа ему будет гарантирована.

Лаэртский: Важно, что он не занимается самокопанием...

Дугин: Которое тоже не приводит к добру.

Лаэртский: Еще звонок.

Звонок: Я уже лежу на диване лет десять. Как долго это может продолжаться?

Дугин: Видимо, наши радиослушатели решили, что мы предлагаем своего рода соревнование, кто дольше пролежит. Соответственно, следующий звонящий должен пролежать пятнадцать лет, следующий за ним — двадцать, и так далее. Конечно, всему есть предел, нельзя понимать все так буквально. Судя по нашим представлениям о предсказаниях, футурологии, вам совсем немного осталось ждать. Срок вашего лежания подходит к концу, можете заканчивать и стараться приблизить желаемый результат своими собственными руками — то тоталитарное общество, которое мы все ждем и так хотим, то, ради чего мы и лежим на диванах. Я думаю, вам уже многое стало ясным.

Звонок: Я уже вам звонил сегодня, я тот самый человек, который лежит три года на диване. Александр Гельевич, представьте на минуту, что будет, когда тоталитарная власть поднимет нас с наших диванов и мы своей гневной мощью раздвинем все существующие рамки. Нам не будет хватать жизненного

пространства, и мы разрушим все границы, подчиним весь мир своей воле. Какая прекрасная жизнь тогда наступит!

Лаэртский: Фантазер...

Дугин: Явно мало лежит.

Лаэртский: Следующий звонок.

Звонок: Что в вашем представлении добро и зло? Это достаточно расплывчатое понятие. Представьте себе, что вы одолжили человеку денег, а он на эти деньги купил пистолет и пошел убивать. Хорошее это дело или плохое?

Дугин: У нас, русских православных людей, есть такое правило: дал денег, назад не жди. С христианской точки зрения давать деньги взаймы можно только в том случае, если ты знаешь, что они к тебе не вернутся, и ты не настаиваешь на этом. Это такой безвозвратный кредит. Давать, конечно, надо, а ждать возврата не надо. Если с такой, правильной, позиции давать деньги, то на них купят цветы или сапоги невесте. А если настаивать на возврате, то на них купят пистолет.

Лаэртский: Мне бы хотелось рассмотреть этот момент с позиции берущего. Человек, который берет деньги, намерен их отдать?

Дугин: С точки зрения православной этической традиции он не должен их отдавать. Берущий должен быть безмерно благодарен человеку, который дает ему взаймы, и при случае должен сделать для него что-то хорошее, подарить что-нибудь, а возможно, даже вернуть эти деньги, которые мог бы и не отда-

вать. Это философия дара.

Лаэртский: Получается, финансовая справедливость и доверие — грех. Убеждение, что, если берешь в долг, нужно его отдать, не христианское. Это попротестантски. Не святое дело. Следующий звонок.

Звонок: Я недавно беседовал с одним студентом о тоталитаризме. Он сказал, что нас всю жизнь нещадно обманывали и обкрадывали. Посмотрите, как их запугали тоталитаризмом! Они считают, что мы ели дешевую колбасу и не могли слушать нормальную музыку, жили при орденоносном человеке с бровями, которым были обмануты. В понимании подрастающего поколения наступление тоталитаризма — наступление плохоколбасных времен. Сейчас студенты могут ходить в институт с Bon Jovi в наушниках. С прекращением страшного тоталитарного общества в армию идти никто не хочет, некому печь выпечку и работать в мастерской. Все хотят ездить на BMW. Где здесь логика? Поймут ли «новые русские кошельки», что они допустили ошибку, разрушив тоталитарное общество, попытаются ли что-то исправить?

Дугин: Интересный вопрос. Стоило ли допускать беспредел и разрушать великое государство для того, чтобы слушать Bon Jovi, по сравнению с которым Борис Моисеев суперзвезда? Кстати, по поводу колбасы: западная колбаса делается из химии и гормонов. Маленьким свиньям вкалывают гормоны, и они за несколько дней превращаются в огромных гигантских свинин, которых тут же закалывают и расфасовывают. Это страшно ядовитая вещь. Людям питаться такой колбасой просто опасно для жизни. Из-за это-

го в Америке люди все жирные, а у мужчин вырастает женская грудь. В среднем американец в тридцать пять лет весит сто двадцать килограмм. Это все результат знаменитой либеральной колбасы. Наша колбаса и наши мясопродукты состоят в значительной степени из отбросов, но все это абсолютно съедобная вещь. От нашей колбасы может быть расстройство желудка, но она не приводит к биологическим мутациям, в отличие от западной. На советскую музыку сейчас мода, советские пластинки очень хорошо расходятся. У нас была и сейчас есть великолепная аутентичная музыка, которая может развиваться и без кожаных штанов, макдональдсов и колбасы. Ваш студент, уважаемый радиослушатель, — продукт подмены, но он может еще и поменять свою точку зрения. Самое главное, что у нас в маразм впали не студенты, а наши профессора. Когда приходишь в МГУ, видишь, как носятся наши профессора. У них безумные глаза, растрепанные бороды, седые патлы вьются по ветру, пиджачки заклеены клейкой лентой. Смотреть на них страшно. А это люди, которые программировали перестройку, экономику. Оказалось, что эти экономисты, которые все это смоделировали, объяснили превосходство западного строя молодежи, сейчас оказались без всякой поддержки, получают две тысячи рублей, которые им не платят. Такого рода бомжи, когда я выступаю в МГУ, подкатываются и говорят что-то о Хайеке, Поппере. Я думаю, что в ближайшее время темная магия пожилых людей профессорского преподавательского состава рассеется окончательно. Этим людям недолго бегать еще в кроссовках по

кабинетам научных кафедр, которые явно предполагают, пусть скромные, ботиночки. Возврат к традициям нашей нормальной преподавательской профессуры идет на глазах. Вместе с преподавателями поменяются и студенты. Раньше люди, проходя мимо дома, в котором живет профессор Коломейцев, притихали, даже если это пьяная компания. Дело не в том, что они его боялись, а просто из уважения к науке, к духу, ботиночкам и отсутствию майки Adidas — к всему тому, что было у советских людей, что должно быть у русских и просто нормальных, не западных людей. А эти первертные нарколыги, поседевшие молодящиеся дедушки гомоэротического направления, которыми полны американские и французские салоны, — отвратительное зрелище. Они дискредитируют знания, дискредитируют традицию. Профессор должен быть патриархом, он должен быть в собственном достоинстве, не должен унижаться до студента. Студенты должны выстраиваться перед ним во фрунт, если они опаздывают, они должны просачиваться в аудиторию тонкой струйкой дыма, ожидая получить какое-то невероятно тонкое душевное оскорбление. Ведь человека не обязательно бить, его достаточно уязвить, унизить словом, определенным сравнением, метафорой, остроумным замечанием. Профессура должна обладать садистическим вербальным аппаратом для того, чтобы каждый человек, который попадает в сферу их внимания, мог быть уязвленным, уязвленным по-крупному, мог получить душевную обиду. Только тогда со старшим поколением будут разговаривать в нормальной адекватной манере:

не будут жевать, вставлять в нос себе серьги, а по дороге в институт будут слушать не Bon Jovi, а лекции. А «новые русские кошельки» уже начинают одумываться. Они уже все понимают и постепенно становятся за нас. Сейчас идет единение в обществе на нашей основе. Это настоящая консолидация, настоящее прекращение социальных битв. И богатые, и бедные сознают, что дальше в западном направлении идти нельзя, что все мы будем идти в нашем собственном, родном русском направлении.

Лаэртский: Половозрелые особи с плеерами меня вгоняют в страх. Не знаю почему, но мне это кажется ненормальным. Это какое-то легкомысленное, неуважительное отношение к музыке. Может быть, поэтому и музыка у нас такая, что ее музыкой нельзя назвать.

Дугин: Я заметил, что с плеерами ходят обычно пожилые инженеры. Это люди, которым глубоко за сорок, такие часто бывают пациентами у психиатров, так как в конце жизни вдруг оказывается, что они не реализовали и тысячной доли своих эротических подсознательных фантазий, не добились каких-то властных функций, не попали в экстремальные ситуации и не стали защитниками-воинами, а просто сидели и пили чай у себя в лаборатории. Этим людям дают плеер, и они хотят этим плеером возместить все то, что уже упущено. Можно только себе представить, что они с ним делают. Психология именно такая. Это, в каком-то смысле, карго-культ, магический объект, те бусы, за которые переселенцы купили у индейцев Манхэттен. Плеер — символ свободы, и он вставляет

его себе в уши, полагая, что теперь все изменится. Но ничего не меняется.

Лаэртский: «Я начал новую жизнь!» — говорит он себе, поставив новую кассету.

Дугин: Представляете, какое разочарование постигнет их, когда они некоторое время спустя увидят, что все не только не меняется к лучшему, но еще и разваливается на глазах. Внезапно уходит жена, которая, казалось бы, была надежно закреплена за квартирой. Перестройка и демократия внушили, что у женщин в сорок лет начинается активная половая жизнь и что теперь пора массажистов и визажистов, эмансипации и сигарет.

Лаэртский: Борову в застиранном свитере в новой жизни делать нечего.

Дугин: Он ей уже надоел за двадцать лет, она смотрит на него и понимает, что и раньше иметь дело с ним было достаточно паскудно, но когда он с плеером — это уже переходит все границы. Семьи рушатся, дети остаются без родителей. Возникает критическая социальная ситуация. Всех этих людей нужно срочно отучить от тезиса «Будь собой». Вместо этого нужно говорить: «Ты, инженер, немедленно вытащи из ушей эту гадость и слушай внимательно. Тебя больше не зовут Петр Петрович Самогонов, ты теперь член нового евразийского общества № 687. Твои задачи: копать, звенеть, говорить». Все люди — и тот, кто работает, и тот, кто слушает плеер, и студенты, и одичалые преподаватели — все они ждут, когда к ним придет действительно настоящая жизнь. Отложенная, забытая, которая, по их словам, им не нуж-

на, но на самом деле они ее с нетерпением ждут. Они ждут настоящего. Жестокого тоталитаризма не надо, но в людях есть желание общности, цельности, того, что называется тоталитаризмом. Они сами его построят, нужно только сделать символическую заявку, сказать: «Все кончено! Инженерам сдать плеера, психоаналитикам сдать кушетки, приезжим сдать арбузы. Страна всех требует».

Лаэртский: Вчера мы провели один эксперимент: наши люди бегали по станции со шприцами и отлавливали людей. Всем попавшимся вкатывали дикую дозу, от которой они падали где ни попадя, и оттаскивали в предназначенную комнату. Когда, по расчетам, действие лекарства подходило к концу, их резко будили и спрашивали: «Кто ты?» В лучшем случае люди называли свое имя, но ни один из них не назвал свою должность, даже если в момент отключения он находился на служебном месте. Постепенно название своей функции в обществе у людей стирается из памяти. Помните, как люди отвечали на этот вопрос раньше, при таких экспериментах? «Кто ты?» — «Я фрезерный станок М16». У человека полная ассоциация себя со своей ячейкой в гигантском муравейнике, где он чувствует себя нужным, полноценным и свободным человеком. А сейчас: «А почему вы спрашиваете?» — это что за американизм!

Дугин: Есть такая поговорка, не совсем адекватная, о том, что, если человека разбудить среди ночи, он ответит то, что знает наверняка. Это касается западных людей, именно их можно разбудить среди ночи и задать им вопрос. То, что они хорошо знают, они отве-

тят. Интересно, что евразийские народы, особенно русские, отличаются совершенно иной чертой: если их разбудить среди ночи и что-то спросить, они ответят на тот вопрос, на который в состоянии бодрствования не ответили бы. Если бы разбудили русских среди ночи года три назад с вопросом, кто будет следующим президентом, пятьдесят процентов из них сказали бы, что им будет Путин, а при вопросе, как тебя зовут, они бы непременно смутились. Русским людям снятся другие судьбы, другие имена и другие функции. Обычное и известное спросонья они произносят с трудом. В этом отношении данная поговорка относится к западным людям, к людям с четким рационализмом, которые во сне продолжают жить обрывками своей рациональной жизни, русские живут во сне совершенно иной жизнью. В этом наш секрет. Мы нация сновидений. Чем больше сновидений, тем более нормально у нас проходит бодрствование, как небольшой промежуток между нормальной, полноценной жизнью, где Ваня одновременно и Ваня, и Петя, и Федя, и цветок, и горшок, и станок, и главный...

Лаэртский: И в то же время он един.

Дугин: Един во многих формах. Такое сонное существование гораздо полнее скудных фрагментов: пошел поработал, получил зарплату, поругался с приятелем, остановил гаишник — все это на самом деле химера. Русский человек понимает относительность ценности бодрствования, он очень любит сон, он даже бодрствуя спит. Если нормального русского человека толкнуть в бок даже в период бодрствования с вопро-

сом: «Как тебя зовут?», он обязательно ответит какую-нибудь ерунду или начнет вилять, потому что он не хочет строгой определенности...

Лаэртский: Он не хочет показать, что он спит.

Дугин: Да, что на самом деле он внутренне видит сновидения и что все происходящее вокруг ему кажется и чудится. Вы обратили внимание, как русские люди рассматривают все, что вокруг. Они рассматривают одним образом, а в глазах у них совершенно иные отражения. Обратите внимание, кажется, что у человека в зрачках отражается то, что стоит напротив. Это только так кажется. Если мы вглядимся в зрачки людей, мы увидим, что отражается совсем другое. Я подчас подхожу к людям и начинаю пристально смотреть им в глаза, меня даже пугаются.

Лаэртский: Я тоже часто подхожу с такими целями к нашим сотрудникам. Вроде сидит человек за компьютером, посмотришь ему в глаз, а там не компьютер, а Анька...

Дугин: Или какие-то более сложные картины.

Лаэртский: Есть еще этап перехода между периодом сна и бодрствования, когда человек, проснувшись, испытывает по поводу сновидения определенные чувства, которые на данном переходе носят негативный характер. Вы не знаете, не проводился ли опрос с целью выяснить, в каком состоянии люди чаще просыпаются? Сожалеют ли они о сне, нравится ли им больше, чем сон, реальность? Ведь с помощью этого можно построить специальную карту новой географии относительно снов.

Дугин: Географию сновидений.

Лаэртский: Кто-нибудь делал подобное?

Дугин: Есть такие исследования. Очень интересно, что они тесно связаны с проблемой границ, о которой мы говорили чуть раньше. На самом деле граница между сном и бодрствованием отражает то, есть ли у государства граница и четко ли ее ощущают. Например, у швейцарца, живущего в очень маленьком пространстве, или жителя Монако разница между сном и бодрствованием колоссальна. Более того, люди маленьких государств с явными границами вообще не помнят сновидений. В маленьких государствах есть даже специальные школы, где жителей учат видеть сны и хотя бы немножко их вспоминать, потому что у человека без сновидений есть только рациональная жизнь и ему живется очень тоскливо. Русские люди не могут отойти от снов иной раз до самого вечера, они забывают о своих сновидениях лишь тогда, когда снова ложатся спать.

Лаэртский: Я недавно слышал такой разговор, одна девушка спрашивает другую, почему она такая грустная, а та ей отвечает: «Я все еще нахожусь под впечатлением сна». Это было в девять вечера.

Дугин: Поэтому такой простой модели — будто человек воспринимает свои сны, проснувшись, — нет. Сны сами по себе имеют очень многомерный характер. Они не бывают хорошими или плохими, счастливыми или несчастными. Даже когда во сне человека мучают, он может испытывать очень странные, не классифицируемые как приятные (но близко к тому), особые ощущения. Возникает очень сложная гамма восприятия, которая не укладывается в рацио-

нальную двоичную логику, поэтому, когда русский человек просыпается, он находится еще долгое время в состоянии остолбенения, не от конкретного сна, а от самого факта сна. А все потому, что страна большая и границы нечеткие.

Лаэртский: Не приходила вам в голову мысль, что это все связано с излучениями Земли? Может быть, среднестатистическая российская кошка видит более яркие сны, чем кошка новозеландская?

Дугин: Несомненно. Широко понятый этнос включает в себя не только людей, он включает в себя и животных, которые живут на этой территории, приручились в данном этническом контексте. Русские кошка, собака, свинья, индюк могут иметь право на своеобразное гражданство. Это не просто другие породы. Если американский индюк поживет некоторое время среди русских индюков, у которых совершенно другой способ общения, другие реакции, он либо адаптируется и станет русским индюком, либо будет заклеван. Говорят, что только ежихи пожирают своих младенцев. Ничего подобного. У меня есть группа биологов, которые занимаются аномальными явлениями. Они говорят, что распространено пожирание разными видами себе подобных, это малоизвестный факт. Русские кошки могут разорвать другую кошку, если она будет из Германии. Такие вещи есть и среди насекомых. Животные сложнее, у них есть своего рода душа, пусть не такая, как у нас, но, может быть, в чем-то и поинтереснее, поэтому сны муравья или грезы бабочки могут представлять собой совершенный мир. Нам нужно

избавиться от нашего чванства по отношению к животному миру, избавиться от видовой гордыни. Мы должны внимательнее относиться к бихевиоризму наших братьев, называть их не меньшими, а большими.

Лаэртский: Давайте опять обратимся к звонкам.

Звонок: У меня к вам несколько вопросов. Существуют ли абсолютные критерии добра и зла? Теория сверхчеловека в интерпретациях Ницше, Стругацких и фильма «Матрица», каково ваше мнение обо всем этом?

Дугин: Что касается критериев добра и зла. Добро и зло — понятия морали. Понятие морали резко сужает специфику многомерности мира. В православной традиции, конечно, есть представления о добре и зле, но это один пласт. Есть очень много парадоксов в оценках, которые даются православной традицией. В подлинном священном учении добро теряет свой узкорациональный характер и становится очень сложным понятием, равно как и зло. Есть представление о скрытых святых, которые внешне ведут греховный образ жизни, но внутри являются святыми. Есть византийская легенда о том, как один святой старец спасался в пустыне. Он был абсолютно чистым. К нему присоединился второй старец. Вместе они занимались только тем, что постились, молились, питались акридами, носили власяницы, спали на камнях, вели аскетический образ жизни. Однажды к ним пришел путник. Они у него спрашивают: «Есть ли в мире кто более святой, чем мы?» — «Вы знаете, есть». — «А кто?» — «Зеленщик, кото-

рый живет в Яффе». — «Как он может быть более святым? Известно, что он всех обвешивает! Он греховный человек!» — «Дело в том, что в этого человека вселился дьявол жадности, который заставляет его обвешивать еще больше. Да, он всех обвешивает и обворовывает, но он дико сдерживается от того, чтобы не обворовывать еще больше, и, если бы вы знали, какие муки преодолевает этот человек в борьбе с собой, вы бы поняли, что наши усилия, которые мы прилагаем, чтобы поститься и бодрствовать, по сравнению с его — ничто!» — «А есть ли кто-нибудь святее зеленщика?» — «Есть. Император». — «Он же живет в роскоши!» — «Да, но он очень любит скачки. И если конь, за которого он болеет, начинает проигрывать, его так и подмывает начать кричать, стучать посохом, но он сдерживается и не показывает виду. По его каменному и абсолютно бесстрастному лицу ничего прочитать невозможно. Так он преодолевает невероятные муки в борьбе со своей гордыней». Это пример того, как парадоксально отвечает на проблему добра и зла православная мистическая византийская традиция. У нас на Руси всегда почитали юродивых, например Ивана Яковлевича Корейшу. Он хоть и был заключен в сумасшедший дом, но тем не менее был крупнейшим русским юродивым, к которому потоком сходились люди. Этот человек был вне морали: в пост он ел мясо, испражнялся на головы дамам, которые посещали его в грязной клинике, но почитался святым. Даже песок, который он обмачивал, собирался людьми и становился средством исцеления. Добро это или зло, ска-

зать трудно. Мы вне этих категорий. Я полагаю, что эти понятия существуют. Все, что о них сказано в церковной традиции, верно. Но я хочу обратить внимание на стремление обычных людей вульгаризировать и банализировать эти сложнейшие темы. Все гораздо сложнее. Существуют проповедники добра и проповедники зла, что гораздо реже, но более интересно, потому что если человек проповедует зло, значит, он хотя бы немножечко поинтереснее того, который проповедует добро. Для этого нужно иметь смелость. Надо не отрицать существования добра и зла и относиться к этому не относительно, но тонко. Самое страшное и неприятное — лицемерие, тупость и ханжество, когда люди начинают оперировать вещами, в глубь которых не заглянули, которые им ничего не стоили. Самое неприятное — не оплаченное кровью, душой, жизнью своей высказывание, каким бы оно ни было. Поэтому проблема добра и зла — проблема очень сердечная, духовная. Ответить на это формально нет никакой возможности. Что же касается сверхчеловека, эта концепция, безусловно, очень интересная, потому что периодически возникает ощущение некой неадекватности нашего вида или, по крайней мере, неадекватности того, как он пользуется тем набором качеств и предпосылок, которые ему даны. Из-за этого хочется чего-то фундаментального, радикального и нового. Ницше говорил: «Что есть обезьяна для человека? Стыд и жалкое уродство. Что есть человек для сверхчеловека? Стыд и жалкое уродство». Если мы видим в себе стыд и жалкое уродство, значит, в нас изнутри сту-

чится клюв очень странный, непредсказуемый и, возможно, рискованный, клюв сверхчеловека.

Лаэртский: Известно такое чувство, как стыд за другого человека. Как он классифицируется в данном случае?

Дугин: Смотря какой. Иногда настолько стыдно, что становится стыдно за то, что тебе стыдно. Есть такие персонажи, мы о них упоминали, которые вызывают такое щемящее чувство стыда, что противно после этого жить. Возможно, предельная эскалация этого чувства может быть распространена и на стыд за человечество.

Лаэртский: Стыд за человечество является необходимым атрибутом сверхчеловека? Должен ли он испытывать чувство стыда за своих братьев?

Дугин: Думаю, что да. В конце «Заратустры» у Ницше есть такая сцена, когда на горе собрались высшие люди и Заратустра сидел с ними в пещере, поучал их, потом вышел и сказал: «Да, хороши эти высшие люди, выше них нет никого, но все-таки слишком дурно от них несет!» Заратустра был устыжен не низшими, а высшими. Наверное, если представить себе сверхчеловека или его потенциал, волю к нему, какое-то чувство стыда за двуногих у него присутствует. Интересно, что за четвероногих, крылатых, хвостатых, рогатых подобного чувства нет, потому что бобры, к примеру, удивительные архитекторы, муравьи суперстратеги. Каждое животное чем-то замечательно, в нем есть что-то от сверхжи-

вотного...

Лаэртский: Мы недавно ездили со спецзаданием в Смоленскую область. По дороге мы увидели поле, на котором стоял мужик, он держал корову за рога и в упор на нее смотрел. Мы вылезли из автомобиля и спросили мужика, что он делает. Оказалось, что это глазотерапия. Он смотрит корове в глаза и питается от нее в принципе нейтральной, но тем не менее позитивной энергией, не скорректированной никакими положительными или отрицательными моментами.

Дугин: Традиционно русская форма. У нас рядом с домом полный сад пожилых людей с сединой в бороде, которые гладят деревья. Это новаторство. А коровотерапия — одна из традиционных форм.

Лаэртский: Следующий телефонный звонок.

Звонок: Я в последнее время наблюдаю тенденцию отталкивания людей друг от друга. Люди перестают общаться с другими людьми, они предпочитают общению с себе подобными смотреть телевизор или читать газеты. Создается такое впечатление, что они просто боятся друг друга. Я прихожу к своему другу просто поболтать, а он считает, что мне от него непременно что-то нужно, что я пришел или деньги занять, или просто поесть. Почему так происходит?

Дугин: Я думаю, что есть такие люди, которых боятся все. Есть фундаментальный зазор между тем, как человек воспринимает себя сам и как воспринимают его окружающие. Есть ужасные и малоприятные люди — косые, кривые, малообразованные, достаточно ограниченные, очень навязчивые, — ко-

торые, глядя в зеркало или оставаясь наедине с самими собой, считают, что они — просто подарок для друзей и знакомых. Им удивительно, что люди от них стараются вежливо ускользнуть.

Лаэртский: Отсутствие самокритичного взгляда.

Дугин: На Западе распространен обычай ходить в гости со своей едой. Когда все садятся за стол, хозяева едят со стола, а пришедшие из своего пакета. У нас сейчас вводятся либеральные отношения, и нам пытаются навязать этот момент. Может быть, ваш знакомый уже прошел курс маркетинга и первым делом обращает внимание на то, что у вас в руках. А у вас в руках пусто.

Лаэртский: Из-за этого он насторожен.

Дугин: Вернемся к нашим традициям. Вы живете правильными принципами. Можно к другу приходить без спроса и в любое время.

Лаэртский: Нельзя звонить в дверь. Она должна быть открыта.

Дугин: Ее нужно выбивать ногой и кричать: «Вася, какая радость, я пришел. Доставай все, что есть». Люди часто забывают о своих собственных интересах, когда их в три часа ночи будят друзья. Так что приходите к своим друзьям в разное время, приносите или не приносите с собой ничего. Приходите с гитарой, играйте под окнами, старайтесь развеселить человека. С порога спойте ему какую-нибудь песню или расскажите новый анекдот. В любой форме старайтесь проявить свою открытость к нему.

Лаэртский: Следующий звонок.

Звонок: Как вы относитесь к гипотезе, что наша

вселенная является всего лишь веткой какого-то нам неведомого организма? Какие перспективы развития человечества в будущем, как будет развиваться человеческое мышление?

Лаэртский: Здесь есть один тонкий момент. Очень часто некие гипотезы и прогнозы, высказанные в нашей программе, имеют тенденции сбываться, поэтому, если мы сейчас начнем говорить о путях развития человечества, мы назначим человечеству путь. Нам бы не хотелось брать на себя такую ответственность.

Дугин: На прошлой нашей встрече мы говорили о карстовых образованиях, которые находятся под асфальтом Москвы. Мы предупреждали мэра Москвы о том, чтобы он так не топал своими короткими и плотными ножками, выплясывая с Лайзой Минелли чечетку, потому что, несмотря на обоснованность его политической позиции, эти карстовые образования коварны и аналогичная экспрессия до добра его не доведет. Это предсказание сбылось дважды. Через две недели после нашего эфира напротив Совета Федерации здание ушло под землю вместе с «мерседесом» — наше предсказание сбылось в физическом аспекте; также мы были свидетелями политических неудач Юрия Михайловича, которые тоже связаны с карстовыми образованиями. В этом отношении ваши опасения относительно прогноза развития клеток вселенной и других солнцецентричных систем вполне оправданы. Мы не хотели быть столь точны, но, принадлежа к категории людей, к которым не очень прислушиваются, в отличие от теледикторов, мы как раз

говорим то, что действительно будет происходить. Я все больше и больше начинаю понимать необходимость определенного утаивания информации. У нас есть четкое представление о том, что будет со вселенной и с клетками человеческого мозга. Очень тревожно то, что мы наблюдаем, особенно перспективы развития, но лучше об этом умолчать.

Лаэртский: Хотя бы для того, чтобы нас не стали потом благодарить.

Дугин: Да. Пусть все идет, как идет.

Лаэртский: Следующий звонок.

Звонок: К какой философской школе вы принадлежите?

Дугин: Я принадлежу к евразийской философской школе. Я теоретик неоевразийства. Это направление возникло в 1910–20-е годы двадцатого века в белой эмиграции: Савицкий, Трубецкой, Алекссев, Сувчинский. Лев Николаевич Гумилев развивал эту философскую школу в историческом аспекте. На рубеже 1980–90-х годов я ее реанимировал и придал ей новое дыхание. Одновременно я являюсь последователем традиционалистской школы. Это очень близкое понятие. Традиционализм возник в это же время, связан с именем французского мыслителя и философа Рене Генона, его итальянского последователя Юлиуса Эволы, швейцарского продолжателя Титуса Буркхардта. Я являюсь продолжателем этой исторической традиции на русском православном поле. Сочетание традиционализма с евразийством в той или иной степени описывает те философские взгляды, которые я исповедую. В политологической сфере это называется

Консервативной Революцией.

Лаэртский: Александр Гельевич, к вам еще вопрос. Как договориться самому с собой, как уладить внутренние противоречия по любым вопросам? Есть ли универсальный рецепт?

Дугин: Это очень просто. На самом деле есть не один, а два универсальных рецепта, как решить практически все проблемы. Проблема в том, что один из них универсален, но удивительно сложен. Там предлагается очень серьезная форма диеты, гигиенических упражнений, посещение специфических мест природы, пейзажей и т. д. Все вместе должно стабилизировать практически все человеческие проблемы. Есть другой способ, экспресс-вариант. Он заключен во всем том, о чем мы говорили выше. Здесь мы практически полностью изложили специфику этого краткого рецепта.

АНТИГЛОБАЛИЗМ

*(«круглый стол» в журнале «Playboy»
с участием Александра Дугина, Екатерины Герасичевой
(программа «Регион», 3 канал), Александра Горянина,
Чачи Иванова (панк-группа «НАИВ»))*

Герасичева: Хотелось бы обсудить плюсы и минусы таких фундаментальных течений, как глобализм и антиглобализм. Все мы пользуемся одной сетевой компьютерной системой, при возможности приобретаем себе пластиковые карты, наши дети, да и мы,

чего греха таить, любим кока-колу, по дороге можем завернуть в «Макдональдс», все это и многое другое крайне удобно. Насколько опасно постепенное слияние мелких корпораций, объединение стран в союзы, создание общих денег, что нас ждет в результате всего этого — вот в чем вопрос. У Хомского я выудила вот какое определение глобализма: «Небольшая группа людей, руководствуясь частными интересами, ставит под контроль большую часть населения». Так ли это, по-вашему?

Иванов: Хорошее заявление и, на мой взгляд, достаточно правильное. Мне только кажется, что, по большому счету, так всегда и было. Это не случилось недавно. А глобализм — как социо-культурное явление — есть нечто совсем новое в истории. Всегда и во все времена какая-то небольшая группа людей создавала под себя условия, формируя новую реальность, и таким образом навязывала ее, что остальным людям оставалось только подчиниться. Хотя в наше время считается, что люди никому не подчиняются, а идут на все добровольно. А на самом деле они выполняют определенную, заданную кем-то программу. Новейшее время отличается от предыдущих эпох тем, что эта система порабощения научилась виртуозно вовлекать в себя и несогласных. Раньше подобные разнородные элементы системой вытеснялись и маргинализировались. Теперь они включены в систему и служат частным интересам тех лиц, которые ее придумали.

Герасичева: Это называется, если я не ошибаюсь, «согласие управляемых».

Иванов: Я могу говорить с позиции шоу-бизнеса, так как мне это ближе и понятнее других областей. Многие явления еще недавно были абсолютно невозможны на «мейнстримной» сцене. А теперь в социальном плане стало возможно почти все. Например, Мэрилин Мэнсон. Система научилась до такой степени контролировать ситуацию, что стала готова включать в себя даже деструктивные элементы. Да что говорить о Мэнсоне, это такой horror rock, пугалка. Но ведь были и группы, как Rage Against the Machine, которые выступали с леворадикальных позиций, записывались на SONY MUSIC и продавали огромное количество пластинок. Я считаю, что ситуация такова: если мы не готовы решиться на самые радикальные поступки, если мы не готовы захватывать самолеты и бомбить Всемирный торговый центр, мы все будем — хотим мы этого или нет — включены в систему. Только вот с Аль-Каедой у них пока не вышло. «Al-Qaeda. People who care», как говорится у Пелевина в последней книжке.

Дугин: Я совершенно не согласен. Есть Genesis P-Orridge, Psychic TV, Throbbing Gristle, Current 93, Death in June, Boyd Rice, Michael Monyhan, которые при ассимиляции системой безобидных петрушек типа Мэрилина Мэнсона и «Рамштайна» остаются за пределом, так как их message совершенно не совместим с глобализмом. И для этого не надо взрывать башни. Да и у нас, при всей нашей терпимости к экстравагантным персонажам, таких музыкантов, типа Егора Летова или безумного Романа Неумоева, не принимают. Да, глобализм — это огромная степень

рекуперации, но все же есть элементы, которые в него включены не будут.

Герасичева: Почему?

Дугин: Боятся. Даже хиппи включены лишь постфактум, когда от них остался дым, да и то не все. Черные хиппи, такие, как Чарльз Менсон, остаются за границами разрешенного. Весь «dark wave», весь современный правононконформистский трэш в альтернативной эстраде, с традиционалистскими аллюзиями в духе Эволы — он никогда не будет включен.

Герасичева: Может быть, это часть их концепции, их сознательное желание — не включаться?

Дугин: Ну да, какой музыкант не хочет быть известным и включенным?! Просто они обладают какой-то интонацией, которая пугает всерьез. Любому Айзеншпицу можно было бы на Летове столько деньжищ заработать, а он почему-то не едет в Омск с тортом и бутылью и ничего ему не предлагает. Я уверен, произойди такое, Егор бы помычал что-то в свою бороду, поломался бы и согласился. Но нет, что-то сдерживает Айзеншпица, что-то глубинное, на уровне дна бессознательного... Это тихий шепот его айзеншпицевской смерти, смерти той системы, элементиком которой Айзеншпиц является... Летов — это конец света для определенного социального типа — того, который правит. Да, терпимость Системы становится сегодня выше, но есть что-то, что они никак не переварят, а если заглотнут, — отравятся. А что касается двух торговых домов, этих рогов зверя морского, так, может, и хорошо, что их снесли...

Мир без этих рогов стал все же другим. С двумя домами один мир, а без них другой. Я бы поставил вообще на новый мир, без глобализма, без этой псевдотерпимости и глобального контроля.

Герасичева: А мне кажется, что это не терпимость, а способ манипуляции, просто более изысканный. «Мне не нравится то, что ты делаешь, но я промолчу, чтобы потом выиграть»...

Дугин: Конечно, толерантность — это форма эксклюзии.

Горянин: Ну знаете! Где-то вы витаете уж очень далеко. Я бы вернулся к высказыванию, с которого Катя начала беседу. Ограниченная группа лиц, руководствуясь собственными интересами, диктует свои правила. На первый взгляд это так. Но ведь ты действительно гарантированно получаешь то, что хочешь, и с тем вкусом, который ты знаешь, — в любом конце света, стоит только зайти в «Макдональдс». Ты берешь то, что тебе когда-то понравилось, или, по крайней мере, показалось так, — и это везде будет ровно то же самое. Мне в детстве от кого-то досталась масса книжек, изданных еще перед войной, одна из них называлась «Властелин мира». Там какието японские фашисты на атолле устроили фабрику, превращавшую людей в роботов. А в другой книжке пятилетним детям что-то впрыскивали, и они превращались в больших, сильных людей, которые работали, припевая: «Дяденьку мы слушались, хорошо накушались, если бы не слушались, мы бы не накушались». Ну и, конечно, туда проникает советский человек и на детско-пионерском уровне объясняет,

как это все ужасно, после чего освобождает их. Все эти фантазии советских извращенцев 30-х годов, которые облекали свои аномалии в тексты, сейчас, казалось бы, воплощаются.

Но давайте не забывать, что экономика — вы сейчас на меня, как на марксиста, посмотрели — она все равно детерминирует и эти в том числе прелестные процессы, что сейчас происходят, — это вполне естественно. Даже если существует какой-то всемирный заговор, то так ли он ужасен? Если в 1968 году Америка была загрязнена до предела — в Мичиган можно было ночью опустить фотопленку и затем вытащить ее проявленной. Леса были загрязнены так, что очистить их казалось уже невозможным, однако потом началось движение... И если бы к этому не подключились большие деньги, ничего бы не вышло. Пошел процесс деиндустриализации Америки. Эта идея основана на невысказываемом предположении, что можно прожить на банковских, кредитных, виртуальных операциях, на производстве программных продуктов, на индустрии моды, на вашем, как его повежливей назвать...

Иванов: Шоу-бизнесе.

Горянин: Да, да, да. На всем этом гламуре, шикарных автомобилях, высокой моде, а все неприятное вывезти куда подальше. Но! Все помнят 1973 год, когда нефтепроизводящие страны объединились и объявили им бойкот. Это был страшный шок. И возможность того, что появятся варианты ОПЕК, но уже не нефтяной, а продовольственный, металлургический, химический внушала трепет. И тогда они подумали,

что мир должен стать одним государством, — кто будет сам себе бойкот объявлять? И стали появляться большие проекты. Сначала объединенная Европа, теперь Канада—Мексика. И это только первые шаги. Вот это истинный глобализм. Но это очередная утопия, они, конечно, могут замышлять это, но получится ли у них? Никогда! Унифицировать мир невозможно!

Герасичева: Но этот процесс идет.

Горянин: Извините, общину граф Киселев ввел в 1836 году, и через семьдесят лет она вся практически развалилась. Наш мир при большевиках был унифицирован гораздо больше, чем нынешний. Сейчас каждый делает все что угодно, «кто во что горазд». Такие возможности для разнообразия существуют в современном мире! Так нам говорят: «Нет, это адский трюк глобалистов! Это вам только кажется, что вы делаете что хотите! А на самом деле вас заманивают в ловушку!»

Дугин: И правильно говорят! Мы все пляшем под дудку глобалистов. Глобализм — это фундаментальный проект антихриста, который утверждает, что индивидуум будет равен индивидууму, если он лишится всех своих качественных характеристик и форм принадлежностей к различным коллективам. Это очень серьезный проект, который побеждает, уже фактически победил. На мой взгляд, есть вещи, которые он еще до конца не освоил, но это дело времени. Это проект создания всемирной империи под знаком сатаны, которому любой религиозный человек — в том числе и мусульманин — правильно делает, если сопротивля-

ется. Русские должны брать пример у тех, кто сопротивляется сатане, несмотря на его небывалую силу. Понятно, что эта борьба окончится поражением, но неверно, что человек должен всегда выигрывать. Выигрыш — это не главное... Наше видовое достоинство, христианская вера основана на смерти, на видимом поражении нашего Бога. Но от этого хуже не тем, кто в него верит, а тем, кто его распял. И спасутся те, кто не согласен жрать в «Макдональдсе», кто не согласен преклонить шею перед пятой антихриста. Так что — смерть глобализму!

Герасичева: Вы же православный человек, что же вы такое говорите? Хорошо, что с нами отказался беседовать представитель компании «Пепси»!

Дугин: Просто не было бы больше представителя компании «Пепси»... Но на его месте тут же появился бы представитель компании «Кола», чтобы продолжать «впаривать» нам свой ядовитый химический суррогат, от которого русские люди травятся и умирают.

Иванов: Извините, что перебиваю, но мне кажется, что тут слабым звеном является то, что нет критерия, кто глобалист, а кто нет. Как вы определяете, кто решает?

Дугин: Каждый решает сам за себя, вот вы глобалист?

Иванов: Надеюсь, что нет.

Герасичева: А если я ем еду из «Макдональдса»?

Дугин: Вы двигаетесь к ним.

Герасичева: А если я смотрю американские фильмы?

Дугин: Девяносто процентов западной культуры является антиглобалистской. Режиссеры, писатели, философы двадцатого века в большинстве своем настроены против. Сартр — левый антиглобалист, Хайдеггер — правый. Оба ненавидели этот проект, ненавидели его в корне! В истоках! Европа и даже Америка — это первые жертвы. И их интеллигенция раньше других поняла, к какому ужасу все это может привести... Но выражает она свой протест только в культуре — все остальное скуплено на корню — власть, политика, выборы...

Горянин: Тогда дайте внешние признаки, дайте определение. Чтоб мы увидели его!

Дугин: Глобализм — это распространение на весь мир, все народы и страны единой модели экономического либерализма — безудержного технологизма, космополитизма, индивидуализма, секуляризма, гедонизма, нарциссизма.

Этот проект зрел с эпохи Просвещения, дошел до расцвета в форме американского общества потребления (как в лаборатории) и воплотился в современном ультракапитализме, турбокапитализме (по Люттваку) или финансизме.

Весь мир становится открытым полем хмыкающих потребляющих уродов, забывших о нации, религии, социальной справедливости, охваченных эфемерными наслаждениями и обрывками чувств. Это постчеловеческий мир, который описан, например, у Хаксли в «Чудесном новом мире» или в относительно недавней книге А. Негри и М. Хардта «Империя». Глобализм — это мировое общество тотального кон-

троля человека со стороны капитала, ставшего божеством. Он же и есть антихрист...

Горянин: Тогда первым было фашистское общество.

Дугин: Нет, фашизм изначально был задуман как замечательная вещь, потом, правда, превратился в безобразие. Это была реакция на Просвещение, это была агония в предчувствии неумолимо надвигающегося глобализма. А глобализм — это пришествие клонов, киборгов, «шварценеггеров», царство абсолютной немощи духа, потеря сакрального знания и потеря корней.

Горянин: Знают ли идеологи глобализма о том, что православные мыслители так их описывают?

Дугин: Они, наверное, не знали и того, что исламская мысль описывает их как «даджалла» (антихрист у мусульман), пока у них башенки были. Теперь башенок нет, и они стали догадываться, что о них думает исламская теология. Скоро они и с нами познакомятся. Они идут к нам. Насаждая вместе с Чубайсом, с Гайдаром — со всеми этими чмокающими уродцами — свою власть. Им кажется, что нас уже затоптали, что нас нет уже. Они нас еще узнают, они о нас вспомнят.

Герасичева: Каким образом?

Дугин: Самым жестким и прямым. Вы вспомните, как рассматривали бледнолицые прерии при завоевании Америки. Как пустое место! Индейцы были просто помехой, «занозой», «колючками шиповника» (см. А. Негри «Империя»). Но сколько скальпов удалось снять...

Горянин: Любые колонизаторы так рассматривают аборигенов.

Дугин: Никогда! Русские, осваивающие Сибирь, воевали, побеждали, включали в свой состав иные субъекты. Так же действовали римляне. Сухопутные империи расширяются, не истребляя покоренные народы, а интегрируя их. Это закон геополитики. Морские империи действуют совершенно иначе.

Горянин: Вы почитайте Крашенинникова, известного ученого. Двести пятьдесят лет назад он писал о подчинении земли Камчатки. Он описывает, как истреблялись русскими камчадалы.

Дугин: Ученый! Это он Вольтера начитался, наверное... Науки придумали прямые предки глобалистов. Пол Фейерабенд убедительно доказал, что просветители — и особенно Галилео Галилей — все свои опыты подделали. Наука основана на пиаре, внушении и подделках. Наука без религии мертва.

Горянин: Нет, Вольтер еще тогда ничего не написал.

Дугин: Значит, это наговор. Русский давал камчадалу водку и поесть. Он не мог не любить камчадала, потому что русские всех любят.

Герасичева: И тот помирал через полгода от водки.

Иванов: Я не хочу никого обидеть, но меня как человека левого направления этот экстремальный, правый уклон господина Дугина задевает. Я по достоинству оцениваю весь юмор, который звучит в ваших словах, но считаю, что ваши рассуждения, мягко скажем, жестковаты. Очевидно, что «очиповывание»

всех — это зло. Но я думаю, возвращаясь к Егору Летову, что он будет включен в российский шоу-бизнес, это уже просто вопрос времени. Даже мы были включены в свое время. И он будет.

Реально противостоят те, кто направляет самолеты в сторону гражданских объектов. Люди, выбравшие ненасильственный метод сопротивления, вынуждены оставаться в ситуации «бунта на коленях». Вот это обидно, но я не могу, как Александр Дугин, исповедовать насилие и испытывать такую ненависть, хотя осознаю, что, возможно, другие способы и не менее эффективные...

Герасичева: А я вот смотрю в глаза Александру Гельевичу, и мне кажется, что он просто чудовищный провокатор. Ни больше и ни меньше.

Дугин: Нет, я абсолютно серьезен.

Герасичева: Тогда объясните мне. Вот я живу, не задумываясь о мировом зле, люблю своих близких, не люблю, когда ко мне лезут с советами, и абсолютно не готова бороться за или против кого-то. Я, по-вашему, на чьей стороне?

Горянин: Вы, Катя, работаете на телевидении, а оно тоже является признаком глобализации.

Дугин: Телевизор — это авангард глобализма.

Горянин: Это наследие книги.

Дугин: Ничего подобного, где же в нем образование и содержательность? Это выход из реальности, самая неприятная форма наркомании... Телевизор выдает то, что нет, за то, что есть. Ги Дебор говорил: «Как работа не есть отдых, так телезрелище не есть жизнь».

ТВ — это искусственная вещь, подчиненная только законам зрелищ. Ни начальникам телевидения, ни деньгам, ни президенту — только автономным законам медиакратии. И что бы мы ни говорили Константину Львовичу Эрнсту по поводу странности бесконечного показа призрачных придурков типа Баскова, Моисеева или Галкина, которые унижают наш великий народ своей тупостью, мы будем находиться «вне зоны действия сети», говорить в отключенный мобильник сами с собой... Пока не спалим саму телебашню по завету Ги Дебора. Пока мы не свернем медиакратии шею, мы будем ползать на коленях, унижены и безмолвны, а наш протест останется радиопомехами... Перед лицом медиакратии все равны — и философ, и поп, и президент, и рабочий, и спецслужбист, и пенсионер, и бизнесмен. В ТВ воплощен исторический тренд. Это и есть «новый фашизм», мягкий концлагерь медиакратии...

ТВ — это субъект, а мы объекты для его лучей.

Герасичева: Если человек является потребителем продуктов глобализации, он уже с ними?

Иванов: Только если человек решает для себя, что ему не нравится разнообразие, вся эта мелочь ему мешает, он хочет, чтобы все было чисто и аккуратно и одинаково, — тогда да. Он выбирает «американскую мечту». Все как у всех.

Дугин: Кстати, боязнь грязи — симптом чисто женского климактерического заболевания.

Герасичева: Ерунда. Это вид психического расстройства, которым страдают в равной степени и женщины и мужчины.

Иванов: Не волнуйся, Катя, он просто правый, поэтому так говорит.

Дугин: Вся Западная Европа страдает этим заболеванием. Люди, желающие выстроить идеальную кантианскую реальность, желающие между «да» и «нет» проложить бездну, боятся грязи. Грязь — это жизнь, это экология. Это зазор, это фон. Грязь священна.

У глобалистов нет грязи. Они хотят уничтожить фон, тонкую, парадоксальную прослойку бытия, ускользающую от рационализации. Им подавай стерильность. Люди должны, по их мнению, быть чистым, конвенциональным, макдональдским продуктом.

Знаете, в двадцатом веке мы все так орали о мире и при этом уничтожили больше людей, чем когда все орали о войне. Так что лозунги «За мир» еще не означают, что мир будет. Если призывать к агрессивному сопротивлению, может быть, люди станут гуманнее...

Горянин: Кто именно?

Дугин: Человечество. И я принадлежу к человеческому сообществу. Но главное, я — русский. Русский в первую очередь, а человек — во вторую...

Герасичева: А компьютером вы пользуетесь?

Дугин: Надо пользоваться только Unix'ом.

Герасичева: Вы-то сами Unix'ом пользуетесь?

Дугин: Я — да, то есть нет... Ну почти... Да, каюсь, я пользуюсь не тем, чем надо, но предлагаю всем пользоваться только Unix'ом. А не пользуюсь потому, что эта система, кажется, непригодна для пользования или по меньшей мере крайне неудобна.

Герасичева: Как и многие из ваших рассуждений, которые здесь прозвучали.

Дугин: Главное, хотя бы говорить правду, а делать, как получится... Не всегда люди поступают хорошо, но нельзя от этого приравнивать зло к добру.

Герасичева: Ах вот как! А дети ваши в «Макдональдс» ходят?

Дугин: Нет! Но, конечно, им иногда хочется. Надо понимать разницу между декларациями и действительностью. Конечно, мы все немного глобализированы. Но надо понимать свое. Надо чувствовать это. Великий современный философ Жан Бодрийяр в «Le monde» сказал, что сердце каждого европейца радостно дрогнуло, когда рухнули башни.

Герасичева: Это форма речи.

Дугин: Нет, это правда, хотя европейцы, кроме Бодрийяра, это не подтвердили бы...

Иванов: Я считаю, что если и стоит чему-то объявлять бойкот, то это принципу бесконечного потребления, который формируют у человека с детства. А счастливей человек от этого не становится. Глобалисты действительно делают ставку исключительно на материальные ценности.

Горянин: Вы мне напомнили толстовского персонажа Вово, который предлагал крестьянам мяту сеять... Пока человек не насытится, он не успокоится.

Герасичева: Не согласна. Современный человек не может насытиться. Ему всегда будет мало. Ему всегда недостаточно денег, недостаточно любви, времени, внимания. Но мне кажется, это совсем другая история...

Дугин: Мы, конечно, пьем кока-колу, мы вовлечены в процесс глобализации, но это идет против нашего существа, в какой-то момент срабатывает триггер, и... Короче говоря, мы хотим многополярного мира. Мы говорим это и объявляем бойкот омерзительным мондиалистским «универсальным» ценностям, которых на самом деле не существует. Каждый народ имеет свои ценности и свои напитки, и сравнивать их между собой бессмысленно. Я не люблю квас и никогда не пью его, но готов за него голову оторвать...

Часть IV
ТЕАТР «ЛЮДИ»

ДВУХГОЛОВАЯ ЧАЙКА МАРКА ЗАХАРОВА

Посвящается С. Курехину

«Странная» пьеса

Сам Чехов говорил о том, что «Чайка» — «странная пьеса». Даже для него, не говоря уже о публике, она была чем-то неожиданным, новым, необычным. Почему? Попробуем разобраться.

Сразу заметим, что есть две общепринятые традиции в постановке этой пьесы. Первая — классическая. Какие бы удачные или неудачные версии ее мы ни рассматривали, очевидно одно: никакой странности в постановках не чувствуется. Все персонажи и сцены играются в обычном чеховском стиле, актрисы истерично голосят от женской потерянности, а актеры изображают вечные метания бессильной интеллигенции и экзистенциальное безразличие обывателей. Как и во всех остальных чеховских пьесах. Меняется лишь убедительность игры и чисто технические навыки режиссера.

Практически то же самое можно сказать и о модернистской версии постановок «Чайки», к примеру таганковской. Здесь то же ровное полотно однообразной драматургии, только истерика подается более жестко с фрейдистским пафосом, а интеллигенты выступают как откровенные психопаты. Короче, если в первом случае все растворяется в «классицизме», то во втором

случае в «модернизме». И там и там есть свое (закономерное) прочтение Чехова, но равным образом отсутствует даже подозрение о том, что эта пьеса является чем-то экстраординарным для нашего писателя, а следовательно, проблемным, отличным от его остальных драматургических работ. Поэтому были такие трудности с первыми постановками «Чайки». Тогда публика еще делила созерцаемые спектакли на те, которые она понимает, и те, которые не понимает. Качества кича «поход в театр» как на чистое зрелище — при полном невнимании к концептуальной стороне происходящего — театр тогда еще не приобрел.

Редчайшей версией «Чайки», в которой действительно наличествует некоторая странность, является постановка ее Марком Захаровым. В ней налицо отказ и от классики, и от модернизма, более того, отказ от обычного понимания Чехова. Поэтому именно захаровский спектакль обнажает и обнаруживает то, что обычно тонет в других трактовках.

Невыразительная парочка из другого спектакля

В постановке Захарова бросается в глаза один момент, он-то и составляет «странность» его спектакля. Речь идет о резкой разнице между игрой двух групп актеров: с одной стороны, пары Нина Заречная (Александра Захарова) — Константин Треплев (Дмитрий Певцов), с другой, всех остальных, и особенно пары Аркадиной (Инна Чурикова) — Тригорина (Олег Янковский), главных в этой второй группе. С первого взгляда может показаться, что все дело в качестве ак-

терского таланта, в опыте, в соответствии характеров. Но потом начинаешь понимать, что это не так, что дело сложнее. Явная граница проходит не по возрастной или профессиональной линии, но по концептуальным различиям двух этих миров у самого Чехова.

Совершенно очевидно, что линия Аркадина—Тригорин (и вся остальная их компания) действительно проходит в рамках традиционной «чеховщины», отчуждения, интеллигентского бессилия, экзистенциального тупика человеческих характеров, потерянных в потерявшем смысл и ориентиры мире. Их формула — бессилие перед лицом бытия, полный крах надежд и чаяний, отрицательный результат заведомо провального жизненного пути. Одним словом, вечный удел интеллигенции, зависшей где-то между элитарной экзальтированностью чистого бытия и простонародным смирением. Эта тема может быть адекватно воплощена и в классической, и в модернистической манере, поскольку что-что, а полная дезориентированность и жизненный тупик нашей интеллигенции прекрасно известны. Конечно, талантливые актеры и блистательный режиссер показывают это выпукло и наглядно, убедительно и емко. В псевдоклассических советских «Чайках» эта безысходность была завуалирована неискренним подтекстом, что «так, мол, было только до революции», теперь иначе. Но интеллигентская «фига в кармане» начиная с 60-х была понятна и непосвященным. Какой интеллигенция была, такой она и осталась. Чурикова и Янковский не только в «Чайке», не только у Захарова исчерпывающе свидетель-

ствуют всем своим видом, жестами, манерами о том, что тема потерянности интеллигента для России остается вечно актуальной. «Новый человек» невозможен. Ветхие характеры, не способные ни гореть, ни затухнуть, бродят по нашей истории последних веков, как неизгонимые никакими экзорцистами упорные ревенанты.

Надо сказать, что у Захарова эта сюжетная линия в нынешней «Чайке» дана крайне мило — без отжившего классицизма, но и без модернистических псевдосовременных банальностей. Одновременно, в удачном сочетании есть в спектакле и то и другое — и консерватизм, и свежесть. Но дело не в этом...

Дело в том, что линия Заречная — Треплев резко контрастирует с линией остальных персонажей, выпадает, вываливается, повисает в воздухе. Если Чурикова и Янковский играют то, что есть, убедительно, телесно, Захарова и Певцов пребывают в каком-то вакууме. Кто они? Зачем они? Что делают? По какому поводу расстраиваются? Абсолютно непонятно. Непонятно зрителю, актерам, видимо, режиссеру тоже.

Неужели необычный сверхпассионарный накал этой атипичной для Чехова пьесы проистекает лишь из банальной влюбленности молодого бездаря к истеричной актрисульке, без мозгов, таланта и элементарной жизненной осторожности? Если это было бы так, то в пьесе не было бы ничего «странного», напротив, это был бы заведомо провальный спектакль с совершенно необоснованной и неоправданной патетикой и дурным, мещанским символизмом.

Неуверенность Заречной-Захаровой и Треплева-Певцова у Марка Захарова относительно того, *что* они изображают в спектакле, свидетельствует о том, что они догадываются об особом смысле «Чайки», о некотором метасюжете, выходящем за рамки собственно «чеховщины». Они как бы остаются в невесомости, в каком-то стеклянном куполе, вынесенном за пределы основного хода пьесы. Они бледны, недостоверны, смазанны. Как персонажи того неуклюжего спектакля, который в начале «Чайки» пытается продемонстрировать циничной мамаше с ее именитым любовником несчастный Треплев.

Стоп. Этот декадентский спектакль в спектакле... Вот в чем «странность»! Именно благодаря этому сыплется стройность характеров. Пара Заречная—Треплев принадлежит к иной пьесе; он — автор, она — главная и единственная актриса. Поэтому они выпадают из общей «тусовки» Чуриковой—Янковского—Броневого и остальной интеллигентско-беспонтовой компании. Их пьеса *иная*, на фоне других весомых и объемных образов она стирается, будучи полупрозрачной, субтильной, не принадлежащей к мажоритарной реальности. Захаров осознает это и проводит резкую черту, устанавливает апартеид молодых по отношению к заслуженным и тем самым действительно ставит метафизическую проблему «Чайки». Тонкий режиссер, не пошедший на поводу мэйнстрима, чуткий человек, могущий отличить понятное от непонятного. В наше время это исключение. Сегодня всем кажется, что они понима-

ют все. Вместо вопроса сразу дается (как правило, глупейший) ответ.

Захаров, мужественно идя на риск смазать зрелище, предпочитает быть честным.

Чучело Ахамот

Декадентская пьеска Треплева — это, конечно же, не Чехов. Это Мережковский. Ее тема практически не пересекается с чеховскими характерами. Речь идет о холодной гностической интеллектуальной теории, внятной лишь для особых трансцендентно ориентированных умов. Заречная-Чайка — это не примитивное знаковое обозначение романтической девицы в соку, это персонаж глубоких эзотерических доктрин, София или Ахамот, Небесная Мудрость, гностическая Женщина-сверху, павшая в материальный мир безысходного количества, энтропии, ветхости. Нина Заречная, играя в пьесе Треплева, прямо обо всем этом и заявляет. Чайка — образ Души, потустороннего Света, онтологической причины.

Треплев — гностик, метафизический адепт Абсолюта, устремивший свой взгляд по ту сторону видимости, озабоченный сотериологической мистерией спасения Мировой Души. Он призван вырвать ее из оков тлена, восстановить ее небесное достоинство и через это героическое деяние преобразить и обновить Вселенную. Между ними протянуты магические нити инициатической сакральной Любви. Они втайне прежде времен повенчаны «Милосердной Короной Тантры» (Ж. Парвулеско). Эта пара совершенно не

умещается в Чехове. Такое впечатление, что он просто перенес их со страниц других авторов, вместе с диалогами, взглядами, жестами, но при этом поместил в свой традиционный — кряхтящий о крыжовнике и попивающий наливочку — антропологический контекст. Они выпадают и смотрятся в нем нелепо. Уже у самого Чехова. Что же говорить о постановщиках...

«Я — чайка», — говорит Нина Заречная. Это означает не безвкусную метафору барышни, выходящей из пубертатного периода, но жесткий гностический тезис: «Я — Ахамот, трансцендентный Ангел запредельного сознания, крылатый женский архонт световых эонов. Я — не человек, я — огненная мысль Абсолюта».

Сам Треплев выступает как скриб полученного откровения, как паладин неочевидной, волевой истины, как герметик, алхимик, адепт секретного ордена, как тамплиер или альбигоец. Для него фраза «Я — чайка» имеет откровенно метафизический смысл, и именно этот смысл предопределяет его поступки в сюжете. Они недостоверны и невнятны только потому, что их логика настолько тонка, что теряется за выпирающими во все стороны гранями сальной экзистенциальности остальных фигур пьесы. По той же причине и Заречная выглядит глупенькой.

Итак, «Чайка» — это две пьесы, диалог двух авторов, двух видений мира. Холодный абстракционизм Мережковского с его элитистской сотериологией и изумительно достоверный интеллигентский экзистенциализм собственно Чехова.

Гностический миф для избранных и пряный пес-

симистический реализм для профанов. Субтильные фигуры полубесплотных маргиналов Заречной и Треплева против мясистых душ Аркадиной и Тригорина. Любопытно, как Захаров чутко понимает Чехова. Плохая актриса Нина Заречная и хорошая актриса Аркадина; бездарненький романтик Треплев и маститый писатель Тригорин. Захаров заставляет свою дочь Александру Захарову «плохо» играть плохую актрису, а супермена постперестроечных боевиков Певцова превращает в хилого маменькиного сынка (глядя на этих актеров, кажется, что они и есть такие в жизни). И напротив, Чурикова и Янковский, и так уже прошедшие десятки ролей, где они выплеснули всю мощь экзистенциалистской безысходности, кажется, на этот раз в «Чайке» превзошли самих себя. Сверхубедительные, объемные, внушительные мерзавцы вышли у них фантастически реально.

Благодаря диссонансу в качестве актерской игры Захаров ненавязчиво и очень деликатно прокомментировал самого Чехова, расшифровал его замысел, акцентировал его сюжетную магистраль.

В терминах чисто интеллектуальных у авторов типа Мережковского вся проблема формулируется сухим и заведомо антиэгалитарным, провокационно энигматическим образом: «Ахамот пала в лапы мертвой материи». Чехов в «Чайке» иллюстрирует этот тезис своими художественными средствами. Вначале есть статическая суперпозиция первого спектакля (Заречная — Треплев, в нем они активные действу-

ющие лица) и второго главного спектакля (в нем на первом плане Аркадина и Тригорин — но начинают с роли зрителей). Нина Заречная объявляет гностический миф. «Чайка Души некогда низошла в миры холодного ада». Далее этот сценарий осуществляется на практике. Гностик Треплев и его астральная Прекрасная Дама переходят из сферы патетических эзотерических деклараций в плотную действительность. Но это и есть реализация утверждения «Ахамот пала в лапы мертвой материи». Осмеяние субтильных молодых людей со стороны циничных зубров никак не отменяет их основного посыла. Напротив, все дальнейшее развитие событий подтверждает полную правоту начинающего декадента. Заречная падает в лапы скотины Тригорина, Треплев же безнадежно хранит гностический символ веры, постепенно отождествляясь в глазах профанов с второразрядным писателем-неудачником. (Потому что не отрекается от своей доктрины и Любви.)

В последних сценах мы видим, как небесная женщина, ранняя Нина, становится неудачной земной женщиной, полностью проигрывающей рядом с удачной земной женщиной, Аркадиной, чей дух, однако, не больше выкидыша. Потрепанный Треплев также сжимается против вислогубого Тригорина, высокий гностик на фоне матерого писателя с колдовскими от плотности словами-вещами (хотя при этом и крайне ограниченного и лживого человека) выглядит вечным дилетантом. Персонажи первого спектакля как бы окончательно переходят во второй спектакль, сдают-

ся, проигрывают. Вялое бормотание: «Я — чайка, нет, не то, я — актриса», — последние всплески воспоминания о том, чего, скорее всего, на самом деле не было.

Из Захаровой не получилось Чуриковой, а из Певцова Янковского. И тем не менее доказан не Чехов, с его вечным плохим концом и уверенностью в невозможности обновления, но именно Мережковский. Душа-Чайка пала. Интеллигенция — это духи ада. Холод столь привычных нам типов — закон энтропии. (Только Броневой, и то, быть может, только потому, что сыграл Мюллера, о чем-то догадывается.) Они побеждают, они невероятно сильны. Но от этого они не становятся позитивными, не смеют претендовать на возведение в норму. Сволочь и есть сволочь. Бытие как драма, как лишение, как спуск в ад. Но если есть страдание, значит, есть страдающий. А если есть страдающий, значит, есть высшее знание, повествующее нам о гностическом устройстве реальности. Бледным призракам декаданса совершенно необходимо пройти опыт спуска в интеллигенцию, в дезориентированный вампирический экзистенциализм лицемерных и убогих обывателей. Только тогда миф об Ахамот приобретет свой трагический смысл. Плевелы будут отделены от зерен. Страждущий обнаружит свое онтологическое отличие от того, кто причиняет боль.

Чучело чайки из сундука — не печать антропологического пессимизма, это пароль тайного ордена.

За «работой в черном» следует «работа в белом». За «Чайкой»-1, столь грамотно поставленной Захаровым, следует «Чайка»-2.

Чайка-2

Захаров обозначил проблему. Подбор актеров, сценография, декорации, «жестюэль» и т. д. — все крайне выверено. Из Чехова вытянуто все что можно. Налицо «странность» и в пьесе, и в постановке.

Если все дело кончается «Чайкой»-1, то этой похвалой можно было бы закончить. Но в перспективе «Чайки»-2 следует добавить несколько слов. «Ахамот пала» — первый тезис гностицизма. «Ахамот восстанет» — второй (и последний) тезис гностицизма. Но восстанет в тот момент, когда всем (в том числе и ей) будет казаться, что все потеряно. «И возрадовались архонты эонов и воскликнули: „Больше нет Пистис Софии!“» Спаситель приходит в Полночь Мира, когда все и думать забыли о солнце и даже не знают, что такое тьма, так как всем кажется, что тьма и есть Все. Первый тезис у Чехова (и у Захарова) проиллюстрирован прекрасно. Второй тезис ждет своего часа.

Это — час Революции.

РУССКИЕ ИГРЫ ЛЕНКОМА

(о спектакле «Варвар и еретик» Марка Захарова)

Актуальность момента

Все отмечают, что режиссер Марк Захаров крайне чувствителен к «актуальности момента». Я в этом не очень хорошо разбираюсь, но склонен верить мне-

нию тех, кто в данной сфере компетентен (на мой взгляд, вещи и события находятся в процессе перманентного регресса, а следовательно, «современность» есть категория скорее негативная, чем наоборот, но это прямого отношения к делу не имеет). Посмотрев в театре Ленинского Комсомола постановку «Игрока», решил, однако, задаться вопросом: в чем «актуальность момента» этой пьесы? В результате вышло несколько отрывочных замечаний, которые предлагаются ниже.

Спектакль для «новых русских»?

Почему Захаров обратился к «Игроку»? На наш взгляд, есть две причины.

Первая (наименее значимая, лежащая на поверхности). Судя по всему, режиссер достаточно времени проводит за границей, а следовательно, тема «русского за границей» (центральная у Достоевского в этом оборванном произведении) с некоторых пор стала для него наглядной, понятной, конкретной, свежей. Кроме того, конечно, речь идет не только об индивидуальном, отдельном опыте. До реформ «русский (советский) за границей» был носителем особой имперской силы, ядерной магии, отеческого, сталинистского (= «pere fouetteur») начала, то есть он был не столько «русским», сколько «грозным инопланетянином», источающим ауру силы, чужеродности, угрозы. Когда же принимающие иностранцы угадывали в нем «человеческие-слишком-человеческие» качества — насморк, похмелье, жадность, — они акцентиро-

ванно радовались: «Если русские тоже люди, значит, возможно, они не решатся кидать в нас бомбы» (унизительное «Russians love their children too» — имеется в виду: «Simia quaem similis turpissima bestia nobis»).

Сегодня русские за границей находятся в ином ролевом, мифологическом качестве. Они десакрализированы, обнажены от имперских покровов ужаса. Они уравнены, а значит, унижены, оскоплены, низведены к рулеткам, борделям, гангстерским кварталам под контролем «третьего мира». Но все же что-то пугающее, особое, «марсианское» в них остается. Все же остается. Канва «Игрока» у Достоевского стала реалистичной, наглядной, узнаваемой именно сегодня. И маленькая русская колония в Швейцарии конца XIX века, описав дугу, стала странно внятной в конце XX — начале XXI века. «Новые русские» за границей.

Намеки на мир «новых русских» за границей в спектакле Захарова прозрачны и очевидны. Кстати, многократно используемый прием вставки обрывочных, эксцентричных и бессмысленных тирад на иностранных языках (вся европейская гамма) явно призван воссоздать привычную для «новых русских» за границей атмосферу раздражающе лающей среды. Наши крайне некультурны (мажоритарно — либо чиновники, либо бандиты), поэтому европейские языки вызывают у них одну ассоциацию — навязчивого уханья.

Но есть вторая причина, предопределившая, на наш взгляд, обращение Захарова к Достоевскому. Она сложнее и интереснее.

Самооговор

Захаров называет спектакль «Варвар и еретик». Это классическое определение русских со стороны Запада. Варвар в быту и культуре, в дорогах и песнях, в татарском отсутствии нервной «современной» индивидуалистической чувствительности и в бескрайнем органическом холизме. Варвар — потому, что дышит стихией и парадоксом, потому, что не понимает, не приемлет, не хочет картезианской, формальной логики, где безраздельно правит «двоичный код» — либо «да», либо «нет», третьего не дано. Варвар утверждает: «А вот и дано это третье — неочевидное, непонятное, загадочное, ускользающее, взыскуемое третье, тайный шепот по ту сторону разума, сбывающееся невозможное, манящая мечта, параллельная родина, голос евразийского букета кровей, зовущий гул донного знания». Варвар, стремящийся со всей неудержимой силой скифской, туранской конницы по ту сторону форм.

Лингвисты школы Пало-Альто (основатель — Бэйтсон) ввели модель для выделения двух типов логики. Одна — рациональная, другая — варварская (то есть наша с вами). Рациональная логика (дигитальная, цифровая) оперирует с понятиями «утверждение-отрицание», причем отрицание мыслится в отрыве от всякой конкретности как «чистое ничто» — непредставимая, но удобная в расчетах и анализе категория. Рациональная логика, дигитальная мысль лежит в основе западной цивилизации — с ее наукой, культурой, этикой, экономикой.

Но эта логика не единственна. Варвары (а также дети, женщины, поэты, мистики, святые, ангелы) тоже мыслят, но мыслят иначе. Они не обращаются к чистому отрицанию, не оперируют с тем, что непредставимо, абстрактно. Для них отрицание одного есть уже заведомо утверждение другого, на месте небытия у них стоит инобытие.

У варваров нет строго разделительных черт между вещами, существами, личностями. Они тяготеют к странному и сложному единению, к интеграции Всего, к слиянию разного в цветущем, пульсирующем, органическом мире, насыщенном светлым духом и парами плоти, умными энергиями и пламенными струями страстей. У варваров нет смерти, строго отдельной от жизни, нет индивидуума, отдельного от общины — семьи, племени, нации, империи. У варваров сон и явь переплетены, одушевленное и неодушевленное соучаствуют в общем ансамбле мира. Страдание и счастье варваров — две стороны единого миропереживания, единого пульса; оба необходимы, предначертаны, как дыхание, как ритм, как любовь и гибель. Полная антитеза рациональному поиску комфорта и благополучия.

Достоевский объяснил нам нас самих — раз и навсегда безотзывно показал: мы — варвары, и это наше призвание, наше «я», наша жизнь, наша судьба. Прекрасные, тревожные, мучительные люди Евразии, достоевские люди, идущие в глубь бытия, неуклюже роняя по ходу дела акцидентальные несущественные детали, «скорлупы», составляющие, однако, основной смысл западного человека. Нас можно понять только

изнутри. Извне мы — големы, слегка косоглазые, широкоскулые, смазаннолицые, татаро-славянские истуканы, носители тайного спасения мира.

Мы — еретики. Опрятный католицизм, изящно оформленный, прилежно осознанный, грамотно организованный, административно совершенный, называл православных — с их исихазмом и эсхатологией императорской власти, с их глоссолалией поместных церквей и черным кастовым духовенством, с их предельным мистицизмом и трансцендентализмом, с их традиционной неразберихой в делах монастырского и епархиального менеджмента — именно «еретиками», «спиритуалистской восточной сектой». Мы, правда, отвечали им тем же, считая церкви запада — латинской ересью.

Кажется, пора поставить вопрос жестко. Православие и католичество (плюс протестантизм как последний предел вырождения) — это не просто разные версии одной религии, это вообще разные религии. Только что-то одно из них можно действительно называть «христианством». Если они «христиане», то мы к такому «христианству» никакого отношения не имеем. Если же христиане — мы (а я думаю, что именно так оно и есть), то они — кто-то еще. Легенда о Великом Инквизиторе Достоевского сегодня нисколько не утратила своей актуальности. Возможно, только сегодня она до конца и стала понятной. Захаров не просто обращается к Достоевскому, что само по себе — вызов. Он выносит в название важнейшее, интимнейшее определение русских в глазах «просвещенного» Запада, которое иронически принимал и агрессивно направ-

лял против «недолюдей страны заходящего солнца» наш великий русский гений, пророк России, автор Русской Идеи в ее наиболее полном, живом, парадоксальном и священном оформлении.

«Русский хаос» ценней «нерусского порядка»

Мало-помалу мы приблизились к роковой черте. Еще ни слова не сказав собственно о самом спектакле, мы оказались в столь напряженном культурно-идеологическом поле, что слова приобретают зловещее качество приговора, диагноза, доноса. Что сделает Захаров с таким литературным материалом, с таким автором, в такой ситуации, назвав спектакль таким образом? В иные времена и в иных ситуациях спрос с него был бы гораздо мягче. Но не сегодня. Сегодня слова «варвар и еретик», слова «Россия», «Достоевский» пахнут кровью и выбором, порохом баррикад и гноем русских нищих в переходах. Битва за тонкий дух России (точнее, против тонкого духа России) идет всерьез и страшно.

Пауза. Смотрим спектакль.

К концу первого действия сомнений не остается. Сквозь шум, нагроможденные декорации, визгливые выкрики статистов, традиционный ленкомовский эксцентризм проступает Достоевский. Такой, как он есть. Страшный и страдающий, ставящий под сомнение все, кроме... кроме своей высшей духовной идентичности, кроме своей абсолютной, страстно-трагичной, уникальной, мессианской, трансцендентальной

русскости. Спектакль получился об избранном народе, о русском народе.

Не самое главное произведение Достоевского, не самое удачное, не самое законченное, не самое программное. Но все же — ни с чем невозможно спутать агрессивный трагизм национальной души, измученное величие «варварской» мысли, разбивающей любые навязываемые извне нормативы. Русский хаос. Но даже этот, неоформившийся, еще не ставший космосом (может быть, он никогда и не станет им) хаос ценней, прекрасней, глубже, живее, чище, фантастичнее, этичнее, в конце концов, всех ненаших порядков — старых или новых, германских, швейцарских, польских, английских или американских. В спектакле Захарова Достоевский схвачен и расшифрован совершенно точно. В каждой сцене — массивно выраженный русский намек: «третье дано», «третье» — по ту сторону добра и зла, вне двоичной логики и двоичной этики, выплескивается наружу в нации, незаключимой в тесные (а в сущности, по-настоящему порочные, антихристовы) рамки «современного цивилизованного сообщества».

Мы не знаем и не хотим прав человека. Мы не знаем никакого отдельного человека, мы знаем лишь человечество, разделенное ангелом мрака на две части — на «наших» («варваров и еретиков») и «ненаших» («цивилизованных и опрятных», «последних людей», пróклятых Заратустрой). «Наши» в страдании и проигрыше, в буйстве и пороке, в несчастье и бестолковщине, в возвышенном даре и темной зависти, в жертвенном подвиге и еще более в жертвенном

насилии — «наши»... Не хорошие, не плохие — просто «наши», до боли, до воя, до эпилептического припадка, до суицида, до революции... Откуда бы и каким бы путем Захаров ни пришел к постановке «Игрока», ясно одно — это не следствие ошибки, он не просто сбился со столбовой дороги «открытого общества». Более серьезные, более потаенные, сокрытые голоса нашептали ему выбор произведения, название спектакля, подбор актеров. Голоса «наших». Они исходят изнутри. Это часто голоса мертвых или тех, кто еще не родился, не увидел евразийское солнце — наш снег, нашу осень, наш строгий и бесконечный, указующий в небо, бескрайний лес. Это голоса крови — той, что в жилах, и той Божественной Крови, что протягивает нам православный иерей в ложице, произнося: «И в жизнь вечную»...

Когда внесли Чурикову

Чурикова в спектакле изображает Великую Мать. Все думали, что она вот-вот умрет или уже умерла. А она приехала в Швейцарию, эмерджентно манифестировалась в неразрешимой (да и смерть ее ничего бы не спасла), запутанной ситуации русских в их путешествии в страну Запада, в их «voyage au bout de l'Occident». В Чуриковой (= ее героине: у высших актеров деления на роль и исполнителя не существует) важно не материальное богатство, но бытийная полноценность. У Достоевского это очевидно. Захаров подчеркивает это еще отчетливее. Во втором действии ксенофобия достигает пика. Все, кто играют ино-

странцев, стараются всячески подчеркнуть их экзистенциальное убожество, вызвать в зрителе негодование, отвращение, брезгливость, презрение.

Чурикова — это пока еще сохранившееся ядерное оружие России. Оно проматывается, самодурски раздается, не бережется, не отлаживается. Во всем хозяйстве, в семье, в слугах, в самой Барыне — распад, дряхление, угасание. Генерал (Джигарханян, в той версии спектакля, которую мы смотрели) символизирует Минобороны. Промотавшийся, слепой, надеющийся (зря) на выплату задолженностей, лезущий в цивилизованное сообщество, где его держат за невеселого и ненадежного проходимца, неудачник, лгун. Одуревшая, но подобострастная (кстати, довольно привлекательная) дворня, с бесподобным патриотическим хасидом Броневым. Наконец, сам «Игрок», репетитор Абдулов (человек с евразийской фамилией, евразийской внешностью, евразийской печалью). Распятая между капризом, жертвенностью, истерикой, пороком и монашеским аскетизмом, до крайности убедительная Саша Захарова.

Все это — элементы структурного распада, не чреватые ничем.

Но...

Но складывается из трагедии странная и верная интуиция. Наше падение на материальном плане отражает какое-то высшее, трансцендентальное могущество, иную правду, иную победу. Все русское, даже распадное, растерзанное, изолгавшееся и потерявшееся, проигравшееся, суицидное, летящее сотнями раз-

битых чучельно-чайковых тушек в швейцарские бездны неумного, неуклюжего провала — все это в миллиарды раз прекраснее, роскошнее, чище, благороднее, духовнее, покаянно-нравственнее, возвышеннее, ближе к тайному Богу и не освоенной Истине Его, чем лакированные, холодно-металлические, блестящие модели строго разумного фосфоресцентного Запада. Захаров поставил в конце концов радикально патриотический спектакль. С прекрасными актерами, в которых именно сейчас, в самый тяжкий для страны и общества период, вскрываются тайные рычаги их глубокого таланта — таланта не столько личного, сколько национального, евразийского, почерпнутого напрямую, смело и оправданно, из сокровищницы общественного бытия. Русско-советские актеры в русско-советском спектакле у русско-советского режиссера в русско-советском театре. И уже очевидно, заверено, чеканно утверждено, что речь не об отставании Захарова от генерального курса, не о погрешностях в равнении на остальной цивилизованный мир, «где соблюдаются права человека» (ничего они там, кстати, не соблюдаются), но об осознанном и горделивом «да!», сказанном своим корням и своей естественной органической идентичности. И в этом нам видится нечто большее, чем «актуальность момента». Искренний поворот лицом к Евразии, принятие и освоение нашей культуры и нашей судьбы. На этот раз с откровенным вызовом и достоинством.

Возвращение в отсутствие времени

Такое впечатление, что в «Варваре и еретике» целая туманность тем, существ и предметов собралась в правильный фокус, нашла наконец свое место. В Ленкоме — лучшие актеры. Они актеры советские, укорененно советские, признанные и принятые советским духом, советским народом. Явно было что-то и тогда, в позднем скучном, разваливающемся брежневском недогосударстве, что уходило корнями в просторы Великой России, тянуло лямку ее странной, непрямой судьбы. Брежневский эон был страшной подменой: лучшее в нем принадлежало Евразии, ее часу, ее самоутверждению; худшее — стариковской болезни мозга, перенапряжению, цепной реакции бестолковых и тупиковых умозаключений и действий, нагромождающих одно недоразумение на другое. Из этого хотелось выбраться всем. И самым тонким, и самым смелым, и самым пассивным, и вовсе поганцам. Понятно, что было желание сбросить надоевшее ярмо, так как смысл служения стерся, потерялся, стал размытым и невнятным. Но ради чего? Каков был положительный идеал?

В перестройку не думали, почти совсем не думали, очень спешили. И вместо оздоровления, вместо шага вверх, навстречу идеалу и высокой мечте нашей рухнули не в родной хаос, но в мелкую грязь, в жижу непереваренных позднесоветских комплексов, в дурную и плоскую неумную пародию.

И пошли растрачивать себя, расходуя по медякам, по ваучерам, по жалким ресторанным костям, вели-

кие русско-советские актеры и актрисы, смущенно вступая в омерзительные рекламные ролики, дешевые фильмы о «русской мафии» и «авторитетах», позируя с ворами и банкирами, развлекая косоротых нуворишей на гадких пароходиках в невеселом угаре и дежурном, невыразительном (теперь легитимизированном, а потому совершенно пресном) пороке. Культура эпохи реформ — культура позора, унижения, самоотчуждения. Об этом лучше не вспоминать. И Ленком тут не исключение.

Но вот она, третья фаза. Постановка «Варвара и еретика». И легкий ветер надежды.

Возвращение наших любимых актеров, возвращение туда, откуда они вышли, откуда они возникли, из чего они взяли — дерзко и нежно — упругие силы своего большого таланта, — не личного, общественного, национального, всеобщего таланта. Возвращение к России, к тайным знакам на ее сонном челе.

Когда вносят Чурикову, барыню, в зале — отчетливо слышимый вздох. Как-то понятно, что все станет сейчас на свои места, что ситуация разрядится, сюжет прояснится, мораль произведения и замысел режиссера станут очевидны. Но нет. Великая актриса не приносит ответа, не означает развязки. Она — не жива и не мертва, она не дает наследства, но и не лишает его. Она давяще, бесформенно, вопросительно присутствует, но это присутствие — неочевидное, гнетущее, радостное, непредсказуемое — присутствие национального бытия.

Наш национализм страдательный, вопросительный, жертвенный — единственный в своем роде. Мы

утверждаем не чванливое довольство наличествующим, приобретенным, накопленным (выигранным в рулетку), но стеснительную гордость за отсутствие, за недостаток, за пронзительное осознание нехватки, лишенности чего-то невыразимого, не имеющего имени, но самого главного, основного.

Отступление о Соросе (robber capitalism)

Однажды мы посетили встречу с Джорджем Соросом, который приехал учить нас тому, что наш «капитализм, мол, грабительский и злой», что «капитал в России находится в руках людей с некапиталистическим сознанием». Подкармливаемая им компания на все кивала, пытаясь поддакнуть, думая — на самом деле — лишь о его новых спонсорских дотациях. Это было бы банально, если бы не одна деталь. Мы заметили — явно, пронзительно, с шокирующей очевидностью заметили, — что сидящие в зале «российские либералы» на самом деле абсолютно невежественны в том проекте «открытого общества», который продвигает Сорос. Мы с точки зрения философско-культурной оказались, как это ни парадоксально, гораздо ближе к пониманию идей Сороса, чем все его апологеты и нахлебники. Дремавший напомаженный Сорос во время нашего выступления проснулся и принялся улыбаться. Конечно, мы — ярые враги «открытого общества», но для нас ясен проект и внятны импликации Поппера, Хайека, Фукуямы, шире — всей позитивистской картезианско-юмовской традиции, вылившейся

в Адама Смита, либр-эшанжизм, современные теории тотальной капитализации и вестернизации планеты. Мы свой выбор сделали давно и осознанно. А что же публика? Ей было, по правде, глубоко наплевать на старенького миллиардера, на его идеи и концепции, на его прожекты относительно «неграбительского капитализма», на его принадлежность к Бильдербергскому клубу, прообразу завтрашнего Мирового Правительства (от имени которого он, в сущности, и вещал). Жадно, бесстыдно и совестливо одновременно, совершенно по-русски, гипертрофированно по-русски либералы, услужливые попики, аналитики и банкиры жаждали денежек, еще, еще, еще, не заработанных мондиалистским шустрением, но на халяву, чисто пограбительски, просто так данных, брошенных, сунутых, переведенных, отваленных... Мы чувствовали себя, как в сцене из «Идиота», где Рогожин бросает миллион рублей в огонь. И смотрит на душевные муки собравшихся. «Позвольте, хоть на карачках, по-собачьи, так прямо да и из огня вынесу...»

Мы абсолютно достоевская страна. И наши либералы ничтожны и подлы по-русски, а не по какому-то еще национальному признаку. По-русски же они и совестливы. Никуда не уйти им от России, ни в какой Запад они никогда не впишутся. Никому они там такие не нужны.

На встрече с Соросом нам стало это кристально ясно.

Захаров не ждет, пока это поймут остальные. В «Варваре и еретике» он прямо лоббирует «граби-

тельский капитализм», воспевает национальное, хаотическое, агрессивно иррациональное отношение к экономике. Абдулов не грабит и не убивает. Он играет. Но разве русские грабители и убийцы — те, кого называют «новыми русскими», — разве они не играют? Да в этом же весь нерв их затей, их занятий, их пути! Им нужны не деньги, но горизонты, на которых обнаруживается тайная, раскрепощенная, ухарская свобода. Они самодуры и баламуты, они гуляют, а не копят, хватают еще, чтобы дальше (и шире) гулять. Конечно, такой капитализм — грабительский. Но какой капитализм не является грабительским? Спекулянт Сорос не грабит ли сам? Не обманывает ли? Не разоряет ли? Не пускает ли по ветру? Не бросает ли целые народы и государства (Малайзия) в нищету и скорбь? «Частная собственность есть кража», — абсолютно верно заметил Прудон.

Наш капитализм не более и не менее грабительский, чем их. Но наш несет угрозу капитализму вообще, поскольку на какой-то напряженной ноте, в угаре успеха или краха, в пароксизме безумия или гульбы, в страстном порыве или темной глупости русские в один момент могут схватить смысл своего предназначения, стряхнуть удушающие тенета страстного, иссушающего душу недоумения, национальной дремоты и... И опрокинуть узду повиновения. Восстать. Вновь сказать всему миру и всем народам о своем уникальном, жертвенном и трагичном, кровавом и ослепительном Русском Пути.

Мы — русско-советские люди

Марк Захаров первым из художников сделал решительный шаг. Нам предложен третий путь, указана площадь для выработки новой культурной стратегии в перспективе новой идеологии. «Демократы» (вслед за Чаадаевым) твердят, что мы — незаконченный народ, что наша суть — недостаток, изъятость, погруженность в муку отсутствием. Это правильно, неправильно лишь, что это ставится нам в вину, расценивается как минус.

«Патриоты» утверждают обратное: что мы — во всем хороши, что ничуть не хуже других, что и так все в порядке, что мы в конечном счете такие же, как остальные. Это неубедительно. Мы не такие, как все, мы — совершенно иные, и, может быть, мы даже совсем не хороши. («Злые люди песен не поют, почему же они есть у русских?» — говорил Ницше.) Но импульс, двигающий патриотами, оправдан и прекрасен. Они говорят «да» России, любят ее, хотя подчас както формально. Нужно нечто третье: мы должны принять наше «варварство и еретичество» именно как таковые, без всякой подстройки под нормы и чужие мерки, но утвердить эту погрешность, это отклонение от нормы, эту нехватку как высшее наше достоинство, как триумфальную постановку вопроса над ответом, отсутствия над наличием, мечты над реальностью, возможности над действительностью.

Нам всем надо сделать шаг в сторону, сбросить надоевшие, прилипшие, искусственные маски. Мы — русско-советские люди, мы один народ, одна нация,

один тип, один стиль, одна культура, один язык, одна душа. По ту сторону белых и красных, социализма и капитализма, праведности и порока — наша Родина, общая, единственная, ненаглядная. Одни люди, «наши» люди, неуклюжие, застенчивые, злые, поющие песни, неприкаянные, задумчивые, странно внимательные к тому, чего нет, странно брезгливые к тому, что есть, завороженные донной тайной, тайной последних времен...

«Варвары и еретики», русские люди конца истории — самое интересное, что еще в ней осталось.

ТЕАТР «ЛЮДИ»

Был на новогоднем празднике крупной российской буржуазии. Вместе с политиками Центра и beau monde. В «Конгресс-холле» Хаммер-центра. Было много икры (черной и красной), были перепела и осетры. Фотомодели, желто-холеный Марк Захаров, товарищи из «Завтра», бывший министр обороны СССР, директора рынков, оппозиционный генерал Ачалов, семь теледикторов, люди из мэрии, пошляк Ярмольник, координаторы фракции «Единство» и еще около тысячи persona grata.

Порадовал огромный зловещий змей из воздушных шариков. Он открыл свою пасть с клыками и дружелюбно навис над поедающей блюда (их было слишком много) публикой.

Милый Оуроборос черного тысячелетия...

Со вкусом подобранная эстрадная программа: упор сделан на underage. Эстрада, моды, танцы и песни —

все в исполнении полуподростков-полудетей. Я не очень понимаю в моде, но, видимо, начало следующего тысячелетия как-то связано с культом crowned and conquering child. Играющий ребенок по-новорусски.

Нани Брегвадзе пела здорово, но слишком тихо. Затем военные. Эти громко, но не в ноту. Вообще, военные были самым слабым номером. Удивительно, как много среди военных пацифистов, больше в несколько раз, чем среди всех остальных слоев населения. Самые тупые либералы-боннеровцы выходят, кажется, из военных. По крайней мере, я встречал нескольких откровенных предателей Родины в генеральских лампасах, даже не понимавших (в отличие, скажем, от Новодворской), что они творят.

Как всегда, блистал Валерий Меладзе. Я громко ему хлопал. Он был наивен, искренен и сказал какую-то фразу, что, мол, «хотя они и католики, но все же праздник...». Посожалел о дурной политике Шеварднадзе, об отдалении Тбилиси от Москвы... Видимо, в его простой эстрадно-мафиозной среде царят вполне наши настроения. Впрочем, они царили и на вечере. Кто-то говорил о величии Родины, кто-то о красоте русских барышень, кто-то о том, что станцию «Мир» нельзя топить ни в коем случае. Ухмылялся только Новоженов с какой-то квадратноголовой неприятной теткой лет сорока пяти, косящей под фру-фру.

Евразийские новые русские конца истории. Никто, на удивление, не нажрался, все плясали и ели. Смотреть было не противно. Так же, как на зверей, картины Пушкинского музея, бомжей, балет или ворон. Классовой и социальной солидарности не было.

Этническая была. Кстати, совершенно не было похоже на «Титаник». Какая-то невысказанная драма была всеми нашими проглочена и жгла их изнутри. Кончись мир, рухни потолок, никто бы особенно и не удивился. «Поделом нам», вздохнули бы тысяча сытых губ. Кое-кто бродил в темных водах воспоминаний о зоне, артисты пережевывали еду надрывно и по-чеховски, как и положено русским артистам, политики-центристы и чиновники, тоже как положено, ничего не соображали и регистрационно пасли своих полных (но не до жиру), давно отцветших подруг жизни, выведенных на нумерной банкет. Либерализм был воплощен лишь в некоторых крашено-облезлых педерастах на высоких подошвах, льнувших к затененным краям огромной, залитой цветом площадки, где еда. У русских горечь идет прежде вкуса, а слезы растворяют жир изнутри. В конечном счете все мы как-то очень, очень бедны.

Я любил свой народ даже таким — с острыми, пронзительно ищущими осетрину наточенными и выверенными вилками.

Меладзе пел что-то свое, про бабочек и какие-то другие малопонятные, но не отвратительные вещи. Никто не разбирал слов, даже подпевая. Некоторые фотомодели были такие высокие, что нагнеталось сказочное ощущение. Когда рост женщины дотягивается до патологии, до уродства, рождается тонкая магия, будто мы в лесу, будто новые запахи и новые движения рождаются из непредсказуемой, аристократической грации древесной мглистой зари. Безобразно высокие женщины... Обещание нового, чисто интеллектуального культа.

Но я хотел написать о другом. Вдруг среди вечера, когда съели первую порцию всего и, откинувшись, стали ждать вторую, на сцене дебил в блестках торжественно объявил: «ТЕАТР „ЛЮДИ“».

Меня охватило током. На мгновение показалось, что дыхание куда-то ушло и нового вздоха не будет, что сейчас змей из шариков оторвется от пола и взлетит над залом, целя своей красной добродушной пастью в меня, чтобы я захлебнулся соками рыбы (хоть пост, но суббота — в субботу рыбу можно), подавился икрой, упал, скрючившись, под столик и забился в конвульсиях от отсутствия воздуха. Так бывает, когда среди обычного вялого потока сознания врывается звездой страшная электрическая мысль и жуткое подозрение каленой жестью обрушивается на размягченную кашу головного мозга.

Театр «Люди»...

Далее началось вполне майринковское представление.

На сцене появилась труппа, которая начала довольно банальный кордебалет под гнусавую англосаксонскую музыку. *Но что-то было не так.* Это почувствовал весь зал, напрягся, как-то вдруг застыл. У кого-то улыбка замерзла и медленно оползла.

Участники шоу были какого-то *странного размера*.

Вначале показалось, что это опять дети, опять модный underage. Но лица... Лица были не детские, какието очень странные, застывшие, старые, хищные, угрюмые. Особая раса.

И тогда дошло: ЛИЛИПУТЫ.

Лилипуты все плясали и плясали. К ним вышел толстый высокий лилипут и стал изображать из себя Челентано, а малюсенькие тетки позади него подпрыгивали в такт. Потом они переоделись в католико-монашеские (sic!) одежды и стали делать неприличные жесты, показывать острые язычки, двигать маленькими бедрами, взвивать платья... В таком сочетании было что-то невероятно терпкое. Магия грустных евразийских соплеменников, сожалеющих о затопляемой станции «Мир», мгновенно рассеялась. Из глубины холодного хирургического ужаса заговорил очень трезвый голос.

Лилипуты переоделись в жирафов (чувствуете брутальный ход мысли режиссера-постановщика — жираф чем отличается в первую очередь от других животных? — правильно, чрезмерной шеей, что, в свою очередь, связано с переразвитием звериной щитовидки), один был с сигарой, другая — с толстыми красными губами. Они терлись плюшевыми шеями, двигаясь с очень странной грацией — грацией, напоминавшей танцоров вуду или телепередачи с того света.

Потом действие тошнотворно нагнеталось, следующая партия лилипуток уже танцевала канкан. Их черные чулочки с подвязками на крохотных кривых ножках странно, с туманной логикой чистого безумия подбрасывались в воздух и гравитационно падали, как свинец, назад, прилипая к полу. Застывший зал пытался вздернуть плечами, а ведущий, тоже почувствовавший наконец (идиот, как поздно!) что-то не то, выкрикнул: «МАЛЕНЬКИЙ ТЕАТР МАЛЕНЬКИХ ЛЮДЕЙ».

Так вот он какой, маленький человек. Все стало понятно. О ком шла речь у либералов, у проповедников минимального гуманизма. Лилипуты, freaks, geeks, люди с больными генами, с неточно подобранным комплектом хромосом, с искаженной щитовидкой. Subhuman, subhuman, I tell you, brother, I tell you, brother...

Театр «Люди» хочет убедить нас, что *это — люди*. Когда в цирке животные подражают человеку, все смеются, не задумываясь. Правда, я не смеюсь, но это не в счет. Я просто не хожу в цирк. А тут лилипуты подражали людям, играли в людей, выдавали себя за людей. И то ли доктор Менгеле, то ли Мухаммад Дарашикхук, то ли подземный академик Сахаров назвали этот театр «ЛЮДИ».

Это — утверждение, но сколь циничное! Такое впечатление, что за поверхностной гуманитарной помощью, за великодушным признанием видовой принадлежности стоит дичайшая, невместимая ложь — ложь всего этого вашего гадкого миллениума. Либеральная антропология цинично дает документ о полноценности — неполноценному, утверждает статус фактического за тем, что только может стать (а может и не стать, как все в бытии, ведь бытие есть зона высшего риска) фактом, но еще им не является. Значит, *стремление к преодолению, к реализации, к осуществлению, к подвигу и росту бессмысленно*. Значит, все недоделанное, абортивное, не доведенное до ума и до конца и есть эталон. Отсюда культ удачливого дебилизма à la Бивис и Батхэд. Это — дискретный идеал «нового человека» мондиализма. Не имея представ-

ления о цельности, оставаясь подростком-придурком до самых седин, проваливая все целостные начинания, он тем не менее достигает частичных успехов — ведь мондиалистский chance слеп и в лотерее gain-loose выигрывает отнюдь не самый достойный и не самый красивый, не самый белый и не самый сильный, не самый высокий и не самый справедливый. Не самый цельный.

Лилипуты, играющие в людей. Маленькие люди. Но все политкорректные люди — маленькие люди. Все они играют в людей. Последние люди, минимальные гуманисты играют в людей. Им сказали, что все уже достигнуто, так что be proud and take care. А то, что еще не достигнуто, и достичь невозможно. Не нужно. И чуть что: «Вам это ничего не напоминает?» Действительно, напоминает. Да, да, il futuro apartiene a noi! Говоря вашими слоганами.

Нам показывают болезненное, заблудившееся, отпавшее, рухнувшее, отмеченное дегенерацией, ущербное и томным эротичным голосом шепчут при этом: «Это тоже нормально... В конце концов, мы все freaks, у всех у нас есть маленькие пороки, которые, стоит ослабить галстук, разрастутся в настоящих монстров... Мы — уроды, мы — уроды, мы — люди, мы играем в людей, в маленьких людей, но людей. Мы — люди». Люди?!

Тем временем шоу лилипутов зверело. Они прыгали и метались по сцене, как мыши в ракушках, пока наконец два рослых коротышки не подняли одну из лилипуток с зонтиком в странной мини-юбке, не перевернули ее вниз головой и не начали ритмич-

но и весело трясти. Показался неопрятного цвета купальник, англосаксонский голос в динамике завизжал: «Darling, darling, darling...»

Шоу кончилось.

Хрустальная магия ужаса разрешилась. Все схватили ртами воздух и очень редко захлопали.

Потом, чтобы быстрее избавиться от неприятного чувства, которое ползало еще по спинам, стали наливать и снова резко обратились к еде.

«А теперь выступает группа „Девочки“». Все опять было вздрогнули, но девочки были обычного среднего роста и лет 15–16. Отлегло. Трясение телес нехудых подростков за вечер превратилось во что-то само собой разумеющееся.

После «Девочек» на сцену полез какой-то второй сорт. Названий не помню, мы засобирались и поехали.

Но театр «Люди» реально существует. Очевидно, что целая волна антропологических пессимистов (мягко скажем, чтобы не дразнить) бросится теперь скупать билеты на выступления этого коллектива. Он дает представления в Москве. Пойдите, проверьте все досконально. Это задание Нового университета. Я нисколько не утрирую. Это — ключ к Попперу, сценографическая инкорпорация определенных тезисов мондиалиста Фукуямы. «Мы — уроды, мы — уроды, мы — последние люди... Но люди, люди, люди...»

Наш собственный театр — «большой театр высоких белокурых и голубоглазых людей» — явно не найдет спонсора. Не то, увы, тысячелетие... Не та мода. Так что пойдемте все смотреть лилипутов.

Счастливого Кристмаса вам, люди.

КЛАДБИЩЕ СИМУЛЯКРОВ

(Метафизика театра)

Театр имеет сакральное происхождение. Это верно. Но все вещи имеют сакральное происхождение. Заведомо профанных вещей не существует, они становятся такими, когда утрачивают свою сущность, когда они умирают. Профанное и мертвое — синонимы. Театр профанный — мертвый театр, в нем трупы играют в жизнь, представляют жизнь, имитируют жизнь.

Некогда театр был формой повествования о мифе, мистерией. Сакральный театр, впрочем, существует и сегодня — не только театр Бали (о котором писал Арто), но и тибетские мистерии «Цам», сакральный японский театр «Но» и т. д. Древнегреческий театр был разновидностью инициатического действа. Актеры не просто изображали богов и героев, они становились их телесными опорами, проходила языческая «эпиклеза», «духосхождение» (говоря христианским языком). Русские скоморохи были последними носителями этих дохристианских традиций — их «козы» (мальчики), дудки, медведи, куклы и наряды были жалкими остатками медленно рассыпающейся культуры волхвов.

Когда появляется профанный театр, «театр мертвецов»?

С точки зрения Жана Бодрийяра — в позднем Возрождении. Расцвет театра совпадает с первой стадией буржуазной революции, являясь важным ее синдромом наряду с лепниной и односторонним жилетом. Бодрийяр оценивает эру театра как эпоху «симуляции

первого уровня» или «доминации симулякров первого уровня».

Что это такое? По Бодрийяру, логика развития западноевропейской культуры от Возрождения до нашей эпохи постмодерна состоит в «автономизации знака», в нарастающем отрыве «означающего» от «означаемого», вплоть до совершенного исчезновения «означаемого» в постиндустриальном гиперкапиталистическом обществе. Три уровня этой нарастающей симуляции соответствуют Возрождению (эпоха подделок), эре промышленного капитализма (эпоха политэкономии и расцвет серийного производства) и периоду постмодерна (эпоха доминации кода). Переход от уровня к уровню является путем в сторону тотального ужаса к абсолютизации чистой игры бинарных и радикально обессмысленных алеаторных (волновых) кодов.

Вы обратили внимание, как все более утрачивают смысл выступления наших чиновников и политиков? Высшие лица государства повторяют уже не пустые штампы, но нарочито абсурдистские языковые конструкты. Это не глупость и не тотальная профнепригодность, как может показаться наивным людям... Они вполне профпригодны, но они полностью под властью алеаторного кода, который принуждает их говорить и делать так, как они говорят и делают. Они — големы автономных знаков, автоматоны смерти, их загипнотизировала матрица капитала. Иными словами, они не идиоты, но постмодернисты, воспроизводящие веселое скольжение гнетущей бессмыслицы.

А начиналось все с театра...

Театр Возрождения имеет главного героя — это «бедный Йорик». Отныне он центральный невидимый персонаж всех драм. Люди на сцене — в разноцветных костюмах и с громкими визгливыми голосами — повествуют нам на тысячи ладов о приходе смерти — это dance macabre... Театр как профаническое явление означает подделку жизни, взгляд на бытие с позиции часовщика. Драматургия развивает максимы номинализма: у существ и вещей нет собственных душ, души суть пустые имена, «знаки». Театр появился как контрфакт мира, актер стал механическим призраком человека, а потом театр объявил весь мир самим собой, а людей, как известно, в нем актерами, то есть сущностью оригинала была признана его копия. Небезвредная метафора, ой как небезвредная...

Хочется сказать: никогда не повторяйте того, что повторяют все, никогда не говорите того, что часто слышите вокруг; это наверняка опасная и ядовитая ложь. Цитата есть нечто зловещее... Вы не продумали мысль, не применили к себе, не совершили с ней онтологического столкновения, а повторяете ее и становитесь неудачливым колобком чужой активной воли. Прежде чем сказать «а» — ищите метафизику букв, слов, знаков, слушайте, что говорит вам язык... И вы не ошибетесь, просто отпрыгнете в сторону. С ловкостью живых и роскошных котов.

Театр как субъект

Театр мертвых объявил о торжестве гипотезы Локка. Мы увидели новый механический мир. Поддельность, основанная на демократизации знака (по Бодрийяру), вопила о себе голосами румяных актеров и актрис. Театр был сначала весьма агрессивен — он бил по прошлому, отождествив его с кастово-феодальной системой. Театр расколдовывал семантическую магию сословий — теперь все видели, что клирик, феодал, торговец и лакей повторяют единый онтологический и антропологический сценарий. Это была жестокая неправда, так как до театра бытие аристократа или простолюдина имело радикально иной метафизический смысл. Пусть не в последнем — религиозном — смысле, но все равно иной. А театр показал, что один и тот же. Вы поняли, кто был главным режиссером этого театра? Да, придворный драматург Jean Moulen, покровитель козлов — любезный ухажер стареющих вдов и немытых деревенских девиц, обожравшихся белладонной.

Начало было хорошее. В театре концентрировалось субверсивное средостение революции буржуа. Наивные: вы считаете, что театр просто отражал социальные процессы... Думайте о метафизике отражения, и вы поймете, что не так все просто... Именно зеркала и делают революцию, а отстегнувшиеся тени вершат судьбы мира. Осторожнее с зеркалом, на него нанесен тонкий слой белого порошка...

Именно театр разрушил последние стоянки Средневековья. Не будь его, мир был бы другим. Театр

отвоевал оперативно-социальное пространство для наступления заката Европы.

Хорошо, а что далее?

Анахронизм на втором уровне симуляции

Второй уровень симуляции. Какова роль театра в эпоху промышленного капитализма?

Здесь интересно: эта роль существенно меняется. Реальность капиталистической системы в принципе отменяет театр, как преодоленный, «снятый» (в гегелевском смысле) уровень симулякров. Теперь смерть вошла в структуры социально-политического быта. Подделка устарела, бытие превратилось в функцию производства, свелось к драматической борьбе за прибавочную стоимость между обесчещенным и раздавленным человеческим началом (пролетариатом) и автономизированной логикой расчетливого рассудка, воплотившегося в наличную данность капиталистического хозяйствования. Театр выполнил свою миссию, он впустил смерть в жизнь. С благодарностью он был оставлен как прикрытие и отвлекающий момент.

Театр теперь служил буржуазии по-другому. Попрежнему вращаясь в итерациях поддельного, театр успокаивал сознание, уводя его от обострения классовой борьбы. Он внушал гадкий предрассудок — мы еще на первом уровне симулякров, еще живы феодальные предрассудки, еще не закончена миссия по расколдовыванию бытия... А на самом деле необратимо рас-

колдованный мир бился в конвульсиях звероподобных рабочих, в черном поту фабрик, в удушающей пыли мануфактур, в топках пароходов, набитых чаем и бобами. Железная дорога и сталелитейные картели смеялись над театром. Это было действительно смешно. Тогда же какие-то подлецы придумали миф о культуре — только для того, чтобы ослабить волю Труда к сопротивлению.

Вместе с тем к сфере театра начинает обращаться нонконформная мысль — сердца критиков Системы и забытых, замешкавшихся останков сакрального. Анахронизм театра в эпоху симулякров второго уровня истолковывался здесь совсем по-другому. Это стало возможным именно за счет того, что функция театра существенно изменилась — для капитала это было нечто подобное выплате пенсий. К театру обратилась революция.

Претендуя на классовый и революционный функционализм, этот «дубль» театра смотрел вперед — ставил перед собой задачу дальнейшей демистификации общественного бытия. Но на этот раз «десакрализация» уже радикально десакрализованного приобретала новое значение, парадоксально резонирующее с той утраченной реальностью, которая растворилась на заре театра мертвецов. Антибуржуазный нигилизм был нигилизмом, насыщенным смутной, брезжущей, приблизительной онтологией. Это было не только «нет», но и иное «да».

Если раньше театр ложно разоблачал механистичность каст, то теперь он истинно разоблачал заговор эксплуататорских классов. Не всегда, конечно, не всегда. Но это стало возможным.

Советский театр

Советский театр — вещь особая. Он вырос из революционных традиций русской культуры и был — по корням — ориентирован против второго уровня симуляции. Но марксизм признают критическим придатком капитала, его диалектической контрлогикой. Значит, советский мир, как придание диалектическому ходу некого исторического и социального бытия, был чем-то весьма особым. Внятности здесь мы не найдем ни у «новых левых», ни у «новых правых», ни у самих «советских». Ближе всех к истине либералы, отказывающие советизму в «современности», распознающие под формальным советским дискурсом радикально иной семиотический пласт — пласт экстремальных (милленаристских) версий архаического и сакрального.

А раз так, то советский театр должен быть странным сочетанием критического антикапиталистического импульса (здесь в принципе сохраняется функциональная логика театра как такового на втором уровне симуляции) с дополнительным загадочным измерением. Это дополнительное измерение есть смутный возврат к мистериальным корням. Это закон иного «да» исторического антибуржуазного нигилизма. В СССР это было фактом. А в это время Жорж Батай читал в Bibliotheque Nationale Генона. Читал, читал, у меня есть ксерокопия библиотечной записи... Вот оно как... Потом был Марсель Мосс. Потом Фуко и Бодрийяр. (Кстати, прямые наследники онтологии архаического, «новые правые» как-то вяло распорядились наследст-

вом, не то чтобы вообще проморгали, но высказались в немощном седеющем тоне...)

Советский революционный театр переплавлял критику в онтологию... Потом он мистериально воспел эту онтологию... Но затем система дала сбой. И функции советского театра еще раз изменились.

Утрата нити осознания лежит, как и все дурное в нашей недавней истории, в 60-х. Самый страшный кризис советского эона — стократно страшней войны — случился именно тогда. Это был закат советского театра. После 60-х он стал вещать о чем-то другом. Он сбился с пути, рассеял то, что имел... Что, собственно, он утратил?..

Третий уровень симуляции

А что делать театру в эпоху постмодерна? Я думаю, что все его функции исчерпаны, как исчерпаны в постмодерне функции всего остального. Алеаторный код змеевидного контроля приоритетно осуществляют масс-медиа — особенно электронные. Театр стал окончательно анахронизмом, утратив даже те — экстрасмысловые — функции, которые он имел в эпоху «политической экономии» (классического капитализма).

Функции театра отныне чисто ироничные. Его существование — насмешка над зрителями, актерами и режиссерами. Так дети забавляются в зоопарке, глядя, как орангутанги развертывают конфетную фольгу, суют бананы в уши и под хвост. У театра более нет никакого послания, никакой функции. Все существует в пленке экрана, объемность актерских тел кажется

недоразумением, их имитация жизни — бредовым позорищем — жизнь давно уже умерла, и по сырой поверхности гниющего мозга плавают всполохи неоновых реклам.

В постмодерне нет места театру. Никакому. Как нет места заводам конской упряжи в эпоху аэродромов.

Сходить в театр теперь — все равно что подписать петицию save vinil.

Постмодерн и Россия

О том, в какой степени постмодерн коснулся России, можно спорить. Это не совсем ясно. Кажется, что под развалинами советского мифа Россия туда соскользнула экстерном, на птичьих правах, хотя в посмертном гадюшнике либеральной постистории нет избранных и обездоленных — мертвецкая Нью-Йорка или Парижа воняет ничуть не притягательней свалки на окраине Бангкока. Души людей, животных и трав неостановимо гниют... Мясо компьютеров проржавело от несуществующих слез. На самом деле — больше нет богатых и бедных, а цвет лица «золотого миллиарда» серей африканской жабы.

Но на каких-то основаниях постмодерн облизал Россию — посмотрите внимательно на Уринсона — ошибки быть не может.

И что же наш театр?

С конца 60-х он вернулся к нигилистическим поползновениям. Но на сей раз он разрушал критикоархаический советский миф, а значит, впускал в него смерть. Он делал миф бессмысленным, снова — в очередной раз — расколдовывал бытие. Обе фрак-

ции позднесоветского театра в этом животно повинны: «модернисты» клеили радостные фиги, лили окуджавский гной в очарованный рот детей из провинции, а «приверженцы традиций» — не вняв катастрофе — бурчали по привычке про «Вишневый сад» — да так, будто его до сих пор не вырубили (надо было рыдать по вишневым пням... по таежным лживым огням... по выведенным от хлорки, от прокуренной чукотской слюны, от ядерных отходов ледокола морским львам...)

Короче: позднесоветский театр был гадок, но имел смысл. Он рушил, разъедал, пакостил, строил умные выражения на пленках глупых лиц.

Недавно мы были в театре Марка Захарова. Смотрели пьесу «Шут Балакирев». Я хожу только в этот театр. Потому что никуда больше не приглашают.

Мне показалось, что пьеса — а вместе с ней труппа, декораторы, осветители, буфетчицы и очередь за бутербродами — все они вдруг внезапно утратили последнее понимание, для чего все это... Разлагать больше нечего. Критиковать тоже нечего. Потому что вроде как ничего нет.

Что делали — выразительно, но потеряв нить происходящего, — они, что они там делали?

НОТР-ДАМ ДЕ ФУРШЕТ

Так ли уж авангардно изложить алгоритмический роман Виктора Гюго в стиле рок-оперы? Совсем нет. Между Гюго, Питером Таундшендом или Дэвидом

Боуи существует парадигмальная непрерывность — все это просто модерн, обыкновенный модерн. От его героической до его истерично-дендистской стадии. О чем роман Гюго? О том, что на место деистской абстракции приходит гуманно-садическое море страстей, о том, что на пределе социальных, религиозных и моральных условностей живут чреватые призраки бурной кровавой витальности. Химеры собора Парижской Богоматери принадлежат этой промежуточной реальности — между сухой схоластикой католических догм и грязно-кровавой эротикой европейского простонародья — в лохмотьях, цыганщине (о наша Королева Юга!) и с острым стилетом Вийона.

Гюго оживляет химеры. Они срываются с барельефов и начинают действовать. Их раны отныне пахнут. Их вены отныне пухнут. Их зубы ранят, а когти страстей царапают, протыкая, как бумажный лист, осенние конвенции уходящего Средневековья. Это большой Гюго, жадный в своем недоумении. Монументальный в своем оптимистическом отчаянии, хрестоматийно очевидный в изломах своих парадоксов. Гюго — это модерн. Это его безупречный код.

Мюзикл как жанр — это модерн. Он ничего не добавил и не убавил от классики. А если опошлил ее, лишил драматизма разрывающего путы приличий рогатого, обезьяноподобного демона с сочащимися жизнью перепонками, так это несущественно. Hello, Dolly! Долли — это и есть зевок Эсмеральды. Упакованный в брикет, доставленный вовремя на мотоцикле вместе с утренней пиццей... Мутный

взгляд плотного американца, на зябкой заре поднимающего свой флаг.

Итак, мюзикл по Гюго — это вполне нормально. Слушайте, более чем нормально... Слишком нормально, подозрительно нормально. Это нормально в степени. И тут мы должны спросить себя, не в этом ли кроется подвох? Как это комфортно, пробудившись от кровавого кошмара и увидев, что топориное лезвие наяву так же близко от вашей переносицы, сказать себе: «Я все еще сплю...», так же комфортно посмотреть мюзикл «Нотр-Дам де Пари» в Театре оперетты. Как ни в чем не бывало, как ни в чем не бывало...

Можно плохо понимать происходящее с нами в последние годы. Можно гугниво артикулировать свои ощущения... Но так, чтобы вообще ничего не понимать...

Модерн, опрокинутый в модерн. Освобождение чувств, обращенное к беспредельной исчерпанности этой операции. Химеры собора Парижской Богоматери пожили. Пожили свое — на влажном, терпком и сытном пиру, втягивая в ноздри кокаин человеческих побоищ. Этой комариной массы человеческих смертей, в которую слиплись терпкие тела — ушедшие в слизь и глину — человеческих существ Нового времени.

Как странно наблюдать гибель химеры! Как завораживает нас возвращение призрака, обретшего плоть, в свое исконное состояние. Так гипнотически движутся декорации клыкастых каменных демонов, на которых подпрыгивают и летают (привязанные) поющие актеры-россияне, отчетливо выполняющие

задание. Что знают эти молодые исполнители о терафимах, обретающих плоть, и гулях, рассыпающихся с петушиными криками по утрам? Я думаю, они любят конфеты, коньяк, шампунь и теплый душ. Но антрацитной магии от этого в них не меньше.

Нам показали компактно и насыщенно филейную часть модерна, абсолютную в своей парной простоте и очевидности. Но это произошло не тогда и не там — я хочу сказать: именно тогда и именно там. Когда люди играют и поют слишком хорошо, они становятся чем-то иным, нежели людьми.

Тот спектакль, который я смотрел в Театре оперетты, был не простым, а по заказу. Его давали в честь сорокапятилетия владельца «Русского Золота». Архетип «нового русского», с которого уже лет пять ловкая фарфоровая индустрия лепит серийные статуэтки, любезно, изысканно и плотоядно предложил сверхотобранной гипер-VIP-публике — с княгиней, Мирошниченко, Зыкиной и группой генералов налоговой полиции, каждый 2 м 30 см ростом, — последний спектакль модерна. Таранцев сделал это обескураживающим жестом — пронзительным в своей беззащитности.

А на фуршете актер Певцов — носик уточкой — показал нам свои гладкие круглые мышцы. Осетрину ел полунегр с косичками, как у Анджелы Девис.

И лишь у рассеянной сотни охранников в ушах хрипели и трещали какие-то далекие чужие голоса... Далекие, коллеги, и чужие...

Часть V

ПРИШЕСТВИЕ ТЕЛЕПУЗИКОВ

ИСКУССТВО СМОТРЕТЬ ТЕЛЕВИЗОР

(эссе о медиакратии)

СМИ и власть (кратологический анализ)

СМИ называется *четвертой властью* по праву, функции СМИ в большинстве современных обществ вполне сопоставимы с могуществом иных властей, в определенных аспектах превышают их. Если некоторое время назад СМИ рассматривались *как инструмент* независимого общественного контроля за деятельностью властей, сегодня едва ли кто всерьез осмелится признать за ними исполнение этой роли. Реклама, сбивчивая обрывочная информация, стрельба и сериалы — это никак *не общественный контроль,* это навязчивое внедрение определенных предустановленных клише — образных, психологических, фрагментарно концептуальных. СМИ реально влияют на общество, формируют его приоритеты, вкусы, в огромной мере предопределяют его спрос — спрос экономический, эстетический, политический.

СМИ стремятся к полной независимости для того, чтобы сделать свою власть, свое могущество влияния *автономным*. Все остальные ветви власти — законодательная, исполнительная и судебная — ограничивают друг друга. Медиакратия стремится к преодолению любых ограничений. *Медиакратия хочет быть безграничной.*

Повышение независимости СМИ увеличивает их *кратологический потенциал*. СМИ становятся *самостоятельным социально-политическим актором*, действующим по собственной логике в соответствии со своей автономной структурой. *Каковы основания этой структуры?*

Главным здесь является *глубинная тенденция поставить означающее над означаемым, освободить знак от содержания, придать образу способность не представлять вещь, но заменять и фактически отменять ее*. СМИ в пространстве свободного эмансипированного знака хотят создать новый *тип онтологии — онтологии экрана, медийной онтологии*. Вещи, события и личности в медиа-пространстве приобретают особое бытие — они становятся *транспарентными*. По мере эмансипации СМИ от всех ограничений эта транспарентность все более совпадает с собственно *бытием*. Так постепенно устанавливается любопытная аксиома: существует только то, о чем повествуют СМИ. Чем более СМИ независимы, тем более они *онтологически полномочны*.

Если некогда СМИ, зависящие от реальности и различных инстанций, выносящих общеобязательный вердикт относительно этой реальности, предположительно (хотя и избирательно) *говорили о том, что есть*, то в процессе медийной эмансипации это уравнение изменилось: *то, что есть, определяется тем, о чем говорят в СМИ*. О чем в СМИ молчат, то попросту не есть.

В отличие от законодательной, исполнительной и судебной властей, которые по определению мани-

пулируют с реальностью, борясь за контроль над репрезентацией, *СМИ свободны от реальности, вольны ее воссоздавать по своему усмотрению. Означающее* постепенно становится клоном, потом голограммой и в конце концов *самим означаемым*. Таким образом, *четвертая власть есть единственно настоящая власть, абсолютная власть, превосходящая все остальные виды власти*.

Эмансипация СМИ

От чего СМИ стремятся стать независимыми? В метафизическом смысле они стремятся *освободиться от гнета реальности*, от означаемого, от очевидного онтического фундаментала, от сферы Dasein. СМИ хотят избежать веса конкретного, растворить объем, *освободить тело от его непроницаемости*. Поэтому *объем сводится к плоскости*, непроницаемость делается *транспарентной*, конкретное заменяется убедительным *комментарием* к нему. Современные СМИ это мощнейший элемент последнего (исторически и цивилизационно) аккорда *дезонтологизации*.

От чего хотят быть независимыми СМИ *в более узком смысле*? *От социально-политического фундаментала*, т. е. от контроля со стороны того, что, так же, как и СМИ, претендует на вынесение онтологического решения или по меньшей мере на работу с проекциями конкретной реальности. *СМИ поэтому заведомо противостоят власти* — причем любой. У последовательных СМИ есть парадигмальная (и всегда негативная) трактовка власти (законодательной, исполнительной и судебной).

Законодательная власть, почти всегда совпадающая с партийно-представительной, — (для СМИ) «недееспособна», поскольку она аррогантно тщится декретировать реальность и выражать интересы общественных секторов. Однако и то и другое стремится симулировать сама система СМИ, но не как отражение, а как *виртуальную эвокацию*. Законодательный потенциал медиакратии заведомо превышает полномочия парламента, и СМИ именно по этой причине всегда *смеются над парламентом* — парламент есть лишь *неудачная пародия на СМИ*; СМИ способны сделать ту или иную идеологию модной, распространенной и парадигмальной, а потом расставить акценты по своему усмотрению. Парламент и законодательный процесс лишь пародирует эту способность убогими средствами.

Точно так же дело обстоит и с представительскими функциями парламента. СМИ не просто *отражает* интересы социальных секторов, но их *формирует*. А если это наталкивается на сопротивление общества, то СМИ внушает обществу, что оно не таково, как оно есть, играючи моделирует новое общество и верстает его. Следовательно, СМИ не зависят от социальных интересов, но социальные интересы зависят от произвола медиакратии. Парламент в такой ситуации становится простым *анахронизмом*. Консенсус топ-менеджмента нескольких наиболее мощных телеканалов способен обращаться с парламентом, как ребенок с куклой, — может переодевать, может оторвать голову. Парламент действует медленнее и с отставанием. СМИ назначают общественные сектора, компонуют

партии и лидеров, наполняют парламент, т. е. выступают сценаристами и исполнителями. Парламент становится закадровыми статистами, управляемыми СМИ, либо о нем забывают. В крайнем случае, если СМИ совсем это надоест, то выбирают новый. Причем как только захотят...

Про исполнительную власть вообще все очевидно. Исполнительная власть принимает решение, выдвигает серию конкретных императивов относительно социально-политической реальности, это самый осязаемый центр воли. Для СМИ, безусловно, неприемлемо *само существование такой инстанции. Исполнительная власть — прямой конкурент СМИ*. Именно исполнительная власть традиционно противостоит СМИ, стремится ограничить эмансипационные процессы медиакратии. В транспарентном социуме экрана правит не исполнительная власть, но *нечто иное*. Это *ино*е неподвластно кадровым решениям исполнительной власти — независимо от характера собственности на СМИ. В той степени, в какой медиа остаются медийными, они будут диктовать любому менеджеру, самому лояльному исполнительной власти, автономную логику поведения (это как если бы монаха поместить в публичный дом; никто не говорит, что испытания выдержать не под силу, но в публичном доме это сделать намного труднее, нежели в монастыре).

Отношение СМИ к исполнительной власти может быть конфронтационным по двум базовым сценариям — *прямая критика* (многие СМИ заведомо исходят из предпосылки, что «власть есть зло») или *метод ускальзывания* (это стратегия ироничной дистан-

цированной покорности, которая дает тот же, а то и более серьезный результат). В обоих случаях медиа (прямо или косвенно) *саботируют императив, исходящий из центра исполнительной власти*, подвергают его рефракции, расчленяют на хроматические составляющие, искажают траекторию каждого отдельного сектора либо просто поглощают этот луч, порождая прямо противоположно направленный вектор. В результате цель достигнута — *властный императив подвергнут саботажу*. СМИ во всех формах профессионально занимается саботажем власти.

Судебная власть представляет для СМИ некоторую проблему, так как по определению именно эта инстанция претендует на вынесение окончательного вердикта о соответствии или несоответствии конкретной реальности конкретным социально-политическим нормативам, причем все это нарочито вне пространства контроля и полномочий СМИ. В этом случае СМИ занимают пассивную позицию и довольствуются простой перманентной контестацией судебной инстанции. *Суды суть настоящие и труднопобедимые враги СМИ.* В отношении судебных властей медиакратия отточила самые эффективные методы.

СМИ замалчивают судебную власть, умаляют ее значение в сравнении с законодательной и исполнительной. О судах и судьях говорят значительно меньше, чем о Президенте, Правительстве и Парламенте, хотя по формальным принципам демократии эти три власти практически равнозначны по своему статусу и призваны ограничивать друг друга.

СМИ всегда склонны оспаривать судебное решение, намекая на то, что оно несправедливо. Это применимо ко всем судебным решениям без исключения.

СМИ навязывает представление о «тотальной коррупции судебной системы», ее прямой зависимости от преступности, других ветвей власти, ее несамостоятельности.

Далее, СМИ своими средствами *романтизируют анормальные правовые явления*, ставят их в центр общественного внимания — через сериалы, детективы, боевики, триллеры, криминальную хронику и т. д., — подталкивая зрителя к выводу о том, что «судебно-правовая область есть нечто искусственное, формальное, поверхностное, чей приговор не носит окончательной онтологической нагрузки».

И наконец, СМИ стремятся подменить собой суд, вынося свой собственный *медийный приговор* по политически или социально важным делам, имитируя судебный процесс в ток-шоу, специализированных программах и симулированных псевдосудебных действах.

От демократии к медиакратии

СМИ по своей структуре *противостоят основным властным инстанциям демократического общества. Медийная демократия* нечто совершенно особое. Сама представительская демократия в значительной мере представляет собой *стремление эмансипироваться от тех сил, которые ее учреждают*. Поэтому постепенно демократические режимы перерождаются

в некую разновидность *демократических корпоративных систем*, где правят представители слоев, групп и интересов, которых в реальном обществе *не существует* — уже или еще. В самой демократии явно наличествует *эмансипация представителей от представляемых*, и в парламентских дебатах даже классических эпох мы видим прототип телешоу.

Но медиакратия представляет собой качественно новую ступень развития этого процесса. *Если представительская демократия подменяет собой общество, то СМИ подменяют собой саму представительскую демократию*. Кажется, что они делают это «во имя общества», как следующий — очередной — этап социально-политического освобождения. На самом деле они действуют по *автономной программе*, связанной с растворением и ремоделированием общества, а не с его отражением.

СМИ являются не только последовательно антидемократической, но и антиобщественной силой. Это не случайное обстоятельство в конкретном обществе — как раз в конкретном обществе это может быть и не так очевидно проявлено. Это внутренняя структура самой *медиакратии*, ее сущность, ее raison d'etre.

Общество выражает себя в партийной системе и этим вступает с властью в диалог. *СМИ совершенно не заинтересованы в этом диалоге*, они хотят сами быть обществом, представительством и властью, а также выносить суждения относительно основных проблем, т. е. быть еще и судами. Причем им мешает любое реальное измерение всех этих четырех инстанций, так как оно нарушает законы транспарентности. СМИ

любят прибегать к обвинению «в коррупции». На самом деле в виду имеется именно «непрозрачность», свойства конкретных, неэкранных тел и событий, ведь коррупция — это-то дословно «распад» и, соответственно, одно из основных свойств реальных тел в реальном времени. Прозрачные тела не подвержены коррупции в силу своей бестелесности. Таким образом, только экранное тело, сами СМИ не подлежат коррупции. Они, как рентгеновские лучи, проходят сквозь твердые тела, избегая их свойств и их судеб.

От пропаганды к медиакратии

Функции современных СМИ существенно отличаются от их функций на прежних этапах истории. Некогда они были лишь *эффективным средством пропаганды* — вначале политической, потом коммерческой. В любом случае СМИ транслировали *действенный императив, стратегию поведения и ценностную систему*. Политическая и коммерческая (рекламная) пропаганда хотела от зрителей *конкретных поступков и признания шкалы добро-зло*. Это было утилитарное программирование: от потребителя СМИ требовались конкретные действия и оценки. Это была система *образовательная* (в ценностном смысле) и *побудительная* (в деятельном смысле).

Эпохи прямой политической пропаганды понятны: в них суггестивными средствами зритель подвигается на конкретные шаги и оценки — он идет на работу, негодует в отношении врагов, ненавидит «зло», любит друзей и защищает «добро». Пропаганда даже

не создает этой решетки, она послушно исполняет общественную реализацию конструкта, выработанного не исполнителями пропаганды, но ее заказчиками — т. е. *властью*. *Пропаганда есть воздействие власти на общество*, и СМИ в таком случае лишь сообщают обществу директивные императивы власти.

В эпоху классического капитализма экономика выходит на первый план, и капитал использует СМИ в своих целях. Теперь политическая пропаганда заменяется *коммерческой пропагандой*. Но и здесь СМИ выступают лишь *инструментом*. Капитал также побуждает зрителя действовать (покупать те или иные продукты, вкладывать средства в те или иные банки, инвестиционные фонды и т. д.) и внушает ему подспудно ценностную систему: «добро» — это комфорт, безопасность, наслаждение, безделье (loisir), развлечение, множество милых глупостей, возможность позволить себе «несколько больше». В этой ценностной системе акценты расставлены менее жестко, чем в грубой политической пропаганде, хотя политический мессидж капиталистических СМИ очевиден. При этом коммерческая пропаганда прибегает к более агрессивным методам воздействия при более расплывчатой, косвенной формулировке навязываемого. Чтобы показать очевидность «B», это «B» не называется в лоб, но перечисляется, к примеру, неполная серия: «A», ..., «C», «D», «E» и т. д. с предложением зрителю осуществить свою свободу, сделать личный выбор и угадать пропущенное. В таком случае акцент на пропущенном якобы является не «продуктом пропаганды», а «произволом потребителя», «источником

его интеллектуально-консуматорного капризного наслаждения» (чем более человек глуп, тем более он убежден в собственной оригинальности). Но это все свойственно стадиям, предвосхищающим подлинную медиакратию.

Медиакратия становится полноценной лишь тогда, когда средства отказываются быть средствами и превращаются в цель.

Политикой становятся сами СМИ и начинают продавать только самих себя: скоро вся наружная реклама превратится в иллюстрированную программу передач: «Смотри на первом канале», нет, «Лучше на втором, не пожалеешь!», «А у нас на третьем — премьера!». И никаких «Голосуй!» или «Покупай!» — «Смотри, просто смотри!»...

Телевизор перестает побуждать и внедрять шкалу «хорошо-плохо». *Телевизор начинает играть.* Он становится намного более агрессивным и безапелляционным — инструменты новой пропаганды оттачиваются до совершенства. По сравнению с ними политическая и коммерческая навязчивость кажется наивной и недейственной. Отныне СМИ заходят изнутри зрителя, не понуждают, а просто подменяют его. Это *внутреннее телевидение*, интериоризация экрана. Игра прозрачности делает в конце концов прозрачным не только то, что в телевизоре, но и то, что вне телевизора. Все бытие перемещается в экран. Не только телеведущие не отбрасывают более теней, но и сами зрители.

Очень агрессивно, безапелляционно, с тотальной абсолютной силой императива зритель получает приказ: «Пойди туда, не знаю куда!», «Сделай то, не знаю

что!», «Сделай, сука, попробуй только не сделать, сволочь...» Это не так нелепо, как может показаться, — на зоне, в руках рэкетиров и даже на первом году армии многие сталкиваются с такой постановкой вопроса — только теперь эта постановка тотальна. Это предельно жесткое и конкретное побуждение к предельно расплывчатому и абстрактному действию. Смысл императива таков: не отрывай взгляда от экрана, оторвешь — жестоко поплатишься.

Точно так же и с ценностной системой: долгая, пристальная, тошнотворная прикованность к лицу диктора, певца, ведущего. Что выражает физиономия Бориса Моисеева, Александра Невзорова, Николая Фоменко, Дмитрия Диброва? Они столь часты, столь узнаваемы, столь омнипрезентны, что постепенно становятся ключами к реальности, мы начинаем интерпретировать реальность с помощью их — но их дискурс не просто нечленоразделен и не содержателен, он красноречиво нем. Их физиономии — передачи, слова, песни, жесты, комментарии — не выражают ничего вообще... Мы быстро забываем их профессию, их социальную и профессиональную принадлежность, тему их передач, их пол... Но они остаются. Они становятся фатальными, они, будучи мучительно необъяснимыми и как-то радикально глубинно невнятными, постепенно устанавливают свою постчеловеческую систему ценностей — но это отныне не игра с добром и злом, но перебор странного ряда недуальных, патологически трансплантантных фигур: «Это более Дибров, нежели Моисеев, хотя есть в этом что-то от Гордона, а частью от Сорокиной...» Мир начинает из-

меряться шустерами и познерами — это новый этап ценностных иерархий, загадочных, уводящих от, упорно склоняющих к какой-то невнятной, но жгучей перверсии...

Это сверхэффективная пропаганда ничто, чистого ничто, оцененного серией случайных и навязчиво постоянных скорлуп... Пойди никуда, сделай не это, вернись не сюда...

Они мешают спать и не дают проснуться.

Парентезис об энгастромитах и Кучме

Краткое отступление. Выяснилось, что реальная медиакратия определенным образом преодолевает реальное потребление. Образ гамбургера и пепси-колы становится первичнее гамбургера и пепси-колы, первичнее даже цифровых показателей прибыли соответствующих компаний. Потребление электронных гамбургеров становится самостоятельным процессом, по основным показателям — в том числе и цифровым, финансовым, — превышающим прибыльную суету в области обозначаемого. То, что имеет тень, — гамбургер — в пространстве чистой медиакратии качественно ниже, чем то, что ее не имеет.

СМИ таким образом остаются интеллигентнее зрителей. Зрители, воспринимающие телерекламу как стимул к реальному потреблению, ошибаются, они подлежат перевоспитанию: они должны научиться *потреблять рекламу*. Выигрывает тот, кто «*умеет по-настоящему смотреть телевизор*». Только тот. И он — призер — потребляет знак, а телевизор потребляет

его. Как и в любой паре — раб-господин, мужчина-женщина, свет-тьма и т. д. — невозможно установить до конца точно: кто дает, кто берет. Эта игра двойная, таинство происходит в плоскости экрана. Как мистерия власти объединяет центр и периферию, а мистерия любви — половую пару, телевизор и зрителя объединяет *таинство экрана*.

Грасе д'Орсе более ста лет назад утверждал, основываясь на расшифровке Рабле, что вся история делается в дуэли «чревопоклонников» («гастролятров») с «чревоненавистниками» («энгастромитами»). В случае с «электронным гамбургером» это очевидно: журналистский коллектив канала, камеры и дирекция — «энгастромиты», они учат сублимации чревоугодничества. Пожирать надо телелучи. Грубые телезрители, не умеющие правильно смотреть телевизор, все понимают по старинке и идут покупать. Потом удивляются, правда, что «со вкусом что-то не то»... Конечно «что-то не то»...

На Украине все обретает особенно телесный, жирный характер. Там восстание не умеющих смотреть телевизор возглавил сам президент Кучма. Он организовал на выборах блок «За ЕДУ!» и, чтобы ни у кого не оставалось сомнений в его метафизических намерениях, отпилил голову работнику СМИ — журналисту Гонгадзе. Тем самым он обнаружил себя как агента «гастролятров» — «чревопоклонников».

Кучма даже в своей фамилии несет что-то непрозрачное, похожее на кучу. Нетранспарентный президент, и, видимо, его за это и снимут.

Медиакратия имеет мондиальный характер

Борясь против власти и общества, СМИ всегда борются против чего-то конкретного, против конкретной власти и конкретного общества. При этом они апеллируют к прозрачному эталону, некой чисто *виртуальной голограмме*, задающей критерий, по которому следует равняться. Этот критерий не может не быть *универсальным или мондиальным, глобальным*. СМИ в своем эмансипационном развитии обращаются к тому, чего нет ни в каком секторе конкретности, но что должно стать (быть) всеобщим. Именно этим мондиальным характером СМИ исподволь и по касательной объясняют экстравагантность, эксцентричность своей зрелищной онтологии.

Когда ошалелый зритель в какой-то особенно критический момент допускает опасное сомнение: но ведь это не так!? — ставя под вопрос гипнотическую влиятельность медиакратии, СМИ заведомо имеет весомый аргумент — у нас не так, допустим, но вообще — в мировом масштабе — именно так. Наивное сомнение, основанное на наблюдении конкретного, тут же подрывается обращением к общему. Это имеет вариации — у нас не так, а у них так; у нас пока нет, но должно быть так; у нас не так, потому что мы не видим еще, что это так, поскольку наш горизонт ограничен, и т. д.

СМИ всегда обращаются к тому, что *кажется очевидным, но в то же время никогда не подтверждено опытом*. В этом медийная игра, она никогда не транслирует конкретное. Все, что попадает в пространство

экрана, подвергается макияжу. Это *онтологический макияж виртуальности*, благодаря пленке грима конкретное становится экс-центричным. Медийность обязательно должна коснуться объекта показа, это документалистика оперетты.

Следует задать вопрос: во всяком ли обществе медиакратия жестко противопоставляется властному и общественному организму? Ответ требует историко-пространственной локализации истоков медиакратии. Западная Европа, вступив в Новое время, фактически тронулась в сторону медиакратии. К концу XX века этот путь в основных чертах был завершен. *Медиакратия есть сбывшийся, состоявшийся проект западноевропейской цивилизации Нового времени*, реализация задуманного Просвещением, телелучи коренятся в эпохе Lumieres. Поэтому в отношении властных и общественных структур самого западноевропейского общества медиакратия выступает как частичное отрицание: *она отрицает конкретное в этом обществе и в этой власти, но олицетворяет абстрактное.* Иными словами, медикратия есть прямой прогресс, победно полемизирующий с консервативной инерцией. Поэтому здесь и только здесь имплицитный нигилизм медийной онтологии может быть рассмотрен как прогресс, он может подвергаться критике, но не в смысле направления, заданного вектора ориентации, а в смысле ритма, форм проявления, частоты колебаний.

В других пространственно-временных контекстах медиакратия несет гораздо более обостренный антиавтохтонный, антилокальный характер. Экс-центрич-

ность в таком случае становится географической. Это делает медиакратию вне Западной Европы и США более агрессивной (колониально-оккупационной), но в то же время более грубой. На самом деле и на Западе СМИ обращаются не к тому, что есть, однако здесь не предполагается, что центр лежит «где-то там», более изощренная медийность Запада напрямую транслирует ироничное не «где-то там», а просто «не здесь». В роли парадигмы выступает не «иное пространство», но «не-пространство», особый виртуальный локус, который не поддается никакой фиксации. Это кристалл диссолюции, вечно ускользающая эфемерная страна отстегнутого от континуальностей мгновенного топоса.

Мондиальная медиакратия против Мирового Правительства

Противники глобализации (мондиализма) привычно рассматривают медиакратию как технический инструмент тех сил, которые ведут дело к созданию Мирового Правительства. Идеологии двух прошлых веков — XIX и XX — обычно отождествляли волевой центр глобализации либо с религиозной реальностью (заговор «сатанистов» — вариант «масонов» — против христианства — клерикальная перспектива), либо с экономической (процесс планетаризации и империалистической консолидации мирового капитала, система ТНК — марксистская перспектива), либо с этно-культурной (подчинение нормативам западно-европейской, позже американской цивилизации всей планеты — национал-консервативная пер-

спектива). Именно авангарду этих сил приписывается инициатива по созданию Мирового Государства, World State, копирующего в планетарном масштабе классическое буржуазное государство-нацию с либерально-демократическим устройством и рыночной системой. Наиболее радикальные критики глобализма дополняли эту картину апокалиптическими пророчествами о грядущей отмене демократических нормативов и переходе к планетарной диктатуре (хотя, с точки зрения марксистов, либерал-демократический парламентаризм и буржуазная демократия в целом и есть завуалированная диктатура капитала). В любом случае медиа были в таких конструкциях лишь побочным инструментальным элементом, служащим «ядру заговорщиков-мондиалистов».

Такой подход свидетельствует о неспособности алармистов-консерваторов (включая коммунистов и социалистов) оторваться от классических архаических экспликативных моделей.

На самом деле медиакратия является инструментом лишь на определенных этапах мондиализации, после определенного порогового момента она становится *самостоятельной реальностью*, вступающей с иными инстанциями в конкуренцию за контроль над властными функциями. Иными словами, медиакратия стремится перехватить инициативу у более традиционных акторов, инициаторов и реализаторов мондиализации. Мировые СМИ движутся к тому, чтобы новая планетарная реальность была не просто глобализированной формой классического буржуазного государства модерна, но чем-то сущностно иным. Рас-

творение локальной государственности в пользу глобальной окажется лишь промежуточным этапом, глобальная государственность просто не состоится, так как медиакратия превратит к наступлению решающего момента разложенные останки локальных государств и обществ в *нечто не способное к новой интеграции*. И именно эти расплавленные останки будут диктовать формат глобального государства. Вместо Мирового Правительства, Мирового Парламента, Мирового Суда и мирового сообщества мы получим совершенно иную виртуально-медийную голограммную реальность, с клонированными эквивалентами этих реальностей.

Уже сегодня медиа тяготеет к представлению серьезной реальности государства Израиль его телеэквивалентом — трансвеститом Даной Интернешнл, Россия типологизирована мертвым генералом Лебедем, арабский мир — бен Ладеном, Франция — Луи де Фюнесом. Можно подумать, что таким образом глобальное смеется над локальным, над той серьезностью, с которой локальное относится к самому себе. На самом деле глобальное как серьезное в пространстве медиа так же смешно и несостоятельно, как и локальное. Мировое Правительство уже сегодня верстается как команда клоунов — будущие вожди планеты учатся шутить, плясать, показывать карточные трюки, корчить смешные рожи, выкидывать фортели. Им надо подумывать о смене пола, отращивании рогов, пластических операциях над ушами — чем более они будут похожи на персонажей из сериала Лукаса, тем больше шансов стать правителями вселенной.

СМИ и Россия

Медиакратия пребывает в процессе захвата власти в мондиальном масштабе. Если бы власти и общества (незападноевропейского происхождения) осознали основные параметры и ориентиры этого процесса, то вполне можно было бы говорить о потенциальном *альянсе народов и политических систем (государств) против абсолютизации четвертой власти*. Означаемое бросило бы в этом случае вызов автономизированному означающему, заставило бы вернуться к более традиционным соотношениям: вначале вещь — потом ее репрезентация.

Как победить СМИ? Остановить триумфальный марш виртуальной онтологии?

СМИ черпают силу в процессе отчуждения, делая его своим главным рычагом. Народная власть, прямая взаимосвязь между обществом и политической системой, т. е. прямая органическая демократия, соучастие народа в своей собственной судьбе посредством политических инструментов, исключающих (или минимализирующих) отчуждение, лишило бы СМИ *необходимого стратегического пространства*. Только в таком случае можно говорить о «новом подчинении репрезентации конкретной реальности».

Государство и народ способны ограничить процесс автономизации СМИ только в случае их глубокого органического союза. Но такой союз, в свою очередь, противоречит основному вектору инерции общественного развития цивилизации западного типа. Иными словами, остановить наступление медиакратии

может только тотальная революция, ставящая своей целью радикально изменить ход мировой истории.

Пока вопрос будет решаться лишь в отношении скорости медиакратического процесса — т. е. большего или меньшего развития медиакратии (как острия всего процесса глобализации), ничего принципиально не изменится.

МЕДИАКРАТИЯ ПРОТИВ РЕАЛЬНОСТИ

(Общество Зрелища и Капитал)

Зловещая власть, четвертая власть

СМИ называют «четвертой властью». Еще одной ветвью после трех классических форм демократического правления — власти исполнительной, законодательной, судебной. Даже если это метафора, то об этом стоит задуматься серьезно, ведь появление этой «четвертой власти», бывшей ранее лишь одним из множества компонентов в определении «демократии», с необходимостью вносит важнейшие изменения во все традиционные представления об обществе и его политической структуре. В дальнейшем мы увидим, что даже определение «четвертая власть» в отношении СМИ недостаточно полно квалифицирует масштаб их влияния, мощи, силы, воздействия. Но если остановиться и на таком «скромном» определении, сразу же возникают серьезнейшие проблемы.

Обратим внимание на важный момент: когда мы говорим о «трех типах власти», мы подразумеваем,

что каждая составляющая этого классического триумвирата является независимой от двух остальных. Конечно, между ними существует многоплановый баланс, система соотношений, регулирующая их взаимодействие, но выделение в три самостоятельных института есть юридическое утверждение их взаимонезависимости и своего рода «равноправия». По меньшей мере, в отвлеченной теории «идеальной демократии» имеется в виду именно полная равнозначность этих ветвей власти.

Когда СМИ именуются «четвертой властью», это предполагает — уже в силу самого словоупотребления — их сущностную равнозначность с остальными ветвями. Иными словами, информация и способы ее распространения выделяются в категорию, сопоставимую с основными институтами современного государства и общества.

«Информационное общество» и признание советника Франсуа Миттерана

Наблюдение за этим феноменом заставило многих западных философов и социологов говорить о начале эпохи «информационного общества», которое в некоторых случаях называется также «постиндустриальным». В «информационном» обществе и происходит перераспределение функций между основными базовыми институтами власти, причем таким образом, что информационная сфера не просто расширяет или видоизменяет сферы остальных ветвей, но превращается в особое самостоятельное явление. Так происходит

рождение «медиакратии», что дословно означает «власть через СМИ».

Режи Дебре, известный французский левый мыслитель, соратник легендарного Че Гевары, определенное время бывший официальным советником Президента Франции Франсуа Миттерана, однажды признался, что «на пути реализации планов социалистических преобразований, задуманных Миттераном (совместно с самим Дебре), постоянно вставали препятствия не столько со стороны Парламента, политических противников, иных традиционных политических и экономических групп, сколько со стороны СМИ, действовавших якобы от своего собственного лица». Срыв важнейших социально-политических преобразований в отношении политика, занимавшего столь высокий пост, которого к тому же долгое время активно поддерживало большинство, желающее перемен социального курса, произошел, согласно Дебре, по вине некоей особой социальной инстанции, обладающей совершенно новой структурой и новой природой, о которой либо мало, либо почти ничего не сказано в традиционных учебниках социологии и политологии. Это практическое поражение в деле реализации идеологических инициатив заставило Дебре как философа переосмыслить некоторые постулаты классического марксизма, на которые он ранее опирался. Он понял, что в современной капиталистической системе произошла какая-то качественная мутация, сделавшая формы и способы влияния Капитала на общественно-политическую жизнь радикально иными — центр тяжести этого контроля постепенно

переместился от традиционных аппаратов подавления — государства, буржуазных партий, полиции, армии, капиталистической системы труда и распределения к иной, более тонкой, ускользающей инстанции, связанной не с прямыми материальными инструментами, но со сложными манипуляциями с системами смыслов, знаков, образов.

Так Режи Дебре подтвердил на личном и крайне показательном опыте интуиции целой плеяды новых левых философов, давно почувствовавших серьезные изменения в самой природе капитализма как социальной реальности.

Общество Зрелища: пристрастная подмена реальности

Первым и самым ярким автором, осознавшим новую стратегию современного капитализма, стал Ги Дебор, основатель крайне левого движения — «ситуационизма». Именно «ситуационисты» стали движущим импульсом, организаторами и главарями знаменитого мая 1968 года, когда студенты и рабочие попытались (неудачно) осуществить захват власти самым экстравагантным, эстетичным и творческим образом, какой только известен в политической истории.

Ги Дебор был автором культовой книги-концепта «Общество Зрелища», «La societe du spectacle». Это произведение стало своего рода «библией» всех современных леваков — от анархистов и маоистов до левых социал-демократов. Ги Дебор показал, что со времен Маркса произошло серьезное изменение в тех страте-

гиях, которыми Капитал пользовался в своем стремлении поработить Труд и узурпировать «прибавочную стоимость». Если ранее он использовал грубые методы, то постепенно все более и более осознавал важность тонких стратегий, связанных с человеческой психологией, с колоссальным значением образов и знаков. Дебор видел, вслед за Марксом, в современном капитализме результат отчуждения, но на сей раз оно зашло так далеко, что экспроприации подверглись не просто товары и рабочая сила, но сама социальная реальность, подмененная на информационный муляж, на экранный дубль, полностью подчиненный тотальной власти капитала, сумевшего преодолеть все противоположности — в первую очередь оппозицию со стороны политически сознательного пролетариата — и сделать свое могущество безальтернативным.

Капитал поменял имя. Теперь он полностью воплотился в тоталитарную империю Зрелища. Дебор одним из первых попытался дать глубокий философский анализ «медиакратии». С его точки зрения, повышение роли СМИ в современном обществе является не просто случайным явлением, но выражением главной тенденции современного капитализма, основной силовой линией его развития. Роль тех социальных инструментов, которые заведуют сферой образов, становится привилегированной и усиливается по мере оттеснения на задний план иных институтов власти — вплоть до высшей политической власти Президента и Парламента.

Правда, Ги Дебор считал, что и в СССР социальные преобразования далеки от подлинно социалисти-

ческого курса. Он полагал, что и это было разновидностью «Общества Зрелища», а именно его «централизованной» версией, в отличие от западного «распыленного Общества Зрелища». Впрочем, Ги Дебор предвидел, что обе эти формы в будущем сольются, образовав «Общество Интегрированного Зрелища», объединяющего самые негативные и отчужденные стороны обеих систем. Вместе с тем он настаивал, что «Общество Зрелища» в капитализме наиболее эффективно и действенно, что именно «распыленное зрелище» действует с максимальной гипнотической силой на сознание людей, усыпляя их стремление к реальности, справедливости, свободе и знанию искусно выстроенным фосфоресцентным притягательным лабиринтом управляемых подделок. И в этом он оказался удивительно прав.

Как мы знаем, несмотря на колоссальную популярность в среде студенчества и интеллектуалов идей Ги Дебора, восстание 1968 года потерпело сокрушительное поражение. Система Зрелища сумела и на сей раз переварить ту идеологию, которая разоблачала ее сущность. На восстании радикалов более умеренные сделали себе политические карьеры, лишь усилив арсенал Зрелища. Отныне символы «революции», «восстания», общий дух «левачества» стали постоянно эксплуатируемыми темами многообразной западной индустрии образов.

Ги Дебор покончил с собой в 1994 году.

В СМИ этому факту не было уделено почти никакого внимания.

Реальная доминация Капитала и «конец истории»

«Четвертая власть» была распознана радикальными европейскими мыслителями как выражение нового этапа капитализма. Причем именно в ней они видели наиболее чистое и полное воплощение отчуждающей власти Капитала. Конечно, средства пропаганды в человеческой истории постоянно использовались для манипуляции общественным мнением, для решения тех или иных политических и социальных задач. Пропаганда существовала в той или иной форме и на более ранних этапах развития цивилизации. Но в этих случаях манипуляции информацией и общественным мнением были лишь прикладными моментами, призванными обеспечить психологический фон для решения конкретных вопросов различными политическими силами. Иными словами, за всеми этими действиями всегда можно было выявить конкретную властную или революционную инстанцию, которая и являлась заказчиком той или иной информационной или дезинформационной кампании. В такой традиционной ситуации еще не было и речи о самостоятельной линии СМИ, о превращении медиакратии в автономного социального субъекта, независимого от остальных властных инстанций.

В этом и состоит уникальность «Общества Зрелища». Если элементы Зрелища использовались властями с незапамятных времен (вспомним требование римского плебса «Хлеба и зрелищ»), то превращение

всей социально-политической и даже социально-экономической ситуации в одно сплошное Зрелище — это действительно нечто новое и небывалое.

Когда медиакратия становится самостоятельной реальностью, она начинает глобальную симуляцию всех социальных, политических и экономических процессов. Фактически СМИ, и особенно современные электронные СМИ, претендуют на то, чтобы выступать не просто моральным арбитром в вопросе о том, что является положительным, а что отрицательным, но и в более глубоком измерении — СМИ сегодня определяют, что есть, а чего нет. Любой политический, социальный и даже экономический факт становится фактом лишь в тот момент, когда он отражен в СМИ. Плоский экран диктует объемной реальности, что в ней есть, а чего нет. Сложная структура медиакратии учреждает, чему быть, а чему не быть. И если какое-то явление или система явлений признаются медиакратами недостойными для их освещения (или вредящими специфическим интересам тайных баронов СМИ), то их замалчивание фактически равносильно отказу в праве на существование. Вне информационного контекста в современной реальности вещей, событий и явлений просто не существует.

Если следовать логике марксистских и социалистических взглядов на смысл истории, то данное положение дел автоматически означает наступление особого общественного строя, о котором есть некоторые тревожные догадки у Маркса. Он определяет такое положение дел как «реальную доминацию капитала». В период обычного, классического капитализма Капитал

осуществляет лишь «формальную доминацию». Ему противостоит рабочий класс, все более осознающая свою революционную роль партия Труда. Но Маркс предвидел такую возможность, когда эта «формальная доминация» — при неудаче или провале социалистических революций и преобразований — перерастет в «реальную доминацию», и в этом случае у Капитала более не останется внешнего противника, он полностью переварит Труд, породив реальность, абсолютно подконтрольную его вампирической логике. В эру такой «реальной доминации капитала» Система сможет настолько свободно распоряжаться спросом, потреблением, производством, обменом, что всякие препятствия будут упразднены. Свобода Капитала станет абсолютной, и он получит неограниченную власть над людьми, полностью подчинив их жизнь и поведение своей собственной логике. Капитал станет единственным субъектом социальной истории, вытеснив на периферию все остальные исторические факторы.

Именно эту катастрофическую (в глазах левых) картину мира описывают — хотя и с обратным знаком — апологеты современного капитализма, провозгласившие «конец истории» (Фрэнсис Фукуяма), наступление постиндустриальной цивилизации (Дэниэл Белл) или информационного общества. Но сторонники капитализма, либералы, видят то же самое явление в розовых тонах. Наступление «Порядка денег» (Жак Аттали) представляется им наиболее разумной и прогрессивной социально-экономической структурой, в которой преодолен драматизм обычной грубой реальной истории, полной конфликтов, про-

тиворечий, борьбы, страданий, революций. Современные либералы видят историю как нечто отрицательное. И многие из них логически приходят к тому выводу, что истоки варварства, нецивилизованности, агрессии, классовых и этнических конфликтов, полового неравенства, социальных и экономических катаклизмов следует искать в самой природе человека, конфликтной и дисгармоничной по определению. В новом капиталистическом обществе на этапе его постиндустриального развития происходит не только конец истории, но и «конец человека». Медиакратия и информационное поле учреждают, формируют, искусственно создают новый тип, новый вид, лишенный всех тех качеств, которые составляли сущность предшествующих стадий человеческой истории. Этот либеральный пост-человек настолько напоминает «последних людей» из «Так говорил Заратустра» Ницше, что один из главных идеологов «конца истории», Фрэнсис Фукуяма, посвятил недавно этой теме целую книгу — «Последний человек».

Итак, мы видим, что, несмотря на полярные различия в оценке «Общества Зрелища», самые противоположные мировоззренческие лагеря сходятся между собой в описании его основополагающих качеств. При этом одни (социалисты и традиционалисты) ужасаются, другие (либералы), напротив, восторгаются.

Один забытый иллюзионист

Если отдалиться от сферы современных идеологических доктрин, трактующих проблему СМИ в мир-

ской, атеистической оптике, и обратиться к сфере религиозных представлений, то данная тема приобретет дополнительное и весьма зловещее измерение. В рамках христианского богословия существует один персонаж, который в широком смысле ответствен за производство иллюзий и сокрытие истины, за организацию и поддержание к своей выгоде колоссального непрекращающегося Зрелища. Вы, естественно, догадались, что речь идет о дьяволе. Конечно, религиозное сознание было уже довольно давно вытеснено на периферию общества, дискредитировано и осмеяно критическими идеологиями современности. Но поскольку сегодня налицо процесс определенного возврата к религиозным учениям, то вполне закономерно рассмотреть интересующий нас вопрос и в этой перспективе.

Религиозное сознание исходит из предпосылки о тождестве истины и блага. В свое время это тождество сформулировал Платон. Из этого положительного утверждения легко вывести и его подразумеваемую отрицательную часть: ложь и зло, в свою очередь, оказываются тождественными. Следовательно, искусственный контроль над информацией, знанием, создание миражей и массовых гипнотических эффектов, что, собственно, и составляет сущность современных СМИ, есть область духа зла, «человекоубийцы от века». Истинное знание лежит в глубине, и каждый человек ищет к нему собственный внутренний путь через серию этических выборов, через духовное напряжение и личный неотчуждаемый религиозный опыт. При этом огромную роль

играет ненавязчивый и неагрессивный, сдержанный и спокойный, доброжелательный надзор со стороны Церкви, со стороны полноправных толкователей и хранителей Священного Писания и Священного Предания. Истинное религиозное познание — это нечто противоположное Зрелищу, это освобождение от внушения, навязываемого Обществом Зрелища, дистанцирование от него, обретение внутреннего центра, способного противостоять агрессии внешнего мира. Религиозное учение о грехе прямо говорит о том, что он имеет начало вне человеческой души и действует сперва как «прилог», как внешнее внушение, как навязываемые мысль, чувство, образ, знак, переживание. И лишь по мере вхождения «прилога» в психику человека он ассимилируется и становится зародышем греховных поступков и состояний.

Поразительно, но структура современных СМИ, манера организации информационных потоков, которые постоянно перемежаются гипнотическими образами рекламных роликов, эксплуатирующих все те сюжеты, которые традиционно считаются религиозным мировоззрением греховными — похоть, эгоизм, сребролюбие, жажда стяжательства и все нового и нового приобретения материальных благ и т. д., — полностью повторяет в массовом масштабе кодификацию дьявольских трюков, подробно описываемых в аскетической литературе святых отцов. Складывается такое впечатление, что тщательно зафиксированные реестры стратегии и тактики искушений, напускаемых на подвижников сатаной, полностью взяты архитекторами современных СМИ для исполь-

зования их в глобальном масштабе. СМИ превращаются в общий и взаимоперетекающий вал прилогов, неотступно окатывающий сознание зрителей.

Итак, то, что было абсолютным злом в марксистской критике и иных разновидностях социалистических доктрин, в рамках религиозного мировоззрения приобретает еще более откровенный, пугающий характер. По мере развития тенденции возврата к религии, которая характерна для христианских, исламских и других восточных обществ, эта религиозная трактовка современных СМИ не может не приобретать все большего значения. Незначительные вкрапления в этот «поток прилогов» нравоучительных религиозных передач, показываемых, как правило, в наименее урочное время, никоим образом не меняет общей картины и, напротив, создает обманчивое представление о терпимости религиозных институтов к империи СМИ, что только притупляет бдительность зрителей и делает их более податливыми к субтильному медиакратическому яду.

Советское государство разрушили СМИ
(СМИ как «система»)

В нашей российской новейшей истории фактор медиакратии, вес «четвертой власти» проявился во всей полноте в период перестройки и либеральных реформ. Если до этого момента советское общество «централизированного Зрелища» (по Дебору) осуществляло свою социально-информационную стратегию единым фронтом, — идеологические институты, вла-

стные структуры и информационно-культурное обеспечение, сознательно приравненное в советском обществе к идеологической пропаганде, действовали как одно целое ради осуществления общего проекта, — то по мере отхода от советской модели СМИ заявили о своем особом и во многом исключительном положении.

Этот процесс шел параллельно с «демократизацией» и перенесением на российскую почву либерал-демократических западных образцов. Формально речь велась о «свободе слова», о «независимости СМИ от прямого диктата иных властных инстанций». Но поскольку этот диктат исходил в начале перестройки из одного-единственного и тогда еще довольно солидарного центра, то эта «свобода» приобретала характер противостояния, фрондирования, оспаривания советской идеи.

При этом собственно политический фронт ранне-перестроечной антицентралистской оппозиции был смехотворным и искусственным — с серьезным диссидентским движением властям удалось покончить еще к концу 70-х. В такой ситуации в перестройку именно СМИ стали главным субъектом социальных реформ — тем субъектом, который спровоцировал в дальнейшем политическое оформление «демократов-западников» в самостоятельную идеологическую и организационную силу, пришедшую к власти в 1991 году.

Это не просто случайное историческое обстоятельство, это важнейший, нагруженный колоссальным значением исторический факт. Главный смысл реформ

состоял именно в переходе от одного типа «Общества Зрелища» («централизованного») к другому («распыленному»), и поэтому главной движущей силой всего этого процесса логически стали те инстанции, которые были ответственны за изготовление и реализацию самой сердцевины всего проекта. Менялись не просто сформулированные идеи, менялся весь язык, широкий социальный массово-психологический фон, состоящий даже не столько из четких высказываний («Это — благо», «Это — зло», «Так надо», «Так не надо»), сколько из намеков, ассоциаций, интонаций, микрожестов теледикторов, нюансировки при изложении информации и т. д. Вместо единой «централизованной» иллюзии советского общества складывалась «распыленная иллюзия» общества либерального. А так как «распыленный спектакль» и есть высшее выражение именно Капитала, пик его могущества, то и общая ориентация таких перемен в области медиакратии вела только и исключительно к утверждению буржуазных, капиталистических моделей и стереотипов.

Ги Дебор разобрал причины большей оперативности, эффективности методологий «распыленного Зрелища» по сравнению со «Зрелищем централизованным». Если какую-то идею, спровоцированную реакцию, мнение, уверенность внушают слишком навязчиво, человеческая психика — даже бессознательно — стремится освободиться от этого, отыскать определенное психологическое пространство, не подвластное прямому контролю извне. При этом такой протест может сопровождаться социальной мимикрией. Известно, что один из способов сделать выска-

зывание или слово бессмысленным (то есть освободиться от смысла) — это произнести его подряд много раз. Полная слепая покорность и безоговорочное послушание есть форма скрытого восстания, ироническая диверсия в отношении того, кто повелевает и отдает приказания. Что-что, а эту ироническую стратегию наш народ освоил в полной мере, на ней построен наш национальный юмор.

«Зрелище распыленное», капиталистическое основано на совершенно ином подходе к манипуляции сознанием. В нем желаемая цель — а она, безусловно, присутствует, причем с такой же определенностью и жесткостью, как и в самой «тоталитарной» пропаганде, — не декларируется прямо, к ней подводят постепенно, часто окольными путями, искусно используя законы формальной логики и психоаналитические программы бессознательных ассоциаций.

Привлечь внимание к какому-то факту можно самыми различными способами. «Централизированное Зрелище» просто ставит его в центр информационного потока и настойчиво внушает, как надо это интерпретировать. «Распыленное Зрелище» действует более тонко. Можно подвести к какому-то факту косвенно: упомянув о том, что ему предшествовало, и о том, что за ним последовало. Зритель сам догадывается, что должно заключаться в промежуточном звене, и оттого, что он сам «догадался», у него возникает спровоцированное ощущение самодовольной гордости от успешно проделанной умственной операции. Отныне данный факт будет восприниматься им как результат неотчуждаемого личного опыта, и критическое чувст-

во будет полностью усыплено.

Моральная оценка также может быть нюансирована. Вместо прямой расстановки знаков плюс и минус может быть тонкая интонационная гамма, работа с подразумеванием, контекстами, стереотипами. Если в общественном сознании существует какой-то штамп, то для его разрушения, для внедрения прямо противоположной формулы не следует просто и непосредственно ее провозглашать. Достаточно выразить — даже интонационно — определенную дистанцию, релятивизировать, смягчить акцент.

«Распыленное Зрелище» в отличие от «Зрелища централизованного» предполагает также отсутствие видимого центра. Так возникает дуализм таких понятий, как «режим» и «система». «Централизованное Зрелище» является продолжением режима, оно обеспечивает интересы режима, т. е. конкретной власти, утвердившейся в данном государстве, обществе. «Система» есть нечто более тонкое и трудно уловимое. Это совокупность некоторых центров влияния, объединенных общим цивилизационным проектом, но осуществляющих свою деятельность с помощью сложных комбинаций. «Система» гораздо шире, чем «режим». Она может сохраняться и при смене режимов, может выступать оппозиционно в отношении режима, может ставить одновременно на две или несколько противоборствующих сил, проводить свою логику через синхронное влияние на видимые и невидимые рычаги воздействия.

Понятие «система» было подробно разработано «новыми левыми». В основе такой концепции лежа-

ло наблюдение за эволюцией буржуазного общества, которое настолько отточило инструменты господства, что ушло очень далеко по искусности манипуляций и развитию механизмов «мягкого насилия» от грубых и довольно прозрачных стратегий классического индустриального капитализма, где буржуазным был сам режим и где поэтому оставалась открытой перспектива политических революций в социалистическом или национальном ключе. С начала 60-х буржуазный мир стал активно осваивать новые технологии «распыленного Зрелища» и достиг в этой области совершенства к 80-м.

Крах социалистической системы и падение СССР стал самой серьезной победой этой стратегии. Управляемые галлюцинации Западного мира оказались настолько эффективны, что разрушили оплот наивной и неуклюжей советской пропаганды. Капиталистическая «система» проникла в СССР гораздо раньше, чем произошла прямая смена режима. И главным полюсом такой подмены совершенно естественно стала сфера медиакратии.

В период перестройки в СССР была применена тактика использования новейших достижений «распыленного Зрелища». Как когда-то русские социал-демократы взяли готовые выводы Маркса, разбиравшего капиталистическое общество, гораздо более развитое, нежели аграрная полуфеодальная Россия, и жестко применили эти выводы к противящейся среде, достигнув колоссального индустриального эффекта, новые либеральные реформаторы также форсировали ситуацию (правда, в обратном направлении)

и включили СССР в «систему», в зону влияния «распыленного Зрелища» задолго до того, как для этого сложились политические, социальные, экономические предпосылки. Именно это имеют в виду те, кто настаивает, что самым главным и незыблемым достижением «демократии» в России за последние годы стало появление «независимых» СМИ. «Независимость» следует понимать как «независимость от режима», но при этом, естественно, не упоминается о полной, тотальной и раболепнейшей зависимости от «системы», осью которой является Капитал, его неиндивидуализированная, чисто количественная масса.

Ответственность СМИ за все этапы реформ — как бы кто их ни оценивал — является абсолютной и бесспорной. Именно этот сектор по самой логике современного общества есть фокус «системы». В некотором смысле СМИ сами становятся «системой», концентрируя вокруг себя главные элементы буржуазного общества — деньги и власть.

Так как природа современного капитализма, в свою очередь, связана со Зрелищем и главным здесь стало не производство и даже не торговля, а реклама, маркетинг, «презентация» товаров и услуг, их «знаковый рейтинг» (все это совершенно не зависит от их реального качества), то основной массив финансов также тяготеет к информационным инстанциям, особенно к электронным СМИ. В этом особенность специфической экономики информационного, постиндустриального общества. В отличие от классического капитализма здесь главной становится не циркуляция товаров, денег, услуг, но циркуляция знаков, муля-

жей, «симулякров» (по выражению Жана Бодрийяра). А такая знаковая циркуляция, естественно, напрямую связана со СМИ.

С другой стороны, гипнотическая власть СМИ настолько огромна, что многие социологи говорят сегодня о явлении «пандитократии». «Пандитами» назывались индусские толкователи священных текстов. В современном обществе роль пандитов выполняют телеведущие и телекомментаторы, которые прямо или косвенно выполняют роль «гуру» для масс. Именно с этой важнейшей «учительской», почти жреческой функцией и связан «культ телеведущих». Фрагментарно образованные, серые, банальные, с ограниченным кругозором и мещанскими предрассудками, телеведущие воплощают собой «конвенциональную мудрость», некий стереотип обывательского сознания. Провозглашаемые ими с серьезным видом пошлости воспринимаются зрителями как нечто само собой разумеющееся, как продукт своего собственного мышления — тем более что усредненность и ограниченность ведущего вполне соответствует именно самым массовым стандартам. Но такие ничтожные «пандиты» вследствие того, что они находятся по ту сторону экрана, а не по эту, получают колоссальную власть внушения, распространяющуюся как на широкие массы, так и на политический класс и даже экономическую элиту, то есть на те структуры, от решения которых зависят судьбы общества. Никем не избранные, ничем не замечательные, ни в чем отдельном не компетентные, теледикторы становятся в обществе «распыленного Зрелища» носителями колоссального мо-

гущества, и их случайное мнение сиюминутно воспринимается как абсолютная истина, как категорический императив.

СМИ как «система» и в этом случае оказывается первичнее, действеннее, могущественнее, нежели режим как таковой. Рекламный капитал и аппарат «пандитов»-теледикторов в данном случае выступают как конкретный инструмент медиакратии, неотразимое орудие «системы».

Цивилизационный выбор

Понимание новой роли СМИ в современном обществе, вытекающее из глубинных и качественных трансформаций этого общества, необходимо для того, чтобы правильно и по достоинству оценивать это сложное и крайне двусмысленное явление. Осознав тождественность «системы» и СМИ в широком смысле, не следует удивляться, если формально подчиненные административным институтам власти работники СМИ будут следовать совершенно иной информационно-имиджевой стратегии, нежели та, которой сама власть добивается. Иными словами, «режим» как легитимная властная структура в определенном смысле оказывается не «над» СМИ как одним из элементов общества, а «под» СМИ, коль скоро они представляют реальность, лежащую ближе к истинной сути современного мира, постепенно и повсеместно превращающегося в единое и однородное Общество Зрелища. Исполнители и хозяева в такой ситуации меняются местами, происходит своего рода «социаль-

ная сатурналия», и уже властные институты, политические лидеры и партии становятся нанятыми актерами или простыми статистами в спектакле, чью режиссуру осуществляют их формальные подчиненные.

Профессионалу СМИ ничего не стоит донести до масс информацию, спущенную сверху, полностью поменяв знаки и оценки и при этом не меняя в ней ни слова в формальной стороне дела — контексты, мимика, видеоряд, ракурсы, цветовые гаммы и музыкальное сопровождение легко дадут тот эффект, который нужен медиакрату, а не чиновнику. Таким образом, при современных технологических условиях возникает новый тип цензуры. Но это уже не цензура СМИ со стороны властей, а наоборот, цензура властей со стороны СМИ.

Независимость и свобода СМИ ото всех и вся влечет за собой, напротив, зависимость всех и вся от СМИ. Кстати, осознание именно этого факта заставляет некоторые радикальные политические силы и организации, явно не вписывающиеся в «систему» и противостоящие «режиму», обращаться к террору для того, чтобы донести свои идеологические, религиозные и мировоззренческие принципы до сведения широкой общественности.

Из обрисованной картины складывается впечатление, что власть СМИ тотальна и ограничить ее нельзя. Конечно, на практике пока той абсолютной свободы и совершенной независимости «системы» от «режима» еще не достигнуто, и поэтому (по меньшей мере в нашей стране) еще сохранились определенные рычаги, с помощью которых можно как-то ограни-

чить эту предельно опасную тенденцию. Но необходимо однозначно уяснить, что всякое частичное исправление положения дел всякий раз будет недолговременным и хрупким, пока общая цивилизационная тенденция к универсализации «Общества Зрелища» будет сохраняться. Проблема СМИ не является ни технической, ни узкосоциальной. Это глубиннейшая проблема, связанная с тем выбором, который делает сегодня человеческая цивилизация.

Если мы некритично и пассивно примем правила существования постиндустриального общества, согласимся с новым витком логики Капитала, примем «Общество Зрелища» как неизбежное и безальтернативное наше будущее, то нам ничего не останется, как стремиться вписываться в этот контекст и превращаться в «телезаключенных», в послушных марионеток глобального спектакля, основанного на никем не контролируемой зловещей мистификации. И тогда президентов и парламентариев будет выбирать не народ, не люди, не граждане, а узкий круг медиакратических олигархов, получающих практически неограниченную власть. И в этом случае Правительству, Президенту, иным властным институтам придется признать свою зависимость от тех, кто по своему усмотрению и подчиняясь логике «реальной доминации капитала» (или еще более сомнительной фигуре из полузабытых нами религиозных учений) будет волен верстать реальность, историю, бытие как простой видеоклип.

В противном случае необходимо всерьез задуматься о том, что стоит за «Обществом Зрелищ». Так ли нужна народам Земли модернизация и прогресс имен-

но в этом направлении? Так ли они безальтернативны? И если мы откажемся слепо следовать этой логике, то дойдет дело и до масштабной выработки альтернативной цивилизационной стратегии, иного пути развития, который не просто возможен, но, по нашему глубокому убеждению, и настоятельно необходим.

И в этом случае, отвергнув логику Зрелища ради логики Реальности, отвергнув императивы Капитала ради победы Справедливости и Труда, отвергнув «систему» массового гипноза ради достойного и неспровоцированного личного выбора, мы сможем поставить на место и СМИ, которые автоматически перестанут быть «четвертой властью», заняв более скромное и более подобающее им место.

Часть VI

ПЕРФОРМАНС ПРОТИВ СОВРЕМЕННОГО МИРА

БОГЕМА ПРОТИВ НАТО

Искусство абсолютно партийно, как партийна жизнь человека. Партии есть даже в нечеловеческом мире — партия волков, партия ворон, партия зайцев, партия свиней. Одни нападают, пожирают, вырывают когтями мясо других. Вторые бегут, прячутся, спасаются...

Есть партии ангелов. Есть партии падших ангелов. Зная разнообразие человеческого и природного мира, легко допустить, что в мире духов дела обстоят тоже не так просто. Есть свои фракции и у воинов архистратига Михаила, и своя странная иерархия, с неизбежным подсиживанием, конфликтами или интригами.

Сейчас происходит резонанс в различных партийных ячейках. Новая реструктуризация рядов, новые альянсы, новые линии фронта, новые баррикады. Совсем недавно это был капитализм против коммунизма. Такое разделение не выдержало испытание историей. Уже нет классов, нет социалистического лагеря — но война, классовая война, расовая война остается, как не прекращаются битвы в небесах и в регионах ада. Как не прекращают тигры и хищники разрывать свои жертвы, а те в свою очередь уничто-

жать гордые роскошные травы. Травы, камни, цветы — так же живы, как и мы. Как и люди, как и расы, как и этносы, как ангелы небес.

Агрессия — неснимаемый закон мира. Как бы ни хотели опровергнуть великого Гераклита — война остается отцом вещей.

У трав нет крови, но, когда им больно, они выпускают соки. У духов нет плоти, но, когда им больно, они выпускают слезы. Мы теряем ум, но, когда нам больно, мы выпускаем жало.

Богема против НАТО. Богема против НАТО. Богема против НАТО. Наша богема... Наша... Наша...

Их самолеты — против наших войск. Наши войска — против их диверсантов. Наши рок-группы в центре Белграда — против атлантических рок-групп. Они испугались приехать сюда. Правильно сделали.

Народ на народ. Континент на континент. Галерея на галерею. Художник на художника. Поэт на поэта...

Будем пить слезы. Будем есть мясо. Будем дышать ненавистью. Будем жалеть своих.

Повсюду проводится черта: огонь и лед, земля и вода, небо и ад. Говорить о добре и зле... говорить о добре и зле... говорить о добре и зле — слишком претенциозно.

Армии выбирают по другим критериям. *Наши* — правы. Неправы — тоже *наши*. Хорошие, плохие — *наши*. Красивые, менее красивые, совсем не красивые — *наши*. Важно лишь — изгиб мысли, важно лишь — взмах ладони, важно лишь — пинок коленом.

Выстрел, порез, плевок, выцарапанный глаз, молитва, вознесенная к *нашему* Богу, в *нашей* церкви.

Определи лагерь и не удивляйся, когда придут за тобой, *наши* или *ненаши*. Богема против НАТО. Богема против НАТО.

Какой урон нанес противнику ты? Какой урон нанес противнику ты? Какой урон нанес противнику ты? Лично... Богема против НАТО.

Война *наша* мать — мать России. Чем больше страдания и слез, чем больше страдания и бед, чем больше агонии и крови — тем выше и сладостней белое утешение победы. *Нашей* победы.

Сегодня сто собрано в одно, точнее — в два. Сегодня тысяча прошла как бутерброд. Сегодня созвездия смыслов призваны в окопы. Интифада повсюду. Искусство это интифада. Интифада повсюду. Убей в себе телевизор. Учись смотреть сны Евразии. Сны Евразии — наши мысли. Кровавая безысходность, но не всегда, но не навсегда, и не только... Но это после победы.

Тупо, навязчиво, бесконечно будет повторяться один и тот же мотив: Евразия против Атлантики. Великая война континентов, дифференциация сознания по две стороны баррикад. Предельно просто, безотзывно. *Наши* знаки... Все знаки — *наши* знаки.

Мы мобилизованы Kulturkampf. Kulturkampf, война культур, война цивилизаций, безотзывно и неотзывно — наш диагноз единственно верен. Вся культура — наша культура. Их культура — бескультурье. Но наступит момент, когда тотальность фронта преодолеет искусственные рамки.

Батальон, милиция, живопись, авангард, музыка, соседний дом, случайный прохожий, ваша оговорка — проявления единой борьбы, единой войны — великая война, раздвоившаяся в себе великая война континентов.

Мы бросаем взгляд в прошлое. Мы видим кровавый хаос. Мы плохо смотрим — это не хаос, это великая война континентов. Хаос — лишь имя одной их сторон, одного вида вооружений, одной из бригад. Сознание Атлантики против сознания Евразии. Бессознательное Атлантики против бессознательного Евразии. Иррациональное Атлантики против иррационального Евразии. Абсурд и ум. Философия и реклама. Публицистика, гаджет или эстрадная мелодия. Умный и глупый. Взрослый и маленький. Мужское, женское. Живое и мертвое. Добровольцы, волонтеры или насильно мобилизованные.

Батальоны смерти Евразии и Атлантики. Атлантики и Евразии. Вы не можете сладить с собой — отлично. Отлично... Вы начинаете понимать, что такое война. Какой-то стороне вашего «я» придется погибнуть — другая будет торжествовать. Убей в себе атлантиста. Вырежь в себе албанца. Отвоюй себе белую Сербию. Пляши на черепе «эго». Помедли, не спеши, подготовься как следует, не нервничай — а потом наноси удар.

Если мы будем проигрывать — мы взорвем весь мир. Я правду говорю. Это все очень серьезно, мы подходим к миллениуму, к завершительному аккорду, подведению итогов, к оформлению балансов. Нам

придется сдавать квартальный отчет Кали-юги беспристрастному Судии конца времени.

Наши антагонисты тоже готовят свои бумаги. У них бухгалтерское дело поставлено лучше, чем у нас.

Мы больше доверяем своей интуиции. Протоколов мало. Составлены паршиво. Каждый поставленный перед необходимостью — пишет во что горазд. Последний момент — половина цифр придуманы. Ну и что. Зато мы правы. А может быть, истину вообще и невозможно уложить в прокрустово ложе догматов.

Пусть их рационализм абсурден. Зато наш абсурд рационален. Великая война континентов. Быстро, быстро собираем воедино все, что знаем, что можем, что поняли, что не поняли. И начинаем джихад — джихад Евразии.

Когда началась Первая мировая война, эстет, маньерист и эгофутурист Игорь Северянин — казалось бы, отстраненная от проблем патриотизма личность — писал: «Я ваш любимый, ваш единственный — я поведу вас на Берлин».

И тогда богема была против НАТО. Евразийская богема всегда против НАТО. Пушкин был разумен, Батюшков сумасшедший — оба они были против НАТО. Богема против НАТО.

Один из тех, кто сидит за штурвалом натовского бомбардировщика, Дэниел Белл, сказал: культура после победы атлантизма будет упразднена вовсе, поскольку из нее может родиться новая альтернатива.

Не только наша культура, но и культура тех, которые наивно против нас.

НАТО против культуры. Лучше действовать так: вначале объяснить, а потом наказать.

Пусть в книгах их жизни мы не существуем — ни мы, ни наши дети, ни наши предки, ни наши церкви, ни наши народы, ни наши просторы, ни наши звери, ни наши ангелы. Шершавым языком макдональдс и билл гейтс вылизали свои диспенсациалистские книги. Скоро главным продуктом маркетинга атлантистов станет биржевая спекуляция вакуумом. Они затеяли сделать из процесса передвижения нечто к ничто — мощную финансовую корпорацию. Их пора одернуть.

МАНИФЕСТ «НОВЫХ МАГОВ»

1. Налицо кризис искусства. Отсутствие витальности. Доминация чистого механицизма. Постмодернизм — сам синдром дегенерации — выродился. Интерес к искусству сегодня либо кич (театр, кино, рок-концерты), либо das provozierte Leben («спровоцированная жизнь» — Г. Бенн), занятие для узкого и замкнутого круга «вампирической интеллигенции», полностью утратившей ориентиры, но не утратившей вместе с тем потребность в пропитании, социальном статусе и тщеславие.

2. Налицо кризис политики. Отсутствие мысли и свежей идеологии. Дегенерация политики после пе-

риода некоторого всплеска начиная с перестройки. Политика совершенно утратила и логику, и жизнь. Она либо патологически конъюнктурна (центр), либо патологически карикатурна (периферия). Но всегда одинаково неинтересна.

3. Критический минимум дегенерации искусства и политики сейчас достигнут одновременно. Так бывает не всегда, но сейчас именно так — низшие точки двух синусоид совпали.

4. В такие моменты цикла упадка развитие должно получить новый импульс, лежащий, как правило, вне сферы самого процесса. Иногда политика подстегивает искусство, иногда наоборот. Сейчас в обоих областях упадок. Надо искать импульс вовне.

5. Этой новой областью является МАГИЯ. Магия изучает не события, вещи, предметы, но их причины (причем не просто описывает причины, но активно работает с ними). Магия предшествует искусству и политике. Искусство и политика стали самостоятельными, отделившись от своего магического истока. Этот исток никуда не исчез, но отошел на периферию, воздействовал косвенно. Тайные общества, ложи, ордена управляли историей, вдохновляли художников.

6. Отныне косвенного воздействия недостаточно, политика и искусство забыли о необходимости постоянного обращения к магии. Ситуацию может спасти только *прямая* и тотальная замена искусства и политики МАГИЕЙ.

7. Нынешний политик и художник сами по себе изжиты, их не спасет ничто. Они не способны напи-

таться магией и оживиться. Их следует вычеркнуть, отбросить. Они совершенно неинтересны. На их смену должен прийти новый тип.

8. Это НОВЫЙ МАГ, занимающийся политикой или искусством (но не политик и не художник, занимающийся магией).

9. Все виды искусства и все политические идеологии имеют свои оккультные аналоги в оперативной магии. Картины возникли как обмирщвленные изображения богов и символических знаков. Политические идеологии стали светским выражением метафизических и религиозных учений (капитализм — секуляризированный протестантизм, по М. Веберу; социализм и фашизм — вариации индоевропейских, арийских традиций, где отсутствовала каста торговцев, по Дюмезилю). Постепенно исток пропал из виду. В лице современных политиков и художников мы имеем дело с неизлечимыми закоренелыми идиотами. Степень таланта и идеологического успеха сейчас напрямую зависит от степени знакомства с оккультными учениями.

10. Этот факт надо признать и принять как неизбежность.

11. Вместо отдельно искусства, отдельно политики и отдельно магии следует ввести новую синтетическую дисциплину: МАГИЯ, учреждающая свою политику и свое искусство напрямую. Новая герменевтика: отбрасывается исторический контекст и эстетическая особенность, все сводится к оккультной парадигме. Гете и Бретон, Ленин и Черчилль сводят-

ся к магической парадигме (масонско-оккультистского, герметико-розенкрейцеровского толка), носителями которой они являлись. Остальное отбрасывается. Вместе с новым искусством и новой политикой приходит новое искусствоведение и новая политология.

12. Новые искусствоведы и новые политологи не будут отдельными людьми от новых художников и новых политиков. Это будут одни и те же личности. Более того, это будут не кто иные, как сами НОВЫЕ МАГИ.

13. Искусство становится не имитацией ритуала или изготовления фетиша, амулета, идола, но самим ритуалом, самим изготовлением амулета, фетиша или идола.

14. Политика становится не отснятым «ремейком» коллективных оргиастических действ и реализацией смутно и косвенно воспринимаемых метафизических проектов, но прямым мифотворчеством и оккультной архитектурой масс.

15. Все это осуществляется и осмысляется НОВЫМИ МАГАМИ.

16. МАГИЯ — наука оперативная. Она требует реальных результатов, реальных метаморфоз. Метаморфоз объектов, явлений, самого оператора. МАГИЯ — наука экспериментальная, она не допускает «темнилова» и демагогии. Оценивается не проект, но результат. Без конкретной «эйдетической реализации» нет магического акта. Если все остается сущностно прежним после произведения магического акта, мы имеем

дело либо с неудачей, либо с шарлатанизмом. Идиоты и интеллигенты не пройдут.

17. НОВЫЕ МАГИ учреждают свое искусство и осуществляют социальные перевороты. Они специализируются в геополитике, масштабной науке, подчиняют стихии, укрощают атлантического Левиафана и откармливают континентального Бегемота. Минимальный социальный масштаб НОВОЙ МАГИИ — страна, народ, государство, легионы человеческих масс. Группа эстетов или отряд марширующих дегенератов-сектантов никому не интересны. НОВАЯ МАГИЯ имеет дело с явлением ГИГАНТСКОГО. Гигантского Нового (М. Хайдеггер).

18. Наши цели станут понятны только тогда, когда люди начнут соучаствовать в нашей практике (активно или пассивно, как субъекты или как объекты). Магия решает гносеологические проблемы через «Праксис» (как марксизм).

19. Кризис искусства и политики внешне кажется чем-то объективным. Не стройте иллюзий, его организовали МЫ. Для того, чтобы расчистить путь НОВОЙ РАСЕ. Расе магических королей.

20. Мы оперируем с безднами. Для нас невидимое имеет свою географию. Черное не просто отсутствие света, это огромная гамма оттенков, которые и не снились земной оптометрии.

21. Abyssus abyssum invocat —

22. In voce cataractarum.

ПТИЦЫ

(манифест выставки Алексея Беляева-Гинтовта «Люди длинной воли»)

Люди длинной воли — это те, кто заблудился и ищет выхода. Они царапаются о скорлупы изнутри, прорывают ходы, отчаянно и злобно смотрят в черное небо, ощерив пасть через левое плечо. Их вой мы слышим тогда, когда тишина затапливает наши уши горькой патокой, а глаза выключаются из розетки... Люди длинной воли — такой длинной, что у нее нет больше измерения. Их объятия, как садовый секатор, — из них никто никогда не выходил цельным, со всеми изначально имевшимися конечностями.

Кто забросил их сюда и откуда, мы не знаем. Они идут «белой дорогой», в которой едва ли есть начало и конец и каждая точка которой — всегда только середина пути.

Они исповедуют доктрину политического безумия, в котором кровавые барсы пожирают маленьких вертящихся огненных червей, дарующих прохладу и комфорт и чернящих души заправской солдатской ваксой, — бедные барсы, они не знают, что дни их сочтены и на смену им шагают какие-то новые существа, чтобы занять их место и так же нежиться в залитой светом тысячи ламп, потерянной на границе последней земли берлоге.

Политическое безумие — это последнее прибежище негодяев, так как люди длинной воли не имеют мужества быть добрыми, их большие дела питают наше дыхание чарами невиданного утонченного коварства:

они несут миру не вздох, они несут миру Империю, экстатическую империю, поля которой кишат охотниками за смыслом, ухищренными стрелками, метателями мудрых камней...

Когда-то люди длинной воли были крохотным меньшинством. Сегодня их вовсе нет, от них осталось шипение: так солнце опускается в море, так змея говорит жабе: «Добрый вечер, подруга!», а нож проникает в распластанный невинный зрачок. Их больше нет, и не осталось даже свидетелей, способных подтвердить, что когда-то они были.

Лишь водоросли древнего дна медленно шевелятся: они помнят и не такое, а может быть, не помнят ничего.

Люди длинной воли — это они создали мир, потом устали, опустили бледные цепкие ладони и удалились в ночь. Это они создали человечество, чтобы волна смыла его, как песочную башенку.

Птицы смеялись, глядя нам вслед, громко и пронзительно. Ох уж эти птицы...

Часть VII

ВОЗРАСТЫ НОВЫХ ТЕКСТОВ

ПОЛ. ВОЗРАСТ. ПОЭЗИЯ

(Алины Витухновской)

Обратные соответствия

Существует закономерное распределение символических стадий жизни в соответствии с метафизической структурой человеческой сущности. Во времени развертывается сверхвременная реальность.

У мужчин и женщин соответствия обратны.

Пояснения. Человек (и девочка и мальчик) до достижения 10 лет (очень приблизительно) сохраняет андрогинатные качества. При этом тело (плоть), душа (индивидуальность) и дух (сверхиндивидуальный интеллект) находятся у такого андрогинного существа в гармонии и синтезе, ничто не преобладает в ущерб чему-то другому.

Но после 10 (условно) лет начинается важнейший процесс, в котором проявляется все бездонное отличие двух полов.

Три возраста Женщины

Девушка после 10 лет входит в период ТЕЛА. Он длится символически 20 лет (с 10 до 30). В этом периоде девушка-женщина реализует свою телесную составляющую. Ее естество отождествляет себя с тайным голосом плоти. Эта истина Традиции интуитивно

(и опытно) очевидна. Внешний облик девушки, а не ее личные (душевные) и тем более не умственно-духовные качества — вот что органично в ней и ценно. Этот плотский элемент не так прост. У тела есть свой собственный бескрайний мир смыслов (спросите любого скульптора). Вегетативный голос плоти далек от унизительной заклейменной простоты. Неважно, что языковой арсенал девушки невелик — «Хи-хи, ой-ой, да-да...». Это специфическая verboratia плоти, подъязыковый дискурс, исполненный оттенками. Тело не банально, многомерно. От 10 до 30 достоинство дамы имеет корпоральный знак.

Далее идет этап индивидуации. Тело обретает имя. Теперь у женщины есть название, повадки, аппетиты, стратегии. Ее индивидуальность пробила себе путь. Теперь она ценна именно как «Мария» или «Елена», а не как «хи-хи», «каралемелька» без имени, но в юбке. Она реализует отныне себя, свою рефлексию, свою волю, свое представление (о семье, мужчине, благосостоянии, уровне и т. д.). От телесных ощущений она способна отныне отделить свои собственные, индивидуальные ощущения. «Душа Марь-Иванна».

Еще 20 лет — достаточный срок для экзистенциальных интриг. И телесное и душевное добрано сполна, на своем веку попробовано и увидено, считай, все. 50 лет. Начало нового этапа. Новый этап — эра духа. Теперь женщина становится воплощением обезличенных нормативов. Если семья — то не только муж, но вся семья в совокупности, а она — судья и хранительница. Все чаще тянет в Церковь. Генеральша, старушка на клиросе, бабка-распорядительница. Воля разво-

площается. Она отныне надсмотрщица, с объективных позиций взирающая на треволнения душ и тел. Прекрасная, кстати, пора для женщины, если проживать ее достойно и гармонично. Далее конец. Торжественно вплывает ссохшийся аскетичный труп старухи в чаемую гавань небытия. Не надолго, не надолго... Уже трубят вовсю по ту сторону могилы широкоплечие ангелы: «Не отчаивайся, не отчаивайся!» Вы видите, как воды смерти волшебно меняют ссохшуюся старческую плоть на нездешнее упругое бледное одеяние мускулов и мослов вновь обретенной Евы? Все сначала (если, конечно, правильно прожила).

Три возраста Мужчины

Теперь стремление по ту сторону обретает имя и фамилию. Это «Дмитрий Николаевич», «Георгий Александрович». Он уже схватываем сам по себе. Способен читать газеты, уверенно, не торопясь, разглаживая полосы. Общее становится в нем частным. Семья, машина, позиция, ключи. «Георгий Александрович» на даче. До 30 лет нормальный мужчина не может быть на даче. Если он (формально) и на даче, то либо смертельно пьян, либо режет вены, либо читает Ницше, либо тщетно пытается понять, что означает «хи-хи» из уст юной леди (либо он дегенерат).

Но когда «Георгию Александровичу» стукнет 50, он поймет то, что знает любая козявка женского пола после 10, — что у него есть тело. Это открытие. Дожили. Все проведали, уже, казалось, знаем и тонкости любви, и превратности жизни, но оказывается,

что все это время разговор шел о чем-то абстрактном. Тело? Мое тело? Новый этап под этим знаком. Сусанна и старцы. Что, старцы, пока не стали старцами, не видели купающихся пловчих? Видели, оценивали, но никогда, никогда раньше все существо их не призывалось столь императивно, императорски на фронт оживающей, колышущейся, стратегически мобилизованной плоти... Сусанна — женское «я» от 10 до 30. Старцы — мужское «я» от 50 до 70. Полное соответствие. И в Традиции, и в психологии.

Tout se tient.

А после этого довершения опыта — больше нет путей, по которым имело бы смысл идти.

Два возраста Алины Витухновской

Все, что сказано выше, имеет отношение к норме. Так все обстоит в теории, которой подчиняется подлунная логика. Но ярче всего утверждают норму отклонения от нее. Вот, к примеру, Витухновская (я решил написать это эссе, отталкиваясь именно от ассоциаций, навеянных мне размышлениями над ее творчеством). Молодая женщина называет сборник своих стихов «Последняя старуха процентщица русской литературы». Что-то в этом есть. Алина Витухновская радикально права. Ее физический возраст жестко контрастирует с тем периодом, в котором пребывает ее «я». Ей бы «хи-хи, ой-ой», но мы слышим из ее уст только карканье. Ей плохо, ей больно, ей интересно, но по-старушечьи... Ее мучают, скребут... От поэзии Витухновской остается ощущение того, что ей грязно, живо и странно, но ТЕЛА у нее нет.

Возможно, она отправилась в тюрягу, чтобы прочувствовать свою по возрасту полагающуюся телесность, — но анестезия оказалась не эффектом травы. Иной возраст.

Старуха процентщица. Совершенно точно. Алина развоплощенное существо. Женщина в третьем периоде. Была. И кто сказал, что этот период хуже других?

Исследуем перверсию, своим отклонением от нормы подтверждающую чудную традиционалистскую истину, которую доказывать не надо.

Вот Алина подходит к важной черте. 30 (условно) лет. Что станет с девушкой-старухой?

УМРИ, ЛИСА, УМРИ
ПРОМОЛЧУ КАК БЕЗЪЯЗЫКИЙ ЗВЕРЬ.
ЧТОБ УЗНАТЬ, ЧТО У МЕНЯ ВНУТРИ,
РАЗЛОЖИ МЕНЯ КАК ТРЯПОЧКУ В ТРАВЕ,
И СКАЖИ: «УМРИ, ЛИСА, УМРИ».

ПОКАТИЛИСЬ ПО ЛЕСУ ГЛАЗА,
ЧТОБЫ НА СЕБЯ НЕ ПОСМОТРЕТЬ.
ТЫ СКАЗАЛ: «УМРИ, ЛИСА, УМРИ, ЛИСА».
ЭТО ЗНАЧИТ НУЖНО УМЕРЕТЬ,

ПРОМОЛЧУ КАК РЫБА И МЕРТВЕЦ,
ЧТОБ ТЕБЕ СПОКОЙНО ГОВОРИТЬ,
РАЗЛОЖИВ МЕНЯ КАК ТРЯПОЧКУ В ТРАВЕ:
«МРИЛИСАУМРИЛИСАУМРИ».

РЖАВЫМ БУДУЩИМ ПО МНЕ ПРОШЛА КОСА.
ПОЛУМЕСЯЦ ВЫНУЛ ОСТРЫЙ НОЖ.
ВСЕ СКАЗАЛИ МНЕ: «УМРИ, ЛИСА, УМРИ, ЛИСА».
ВСЕ УБЬЮТ МЕНЯ, И ТЫ УБЬЕШЬ.

Я УЖЕ НЕ СЛЫШУ ГОЛОСА.
ЕСЛИ ХОЧЕШЬ, ВСЕ ЖЕ ПОВТОРИ:
«РИЛИСАУМРИЛИСАУМРИЛИСА
САУМРИЛИСАУМРИЛИСАУМРИ».

НЕ УЗНАЕШЬ СВОЕГО ЛИЦА,
ПОПАДАЯ ВНОВЬ ВСЕ В ТОТ ЖЕ РИТМ.
ТОЛЬКО НЕ УМРИЛИСАУМРИЛИСА,
А УМРИ И САМ УМРИ И САМ И САМ УМРИ,

ПОСМОТРИ В МОИ КРАСИВЫЕ ГЛАЗА,
Я ХОЧУ ТЕБЕ ИХ ПОДАРИТЬ.
ПОМОЛИСЬ: «УМРИЛИСАУМРИЛИСАУМРИЛИСА»
ИЛИ САМ УМРИ, И САМ УМРИ И САМ УМРИ.

Я ЗАТЕМ ДАЮ СЕБЯ УБИТЬ,
ЧТОБ В ШУБИЙСТВО КУТАЯСЬ В МОРОЗ,
ТЫ БЫ СМОГ РУКОЙ ПОШЕВЕЛИТЬ,
КАК КОГДА-ТО ШЕВЕЛИЛСЯ ХВОСТ.

ПЕРЕД ЗЕРКАЛОМ ТЫ РЫЖИЙ ШЕРСТЯНОЙ,
СЛОВНО ЗВЕРЬ С ЧУДОВИЩЕМ ВНУТРИ.
ТЫ ОДНАЖДЫ ОТРАЗИШЬСЯ МНОЙ.
Я СКАЖУ ТЕБЕ: «УМРИ, ЛИСА, УМРИ».

Вот. Это совершенно новые интонации. Здесь впервые чувствуется присутствие нормального мужского начала. Ранее, как и все (эстетские) старухи, она окружала себя гомосексуалистами и студентами (оставляющими в покое ее духовное целомудрие). Теперь на нас пахнуло иным возрастом. «Разложил меня как тряпочку в траве». К ней, уже душевной, индивидуальной, уже не alien, не «отстраненной», пришел ОН. Видимо, у него было имя, нам оно безразлично. Видимо, он был широкоплечий татарин, водитель «Жигулей» (во-

дители иномарок протезы, а не мужчины). И произошел переход — от стадии духа к стадии души.

Когда мужчина видится в определенном ракурсе, как лиса, происходит окончательная магическая потеря девственного неведения о сущности пола.

Теперь абстрагируемся: легко констатировать, что Алина Витухновская развивается по логике мужской сущности — дух-душа-тело.

Точно так же, кстати, развивалась Лу Саломе. Более того, судьба всех ярких (литературно-политических) женщин воспроизводит возрастной ритм именно мужских метаморфоз. Но то, что в мужчинах естественно, в женщинах нет...

ЗУБ ШЫША БРЯНСКОГО

У Достоевского Мармеладов говорил: «А что, если идти больше некуда?» Проблема новой литературы в том, что сказать, когда сказать больше нечего. Пока этот кризис не наступил, большая литература продолжала свой рецитал, чтение и высказывание, понимание и творчество переплетались друг с другом. Не так в новой словесности. Понимание здесь развелось с творчеством. Понимать можно и прошлое и нетворческое. А творить можно не понимая (как бы икая...). Высказать сегодня нечего... Новая словесность нема. У нее нет иного арсенала, как рециклирование и насмешка над собственной стерильностью.

Шыш Брянский родом из новой словесности, мычащей, мертвой и бессмысленной. Никуда не ушед-

шей от стартового тупика. Неспособной покинуть пределы унтерменшевской рабской пустоты. В качестве такого Шыш интереса не представляет... Таковы все современные филологи.

Шыш представляет интерес с другой стороны. У Шыша есть Зуб. Уровень его экзистенции, озорно прорывающейся сквозь матерные формулы бледного постмодерна, контрастирует с ожидаемым. В Шыше есть что-то помимо новой словесности. За переливами невеселого хихиканья проступает иное качество. Может быть, Шыш не до конца «новый словесник»... Похоже, что он русский, хотя бы отчасти. И тогда природа Зуба его становится понятной. Русский человек, даже когда он дурит, духом своим припадает к животу небес, и урчание черных далей меняет тембр его визга или бормотания.

Все мы вышли из Мамлеева. Тот, кто не вышел из Мамлеева, не вышел вообще.

У Мамлеева есть повесть «Шышы» про сортирного метафизика из леса, проживавшего в общественном женском туалете в поисках абсолютного смысла. Брянский хочет быть мамлеевским персонажем. *А это меняет все, решительно все*. Значит, за Шышом маячит исход из «новой словесности», которая у него то ли инструмент (неадекватный), то ли неизжитость (надеюсь).

Маячит он *в обращении к аду*. Там, где начинается ад, там кончается постмодерн.

Ключевой диалог между новой словесностью (типа старого тупого уебища Пригова) и Зубом у Шыша вот:

Колыбель мою качала
Ольга Седакова,
И сифония звучала
Из мово алькова.
Я потом немножко вырос,
Свой нашел манера,
И завелся в мене вирус
Ростом с Люцифера.
Вот теперь я и не знаю,
Как же мене быть:
Воспарить к златому Раю
Или в Ад
пой
тить?

Начинается все с мудаков-филологов, а кончается адом. Я не берусь судить, насколько это теологически оправданно, но подтверждается фактами. На границе между ля-ля и чем-то большим спит туша Юрия Витальевича. «Вирус Шыша ростом с ...» — очень правильная вещь. С нее стартует бег...

Шыш не ограничивается свидетельством покидания колыбели. Он описывает нам опыт мудацкой инициации, как житель общественной уборной вошел в него.

Я знаю — я буду в Аду
Заслуженный деятель искусств,
Мне дадут золотую дуду
И посадят под розовый куст.
А если Деявол, хозяен всего,
На меня наедет: «Хуево дудишь!» —
Снидет Бог и скажет: «Не трогай его —
Это Мой Шыш».

Это говорит Зуб, и мы слышым и радуимся ему... И чем больше слышым, тем больше радуимся...

Я хотел написать о сборнике стихов лауреата, а вышло эссе о Небе...

Юрий Никулин из ада.

ПСОЙ КОРОЛЕНКО: ПРЕОДОЛЕНИЕ ФИЛОЛОГИИ ИЛИ ИСПРАВЛЕНИЕ ИДЕНТИЧНОСТИ

Когда я услышал впервые имя «Псой Короленко», мне оно страшно понравилось. И я не разочаровался в этом. Я вначале послушал фрагменты его песен. И они мне понравились. Потом прочитал несколько его эссе. Они были превосходными. Потом я зашел на его сайт www.shtetl.ru и был искренне очарован всем тем, что я там увидел.

Недавно Псой Короленко подарил мне свою книгу вместе с целым CD. И вот это уже превзошло все предыдущее. До этого была просто искренняя симпатия. От пластинки я пришел в настоящий восторг. Это редчайшее, что сегодня можно и нужно слушать. Поэтому я решил записать импрессии.

Филологический ледник

Вкус формируется от ассимиляции культурных кодов, нюансированного осознания парадигмальных матриц, от фундаментального лингвистического и филологического труда. Филолог — пролетарий. Он раздавлен грузом смысловых игр и сетей, он лишен инст-

рументов производства, он как бы под языком, а не в языке. То, что филолог, а сегодня каждый интеллигентный человек филолог (в противном случае он мудак), знает о языке, заставляет его молчать. Ведь, затронутый метаязыком, он уже ничего не может сказать «просто так», любое высказывание для него деконструируется само собой — возвращаясь в ту живоносную семантическую ткань, откуда его без труда вырывает любой придурок. Любой придурок вырывает, а филолог боится, сшибленный с ног открывшимся ему ослепительным весом игр обозначаемого и обозначающего. Вкус — это филология.

Псой Короленко — филолог. Профессионально и по устройству своего мозга. С языком он имеет юридически закрепленные отношения, и диплом не куплен.

Действие номер два

В принципе и этого было бы достаточно, и, оставайся бы его творчество чистым филологическим экспериментом — т. е. развертыванием параферналий лингвистической осведомленности, — я бы с удовольствием написал о нем благожелательное эссе. И был бы Псой уже молодцом. Но он не просто молодец, он дважды молодец. Ведь он совершает действие номер два.

Действие номер два — это дерзкий и бесконечно опасный опыт свободного высказывания — высказывания того, что ранее никем не высказывалось.

Тут тонкость. Обычный человек, нефилолог, думает, что его речь проистекает из него самого, рож-

дена им и живет по-настоящему. То есть обычный человек, нефилолог, не совершает действия номер один. А действие номер один, если я забыл сказать об этом чуть раньше, состоит в том, чтобы расстаться с этим невежественным предрассудком. Именно акт такого расставания делает филолога филологом и одаряет человека вкусом. Дело в том, что любое «спонтанное» высказывание есть исполнение простейшей механической программы, не имеет ничего личного, полностью запрограммировано заранее, отчужденно и по сути мертво. Поэтому нефилолог является идиотом, принимая мертвое за живое, запрограммированное за спонтанное, совершенно не свое и абсолютно безличное за уникальную частную собственность. Филолог же все понимает правильно и не имеет более иллюзий на сей счет. «А ты, поэт, пошел за ней вослед и получил (тут очень тонкая пауза. — *А. Д.*) на свой вопрос ответ: лишь посмотрел в лицо ее, увидел и сразу умер, сошел с ума!» («Невский проспект».) Человек ничто, структура все.

«И после этого, и после этого прошло веселие, и после нет его...» («Бабушка сказала».) Вот оно, кристально точное описание Псоем Короленко процесса становления вкуса.

Но тут-то и приходит действие номер два, если вы внимательно следите за тем, что я вам рассказываю. Как бы понятнее выразиться? Вот то, что делает Псой Короленко в своих песнях, — это и есть действие номер два. Купите его музыку, послушайте и сами все поймете.

Он выкрикивает, мурлычет, вздыхает, выскрипывает, выхохатывает то, что вырывается из плена

структур, выползает на новый уровень, отчаянно разрывает кандалы контекста, но и вытаскивает контекст за собой. Псой Короленко *поет не на языке, но на метаязыке*. Но это остается (становится) песней. Песней для того, чтобы петь ее и слушать ее.

Псой выходит из филологии, ассимилировав ее принципы. И вначале он растерян. Он везде видит ее следы, но он уже как-то надрывно весел, он вышел, идет, ужасается, но идет. Идет и поет:

Куда ни глянь,
Куда ни выйдешь — глядь!
Все выйдет дрянь,
Везде увидишь блядь,
Огни горят — все куда-то манют,
И всяк, обманут,
Идет гулять. («Невский проспект».)

То есть «обманут», но все равно идет. И не так важно, что чуть дальше — «пошел за ней — а там тебя поймали», ну и получил, соответственно. Это не столь важно, важно, что Псой Короленко запел. Запел — это как бы прозрел — причем второй раз, перейдя от изысканности лунной перцепции к солярной агрессивности, столь редко известной умным людям и столь пародийно транжируемой безвкусными и малокомпетентными дураками.

И хотя он поет еще про «дерридерридерриду», но ведь поет же. И его «трупка-трупочка», при которой есть, оказывается, «огромный табачок», начинает фундаментально посапывать — так пробуждается жизнь идеи, тихо посапывая на самом дне сознания.

Псой Короленко замечателен везде. И везде пара-

дигмален. Неважно, получилось ли у него что-то в данном случае или нет. Я считаю, что, когда человек набрал определенное количество онтологических шариков, он уже по определению не способен насобачить чего-то не того. Есть момент, когда человек просто оказывается на одну ступеньку над критикой — любой, и умной и глупой, и пристрастной и взвешенной. Псой уже на полступеньки над ней. И едва ли сможет провалить начатое, как бы он ни сорвался. Теперь это сделать будет непросто, даже если сам захочет, придется обрушивать все.

Но есть у него стихи, интонации и мелодии по-настоящему трогательные. Например, про смерть Пушкина: «Это Черная Речка, oh yeah... Меткий выстрел в сердечко, oh yeah... Чтоб болело оно, чтобы помнило нечто — любовь быстротечна, а смерть бесконечна, oh yeah...»

«А смерть бесконечна, oh yeah» — это гениально. «Эротический список» абсолютных находок в ходе псоевского действия номер два можно продолжать и продолжать. Там, где *он освобождается от филологии, он освобождает филологию*, спасая язык от его предопределенности.

И в какой-то момент пение-хождение становится пением-полетом.

И улетим мы вдаль,
Вдаль улетим вдвоем, вдвоем,
Туда, где будет Бим, туда, где будет Бом,
Мы улетим, и мы споем,
Мы улетим, и мы споем.

И тут я, не выдерживая, сказал бы: Псой и его

творчество «c'est ce que j'ai voulu, Voila!»

Идишкайт

Теперь другой аспект. Он, наверное, не менее важен, так как *сила Псоя Короленко в том, как он решает сложнейшую проблему идентичности*. Это настолько серьезно в его случае, что мы вправе сомневаться: что первично в нем, филология или этно-идентичность? Что служит средством чему?

Сам Псой последовательно и сознательно выстраивает абсолютно честный и осознанный баланс между тем и другим. *Он берет в качестве личной оси идиш, как язык, как этнический маркер, как свой базис*. Неважно, что он признается в своих эссе в искусственности такого выбора, идиш он учил с нуля в зрелом возрасте. Но это тем не менее есть совершенно конкретный и превосходно исполненный поиск корней. Поиск и обретение.

В эпопее с www.shtetl.ru этот момент был четко описан. Иврит, восстановленный в современном Израиле (да и сам Израиль), искусственно формирует теологическую идентичность, холодную и отвлеченную. Он в некотором роде *отменяет* опыт галута (рассеяния евреев), признает его исчерпанным, «снятым» (в гегелевском смысле). Тут действует абстрактная схема: еврейская история проживания в гойских культурах и «трефных» царствах закончена, и отныне еврейство должно интегрироваться в новую теолого-филологическую матрицу, ранее практиковавшуюся лишь в богослужебном обиходе. Но это на практике дает отрыв от корней, отход от конкретной еврейской иден-

тичности (для восточноевропейских евреев-ашкеназов это, безусловно, идишкайт) ради идентичности абстрактной. Далее следует добавить к этому парадигму современности (в своих эссе Псой Короленко называет ее по песенно-филологическому «моденити»), в которой также еврейство существенно растворяется, и разнообразие этно-исторического опыта евреев, живших *вне идишевской среды*, глубоко аффектирует израильское общество. Таким образом, культ идишкайта, причем преподанный у Псоя в очень живом и осмысленном (по-настоящему веселом и по-настоящему грустном) ключе, оказывается полюсом идентитаристской оппозиции внутри еврейства в отношении неоизраильского национализма = космополитизма = универсализма. Возврат к корням — это возврат к штетлу, к культуре местечек, к духу хасидизма и удивительной синкретической культуры, созданной еврейством в пространствах Восточной Европы в живом и упругом общении с окружающими христианскими народами (чаще всего с немцами и славянами).

Псой в своей поэзии, в своем песенном делании утверждает заново *еврея как этническую личность*, как вполне определенную и ни с чем не сопоставимую психологическую сущность, живущую в языке, в интонациях, в специфическом *идишевском прочтении* иных языковых и культурных контекстов. В этом настоящий подвиг Псоя. Он рисует в своем творчестве и в своей — волюнтаристически сконструированной — личности *идеальный архетип этнического еврея*. Псой как еврей поет не только на «мамелошн», он поет как «ид» на русском, французском, английском, непонят-

но каком, придуманном языке. Он не гебраизирует лингвистическое поле, он его *идишизирует*. И флексии, префиксы, междометия, артикли разных индоевропейских языков начинают читаться и ресемантизироваться в ткани *абсолютного идиша*. Идиш-версия Пушкина, идиш-версия американского слэнга, идиш-версия французского символизма, идиш-версия русского архаического фольклора, идиш-версия англосаксонской телемитской магии, идиш-версия церковно-славянских псалмов, идиш-версия советского «минимального гуманизма», идиш-версия русско-еврейского блатняка.

Что так позитивно шокирует в таком подходе? Что делает Псоя исключительным *солнечным евреем*? То, что такой подход чрезвычайно, невероятно редок. Наши евреи, к сожалению, привыкли постоянно косить, прятать куда-то свою идишкайт, выдавать себя не за тех, кто они есть. То они «русские», то они «западные», то они «цивилизованные», то они «универсальные», то они «американские», то они «права человека», то они «свободный рынок», то они вообще «не пойми что», но с претензией на все сразу. Боятся любой определенности, пытаются просочиться, ускользнуть, а потом, собравшись, внезапно и коварно вдруг навязывают всем остальным свою железную волю, а как чуть что случись, они опять «не пойми кто» и «не пойми где». А вот Псой Короленко совершенно не таков. Он еврей так еврей, уж всем евреям еврей. Ибэр-ид. Он поет по-еврейски, ест по-еврейски, смеется по-еврейски, спит по-еврейски, любит по-еврейски. «Люби меня аф идиш... Ой-вэй...» И это впечатляет. Вся солнеч-

ная скрытая железная мощь еврейского духа, в котором Ницше справедливо видел безмерную и жесточайшую волю к власти, у Псоя выходит на поверхность, перестает скрываться, развертывает плечи. И даже если Псой поет: «Esn est zikh, trinkn trink zikh» и бесподобное «Я-ба-бай-бай, я-ба-бай-бай, я-ба-ба-ба-ба-ба-ба-бай-бай...» — это звучит гордо, зло и угрожающе.

Псой знает, чем рискует. Он имеет опыт настоящей, звериной, креационистской еврейской тоски. «Вам весело вапще?» — с добродушным подвохом спрашивает он публику. «А не должно быть весело». Да, не должно быть. Это правда. «Значит, будет день похож на ночь, и ничто не сможет нам помочь», — предупреждает Псой в «Грустной песенке».

Угрожающе:

> Может, свечи надобно зажечь, но под вечер
> нету больше свеч...

Слабая надежда:

> Значит, будут вечером огни...

Но нет, все на самом деле фатально:

> Где все люди? Не придут они.
> Все следят за собственным дело́м,
> все следят за собственным тело́м.

Это похоже на ламентацию бесплотного духа, который никак не может найти прибежища, — как главный герой в гениальном фильме Раппорта «Диббук», бродящий по кладбищу, — полувлюбленный, полу-

призрак, полухасид...

Идишкайт — да, сказанное своему «я» открыто и бесстрашно, это чрезвычайно тяжелая и страшная акция. Потому что, *беря на себя конкретную идентичность, Псой берет на себя всю тяжесть земли*. Он верен земле, верен духу штетла, а значит, он становится тяжел и ценен, глубок и страшен — себе и другим.

Псой ищет спасения в моделях юродства, столь дорогих коренному идешкайтскому хасидизму. Отсюда его «Ведь ябнутым все можно». Да, можно, но только по-настоящему и серьезно «ябнутым»; «полуябнутым» нельзя. Ничего нельзя.

Но без ужаса нет наслаждения, а без горечи — истины. И ужас Псоя, и его горечь мягко переходят в хорошее и спокойное настроение. Еврейское настроение. («Слезы посеешь — пожнешь веселье».)

Важно: Псой — утрированно и чрезмерно настаивающий на своем еврействе, идиш-еврействе, «мамелошн»-еврействе — настаивает на своей *особенности*. Он отходит от других и показывает им знак. Я — такой (мы, а ид, такие). Ты — другой (вы, гоим, другие). И уже больше нет: мы такие, как все (с тайной мыслью — «только лучше вас»). Напротив, открыто: «Мы не такие, как все, мы — евреи», и это звучит по-еврейски. «И у нас есть свои еврейские координаты, которые идут в своем еврейском, направлении, и не ваше дело, в каком именно, в еврейском, сказали, и все. И икс у нас еврейский, и игрек. И ноль еврейский, и не ноль. И мы смеемся по-еврейски и по-еврейски злимся и плачем».

От из а праздничек, фрэйлихер праздничек,

Дер гитэр ентев фар дир.

И здесь происходит самое главное. Простите за выражение, «евразийское». Как только Псой говорит, что он — еврей и будет теперь петь обо всем как еврей, т. е. не так, как нееврей, и не так, как «общечеловек», не так, как «Сергей Адамович Ковалев» или «Алексей Венедиктов», а именно как еврей, и точка, с позиции не «здравого», а еврейского смысла, пусть и покажется он кому-то больным, а не здравым смыслом (плевать на такого умника), именно в этот момент Псой-еврей становится полноценным, полноправным, полнокровным, полносердечным и полновеликим человеком среди народов мира. Восходя к народу, к своей сокровенной идишкайт, Псой получает полное право голоса на ассамблее народов. Он не крадет это право, не выуживает его исподтишка, не покупает, он его берет. Как мужчина берет женщину — цепкой рукой и гладкой щекой. И она только радостно и пронзительно от этого стонет.

Сказав, что он — еврей, Псой получает основание быть кем угодно. Он может судить о русской литературе и постмодернизме, о французской поэзии и парадигмах архаического фольклора, о ресторанной лирике и Иве Монтане. Он может рассуждать о фашизме или против фашизма, размышлять о православии и писать диссертации о финской грамматике. И все будут это слушать, и читать, и обсуждать, и критиковать, и восхищаться, и ругаться. Тут я вижу, как не-Псой навострил свои ушки, скривил губки: «А что же-таки, если еврей не говорит и всячески не акцентирует, что он таки еврей, то он не имеет права делать все это?» Я беру на себя смелость ответить: «Не име-

ет!» *Псой имеет, а не-Псой не имеет.* Потому что только солнце имеет право, а несолнце — это энтропия, еще с ней не хватало вступать в договорные отношения: вы — предрассветные сумерки, а не «общечеловеки». Есть только еврейские человеки, русские человеки, французские человеки, африканские есть человеки, и арабские, и чеченские, и татарские, и немецкие. *Человек — это тот, кто имеет этническую идентичность.* А дальше он свободен. Ну почти.

«Не убивай, не воруй, не наябывай, так повелось испокон, и никогда не клянись, а уж если поклялся, то слово держи, а в остальном наше правило — делай что хочешь, таков есть закон, все остальное приложится, если по правде живешь, не по лжи». («Жить не по лжи».)

Умный

Теперь сводим воедино все дорожки: восторг от поэзии и музыки Псоя Короленко, изящество и дерзость в преодолении филологии и глубочайшее удовлетворение его мужественной солярной этно-идентичностью, его восхитительной идишкайт. Не много ли для одной личности? Особенно когда и крупиц всех этих замечательных качеств мы не находим почти нигде?

Наверное, существует закон компенсации гениальности. Я в другом месте уже цитировал случай с Головиным, нашедшим на полях французской алхимической брошюры заметки русского читателя XVIII века: «Все в России дураки, один я умный. Читай

трактат Сандивогиуса-сына „О Соли“».

КАЗНЬ ВОРОВСТВА

(антикопирайт Михаила Вербицкого)

Концепция «автора» появилась вместе с наступлением «буржуазной антропологии». Вместо человека как маски (персоны) появился человек-индивидуум, человек-атом. До этого, меняя имя, человек менял себя. А еще чаще он выступал как проявление более общего начала, связанного с антропологической стихией метафизической идеи. Например, крестьянин он и есть крестьянин... Имя он обретал в Церкви как крещеный крестьянин, профессия его определялась традициями, жизнь — обрядами и инстинктами, и мир был чудесным, полным неожиданностей, золотой крови, ядовитых трав, угловатых бровей и полных лун.

Рыцарь он и был рыцарем, вспарывал животы и украшал доспехи перьями и дамскими перчатками, а изнутри била общая воля, великая страсть, сладостный мрак действия... И как его звали, было все равно... Все, что он совершал, совершало нечто иное, нежели он... Средневековье понятно только из тамплиерского «Non nobis, Domine, non nobis...» Об этом все сказано. Человека как такого нет, есть человеческое, и его содержание есть самопреодоление.

Творчества нет, есть открытость внутренним ветрам и ярость к внешним преградам. И творец есть медиатор стихий. Либо медиатор стихий, либо полное дерьмо. Но стихии не принадлежат никому. Только тот вор, кто объявляет собственность на работу стихий. Он вор заведомо, и ему следует отрубать руку — пусть

не по локоть, только пальцы. Все держатели копирайта — воры. Труд есть стихия всеобщего братства. Война ли, разрушающая вещи, мир ли, вещи созидающий, — это дело всех. У каждого есть только одно — трудись и ликуй, пока вращается колесо бытия... Все принадлежит всем. Не когда-то потом — здесь и сейчас. Иначе никогда и не было. Отдай немедленно свою ложку... Она носит на себе знак абсолютного ужаса. «Твое» и «мое» не существует. У кражи нет юридического обоснования, и наоборот, если кража ложится в основу закона, то такой закон — закон воров.

Антикопирайт Миши Вербицкого обаятелен своей доказательностью и умеренностью тона. Вербицкий подкупает тем, что молнии вибрирующей онтологии выдает обстоятельно и развернуто, имитируя аргументированность и насыщая информацией. Так начинается буря... Легкая серость края небес, первая нервозность волн...

Те, кто придумали копирайт, соблюдают его, защищают его, стоят на страже малиновой смерти, расфасованной по брикетам отпущенного нам существования. Это не фокус зла, но внимание к любой точке шкуры зла делает ее фокусом. Самое ли это уязвимое место? Не берусь выносить суждения. Меня радует сам вектор... Даже если это не самое главное и не самое эффективное, каждый, кто встает на нашу сторону, учится наносить удары и сохранять вертикальное положение среди руин, достоин максимального уважения.

Наша задача взять буржуазию в клещи — и справа (традиционализм) и слева (социализм-анархизм). Ка-

кая разница — почему, собственно, буржуа должен умереть? Здесь мы начнем бессмысленные споры. А в том, что он должен умереть, мы согласны. Конечно, лучше сделать еще один шаг и утвердить за пределом негации новую блистательную аффирмацию — где повенчаются не догмы, но интуиции... Но это — цель. Не сушей, не морем, однако...

Антикопирайт Вербицкого это cri de guerre очень интересного явления — в современной России, оказывается, есть те, кто способен прочесть и применить к актуальности гошистский импульс. Уже на родине гошизма полный штиль, а кто-то в Москве помнит, понимает, мыслит... Вербицкий — настоящий современный российский левый. Они могут быть только такими, все остальные издания будут недоразумением. Как и Хаким-бей, Вербицкий свидетельствует: «Левое подошло к теме онтологии и традиционализма, впереди система тонких слияний». Это чувствуется в «Антикопирайте», хотя напрямую и эксплицитно это не развито. Так еще интереснее — у свободной экзегетической работы остается достаточная полоса свободы.

Вы не сможете квалифицировать книжку Вербицкого и не измениться. Поэтому вы насупитесь, начнете неуклюже шутить, дрожь пробежит по щеке, губы слегка скривятся. Поэтому вы не станете ее читать. Читать ее действительно бестолку, если вы не умеете стрелять из рогатки.

Часть VIII

ПОСТМОДЕРН: ПРОБУЖДЕНИЕ ТИТАНОВ

ПОСТМОДЕРН?

Актуальное избегает дефиниции

Последние десять лет выражения «постмодернизм», «постмодерн» употребляются настолько часто, что становятся банальными, привычными и бессмысленными. Однако содержание этих терминов остается предельно расплывчатым. Согласия нет ни у критиков, ни у художников, ни у искусствоведов, ни у философов. Отсутствуют точные дефиниции, объект определяется скорее интуитивно, схватывается приблизительно. А так как постмодерн нарочито стремится быть двусмысленным, аллюзивным, гипероничным, рефлексивным сразу на нескольких уровнях, то ускользание явления от фиксированной расшифровки становится одной из его базовых характеристик.

Собственно, это не ново. Любой процесс, который не закончен, не завершен, пребывает в развитии, с необходимостью предстает противоречивым, многоплановым, неопределенным. Даже этимологически это очевидно — неопределенен, так как еще не достиг предела, не обнаружил своей цели. Он еще жив и органичен, может сбиться с кажущейся отчетливой траектории и всех удивить. Расплывчатость

определения «постмодерна» — явное свидетельство его актуальности.

Но это недостаточное основание для того, чтобы отказаться от любых попыток выяснения, чем он на самом деле является.

Несколько цитат

Для того чтобы продвинуться в исследовании нашей темы, приведем несколько выдержек из классического анализа этого явления. Вот как характеризует постмодерн Ихаб Хассан, теоретик американской контр-культуры («Die unvollendete Vernunft: Moderne versus Postmoderne»):

1. Неточность (благосклонность к двусмысленностям, цезурам, соскальзываниям).
2. Фрагментация.
3. Де-канонизация.
4. Утрата «я» и «внутреннего мира».
5. Не-презентабельность и не-репрезентабельность.
6. Ирония (проистекающая из перспективизма, а тот, в свою очередь, — из много-значности).
7. Гибридизация.
8. Карнавализация (аналогичная гетероглоссии Рабле или Стерна и тождественная центробежной полифонии, веселой многоцветной релятивности).
9. Перформанс и соучастие (энергия в движении).
10. Конструкционизм, что подразумевает, что мир не дан нам раз и навсегда, но является процессом не-

прерывной генерации множества конфликтующих между собой версий.

11. Имманентность, интертекстуальность всякой жизни, являющейся связкой сопряженных значений.

Основные правила постмодерна, по Чарльзу Дженксу, одному из лучших современных историков архитектуры («Die Postmoderne»), таковы:

1. Вместо гармонии, к которой стремился Ренессанс, и интеграции, к которой стремился модерн, постмодернизм настаивает на гибридном искусстве и архитектуре, характеризующихся «диссонантной красотой» и «дисгармоничной гармонией». Больше нет совершенного ансамбля, где ничего нельзя отнять или добавить без того, чтобы эту гармонию не нарушить, но во всем — «трудные ансамбли» и «дисперсные единицы». Должны быть трения различных стилей, удивляющие наблюдателя расколы, синкопированные пропорции, фрагментированная чистота и т. д.

2. Постмодернизм предполагает политическую и культурную плюральность; необходимая гетерогенность массовых обществ должна просвечивать через постмодернистские здания. Нельзя допускать преобладание какого-то слишком доминирующего стиля.

3. Постмодернизм предполагает элегантный урбанизм. Элементы традиционного урбанизма, т. е. улицы, аркады и площади должны быть реабилитированы, учитывая новые технологии и транспортные средства.

4. Возврат к антропоморфизму — элемент архитектуры постмодерна. Человеческое тело снова обретает свое место в декорации.

5. Континуальность и принятие прошлого, анамнез. Воспоминания, реликвии включены в постмодернистские конструкции, понимает ли публика их значение или нет.

6. Живопись постмодерна акцентирует нарративный реализм, натюрморты и пейзажи.

7. Постмодерн означает «двойное кодирование». Каждый элемент должен иметь свою функцию, дублирующуюся иронией, противоречивостью, множественностью значений.

8. Коррелят «двойного кодирования» — многозначность. В этом проявляется отказ от интеграционного минимализма «высокого модерна».

9. Воспоминания и ассоциации идей должны обогащать всякое постмодернистское здание, в противном случае оно будет покалеченным, ограбленным.

10. Постмодерн предполагает вступление новых риторических фигур: парадоксов, оксюморонов, многозначимостей, двойного кодирования, дисгармоничной гармонии, комплексности, противоречивости и т. д. Эти новые фигуры должны служить тому, чтобы сделать присутствующим отсутствие.

11. Возвращение к отсутствующему центру. Архитектурный ансамбль или произведение искусств исполняется таким образом, чтобы все элементы были сгруппированы вокруг единого центра, но место этого центра пусто.

Терминологические вопросы, что за ними прячется?

Еще в 1987 году на первой волне дискуссий о «постмодерне» Вольфганг Уэлш[1] в своей книге «Unsere postmoderne Moderne» попытался показать генеалогию явления. Уэлш стремится сделать ряд разграничений между собственно «постмодернизмом» и параллельными ему явлениями, такими, как «постистория» и «постиндустриальное общество». На самом деле, даже при том что тезисы Уэлша в чем-то обоснованны, они явно не покрывают всю полноту данного явления, и строгое размежевание, на котором он настаивает, оказывается явно преждевременным. Напротив, даже с точки зрения лингвистики приставка «пост» явно во всех трех случаях не случайна и на самом деле объединяет эти три явления, которые, не будучи синонимами, параллельны и взаимосвязаны.

Теория «постистории» развита и впечатляюще изложена Жаном Бодрийяром. «Постисторией» Бодрийяр называет такое состояние общества, в котором актуализированы все исторические потенциальности, а следовательно, невозможно никакое подлинное новаторство. Единственным настроем остается горечь, цинизм, пассивность и серость. Движение мира, по Бодрийяру, достигает конечной стадии, определяемой как «гипертелия», когда возможности полностью нейтрализуют друг друга, порождая повсеме-

[1] Данные соображения о постмодерне основаны во многом на экспозиционной статье Робера Стойкерса «Генезис постмодернизма» (Vouloir. № 54–55).

стное «безразличие», «индифферентность», превращая нашу цивилизацию в гигантскую машину, «мегамашину», которая, в свою очередь, окончательно и бесповоротно «гомогенизирует» все типы «различий», порожденных жизнью. Так текстура мира, заключающаяся как раз в производстве «различий», перетекает к фазе производства «безразличия». Иными словами, диалектика дифференциации опрокидывает свою основу и производит индифферентность. Все уже в прошлом: вера в утопии, надежды на лучший мир, поющее завтра... Происходит только одна и та же процедура: бесконечное клонирование, раковая пролиферация, напрочь лишенная всякого новшества, «непристойность ожирения». Постистория не порождает и не снимает больше противоречий, но поглощается экстазом нарциссизма.

Бодрийяр пессимистичен. Он уверен, что основной чертой постистории является утрата веры в утопию. Этот же критерий он применяет к постмодернизму, к эпохе постмодерн. Постмодернистский активизм — лишь тупиковое самообольщение нарциссизма, утратившего последние останки жизни и творчества.

Уэлш пытается опровергнуть Бодрийяра, утверждая, будто тот не понял позитивной стороны постмодерна. Но от этого диагноз Бодрийяра не становится менее убедительным. Если постмодерн и отличен от постистории, все равно это не отменяет их синхронности. Они существуют одновременно и параллельно. Постистория — факт. По меньшей мере она создает исторический экзистенциальный и культурный фон постмодерна. Можно признать отличие постмо-

дерна от постистории, но нет никаких оснований для того, чтобы их противопоставлять. Скорее напротив, между ними так много общего, что они напоминают близнецов. Далее мы поймем, какие могут быть реальные основания для подобного разграничения. Пока же просто зафиксируем возможность такой терминологической поправки.

Далее Уэлш предлагает отделить постмодерн от постиндустриального общества, ярким теоретиком которого является американец Дэниэл Белл. Белл — убежденный технократ и считает, что постиндустриальное общество является такой стадией развития производственных отношений, когда все исторические социально-экономические противоречия снимаются за счет развития техники. Переход от машинных технологий к технологиям информационным, по мнению Белла, сводит на нет противостояния труда и капитала, эксплуататоров и эксплуатируемых, власти и населения. «Открытое общество» Поппера реализуется на практике, впервые в истории происходит тотальная рационализация социального и производственного бытия человечества. Дэниэл Белл рассматривает постиндустриальное общество как совершенный идеал и высший позитив. Как «конец истории». Единственной преградой для реализации этого идеала Беллу видится культура. Сфера культуры основана, согласно ему, на логике, отличной от дуальной модели рационального функционирования, а следовательно, рано или поздно обострится главное противоречие постиндустриального общества — противоречие между монолитной и универсальной логикой рациональной

технократии и сферической, плюральной и а-рациональной логикой культуры. Таким образом, Белл приравнивает культуру к «субверсивной» реальности, самим фактом своего существования угрожающей беспрепятственному функционированию постиндустриальной «идиллии» тотальной технократии. Но эта оппозиция может не перерасти в открытый конфликт или катастрофу. Если постиндустриальное общество — мегамашина банков, рыночных механизмов и информационных технологий — сумеет «рекуперировать» культуру, превратить ее в потребительский продукт, в гаджет, в элемент своей замкнутой технократической игры, ее подрывное содержание будет сведено к минимуму или вообще к нулю.

Представив себе такую успешную операцию, мы получаем картину, строго тождественную «постистории» Бодрийяра. Иными словами, постиндустриальное общество породит совершенную постисторию в том случае, если сумеет избавиться от вызова культуры.

Чем же отличается «постмодерн» Уэлша от этих двух уровней — от постиндустриального общества и постистории? Уэлш приводит в качестве основного критерия «оптимизм».

Смутное определение. Чей оптимизм? Оптимизм по какому поводу?

Здесь мы вынуждены обратиться к «новым правым», которые с энтузиазмом приняли сторону Уэлша. Они-то и объяснят нам истоки столь упорного желания выделить постмодерн в самостоятельную категорию.

Оптимизм постмодерна

На вызов «постмодерна» одними из первых среди интеллектуалов, причем с совершенно позитивным и оптимистическим отношением, откликнулись европейские «новые правые» — Армин Мелер, Ален де Бенуа, Робер Стойкерс и т. д. Это вполне логично. Им показалось, что они «пересидели модерн», т. е. оказались современниками той эпохи, когда наконец кончилась безраздельная доминация принципов и теорий, остававшихся на протяжении долгого времени неприемлемыми для «консервативных революционеров», отвергавших «современный мир», постулаты Нового Времени. Против концепции постмодерна выступили многие последовательные гуманисты, в частности Хабермас, который распознал в этом «болезненный удар по великому проекту Просвещения». И естественно, симметричные (но с обратным знаком) реакции не могли не проявиться со стороны извечных противников Просвещения, «новых правых».

Робер Стойкерс убедительно показал, что в постмодерне увидели свой шанс представители той традиции, которая возникла несколько веков тому назад в качестве альтернативы картезианству и его проекту «mathesis universalis», предполагавшему полную рационализацию социального существования и, в частности, предельную униформность архитектуры. Эта тенденция т. н. Gegen-Neuzeit, «контр-модерн», восходит к 1750 году, когда Руссо в своей речи раскритиковал механицизм Декарта, а Баумгартен в своей «Эстетике» потребовал «эстетической компенсации» нарастающе-

му рационализму. От Вико и Руссо до Бодлера, Ницше и Готтфрида Бенна «контр-модерн» не ослаблял своей жесткой позиции относительно картезианского идеала. И последние наследники данной линии, как им казалось, дождались наконец своего часа, т. е. того момента, когда пафос модерна оказался полностью исчерпанным (причем это стало очевидно не только его противникам, но и его сторонникам). Отсюда оптимизм «новых правых» при трактовке темы постмодерна и стремление поддержать дефиниции Уэлша и других теоретиков, начиная с Амитаи Этциони, автора работы «Активное общество», где впервые употреблен сам термин «постмодернизм». Любопытно, что практически тождественный анализ содержания термина «постмодернизм» предложил и «новый левый» — Жан-Франсуа Лиотар, увидевший в данном явлении возможность преодоления механицизма и картезианства[1]. Этот факт означает, что не только «новые правые» имели основание для акцентировки положительного потенциала постмодернизма, вытекающей из специфики их собственной интеллектуальной преемственности «консервативной» традиции Gegen-Neuzeit. Мобилизованы были также и те левые мыслители, которые критически относились к современности с совершенно противоположной позиции, рассматривая картезианство как «рационалистический тоталитаризм» и типологическую основу «фашизма».

Как бы то ни было, намечается явная тенденция со стороны отдельной группы интеллектуалов, имевших

[1] Уэлш называет себя учеником и последователем Лиотара.

претензии к «модерну», взять постмодернизм как позитивный инструмент для утверждения своей собственной истины в тех условиях, когда противоположная и ненавистная им позиция теряет видимость абсолютности, начинает раскачиваться, ставиться под сомнение, утрачивать убедительность и очевидность. Если в отношении «новых правых» их робкий оптимизм может быть определен вышеприведенной фразой — «пересидели модерн», то в случае «новых левых» уместно иное определение — «перепрыгнули тоталитаризм, заключенный в модерне», «сделали последний шаг к совершенной свободе». К этой «новой левой» линии оптимистического постмодерна примыкают и Фуко, и Делез, и Деррида, которые — каждый по-разному — видят в данном явлении измерение «новой свободы». Фуко — в последний период, характеризовавшийся разрывом с структурализмом, — усматривал в постмодерне окончательный разрыв с «универсалистской парадигмой», т. е. со всеми эпистемологическими и идеологическими нормативами, которые претендовали на монополию, знание единого «кода» реальности. Взамен этого Фуко провозглашал начало эры нагромождения «различий», полную фрагментацию реальности, переход к высвобождению сущностной гетерогенности, несводимости вещей и существ.

Жиль Делез развил свою концепцию «ризома», кишащего хаоса непредвиденных наложений разнообразных эволютивных и инволютивных цепей. От лейбницевской «монады» Делез перешел к теории «номада», «кочевого блуждания реальности» по лаби-

ринтам витальных эшелонов, несистематических и неожиданных различий и синтетических симультанностей. У Делеза нагляден вполне «левый» оптимизм «освобождения хаоса».

Деррида обнаружил в том же явлении новые пути «дифференциации», которые отныне обладают не статически музейным, но динамическим характером, так как не могут быть постулируемы и классифицируемы.

Любопытно, что всех этих «оптимистов постмодерна» Хабермас, верный «диалектике Просвещения», обвинил в ренегатстве и чуть ли не в фашизме, верно подметив, впрочем, совпадение энтузиазма у «новых правых» и «новых левых». Сам же он готов, скорее, причислить себя к «ортодоксальным левым», отрицающим постмодерн как угрозу возврата к премодерну. Но именно этот возврат действительно имели в виду Мелер, де Бенуа и Стойкерс, тогда как мысль постмодернистов с «нового левого» фланга обнаруживала, скорее, тревожный виток абсолютного нигилизма.

Итак, подведем предварительные итоги. Существует оптимистическая версия постмодерна, основанная на традиции отрицания (или преодоления) модерна. Если эта традиция представлена как непрерывная линия у некоторых современных теоретиков «консервативной революции», то в случае «новых левых» она воплощается, скорее, в тенденции к «прогрессивному скачку вперед», за рамки развития, имманентно присущие эпохе модерна и распознанные как ограничительные рубежи. Поэтому существует тенденция противопоставлять «постмодерн» как проект, как интел-

лектуальное усилие, как «озарение», как стиль, как «активность» иным модальностям ультрасовременной эпохи, которые, в свою очередь, определяют пассивную, фоновую, «негативную» реальность, воплощенную в соответствующих концептах «постистории» и «постиндустриального общества».

Теперь все эти три понятия могут быть иерархизированы. Если рассматривать постмодерн как явление синонимичное и «гомологичное» постистории (Бодрийяра или Фукуямы) и постиндустриальному обществу, то мы можем говорить о «пассивном постмодернизме», «фоновом постмодернизме», «пессимистическом постмодернизме». Такой «постмодернизм» строго совпал бы с культурой, полностью рекуперированной технократическим гиперкапиталистическим проектом постиндустриального общества (об этом выразительно писал Арнольд Гелен). Совершенно очевидно, что нечто подобное явно существует и, быть может, является наиболее выразительным и бросающимся в глаза элементом нашей эпохи.

Впрочем, есть тенденция, напротив, разделять постисторию и постиндустриальное общество, с одной стороны, и собственно постмодернизм, с другой, рассматривая их как антитезы, как полюса, как противоположности. В таком случае постистория и постиндустриальное общество будут синонимами негативных результатов именно «модерна», а постмодерн будет путем преодоления, новым проектом, нонконформистской стратегией, «заданием», «альтернативой». Такой «постмодернизм» можно определить как «активный», «оптимистический», «революционный»,

«субъектный». И именно на таком понимании сходятся между собой два наиболее радикальных — а это всегда интереснее — фланга современных интеллектуальных полей — «новые правые» и «новые левые». «Новые левые» видят в «активном постмодерне» пришествие освобождающего хаоса, «новые правые» — расчищение пространства для «строительства нового порядка» и «утверждения новой аксиологической структуры».

Парентезис — сплавление крайностей

Отклонимся несколько от главной темы и рассмотрим подробнее это совпадение позиций «новых левых» и «новых правых» в вопросе постмодернизма. «Новые левые» и «новые правые» отличаются от «старых» по признаку, который сам по себе может служить наглядной иллюстрацией того, что является сущностью «модерна», Neuzeit. «Старые левые» стремятся расширить классическую рациональность до глобального телеологического проекта, основать максимально разумный и упорядоченный строй, доведя до последних границ основные тенденции Просвещения.

«Старые правые» отталкиваются от очень сходной рационалистической парадигмы, но при этом отрицают «проектный», глобалистский, универсалистский и «прогрессивный» ее аспект. «Старые правые» тяготеют к сохранению исторического статус кво, к укреплению и консолидации уже существующих — социальных, политических, государственных, национальных, экономических и т. д. — структур в той дискретной

диспозиции, в которой они фактически пребывают. «Старые правые» могут быть названы «минимальными рационалистами», тогда как «старые левые» — «максимальными».

Но к этим магистральным политическим проектам традиционно примешивались ультра-элементы, которые выходили с обеих сторон политико-идеологической карты за кадры приемлемости. Их обычно называют «крайне правыми» и «крайне левыми». На самом деле эти элементы были изначально довольно чужеродны общей идеологической расстановке сил, так как их ориентации заведомо пересекали нормативы «нового времени». Именно эти тенденции, но не в сектантской и суженно еретической, а в открытой и авангардной форме, и легли в основу того, что принято называть «новыми левыми» и «новыми правыми». Их отличие от «крайних» было не в идеологии, но в манере, стиле постановки вопросов и обсуждения проблем. В некотором смысле они были еще более «крайними», чем самые «крайние», вообще сплошь и рядом выходя за рамки установленных конвенций.

Так, «новые левые» поставили под сомнение «тоталитарные» аспекты коммунизма, наглядно проявившиеся в Советах или маоизме. Но не по моральным соображениям, а следуя логике философии освобождения, которая привела их к критике марксизма и разоблачению его «фашистской» сущности. Иными словами, как наиболее последовательная форма «левого» был утвержден «открытый недогматический анархизм». Но такой «анархизм» в своей законченной версии подрывал всю концептуальную систему «про-

грессистской мысли», обнаружившую свои принципы в эпоху Просвещения. Источник «диктатуры» и «эксплуатации» обнаруживался в самом разуме, который для «старых левых», напротив, осознавался как главный инструмент освобождения. Ясно, что далее следовал хаотический иррационализм, отказывающийся от любых строгих и фиксированных кодов и рационализаций, вплоть до таких гибких и комплексных моделей, как фрейдизм (см. критику фрейдизма у Делеза и Гуаттари в «Анти-Эдипе»).

«Новые правые», со своей стороны, прошли аналогичный путь, но в обратном направлении. Одним из вдохновителей их мысли был Юлиус Эвола, атипичный политик, философ и идеолог, который рассматривал всю историю современного мира — начиная чуть ли не с христианства — как эпоху деградации и вырождения и противопоставлял этому древнейшие идеалы традиционных обществ античности. Ясно, что на философском уровне это означало полный разрыв с рационализмом во всех его интерпретациях, а следовательно, и со «старыми правыми», ограничивающимися «национализмом», «этатизмом», конвенциональной религиозностью, морализмом. «Новые правые» — в первую очередь Ален де Бенуа, Джорджо Локки и т. д. — внешне модернизировали дискурс традиционалиста Эволы, добавили к нему множество культурных, философских и научных пластов, которые выражали ту же тенденцию на иных языковых уровнях. В современной философии и физике это направление получило название «холизма», от греческого слова «холос», «целый». Вслед за Эволой «новые

правые» утверждали, что дух современности основан на «разъятии целостного», на анатомировании, и это касается как сферы мысли, так и сферы политики. «Новые правые» подвергли масштабной ревизии всю «правую» мысль, отвергнув большинство ее постулатов — «государство-нацию», «мораль», «ксенофобию», «элитизм» и т. д.

«Новые правые» и «новые левые» изначально были, скорее, постмодернистами, нежели модернистами, если понимать под «постмодерном» его активную версию. Можно, однако, еще более уточнить соотношение их взаимных постмодернистских проектов и выяснить, до какой степени они остаются солидарными.

«Новые левые» постмодернисты считают, что освобождение от «террора рассудка» наступает в пограничном динамико-хаотическом состоянии, в спровоцированном контролируемом помешательстве. Социальный аналог этого — оргиастический праздник революции, перформанс смещения смыслов, растворение иерархий, сатурналия, «потлач». При этом, хотя сами «новые левые» упорно не желают говорить о «созидательной программе», инерция отказа от «классической рациональности» выносит их по ту сторону тонкой пленки «динамического хаоса» и принуждает к утверждениям. Так, к примеру, Жиль Делез в «La logique du sens», следуя за Антоненом Арто, говорит о «новой поверхности» и «теле без органов», что точно соответствует инициатической концепции «нового человека» или «нового творения». Юлиус Эвола, крупнейший специалист в области эзотеризма,

именно на аналогичных инициатических теориях основывал свои политико-идеологические модели. Этапы инициации делятся на отрицательные («работа в черном», «растворение», «хаос») и положительные («работа в белом», «создание зародыша», «новая гармония»). Программа «хаотического анархизма» Делеза соответствует первой стадии инициатического делания. Ее социальным аналогом является революция, восстание, оргиастический перформанс и т. д.

«Новые правые» особенно акцентируют, впрочем, вторую, созидательную стадию, творение «нового порядка», «возвращение сакрального», но она возможна только после радикального избавления от «классической рациональности» и ее социальных порождений. Хаос «новых левых» становится зародышем порядка «новых правых». А так как мы говорим лишь о теоретическом проекте, то трудно заведомо сказать, до какой степени будет простираться солидарность этих двух версий «активного постмодернизма» и когда они войдут (если вообще войдут) между собой в противоречие. Вполне логично допустить, что не весь хаос захочет преобразовываться в «новый порядок», предпочитая остаться в таком же децентрированном состоянии, а это с неизбежностью повлечет за собой новые линии раскола.

Есть одна историческая особенность, которая не позволяет все же говорить о реальном и масштабном сотрудничестве «новой правой» и «новой левой» версий постмодерна. Дело в том, что в Европе (особенно во Франции) несколько десятилетий подряд «новые левые» рассматривались как осевой элемент интел-

лектуального истеблишмента, как признанные гуру интеллигенции, тогда как «новые правые» постоянно подвергались культурой дискриминации, находясь в маргинальном положении, несмотря на то что с чисто теоретической точки зрения интеллектуальный вес был примерно равным. Поэтому даже в случае самого радикального нонконформизма «левые» приравнивались к «экстравагантным чудакам», тогда как «правые», даже весьма умеренные, с негодованием отвергались как «фашисты». Поэтому между двумя идеологическими семействами, столь сходными в общей стратегии, пролегла искусственная социальная пропасть. И последствия этого ощутимы даже сейчас, когда сами «новые левые» на глазах маргинализируются и отлучаются от права на высказывание в либеральном истеблишменте.

Но самое главное заключается в том, что обе версии «активного постмодерна» в целом представляют собой крайне миноритарный культурно-идеологический сектор, который несопоставим с обобщенным «пассивным постмодерном», т. е. с откровенным и навязчивым наступлением тех феноменов, которые определяются как «постистория» и «постиндустриальное общество».

Теоретическое сближение, возможно, даже слияние «новых левых» и «новых правых» в едином активном постмодернистском проекте не снимает основной проблемы — проблемы тотализации постистории. Иными словами, активный постмодерн и пассивный постмодерн не являются однопорядковыми категориями. Первый — элитарно маргинален, вто-

рой — агрессивно тотален, поддерживается магистральной логикой истории, не меняющей основного курса последних столетий, но доходящей до последних границ.

Суть проблемы в том, что, «пересидев модерн» или преодолев наконец тоталитарные границы «классической рациональности» — т. е. получив возможность утверждать альтернативные проекты, не боясь подвергнуться «просвещенческой» цензуре, — «активные постмодернисты» потеряли того социально-исторического субъекта, для которого подобное утверждение, подобный призыв еще имели какой-либо смысл. Иными словами, хитрость постистории в том, что она способна рекуперировать свою абсолютную антитезу, которой расчистила путь.

Отсутствующий центр

Тема «отсутствующего центра» в приведенных в начале статьи «правилах» Чарльза Дженкса является показательной. Можно представить себе картину так: «классическая рациональность» отказывается от авторитарной доминации и оставляет центральное место. Но при этом ставится одно непременное условие — это место должно оставаться пустым и впредь. Активные постмодернисты — «новые левые» и «новые правые» — радуются, что идол ушел, и готовятся занять его место, так как в их руках сосредоточены нити альтернативного проекта, вся логика и механика нон-модерна и его внутренней структуры. Однако здесь не учитывается одна принципиальная деталь.

«Классическая рациональность», великие «мета-рассказы» современности самоликвидируются не под воздействием внешних факторов, не под давлением внутренней альтернативы, не потому, что признáют свою неправоту, а потому, что стремятся найти себе новую форму существования, которая вбирала бы в себя противоположности, не билась с ними, но всасывала бы их в себя. Иными словами, в постмодерне ищет последнего и торжествующего этапа именно дух самого модерна, ведь в конечном счете основание разума неразумно, а рассудок и его деятельность вращается вокруг ноуменальной пустоты. Но признание такого обстоятельства может привести к травматическому разрыву и к взыванию к иному (к «витальному порыву» Бергсона, к «сверхрациональному интеллекту» традиционалистов, к «темному мгновению» Блоха или «проклятой части» Батайя, к теории хаоса Пригожина и Мандельброта, к «сверхчеловеку» Ницше и т. д.), и в этом случае речь идет о революции, а может явиться и попыткой сохранения статус кво, но в абсолютизированном, максимальном виде.

У постистории есть явная надежда — сделать «конец времен» бесконечным, превратить кризис рациональности в нечто, длящееся вечно, в modus vivendi, в безупречно защищенный, самозамкнутый стиль, сделать из депрессии безразличие, из констатации — ироничный намек, из экзистенциального ужаса — аспирин. Отсутствующий центр, обнаружив себя, делает важнейшую историческую попытку. Не желая более скрывать ту уловку, которая лежит в основе модерна, Neuzeit, постистория пытается навсегда

загипнотизировать реальность тем, что добровольно демонстрирует свою ничтожность, намекая на то, что потенциал имманентного ничто несопоставимо шире потенциала нечто.

Пустое место в центре. Не нашим, но и не вашим.

На глазах сбывается событие колоссальной значимости — активный постмодерн, постмодерн как альтернатива, как преодоление, как иное, нежели модерн, обнаруживает отсутствие исторического измерения, утрачивает онтологическую и гносеологическую содержательность, растворяется пассивным постмодерном (постисторией, постиндустриальным обществом), трансформируется в призрак, становится фрагментом сложной скользящей цепи одного из случайных «трудных ансамблей». Вместо подлинного арационального хаоса наступает имитационный хаос, «ложный беспорядок», «фиктивная имитационная свобода».

Трудно, конечно, точно предугадывать будущее, но, скорее всего, радикальный пессимизм Бодрийяра оправдан. Постистория сумеет поглотить постмодерн в его альтернативной версии. И как по какой-то странной закономерности один за одним уходят на наших глазах из жизни люди, которые воплощали в себе возможность иного пути, — Делез, Дебор, Гуатарри, Курехин...

Центр стал пустым только на том условии, что его не займет никто. Последняя уловка модерна — самому выступить в роли своего собственного врага.

Еще Дебор показал, что наиболее эффективное орудие Системы заключается не в жестком распределении ролей — друг-враг, но в мягкой интеграции, ре-

куперации, скруглении углов, всасывании антитезы. Постмодерн со всей изначально присущей ему двусмысленностью и соскальзыванием значений — идеальное орудие для достижения этой цели.

Чем гарантируется бесконечность постистории? Тем, что кончаться нечему, тем, что забегая вперед, прогностически утверждается как нечто сбывшееся — конец — нечто не сбывшееся; как нечто наступившее нечто не наступившее и тем самым происходит ускользание от того, что по всей логике должно было бы сбыться и наступить.

Черная-черная ночь

Если рассмотреть ситуацию предельно честно, то мы должны констатировать большую правоту пессимиста Бодрийяра. Это значит, что в своем массированном проявлении, в крупном масштабе постмодерн все же является лишь дополнительным измерением постистории и стилем постиндустриального общества. Иными словами, в подавляющем большинстве случаев постмодерн есть «пассивный постмодерн». Активный постмодерн, совместный идеальный проект «новых правых» и «новых левых», представляет собой «призрак», тень, мерцающую на грани проявления, не способную воплотиться в субъекта истории. При этом дело не только во внутренней слабости и количественной незначительности нонконформного полюса. Сама Система активно препятствует и предупреждает любые возможности оформления альтернативы в сплоченную целостность даже самого малого масштаба.

Гигантские силы постистории затрачиваются на то, чтобы не допустить синтеза «новых левых» и «новых правых», даже при том, что, вместе взятые, они представляют ничтожный процент массовых обществ. Постиндустриальное общество, видимо, всерьез отнеслось к концепции Белла относительно жизненной опасности культуры для технократии. Поэтому технократия спешит полностью скупить и освоить культуру, а там, где это наталкивается на сопротивление, включается аппарат репрессий. Так было в случае с французской интеллектуальной газетой «Idiot International», жестоко разгромленной Системой в 1993-м по абсурдному обвинению в «красно-коричневой» ориентации. Под этим уничижительным термином понимается нонконформистский альянс активных постмодернистов из различных идеологических лагерей. И действительно, в редакционной коллегии газеты были «новые левые», коммунисты, национал-большевик Лимонов, гуру «новых правых» Ален де Бенуа и многие другие политически парадоксальные личности. Газета была закрыта, а ее руководители были вынуждены пройти через унизительный процесс публичного покаяния. Несмотря на видимость, постиндустриальное капиталистическое общество остается жестко тоталитарным по сути.

Мы не отказываем активному постмодернизму в праве на существование, напротив, мы сами рассматриваем себя как органических представителей этого направления. Но мы не склонны обольщаться относительно успеха материализации этой тенденции. Если бы она смогла обрести минимальный социально-ис-

торический объем, мы вступили бы в эпоху Революции, и химеры постистории рассеялись бы, как предрассветный туман. Надо делать все для того, чтобы так оно и вышло. Однако мы должны опасаться принять несуществующее, мерцающе-потенциальное за актуальное. Если мы попадемся в эту ловушку, то незаметно для нас самих общество спектакля, постистория, пассивный постмодернизм поглотит нас, превратив в гаджет, в рекламную экстравагантную пародию, в постмодернистский двусмысленный, синкопированный, соскальзывающий штамп. Активный постмодернизм — радикальная антитеза постистории, активное растворение существующей Системы, громогласное и победоносное утверждение пустотности ее центра. Эта пустотность, вместо того чтобы оставаться кокетливой, поверхностной, щекотливой, играющей и претендующей на вечность, должна открыться как пустотность бездонной воронки онтологического уничтожения. Иными словами, активный постмодернизм станет реальностью лишь в том случае, если современный мир провалится в пустоту своего собственного центра, будет на деле съеден пробужденным хаосом, который низвергнет Систему в сумерки агонизирующего страха и болезненного, несладкого, признанного распада. На место «положительного отрицания» вечной тупиковой эволюции пассивного постмодерна, постистории придет единственная и уникальная, изъятая из игры экранных теней синкопа Революции и «уничтожающее катастрофическое отрицание», уже не условное и не стильное, сырое, варварское, мстительное. Пока же этого нет, пока по-

стистория сохраняет полноту власти и контроля, наш полюс остается балансом на краю бездны, полусуществованием, тлением эсхатологической потенции. И мы обязаны признавать его именно таким, каков он есть. Это трагично, но зато ответственно.

Активный постмодерн как пост-постмодерн, как конец постиндустриального общества и финальная Революция стоит под вопросом. Он может сбыться, а может и не сбыться. Пока видимость вещей подталкивает нас к заключению, что сбыться ему будет очень не просто. Но есть нечто, что не подлежит сомнению, что является безусловным и совершенно неизбежным.

Конец истории не будет длиться бесконечно, несмотря на все его претензии. Эта мнимая бесконечность конца — последняя иллюзия эона, дошедшего до своей границы. Имманентный процесс не хочет переходить волшебную грань от бесконечно малого до никакого, от почти ничто к самому настоящему ничто, от квазисуществования к тотальному несуществованию. Стремление к телеологической точке хочет растянуться до бесконечности в максимальной близости к этой точке. Так в парадоксе Зенона черепаха пытается сделать несколько маленьких шажков, чтобы обогнать быстроногого Ахилла — вестника смерти.

Время чует, что его время заканчивается, выходит. Что приходит иное время — время конца. И в страхе оно сбивается с прямого пути. Заворачивается в спирали, свертывается, дробится, прикидывается состоящим из бесчисленных квантов, аналитическое перебирание которых одного за другим все оттягивает и оттягивает заключительный аккорд. Процесс хочет пережить

свой конец, сохранить себя в инобытии химерической виртуальной жизни, на экране игры имиджей, в клонах и муляжах вещей и существ. Изобретательность агонизирующего автомата неохватна, почти бесконечна. Она воплощена в стратегии пассивного постмодерна, которая выдает себя за абсолютный стиль, так как в нем есть потенции для универсального многократного рециклирования всех исторически фиксируемых или симулированных ситуаций.

После постмодернизма не может быть никакого следующего направления, так как это — абсолютный стиль. Тотальным он станет, однако, только в том случае, если справится с мерцанием активного постмодерна. И тогда иллюзия бесконечности будет совершенной.

Но и в этом случае она останется лишь иллюзией.

Все имеет конец. Это конец сам по себе конечен, дискретен. Раз, и все. И гаснет экран галлюцинации, называемой современным миром. И в прах превращаются трупы телеведущих, ценные бумаги, полицейские управления, аккуратные политики в костюмах, дядюшки Скруджи из Трехсторонней комиссии и Чэйз Манхэттен банка, сумасшедшие ученые с клонированной овцой Долли, цветные журналы с загорелыми девицами на пляжах и хитроглазые перверты дизайнеры «нового мирового порядка». Черная ночь приходит бесшумно и безвозвратно. Вот это вне сомнений. Какие бы фортели ни выкидывало время у порога тайны, реального конечного Конца, а не его упреждающего симулякра, твердой дланью иного хронологическая змея будет взята за скользкую шею рядом с плоским

черепом. И череп этот вместе с ядовитым жалом будет синкопически одноразово свернут.

Wann endet die Zeit?
Gott weiss es.
Gott weiss es.
Gott allein weiss es.

Но есть миг, есть час, есть стук сердца и звон звезды, когда это наконец случится. Черная-черная ночь.

ПОСТМОДЕРН ИЛИ УЛЬТРАМОДЕРН?

Правомочно ли использование термина «постмодерн»?

Смысл этого понятия сводится к обозначению нового состояния цивилизации, культуры, идеологий, политики, экономики в той ситуации, когда основные энергии и стратегии модерна, Нового времени либо представляются исчерпанными, либо измененными до неузнаваемости. Разные авторы выделяют в постмодерне разные признаки. Главным же является то обстоятельство, что в новой складывающейся системе характерные свойства модерна более не опознаются, настолько они видоизменены. У модерна был ясный проект, оптимизм, ярко выраженный гуманистический пафос. Сегодня этого нет и в помине: будущее неясно (говорят о конце истории, а значит, о невозможности будущего), причины для оптимизма отсутствуют (впереди катастрофы и кризисы), освобождение человека от оков традиции совершилось, но этот

образ Бивиса и Батхэда неприглядeн и мало кого может вдохновить. Это верно, но позволяет ли это говорить о «конце модерна» и о наступлении того, что приходит «после» него, приставка «пост-» однозначно отсылает нас к состоянию, последующему за данным. Постмодерн наступает только после *конца модерна*. Как нечто *иное*, нежели модерн. Так ли это сейчас?

Для того чтобы ответить определенно, следует выяснить, чем был модерн. Модерн как парадигма был *отрицанием* традиционного общества как альтернативной парадигмы. Модерн был посттрадиционным и антитрадиционным обществом, выработавшим свою систему критериев — где наука, опыт, техническое развитие, рационализм, критицизм и индивидуализм заместили собой теологию, коллективность, веру, догматику, интуицию, холизм, онтологичность и т. д. Программа модерна питалась энергией отрицания, опрокидывания устоев того, что тысячелетиями казалось непререкаемым абсолютом. Программа модерна была программой ниспровержения очевидностей традиционного общества, причем именно этот процесс прогрессирующего ниспровержения очевидностей составлял основную энергию и пафос модерна. По сути, модерн — это сплошная либерализация — освобождение человека от того, что претендовало догматически на роль его коллективной идентификации. Но, помещая свою сущность в процесс «освобождения» от любых константных определенностей, отрицая онтологию прошлого (вес Традиции) и онтологию будущего (эсхатологию коммунистических учений), модерн постепенно дошел в этом

до предела, когда только эфемерность экранного времени стала главным критерием бытия. Есть то, что показывают по ТВ. И это бытие длится ровно столько, сколько длится информационный сюжет. Точно так же в жизни людей: существование раздроблено на множество не связанных друг с другом моментов, которые заполнены случайными разрозненными впечатлениями — они тем «ценнее», чем «ярче», «контрастнее», «причудливей». Это бытие в мгновении, оно остановлено в триумфе модерна. Мгновение останавливается только тогда, когда аннигилируется прошлое и будущее.

Модерн открывает свой нигилизм в тот момент, когда его программа выполнена. Это и пытаются выразить термином «постмодерн». Но разве здесь что-то кончается? Если и кончается, то не сам модерн, а последние остатки того, чьим отрицанием он был. Сам он, напротив, входит в свою силу. Следовательно, справедливее было бы говорить об «ультрамодерне». Этот термин означает «модерн, доведенный до логического предела», «модерн в абсолютном выражении».

Когда мы заговорили о «постмодерне»? Это важно: когда советская система и социалистические идеи стали стремительно уступать либерализму. Либерализм изначально и был чистым воплощением модерна, отрицавшим последовательно и размеренно онтологию традиционного общества. Вначале либерализм (буржуазная демократия) последовательно победил монархии и сословные общества. В этом процессе буржуазных реформ и революций, по сути, была сформули-

рована основополагающая программа модерна: Фрэнсис Бэкон и Адам Смит сегодня звучат абсолютно современно. Отрицая шаг за шагом фундамент традиционного общества в Европе, либерализм двигался широким путем нигилизма. Но его триумфом было не свержение феодальных режимов, а совсем иной этап: *победа в битве с социализмом за наследство эпохи Просвещения*.

Модерн как процесс есть освобождение человека (общества) от традиции и ее нормативов. Первый аккорд этого освобождения очевиден: разрушаются формальные структуры традиционного общества, представленные эксплицитно. Этот этап завершается к концу XIX века, когда формально феодальных режимов в Европе более не остается.

Отныне все нелиберальные идеологии вынуждены принять терминологию модерна, облачить свои собственные идеи и тезисы *в формальный язык современности*. Так наряду с либералами, которые представляют собой модерн и по форме и по содержанию, сложились течения консервативных революционеров и коммунистов. Консервативные революционеры, представители идеологии «третьего пути», пытались — довольно прозрачно и осознанно — обернуть консервативный фундаментал (ценности традиционного общества) в оболочку модерна. Не просто отвергали модерн, как классические консерваторы, но пытались его перетолковать. Классический пример: Луи де Бональд (1754–1840), утверждавший, что «Французская Революция утвердила в обществе „права человека“, теперь мы должны утвердить в нем

„права Бога“», делая вид, что он не отдает себе отчета в заведомом богоборчестве атеистической программы модерна. Наивная хитрость «теперь мы должны» тем не менее возымела свой эффект, и многие европейские режимы 20—30-х годов XX века поддались на консервативно-революционную стратегию. По окончании Второй мировой войны с этой линией было покончено.

Но в середине XIX века в рамках языка модерна сложилось иное направление, которое до поры до времени воспринималось как наиболее «продвинутая» форма модерна, как наиболее модерновое в модерне. Речь идет о революционной демократии, социализме и коммунизме. Здесь, казалось бы, нигилизм (отрицание традиционного общества) был еще более очевиден, нежели в либерализме, и многие искренне рассматривали это направление как то, что наступит после буржуазно-демократического периода. До поры до времени обе тенденции модерна (либерализм и социализм) шли рука об руку, по крайней мере в том, что касалось борьбы с традицией — явной (консерватизм) или завуалированной (консервативная революция). По мере успехов в этой общей борьбе заострялись противоречия между этими двумя формами. Коммунисты представляли собой наиболее непримиримый идеологический полюс.

Исследуя советский опыт уже в 30-е годы, многие прозорливые либералы (в частности, К. Поппер (1902–1993), Фридрих фон Хайек (1899–1992) и т. д.) обнаружили парадигму этого противоречия, придя к выводу, что коммунизм и социализм суть разновид-

ность консервативной революции, но архаичное, сакральное и традиционное здесь весьма специфично, глубоко завуалировано и подчас невнятно большинству самих коммунистов и социалистов. Речь, по их мнению, шла об эсхатологической версии традиции, абсолютизирующей онтологию будущего.

После Второй мировой войны начался второй этап очищения модерна от традиции, но уже от тех ее элементов, которые проникли в модерн глубоко и неявно. В этом состоял парадигмальный смысл идеологической борьбы между советским и капиталистическим лагерем в послевоенный период.

Крах СССР и капитуляция его коммунистической верхушки означали собой финал этого процесса по абсолютизации модерна. Модерн вначале победил «немодерн», потом «немодерн, прикидывающийся модерном» и наконец «недостаточно модерн». И стал полным победителем. В этот самый момент и заговорили о постмодерне, отметив качественное изменение ситуации. Это было вовремя. Но суть происходящего схватить сразу было не просто.

Справедливо Фукуяма заговорил о «конце истории». Раз модерну было больше нечего изживать, преодолевать, уничтожать, критиковать, разоблачать, то история кончилась. Но кончился ли сам модерн? Если понимать его как процесс, то да, кончился. Но если понимать его как движение к конкретной цели, то совсем нет, и эта цель была достигнута. Именно поэтому мне представляется, что термин «ультрамодерн» является более точным. Он показывает, что это — нечто отличное от «модерна», это так, ибо он

впервые за все время своего существования оказывается без явного противника, т. е. в новом качестве, но, с другой стороны, что это и есть «модерн», а не что-то иное, но только в своей абсолютной стадии.

Победа либерализма нивелирует различия между прежними проектами, которые стремились быть ему альтернативой. Это означает, что сегодня различия между классическим консерватизмом, третьим путем, коммунизмом практически стерты, а завтра это коснется и самой социал-демократии. Все, что оказалось «немодерном» — по форме, по содержанию или даже по глубокому и бессознательному содержанию, — все это отнесено в разряд политнекорректности, «вечно вчерашних», «преодолено».

Этой идеологической схеме соответствует экономическая схема. Экономика — это просто язык. Как справедливо подчеркивает Ю. М. Осипов, «экономика — это одна из гуманитарных дисциплин». Кстати, что касается идеологической ангажированности естественно-научных дисциплин и их зависимости от парадигмальных подходов, я постарался описать это в монографии «Эволюция парадигмальных оснований науки» (Москва, 2002). В экономике чистому модерну соответствует классический и неоклассический либерализм. Он мало изменился за 300 лет своего существования и представляет собой полную противоположность онтологической философии хозяйства, свойственной традиционному обществу.

Альтернативной версией экономики, сохраняющей связь с духом модерна, был марксизм и социал-демократия. А консервативная революция предлагала тра-

диционную философию хозяйства облечь в современные экономические проекты. Этой теме о «гетеродоксальной традиции» в экономике или экономике «третьего пути» я посвятил отдельный доклад в «Экономико-философском собрании». Могу упомянуть лишь о Сергее Булгакове, Адаме Мюллере (1779–1829) и Отмаре Шпанне (1878–1950). Этот последний автор, Отмар Шпанн, редко упоминаемый в нашем экономическом сообществе, весьма показателен, его учение о «цельности» (Ganzheit), новых сословиях (Staende) и т. д. может считаться классическим для всей структуры экономической теории «третьего пути». A propos, эта линия, к моему удивлению, развивается нашими исследователями крайне вяло, хотя она в высшей степени увлекательна и содержательна.

Постмодерн, или, как я предпочитаю определять это, «ультрамодерн», в экономике соответствует полной победе либерализма, с соответствующим изменением его природы. Здесь происходит переход от старой экономики к «неоэкономике», «новой экономике» или «финансизму». Причем в такой ситуации отвергаются не только коммунистические или гетеродоксальные экономические теории «третьего пути», но и элементы нелиберализма, примешанные к либерализму. Кейнс и даже Самуэльсон становятся отныне подозрительными.

Это — последний аккорд виртуализации экономики. Вместе с тем можно назвать это «экономикой ультрамодерна».

И снова к правомочности термина «постмодерн». Модерн как процесс завершается. Но он устанавлива-

ется отныне как вечность-мгновение, «вечное настоящее». Именно это Ж. Бодрийяр называет постисторией, волнообразным рециклированием экстравагантно перемешанных déjà vu. Конец модерна, в свою очередь, становится процессом бессодержательным, репликативным, отражающим на тысячу ладов самого себя, иронично обыгрывающим неподвижность своей динамики, ультраскорость своей стагнации. «После» модерна не наступает ничего и не может наступить ничего. Иной парадигмой мог бы быть только возврат к парадигме традиционного общества. Это был бы действительно *пост*модерн. Это было бы подлинно *иное*, нежели модерн. Ведь и сам модерн был и есть *иное*, нежели традиционное общество. Но то, с чем мы имеем дело сегодня, никакого отношения к традиционному обществу не имеет, скорее, наоборот, это традиционное общество оканчивается только сегодня, а ранее оно продолжало сопротивляться — подпольно, контаминируя модерн изнутри своей настойчивой онтологией, проступающей сквозь души людей, которые они сохранили даже тогда, когда стали верить, что никакой души у них нет.

После модерна может быть либо ничего, либо традиционное общество. Этим возможности исчерпываются.

Мне могут возразить: модерн — это временная парадигма, в нем все насквозь исторично, в «ультрамодерне» же история отменена, зациклена на бесконечном повторении. На это я отвечу максимой: история закончилась ровно в тот момент, когда она началась.

Как только человеческое сознание разомкнуло цикл, схватив время, как стрелу, и заложив онтологию в поступательный процесс, оно встало на путь утраты онтологии и содержания. Смысл и содержание истории придавал сюжет борьбы с вечностью. Как только вечность — традиционное общество — была окончательно побеждена, исчезло и время.

В другом месте я изложил эту же мысль относительно эвапоризации капитала в новой экономике. Мы заметили испарение предметов, богатств, материй сейчас — в финансизме и новой экономике. Но произошло это, по сути, когда сами предметы, богатства и материи стали на место идей.

Ультрамодерн не имеет относительных альтернатив, уповать на его эволюцию или частичное исправление, на новое привитие ему чего-то от предыдущих стадий — наивно и безответственно. Ультрамодерну можно сказать либо «да», либо... вас никто не станет слушать, так как иные ответы им не предусмотрены. Разве что в шутку.

ПОСТМОДЕРН И РОССИЯ

Телос истории: от традиции через модерн к постмодерну

Когда мы говорим о постмодерне, то неизбежно держим в уме историцистскую схему развития человечества. Эта схема в самых общих чертах такова: сакральное общество (традиционное общество) — эпоха начальной секуляризации — модерн (современ-

ность) — постмодерн. Схема взята, однако, по прецеденту (в юридическом смысле): так или по меньшей мере приблизительно так обстояло дело с той частью человечества, которое проживало в последние две тысячи лет в Западной Европе (или как-то связано с ней генетически — колонизаторские культуры обеих Америк, в меньшей степени Африки и Тихоокеанского бассейна). В самой Западной Европе эта историцистская схема имела множество отклонений и противоречий, но все же в очень грубом приближении можно сказать, что «телос» западноевропейской истории именно таков — от традиционного общества к современному (и к постмодерну)[1]. Но европейское или европоцентричное сознание отличается «гносеологическим расизмом» и постоянно осуществляет отождествление: «западноевропейское» = «европейское» = «универсальное». Западноевропейский «телос» истории берется как универсальный «телос» истории человечества.

И начиная с этого тождества вырабатывается «универсальная» система оценок, критериев и шаблонов.

Путь от традиционного общества к современному (и постсовременному), который на самом деле прошел и продолжает проходить Запад, считается универсальным путем для всех стран, культур и народов, и их история рассматривается только как процесс «модер-

[1] См. подробнее развитие этой темы в: Дугин А. Философия политики. М., 2004; он же. Эволюция парадигмальных оснований науки. М., 2002; он же. Философия традиционализма. М., 2002; Генон Р. Кризис современного мира. М., 1991 и т. д.

низации» и (имплицитно) «вестернизации».

«Вестернизация» и «модернизация» — вещи не тождественные[1], но в то же время они тесно связаны между собой концептуально. «Современность» оценивается со знаком *плюс* только в *прогрессистской* западной парадигме, поэтому этот термин заведомо несет на себе ее отпечаток. Различие между «модернизацией» и «вестернизацией», безусловно, существует, и мы эту тему затронем выше, сейчас же стоит подчеркнуть то, что *сближает* эти понятия — *«модернизация»* (в широком смысле) *имплицитно постулирует универсальность «исторического телоса»* (по сути, скалькированного с «телоса» европейской истории).

Очевидно, что история традиционных обществ (а к этой категории до сих пор принадлежит подавляющее число жителей Земли!) *выпадает из такой телеологической парадигмы*, движется по совершенно иной траектории. Следовательно, в глазах Запада эта «история» скатомизируется, игнорируется в ее содержательном измерении, а внимание фокусируется лишь на тех моментах, где в ней (на самом деле или по видимости) дают о себе знать признаки «европейского телоса» — т. е. *«элементы модернизации»*. Для написания учебников по всеобщей истории такой подход удобен — все общества, культуры и страны ранжируются в соответствии с упрощенной исторической схемой, которая выстраивается в соответствии с априорно заданной *телеологией,* и далее задача чисто тех-

[1] Дугин А. Модернизация без вестернизации. // Русская Вещь. М., 2000.

ническая — в зависимости от уровня учебника иллюстрации более или менее нюансированы. (Кстати, марксизм в значительной мере наследует этот западноевропейский «гносеологический расизм».)

Вне такой историцистской парадигмы говорить о «постмодерне» (равно как и о модерне) бессмысленно. Вне западной цивилизации есть «модерн», принесенный туда с Запада, и в какой-то момент это привитое явление (никто не умаляет его значения, но это колониальная парадигма) переходит (может перейти, перейдет) в *новую стадию* — в ту, куда постепенно переходит само западное общество, следуя за своим «телосом».

Если мы рассматриваем культурно-цивилизационный контекст, отличный от западного, мы можем долго и продуктивно разбираться и с качеством самого «незападного модерна», который в разных случаях явно обнаружит всю свою двусмысленность[1].

И, наконец, о России. *Россия не до конца западная страна.* Я бы сказал, вслед за евразийцами, резче: «Россия вообще незападная страна, и западные заимствования в ней фундаментально парадигматически перетолковываются», но этот тезис некоторыми оспаривается. А вот с тем, что «Россия не до конца западная страна», согласятся все. Для нас этого сейчас достаточно. А раз так, то качество «модерна» и «постмодерна» для России требует специального выяснения.

«Модернизация» России в XX веке шла чрезвы-

[1] См. подробнее развитие этой темы в: Дугин А. Философия политики. М., 2004; он же. Русская Вещь. М., 2000. Эткинд А. Хлыст. М., 1997.

чайно оригинальным — марксистско-ленинским — путем, и сейчас еще предстоит выяснить, чем был по сути «советский эон». В чем «советизм» был «модернизацией», в чем «псевдомодернизацией», в чем «антимодернизацией»? Иными словами, «модерн» в России XX века — это открытая тема.

При осмыслении российской истории мы привыкли работать с обыденный историцистской телеологией, которая, впрочем, существенно различается у либералов, коммунистов и националистов. Но эта телеология настолько искажается в применении к рассмотрению реальных фактов и этапов русской истории, что у наиболее последовательных западников возникает соблазн вообще выкинуть эту историю с глаз долой и начать настоящую модернизацию с чистого листа — подобно колонизации пустых пространств. Иными словами, качество российского «модерна» вызывает ожесточенные споры и нервные дискуссии. К исследованию этого явления интересно применить методологию, которую я описал в книге «Философия Политики» в части, посвященной политическому языку и политическому бессознательному[1].

Евразийцы, чутко распознавшие эту проблематику, предложили рассматривать *Россию как автономное явление, как континент, как цивилизацию со своим собственным «телосом», особой логикой циклов*[2]. В такой ситуации «модерн» рассматривается как поверхност-

[1] Основы евразийства. Коллективная монография под ред. А. Дугина. М., 2002.

[2] Дебор Ги. Общество Зрелища. М., 2000.

ное влияние «романо-германского» ига.

«Постмодерн» — это свойство зрелого и даже перезрелого «модерна», его качественная мутация в наиболее насыщенной и концентрированной среде. «Постмодерн» — квинтэссенция западного исторического «телоса», в каком-то смысле *сам этот «телос»*. «Постмодерн» начинается тогда, когда процесс «модернизации» завершается и «модернизировать» больше нечего. Это «окончание истории» («End of History» Ф. Фукуямы) в западной парадигме и начало стерильного рециклирования алеаторных кодов.

Если в России был очень сомнительный «модерн», то «постмодерн» будет еще более странным.

Постмодернизм как инструмент колонизации России

Постмодерн основывается на предпосылке, что модернизация традиционного общества *успешно завершена*, что *сакрального измерения в социально-политической и экономической сферах более не остается*. Так или почти так обстоит дело на Западе (по крайней мере таковы фундаментальные декларации западной власти и интеллектуальной элиты, таковы приметы преобладающего цивилизационного стиля). Так как контроль Запада над планетой сегодня велик как никогда и налицо полная иллюзия успешного введения в контекст «модерна» всех региональных элит незападного человечества, то складывается интересное явление — весть о «постмодерне» (правда, осторожно) делегируется Западом незападным элитам. Это обо-

значение *новой парадигмальной территории,* которая призвана постепенно сменить «модернистические» установки, после того как они эффективно и окончательно «детрадиционализируют» недосовременные общества. «Постмодерн» — это своего рода «масонство» XXI века, которое оперирует в своей полузакрытой среде чистыми парадигмами политико-цивилизационных установок и дозированно и адаптивно транслирует их (под различными формами) незападным элитам.

Россия эпохи реформ оказалась в состоянии нового витка колонизации. Явно не до конца «модернизированное» общество получило императив освоения не только либеральной модели, но *либеральной модели в ее наиболее рафинированном, кристаллизированном виде.* В России с модерном было все не до конца понятно, а тут нагрянул постмодерн. Это породило серьезную концептуальную сумятицу.

Можно выделить в «постмодерне», примененном к России, две основные линии. Первая линия является чисто «колониальной». Западный «постмодерн», примененный через «компрадорские» интеллектуальные элиты к России, был призван создать четкий вектор для процесса ускоренной модернизации — быстрыми темпами демонтировать все то, что было по сути «немодерном» в российском «псевдомодерне». *Так постмодерн был индикатором правильности курса модернизации.* Традиционная психология русских весь XX век перетолковывала «модернизацию» в своем архаическом ключе (например, переплавив марксизм в хилиастическую эсхатологию), и, естественно, эти тенденции остановить мгновенно было трудно. По-

этому «постмодерн», а точнее, «постмодернизм» играл важную роль в этом этапе либеральной модернизации. *Реформы экономики в духе классического (индустриального и даже местами прединдустриального) капитализма сопровождались реформами сознания в духе постклассического, постиндустриального капитализма — можно даже сказать, посткапитализма.*

В этой своей функции постмодернизм в России 90-х годов являлся ультраколониализмом. Он жестко насаждал «свершившийся телос» Запада в стране, вся история которой была направлена на то, чтобы от этой логики увернуться (а то и опровергнуть ее). Отсюда естественное недоверие к постмодерну у консервативно настроенной российской интеллигенции. Оно вполне оправданно. И эта функция постмодерна в России далеко не завершена.

Но следует учесть и еще одно обстоятельство. Постмодерн в западном контексте *снижает деструктивный пафос «модерна»* в отношении остатков традиционного общества, так как эти остатки считаются *качественно преодоленными*. В постмодерне Традиция вызывает уже не ненависть и даже не безразличную иронию, но эфемерный десемантизированный развлекательный (псевдо) интерес. Третий Рейх и Сталин (выставка тоталитарного искусства «Москва —Берлин») идут на одном дыхании, вместе с историей первой топ-модели Твигги или перипетиями кинокарьеры Мэрилин Монро. Мадонна (постмодерн уже в «нике»), играющая Эвиту Перон (жену латиноамериканского диктатора, национал-социалиста)

в популярном крупнобюджетном мюзикле. В постмодерне модерн настолько побеждает премодерн (Традицию), что уже не видит в Традиции никакого содержания, забавляясь ею наряду со всем остальным. Традиция отныне не враг, но *элемент зрелища*[1] на равных основаниях со всем остальным. Постмодерну теперь все равно. *Окончательно все равно.* Он готов рециклировать все и вся: *в новых условиях ничто не может выступить его антагонистом* — ни экономическим, ни социальным, ни психологическим, ни цивилизационным. Даже «злодей» бен Ладен интегрируется в спектакль: его племянница — поп-звезда с гарантированной карьерой. Адольф Гитлер — идеальный диджей. Геббельс — ведущий ток-шоу. Сталин — чудесный бренд для продажи табака или грузинских вин. Че Гевара рекламирует сотовые телефоны. И Традиция и Революция включены в постмодернистический спектакль без особых проблем. *Они существуют виртуально именно потому, что они более невозможны в реальности.* Впрочем, в постмодерне виртуально все — деньги, наслаждение, культ, труд, общество, власть...

Когда такая парадигма переносится в «недосовременную» Россию, она мобилизует проколониальную элиту, дает ей парадигмальные ключи и стилистические коды контроля.

---

[1] См. Eliade M. Epreuve du Labyrinthe. Paris, 1985. С. 178, где Элиаде говорит о сакральной подоплеке китайского коммунизма, «Антимемуарах» Мальро и т. д.

Русский постмодерн и мессианский диспозитив: от виртуальности к возможности

Но есть у русского постмодерна и совершенно иной аспект. На уровне политического бессознательного русское общество не принимало западный «телос», всякий раз старалось перетолковать навязанные парадигмы «модерна» в «премодернистическом» ключе. Этот тонкий процесс связан со структурой коллективного бессознательного русских. Сложно детально описать этот процесс, так как он заведомо остерегается внешней рационализации, ускользает от нее. Этот пласт коллективного бессознательного представляет собой гигантский психический потенциал, некий активный диспозитив (реинтерпретационных) ресемантизационных стратегий, *диспозитив перетолковывания.*

Диспозитив перетолковывания у русских существенно отличается от аналогичных инстанций традиционных культур (например, азиатских) тем, что он располагается гораздо *ближе к поверхности сознания,* стучится в двери рассудка, *пытается выбраться на поверхность.* Азиатские культуры, модернизируясь, игнорируют корневые парадигмы этого процесса, пряча архетипы в глубины психики. Японский философ-кантианец легко остается законченным и совершенным буддистом, даже не подозревающим, что Кант имел в виду что-то другое. Пласты архаического диспозитива у японца фундаментальны, как гранитный цоколь. Азиаты, даже подчиняясь «модерну» внешне,

не обращают на него, по сути, никакого внимания, оставаясь сами собой[1]. Русские же смутно и непрямо, но *стремятся концептуализировать свою внутреннюю позицию.* Это переводит *диспозитив ресемантизации в основу национального мессианства.*

Евразиец Петр Савицкий в своей рецензии на книгу Н. Трубецкого «Европа и человечество»[2] верно заметил, что только русские способны обобщить архаический потенциал традиционных обществ Азии в активную контридеологию, в альтернативную парадигму. То есть евразийцы признавали за русскими возможность *активного противостояния модерну,* модернизации *как вестернизации.* Именно *активный антимодерн,* в свою очередь, вел к *«модернизации» без «вестернизации»,* т. е. к такой модернизации, которая была бы направлена на противостояние парадигме Запада, его «телосу».

Исторической иллюстрацией этого явления служит весь период советской истории (понятый, вслед за М. Агурским, в духе «национал-большевизма»), а максимальная рационализация обнаруживается в интуициях евразийцев. Речь идет о том, что у России был (и отчасти есть) не просто архаический диспозитив коллективного бессознательного, но и *вектор к рационализации программы «антимодерна»* (мягче — «иного модерна»).

Вот здесь-то и лежит самое интересное. Искусст-

---

[1] Трубецкой П. Европа и Евразия // В книге «Континент Евразия. М., 1997.

[2] Агурский М. Идеология национал-большевизма. Париж, 1980.

венное колонизационное внедрение в сегодняшнюю Россию постмодернистической парадигмы — за счет безразличия и игрового спектакулярного (псевдо) интереса к табу — *приоткрывает новые возможности.* Постмодерн не видит в премодерне опасности, так как он есть «реализовавшийся» (а не «реализующийся»!) «телос» модерна. Постмодерн возникает только тогда, когда все альтернативы модерну действенно сняты. Будучи примененным к иной контекстуальной среде, он может дать *непредсказуемые результаты.* Постмодерн, как я сказал выше, это «масонство XXI века». В России он призван укреплять проколониальную элиту, но в силу определенных обстоятельств должен быть жестко дозирован и ограничен. *Постмодерн в российских условиях призван быть «эзотеризмом».* Внешне же следует провозглашать классическую «модернизацию» — с ее специфической парадигмой («права человека», «товар-деньги-товар», «открытое общество» и т. д.)

Но такие пропорции удержать очень не просто. Особенно если принять во внимание перманентное поползновение русского архаического диспозитива ресемантизации к тому, чтобы воплотиться в относительно рациональные формы (мессианство, евразийская философия). И здесь *постмодерн может быть взят на вооружение не элитой, но массой.* Если элита видит в Че Геваре бренд мобильной связи, то евразийские массы, иронично поймав нить игры, могут превратить мобильник в средства Революции (ведь, согласно модернизму, означающего и означаемого больше нет, есть только знаки). Точно так же у массы, в

отличие от элит, не Сталин брендирует «красное вино», но после распития «красного вина» рождается великая ностальгия по Сталину, а диджей (МС, телеведущий) становится фюрером. В западном контексте постмодерн размывает упругость модернизационной стратегии, так как «телосу» уже ничего не угрожает. В Азии постмодерн все равно не поймут, как не поняли модерн, перетолковывая его как-то по-своему (но в целом безобидно). А в России постмодернистский эзотеризм, выйдя на улицы, грозит стать брешью в стихии западного «телоса», его «антитезой», его «темным дублем». В каком-то смысле народный массовый постмодерн в России может породить «антителос», стать топливом нового рывка евразийского мессианства и превратить рециклирование алеаторных кодов змеиного контроля Системы в экстатическую имперскую практику Вечного Возвращения.

ЗАКОЛДОВАННАЯ СРЕДА «НОВЫХ ИМПЕРИЙ»

(интервью «Художественному журналу»)

«Художественный журнал»: Последнее время интеллектуальный и художественный мир проявляет интерес к теме Империи. Можно сказать, что тема эта стала даже дурной модой. Нам бы хотелось лучше понять ваше понимание этой проблематики. Ведь именно вы первым заговорили на эту тему многие годы тому назад!

Александр Дугин: На мой взгляд, проблемати-

ка Империи не может быть понята вне тематики постмодерна. При этом важно иметь в виду, что постмодерн, ставший актуальным с конца 70-х, не исчерпан и до сих пор. И это несмотря на то, что все уже не первый год постмодерн хоронят. Когда некоторые критики объявляют конец постмодерна, они, как мне кажется, не понимают, что, собственно, провозглашают. А провозглашают они ни много ни мало как конец света. Ведь модерн как стиль, как исторический тренд вобрал в себя всю историю. Модерн явил собой, в том числе и в изобразительном искусстве, некое суммирование всего предшествующего в преодоленном, снятом и не предполагающем возврата виде. К 70-м, на мой взгляд, возобладало ощущение, что подразумеваемый модерном историцизм развития цивилизации дошел до своего пика, до своего акме, не предполагая при этом никакой «золотой осени», плавного скольжения вниз, в тихий уютный маразм старости. Процесс постмодерна — это процесс осознания исчерпанности модерна как такового. По сути дела, модерн, когда он возник, провозгласил себя единственным наследником всей истории — за ним (в прошлом) была выжженная земля, так как все ценное было уже в нем самом. Новое время, несмотря на свой провозглашенный индивидуализм, было универсалистским, и модерн как стиль в полной мере вобрал это в себя. Когда в модерне начался кризис жанра, когда он был десемантизирован как художественный процесс, не было сделано (возможно, и не могло быть сделано) парадигмального выбора в ином направлении. Дискуссия по постмодерну рас-

сыпалась шрапнелью по воробьям. Фундамент смыслового континента, который постмодерн хотел изменить, остался не тронут.

Я полагаю, что в постмодерне существует два направления. Первое из них — это «гипермодерн» или «ультрамодерн», то есть продление того же модерна, остающегося самим собой, к своему собственному пределу, но не преодолевая его... Гипермодерн принимает формы тотального нигилизма, полной десемантизации содержательного исторического процесса, когда сам человек упраздняется, но не заменяется при этом ничем, становясь отжившей маской упраздненных смыслов.

Второе направление в постмодерне развивает то, что было отброшено на пороге Нового времени, — то есть перелицованный премодерн. Это наивное, сакральное мировоззрение является подоплекой человеческого существования, его подсознанием, телесностью, в общем — архаикой. В сущности, речь идет о том, что в результате своего рода nettoyage par le vide, «очищения пустотой» (термин Jean Parvulesco) фундамента человеческой культуры начинают проступать фундаментальные архаические черты. Но это чревато и тем, что может быть названо le retour des Grands Temps (также термин Jean Parvulesco и название его недавнего романа) — «возвращением Великих Времен», т. е. возвратом к премодерну и к ревалоризации всего, что было отброшено на пороге модерна. И вот тут мы вплотную приближаемся к тематике Империи. Ведь мы знаем, что Империя как принцип была отброшена именно на пороге Нового времени, с созданием буржу-

азных государств-наций (Etats-Nations). Империя сущностно принадлежит к премодерну, она задает свой баланс между индивидуальным и универсальным, причем баланс этот основан на довольно архаичном отношении к онтологии, социуму, культуре.

Итак, постмодерн — это процесс, который, с одной стороны, завершает модерн и утверждает его последний аккорд — нигилистический гипермодерн, с другой же стороны, он предполагает вкрапление архаических элементов в область, выжженную модерном, он ставит вопросы, которые на протяжении всего Нового времени оставались за гранью политкорректности. И сейчас мы подходим к самой интересной теме — постмодерн совершенно не исчерпан. Только сейчас мы начинаем понимать, что он сделал, и никаких похорон его, оказывается, устраивать сейчас нельзя. Постмодерн на новом витке осмысления подошел к проблеме премодерна, но уже с совершенно новым знаком. Если модерн — это процесс десемантизации и дезонтологизации традиционной системы ценностей, то постмодерн — это напряженная, ироничная, пусть двусмысленная, но все же ревалоризация всего забытого на пороге Нового времени, особенно того, что в это Новое время было не принято на легальных основаниях. Это ревалоризация вытесненного, стыдливо убранного, сокрытого...

Значит, постмодерн и его наступление есть событие колоссальной важности, он ультранасыщен и повлечет за собой изменения в структурах исчезающих смыслов. Мы стоим на пороге глобальной консервативной революции, на пороге нового человечества, смены са-

мого антропологического кода. Пока этот процесс отображается игровым, хихикающим образом. Но вспомним, какие были первые ячейки коммунистов, социалистов или фашистов, где политика была перемешана с искусством, футуристами, парадоксалистами, поэтами и художниками-декадентами. Брюсов, Стефан Георге, Готфрид Бенн, те же Маринетти, Маяковский, Хлебников... Да, начиналось это все смешно — вот только кончилось совершенно не смешно. Это очень несмешная, очень серьезная вещь — «возвращение Великих Времен».

Вот почему отнюдь не случаен интерес современных художников к премодерну вообще и к имперскому проекту в частности. Характер этого интереса к архаике переходит сейчас от ироничной стадии, свойственной ультрамодерну, к новой серьезности. И мой покойный друг Тимур Новиков хорошо чувствовал эту серьезность. Его Академия является таким переходным звеном от модерна к новой проблеме постмодерна как новой аватары премодерна со всеми соответствующими выводами из этого жеста.

«ХЖ»: Если мы рассматриваем Империю как производное от редукции к условиям премодерна, то тогда мы связываем с Империей ценности иерархии, подчинения частного целому. Однако Тони Негри, известный теоретик новой Империи, постулировал обратное. Он говорит о современной Империи как о структуре сетевой, как о последней стадии капитализма, лишенной единого центра, основанной на сложном балансе разных центров власти. Протестует

против Империи такая же сетевая по своей структуре «множественность» — multitude. Отсюда, с его точки зрения, и обреченность Империи — она не может подчинить себе множественность, так как сама имеет сетевую структуру.

Дугин: Но что такое иерархичность? Фуко, например, вслед за Ницше понимал всю историю человеческого устройства как баланс, игру власти. В то же самое время любой дискурс строится по законам принуждения. Любая фраза, даже «Я сегодня пойду в кино» или «Хотите выпить кофе?» несет в себе иерархизацию отношений, субъектно-объектное подчинение и так далее. Человеческая природа сама по себе иерархична — у нас два глаза, а не пятнадцать, мы стоим вертикально, а не горизонтально. А человеческое устройство, в свою очередь, отражается во всей человеческой культуре. Что касается делезовской анархической попытки с помощью ризомов или сетей деструктурировать общество, то в конечном итоге на практике аналогичные стратегии в реальности лишь создают новую иерархическую модель — возникает контрсистема, которая реорганизует систему властных функций. Любая попытка абсолютной свободы всегда приводит к абсолютной иерархии, стремление освободить все и вся кончается ГУЛАГом и приходом новой элиты на место старой. И это явление не только политическое, но и культурное, религиозное и так далее.

Что касается конкретно Негри... «Империя», которую он описывает, это мондиальный, однополярный мир, глобализмический, с американской системой ценностей в качестве главенствующей идеологии, с ультракапитализмом как его экономико-философ-

ской моделью. «Империя» Негри — это акме ультрамодерна, его апофеоз. Теневая сторона «множества» — это нигилистическая сторона ультрамодерна, его темная основа и никак не альтернатива. Можно ли сказать то же самое в отношении «коммунизма» Маркса? Не знаю... Не готов однозначно ответить, мы, реальные постмодернисты, читаем Маркса по-другому, справа, если хотите, он для нас пророк экстатической Империи золотого века...

У Негри и «Империя» и «революционный класс множества» суть сетевые структуры, продолжающие — каждый на свой лад — тренды обычного модернизма, только доведенные до логического предела в двух версиях — в версии порядка (турбокапитализм мирового правительства) и в версии хаоса (пирсинговые трансвеститы-халявщики и полоумные мигранты Тони Негри). И то и другое — последняя агония модерна. Это все еще XX век и попытки спроецировать его в XXI и в бесконечность. Империи XXI века будут иными. Они будут более премодернистическими. Возникать они будут в Черной Африке, Латинской Америке, даже в Европе, где хотя бы есть история, в отличие от США — этого лабораторного и ультрамодернистического эксперимента. Возможно, это будет Евразийская империя, с шаманами и церквями, или империя Исламская, или Китайская. Я уверен, что расцвет империй придет после заката «Империи». Империя как попытка создать мировое правительство с критической ассамблеей сетевиков — это судороги ультрамодерна. Эти судороги уже заглядывают в тот мир, где их не будет, и отсюда появляется этот элемент макабра — бен Ладен, отключение электричества в

Нью-Йорке — все это эстетические хэппенинговые интуиции «нового мирового порядка» вместе с его критической антитезой, которые истошно вибрируют на пороге того, куда они не попадут. За пределом постистории уже брезжит тот самый le retour des Grand Temps, время новых империй.

А о какой Империи мы вообще думаем, мечтаем? Империя — это специфическое сочетание универсального и частного. Внутри той же Византийской империи было много различных царств. Мысль об Империи — это относительно универсальная рациональность. Сетевые структуры в новых империях превратятся в этнос, возникший на основе ассамблеи типовых физических и умственных особенностей — например, может возникнуть этнос из байкеров, футболистов, художников или компьютерщиков. Такие новые этносы наряду со старыми и классическими будут включаться в состав новых империй по языковому, географическому принципу, как раньше включались по религиозному. И они принесут с собой свой особый рационализм. Таким образом, в новых империях истинного постмодерна будет много рациональностей — в противоположность монорациональной «Империи» ультрамодерна. Тем самым будет достигнут премодернистический эффект, когда был многополярный мир с разными рациональностями в основах больших цивилизаций. Теперь это не обязательно будет религиозная рациональность — кто-то (если, конечно, захочет) может обожествить Канта, как сейчас в одной из «новых религий» в Бразилии поклоняются Вольтеру и Руссо.

Дыхание премодерна видно уже в самом возвраще-

нии термина «империя». Это возвращение премодерна после модерна порождает специфическую иронию, которую наиболее проницательные люди чувствуют в этой претензии на становление «нового мирового порядка». Что-то иронично-фашистское можно услышать в словах Буша: «The God said me — strike Iraq». Нельзя сказать, чтобы это было позитивным, но уж точно — до боли знакомо из эпох, sorry, до Нового времени. Да, пока все это еще пародия, прикрывающаяся лозунгами вроде «свободы» и «демократии», в духе extensive empire Джефферсона (о чем пишет Негри), но это уже что-то явно из прошлого. Буш-младший, душка, — знаковый персонаж постмодерна — он в своем либеральном фанатизме похож на бен Ладена, в нем есть что-то безумное и симпатичное. Говорят, он идиот и закодированный синяк, дипсоман... Может быть, после своей отставки он даже примкнет к нашему проекту... Я вижу его строго марширующим в рядах «Евразии», снова вдупель пьяным...

«ХЖ»: Но насколько совместимы «Империя» и империи? Ведь «Империя» всегда предполагает имперскую нацию. Так, Римскую империю населял римский народ — populus romanum. Правящая идеология нашего времени постулирует глобализацию всех процессов, а в художественной среде авторитетно мнение, что современное искусство — это западное изобретение и никакого другого современного искусства не существует.

Дугин: Думаю, что «Империя» как глобализм требует некой универсальности стиля. В той «Империи»,

что строится сейчас, — в западноцентричной мондиалистской Империи — существует ярко выраженная идеология, которая, как продемонстрировал на приеме в Кремле в моем присутствии американский посол в РФ Вершбоу, может быть сформулирована за 60 секунд. «Глобальный мир», «Все для индивидуальности», «Свобода как универсальная ценность», «Национальные администрации под слом» и так далее. (Молодец посол Вершбоу, мне это начинает нравиться...) Средством построения этой Империи служат не только нефтяные монополии или ВС США, но и MTV, и мондиальная культура в целом. Поэтому до какого-то момента участие русских художников в мировом процессе современного искусства оказывается своего рода сотрудничеством с колониальной администрацией, люди искусства как бы полицаи... Это помощь оккупантам в деле колонизации, споспешествование освоению нашего культурного пространства. Ведь при однополярном мире включение в мировой художественный контекст — это, по сути, процесс подчинения других полюсов, их растворение... А сотрудничество с полицаями бывает разное, не все бегают по лесам с собаками и ловят партизан — некоторые еще и агитационные плакаты рисуют. И участие, повторяю, именно участие в современном художественном мире — это сотрудничество с оккупантами и предательство собственной идентичности.

Но тут возникает интересный момент. Дэниэл Белл в одной из своих книг высказывает интересную мысль — в нынешней Империи культура должна отмереть, поскольку, по сути, это альтернатива техно-

логическому развитию. Ведь культура и искусство — это завуалированный премодерн, базирующийся на тех иррациональных сторонах души человека, которые явно не попадают в «список Вершбоу». В Империи есть только «свобода от», то есть «liberty», но никак не свобода сама по себе, не «свобода для», то есть «freedom». А в искусстве есть и то и другое. Свобода как содержательное понятие, то есть freedom, — ценность премодерна, свобода как отрицательное понятие, то есть liberty, — это уже концепт модерна. И потому культура, по мнению строителей «Империи», должна быть изжита, как, впрочем, и пол. Не зря же Жан Бодрийяр говорил, что наличие в половом акте двух субъектов — это уже непозволительный архаизм. В стерильном мире глобализма все должны порождаться однополо — простым делением, как клоны, инфузории или раковые клетки. Хотя, конечно, первоначально все было наоборот — свобода нравов была модерном по отношению к традиционной семье. Сегодня половой акт двух существ — тем паче разного пола — это уже «консервативная революция», своего рода «черносотенное» действо... Политкорректны лишь асексуальность, овца Долли, белесый инфантильный импотент-миллиардер Билл Гейтс и так далее.

Поэтому вовлечение в мировую художественную среду представителей художественной России — это не только их включение в процесс колонизации. Они могут, если сообразят, что к чему, принять участие в революционном процессе. Отстаивание иррациональности, эротики, архаики — это и есть путь их возвращения в проект премодерна. Но только для этого

художнику надо еще и провести очень сложную процедуру — заглянуть за предел, увидеть что-то там, где — как всем кажется — ничего нет. И на стороне русских художников может стать то обстоятельство, что, включившись в общество ультрамодерна, они все же имеют консервативные корни — и такое сочетание может изменить их и сделать из пособников оккупации и колонизации важными фигурами революционного движения. Но это очень тонкий и сложный процесс, тут нужно учитывать изменение понятий во времени. Если когда-то гетеросексуальный либертинаж был, по сути дела, левым процессом, то после всех сексуальных революций он превратился в процесс весьма правый и даже «консервативный» в сравнении с однополой любовью и особенно тотальным унисексом. А бывшие непримиримые враги и противоположности — коммунизм и фашизм, после того как модернизм их преодолел, слились — существенной разницы между ними не осталось. Разницу между ними вычленить сегодня сложно — вот, например, Хаким-Бей, он кто — ультратрадиционалист или радикальный левый анархист? И потому так велик революционный потенциал «возвращения Великих Времен» — туда можно записать очень и очень много «преодоленных модерном» элементов.

«ХЖ»: Как вы себе представляете новое имперское искусство? Имеется в виду не искусство единой «Империи», а искусство противостоящих ей новых империй? Можно ли воссоздать его поэтику? Будет ли оно соответствовать традиционным чертам имперского

искусства?

Дугин: Я думаю, основным принципом будет отсутствие иронии, то есть новая серьезность. Вместо улыбки — гримаса, вместо смешной шутки — шутка страшная. Фундаментальность появится во всем, хотя фундаментальность не обязательно подразумевает громоздкость. Даже лучше употребить термин «тяжесть», так как традиционная империя (не «Империя» Негри) всегда сопряжена с тяжестью, с бременем. Вместо игры со смыслами появится символистическое включение этих смыслов в возвращенную онтологию. Искусство империй будет сочетать те виды искусства, которые раньше не сочетались или сочетались, но с иронией, например натюрморт и перформанс. В новых империях будет тотальная эклектика — там есть место телеграфам, маскам шаманов, скоростным поездам TGV, японскому шумовому террору, минимализму Руссоло и горловому пению. Но эклектичность эта не будет смешна, наоборот, она будет ультрасерьезна, в ней будет корениться новый имперский неогностицизм. Причем включение в «новую серьезность» возможно не только у вещей серьезных, но и, казалось бы, таких странных и даже глупых явлений вроде какой-нибудь программы «Белый Попугай». Новое имперское искусство должно вобрать в себя все, показать свою безальтернативность. Здесь будет иметь место то же переваривание истории, что и в ультрамодерне, но со знаком плюс.

«ХЖ»: В одном из последних номеров «ХЖ» Борис Гройс говорит о последней утопии, которая оста-

лась в неолиберальном мире, — утопии денег. Именно деньги, с его точки зрения, есть последнее универсальное начало — универсальный эквивалент, гарантирующий единство все более распадающемуся на частности современному миру. Возникает вопрос: в какой мере эти «новые империи» смогут вести между собой диалог? На какой основе? Есть ли у них между собой что-то общее, универсальное? Разумеется, кроме общего противостояния единой «Империи».

Дугин: Как говорил Гегель, «не будем недооценивать великой силы отрицательности». Отрицая нечто, мы что-то формируем. Поэтому факт противостояния потенциальных «новых империй» нынешней актуальной «Империи» конститутивен: по крайней мере понятно, что они вместе отрицают. А отрицают они ультрамодернистское понимание искусства, отрицают «свободу от» вместо просто «свободы для» и так далее. Консолидирующим мифом «новых империй» станет именно борьба с неолиберальной «Империей», как консолидирует христиан для борьбы с грехом миф о дьяволе. Да, отрицание в какой-то момент предполагает и создание альтернативы. Если все будут против рыночной экономики, то в каждой империи обязательно возникнет что-то свое, чтобы эти рыночные отношения заменить. Причем чаще это будет даже не придумывание чего-то нового, а ревалоризация того, что у нас уже есть. Допустим, в России деньги сохранятся, но универсальной ценностью вновь станет русский балет.

«ХЖ»: Тогда получается, что «новые империи» ли-

шены собственной идентичности, они питаются лишь негативом, он и гарантирует им конституирующий принцип. По сути, получается, что империи вступили в тайный сговор с «Империей».

Дугин: Да... как дьявол у Элиаде тайно симпатизирует Богу... Причем не какой-то там мелкий бес, а глобальный исторический черт, преодоление которого в каждом конкретном случае вырабатывает свои пути спасения. Вызов общий — ответ частный. Как в свое время соблазнительное строительство Вавилонской башни конституировало возникновение народов. Да, у всех был общий язык — но говорить на нем в какой-то момент стало нечего. Всех разогнали, и вместо языка возникли языки... И когда нынешняя «Империя», этот онтологический вызов, будет преодолена, она станет фокусом конституирования «новых империй». Но это будет не множество разрозненных «сингулярностей» (откуда Негри взял идею, что индивидуум автоматически тяготеет к «солидарности», идиот!), которое есть сетевая составляющая нынешней «Империи», чей революционный потенциал, sorry, фиктивен. Это будет локальный рационализм, рациональность, ограниченная конкретным «большим пространством». На территории каждой из «новых империй» будет свой общий язык, но в нем будет множество диалектов.

«ХЖ»: А нет ли тут тайного замысла «Империи»? Ведь «Империя» все 90-е говорила о «политической корректности», о «правах меньшинств», о «принятии другого». И за всем этим стоял тонкий расчет — политэкономия позднего капитализма требовала новых

брендов, в том числе и этнических?

Дугин: Отчасти это справедливо. На каком-то этапе «Империи» становятся нужны уже не только разные этносы, но и маленькие квазиимперии. На определенных условиях «Империя» легко переваривает локальное — на парижских выставках бедуин за стеклом совершает намаз, племянница Усамы бен Ладена — солистка исламской рок-группы.

Власть «Империи» не только прагматическая, она еще и идеологизированная, она разлагает любые холистские ансамбли. Поэтому этническое как факт поддерживается, но до определенной степени, как инерция... В определенный момент рано или поздно этническое выходит из-под контроля «Империи». Этническое как таковое никогда не может быть включено в «Империю», так как не совпадает с ее рациональностью. Этническое — это «анти-Империя». Судьба русского искусства на Западе тому прекрасный пример. Первоначально Запад приветствовал бывший нонконформизм, так как видел в нем «пятую колонну» в СССР, сколок общего «имперского» глобалистского искусства. Но затем включиться на равных в общий культурный обмен русскому искусству дано не было, так как сквозь его универсализированный язык стала просвечивать этничность. И русских художников послали... Где и что они теперь? Ничто! Их функция исчерпана... И они теперь будут в наших рядах, либо они никому не нужны...

«ХЖ»: В свое время интерес на Западе к советскому неофициальному искусству совершенно явно был

вызван геополитической борьбой «Империи» с СССР. Сейчас мы можем констатировать в Европе симптомы нового интереса, который, похоже, вызван общим противостоянием США со стороны Франции, Германии и России.

Дугин: Безусловно. Теперь Европе хочется посмотреть, что же мы собой представляем в этно-культурном плане. Тут может играть свою роль евразийский элемент — ведь франки пришли из наших степей. И мы воспроизводим им кусок земли, по которому шли их предки из Крыма. Мы можем вернуть им предшествующую стадию их этногенеза, утраченный фундаментал. И настоящее евразийское или консервативное искусство должно родиться среди авангардного направления...

«ХЖ»: Кстати об авангарде. Как вы понимаете связь искусства новой серьезности, то есть искусства «новых империй», с инновацией? Русский — и не только русский — авангард также апеллировал к этничности, к первородным корням и при этом был устремлен к новаторскому порыву, к отказу от канона. Имперское же искусство по определению статичное, традиционалистское.

Дугин: А к чему сводится инновация для модерна? Инновация для модерна — это форма преодоления, то есть это не созидательная вещь. Открытие новых горизонтов — это на самом деле свержение старых авторитетов, преодоление табу. Все проекты модерна — проекты «свободы от». Поэтому от инновации в ультрамодерне перешли к стереотипу. Основной ценностью

стало серийное, а не индивидуальное. В отношении высокого модерна нельзя говорить о реальной креативности — это лишь рециклирование нигилистических pattern'ов. Выход в «новую архаику» не может быть инерциально консервативным; он осуществим лишь через осознание нигилистической сущности ультрамодерна. Все консервативное, что не осознало модерна, заражено им изнутри. Вспомните слова Ницше о «выздоравливающем»... Ценен не «здоровый», он просто «еще не больной», ценен «больной», но «выздоравливающий»... «Бывший больной»... Все подвергается десемантизации модерна изнутри. Простой инерциальный консерватизм всегда идет в паре с модернизмом, причем модернизм непременно побеждает — он впереди, по крайней мере, в нынешнюю эпоху. В «le retour des Grands Temps» имеют больше шанса пробиться сами модернисты — они ближе к бездне, они знают, что дальше пути нет и надо взлетать. А консерватор всегда уверен, что еще есть твердая почва, и не хочет идти к бездне. Но модернист всегда тащит консерватора к этой бездне, а тот упирается... Потому дело творения искусства «новых империй» — это дело модернистических художников, которые на самом деле аутентично пережили драматический опыт бездны. Здесь очень важно, что в процесс современности вовлечены сейчас японцы, русские, арабы, то есть этносы, органически принадлежащие к традиционному обществу. Нигилизм должен отмыть все консервативные предрассудки, чтобы обнаружился глобальный, тоталитарный фундаментализм. Мы построим «экстатические империи» — ведь

только экстатичностью можно противостоять техно-кратической и бюрократической «Империи». «Новые империи» возникнут только от резкого порыва вперед, но никак не от попыток отстоять что-то по инерции...

«ХЖ»: Искусство «новых империй», как вы его описываете, то есть полное новой серьезности, чурающееся модернистского стереотипа, экстатичное, такое искусство, похоже, несовместимо с массовой продукцией. Экстатический объект должен быть уникальным. Но как тогда это искусство сможет выполнять идеологическую функцию? Как оно сможет повелевать массами?

Дугин: Я думаю, что определенный эзотеризм в искусстве был всегда, есть он и сейчас. Причем вне зависимости от того, идет он к массам или нет. Другой вопрос, что формат этих отношений изменится с появлением «новой серьезности». Сейчас художник должен быть пропагандистом, он должен включать зрителя в свой контекст. Потому сейчас нужен герменевт, комментатор, повествователь, объясняющий массам смысл произведения, которое может быть и картиной, и клипом, и песней, и симфонией, и пьесой... Но необходимо делать это серьезно, создавать новую мифологию. Массы должны вовлекаться в «новое имперское сновидение», в премодернистическое-постмодернистическое бытие, почувствовать себя там уверенно. Пока же у нас есть только имитация мысли о культуре — канал «Культура». Но даже она уже заставляет человека задуматься, заинтересоваться этой сферой жизни.

Я думаю, что в процессе модерна происходил сложный диалог художника с материалом, а это весьма непростой процесс. Если помните, Хайдеггер писал об этом: «Когда творец создает мир, он выставляет землю». «Wann der Schoepfer ein Welt aufsteht, stellt er die Erde hervor». У него это было объяснением того, почему ботинки на картине Ван Гога в земле. У творца всегда есть материал, с которым он работает. И по ходу движения к современному обществу происходило постепенное расколдовывание — desenchantement — окружающей среды, вплоть до ее полного исчезновения. В «Империи» Негри нет среды — там есть средства коммуникации, деньги, технологии. Здесь нет зрителя, массы — это реципиенты, ничего не стоящие, потому что труд уже давно потерял ценность. Капитализм может существовать и без эксплуатации, и без налогоплательщиков — всегда найдется какой-нибудь Тайвань, где все сделают дешевле и сами потом заплатят дороже за произведенное барахло с наклеенной европейской маркой. Потому нет и подлинного спроса — есть симуляция спроса, «спровоцированная жизнь» (das provozierte Leben Готфрида Бенна). Зритель (потребитель) уже не нужен. Рейтинги — игра, имитированная капиталом. Население «Империи» с ее тотально технологическим характером уже, по сути, отменено. Население лишено онтологии. А нет онтологии — нет и среды. Есть индивидуальное, но нет человеческого. Перформансы 90-х — яркие выразители этого отсутствия среды, так как у художника уже нет ни материала, ни внутреннего мира, а остается только прыгать, визжать, пускать пузыри... Художник

тотально одинок (индивидуален), и ему нечего сказать — вот основное содержание художественного мира ультрамодерна, ведь среда уже расколдована, а значит — десемантизирована.

Новому имперскому искусству предстоит найти заново заколдованную среду. Пусть художник и травмирован, но обращаться он будет не к психоаналитику или в общество анонимных алкоголиков, а к среде, чтобы обрести «околдованную среду». И совсем не обязательно такой средой должна быть природа — это может быть и социальная среда, это может быть другой человек. Новая империя вернет массы, заставит обрести иррационального Другого, новое понимание материи, новую субъектность — пророческую, терапевтическую, герменевтическую. Противостоять технократичной и максимально настроенной на утилитарность «Империи» можно витализмом и кажущейся неутилитарностью, луддизмом. Только луддизм этот должен быть избирательным — он оставит все позитивное: пусть это и будет выглядеть странно — изба с Интернетом, но это будет встроено в среду. А автомобили все сожжем к чертовой матери! И нефти больше не будет! И газа! Только Интернет! И солнце будет работать... И рис расти, и японцы... И китайцы построят нам дома, а турки их раскрасят, а сербы придут и сделают отличную черепицу... Сменится парадигма технического, изменится характер войн — и все из-за изменения отношения к материи. Это не означает возвращения в прошлое, это, скорее, по Леви-Стросу, открытие себя Иному. Художники — паладины пустоты должны найти Грааль среды, осо-

знать новую диалектику. И после трех столетий существования в ницшеанской пустыне это уже попадание в оазис. Хотя оазис этот пока все еще нереальный, это мираж, так как для появления настоящего оазиса необходимо осуществить геополитическую революцию.

В беседе участвовали
Екатерина Бобринская, Виктор Мизиано

КОНТИНЕНТ В МИРОВОЙ ПАУТИНЕ

(против Зверя)

«Мировая паутина» — реализация древнего заговора

Интернет, мировая компьютерная сеть, или «мировая паутина», явно придумана не самыми правильными людьми.

На последних этапах холодной войны стратеги Запада посчитали, что развитие компьютерных коммуникаций будет способствовать доминации западных ценностей во всем мире, поможет сломить сопротивление Восточного блока, приблизить осуществление мондиалистского идеала «единого мира» (One World). Так как полюсом производства и дистрибуции сетевых технологий был сам Запад, то контроль в этом процессе был гарантирован.

В некотором смысле такое положение сохраняется и сейчас. Мы видим, что базовым языком сети является английский, а сегодня известно, что сам язык

в огромной мере предопределяет то, что на нем будет высказано. Человек, произносящий по привычке «Hi!», «How do you do?» или «Hello!» в качестве приветствия, совершенно по-иному относится к жизни, к смерти, к любви и природе, к политике и гигиене, к противоположному полу, к детям и старикам, нежели привыкший к торжественному, почти старообрядческому «Здравствуйте!», что, кстати, точно соответствует немецкому «Heil!» — «Heil!» по-немецки «здоровье» (или хитро-доброжелательному «Ас-салям алейкум»). Через язык передается образ мысли, образ жизни, передается архетип.

Кроме англофонии «мировая паутина» навязывает и иные важные особенности атлантистской геополитической модели: производители основных компьютерных программ и ноу-хау — западные фирмы, извлекающие из сетевых рынков и рынков компьютеров гигантские прибыли, во многом поддерживающие экономику западных обществ. Далее: тот, кто определяет нормы и устанавливает правила сетевой жизни, парадигмы обмена информацией, получает огромные преимущества перед теми, кто пассивно участвует в Сети, и вместе с тем огромные невиданные информационные базы данных скапливаются в центрах атлантистской аналитики без особых усилий.

Не просто легкость общения между людьми и организациями, расположенными в разных концах земного шара, несет в себе Интернет, но вместе с этой «легкостью» неявно навязываются и параметры этого общения, подсказываются приоритетные темы и режимы, диктуется стиль.

Сеть и сегодня продолжает в определенном аспекте выполнять ту же роль по продвижению модели «открытого общества», сверстанного по либеральному образцу, как и 10 лет назад.

Вместе с тем удобство и динамизм развития компьютерных технологий постепенно наступает на традиционные СМИ, заявляя свои претензии на приоритет сетевого, виртуального подхода к информации. Если несколько лет назад сетевые версии печатных газет и журналов были необязательным приложением, своего рода «бонусом», то постепенно тиражи сетевых и бумажных публикаций уравниваются, и в скором времени интернетовские газеты и журналы станут самостоятельным явлением и уже печатная продукция будет выступать, в свою очередь, как «бонус», как виниловая пластинка в империи звуковых CD.

Сеть несет в себе заряд мондиализма (ее вездесущесть) и атлантизма (руководящие нити у стратегов западной цивилизации).

Неслучайно некоторые консервативные религиозные круги Запада отождествляют Интернет с «антихристом», упоминая при этом загадочный «брюссельский компьютер» с знакомым названием «Зверь». Эту же тему, кстати, развивают некоторые старообрядческие авторитеты из среды «часовенных», в частности Родион Уральский, отождествляющий пресловутый брюссельский компьютер с «чувственным антихристом».

Много, бесспорно, тревожных аспектов в сети, в «мировой паутине». Любопытно, что именно «ми-

ровой паутиной» называли социалисты (в том числе национал-социалисты) начала века систему международного олигархического капитализма, связанного с «заговором банкиров» и властью ТНК.

Так что у консервативных, впечатлительных и (справедливо) не доверяющих современному миру людей к сети Интернет должны существовать вполне понятные недоверие, неприязнь, брезгливость, отвращение.

Интерактивность и общедоступность

Но есть в Сети, в ее логике, в моделях ее функционирования и иная сторона. Она связана с органически присущей Интернету «интерактивностью». В этом заключается самый принципиальный момент. «Интерактивность» подразумевает определенную долю равноправия в вопросе передачи информации между тем, кто ее источает, и тем, кто ее воспринимает. Принцип Сети состоит в том, что каждый может сам стать «газетой», «радиостанцией» или «диктором», автором и критиком, каждый квант получаемой информации может быть оперативно осмыслен и отправлен назад с любым комментарием. Это почти то же самое, как если бы через минуту после начала «Итогов» в студии Киселева зажглась сотня экранов, а оттуда на этого записного лгуна посыпалась одичалая ругань всех тех, кто мучительные годы вынужден его безответно слушать, вымещая свои гнев и раздражение лишь на несчастной, вздрагивающей от мата семье. Ясно, что «Итоги» были бы другими. Или их вообще не стало бы.

Представьте также себе, что в какой-то ситуации каждый мог бы издать и распространить на свои собственные средства такую же газету, как «Известия», написав в ней про себя, про свои нелегкие мысли о мире или напечатав там все, что душе заблагорассудится, — хоть статьи из «Энциклопедии», хоть старые анекдоты. А подписчики будут вынуждены прочесть всю эту ахинею...

Ситуация кажется абсрудной, настолько мы привыкли, что есть властный центр, испускающий из себя слово, и пассивное огромное потребительское большинство, которое принуждено молчать или пересказывать ту глупость, которую услышали накануне с экрана, если раз-другой в жизни к ним подойдет на улице молодец с микрофоном: «Что вы думаете о музыкальных способностях перфекта Музыкантского?»

В сети существует как бы «идеальная демократия». Такая, какой никогда не было и не будет в реальности.

Трудно сказать, как случилось, что строгая система Запада выпустила из-под контроля столь опасное средство, ведь в условиях реальной демократии, а не под прессингом тоталитарной либеральной атлантистской лжи могут довольно быстро рухнуть многие базовые мифы атлантизма. Например, стоит посмотреть количество выдаваемых в Интернете ссылок на слова «анархия», «наркотики», «фашизм», «маньяки», «бомба», «национализм», «экстремизм», и они оставят далеко за собой тихие политкорректные «рынок», «права человека», «Сорос», «открытое общество». Никому не известные в большом шоу-бизнесе Майкл Мо-

нихэн или Бойд Райс будут идти в сети наравне со «Спайс Герлз», а Жан Роллен или Эд Вуд, пожалуй, еще и перекроют Спилберга.

Возможно, в условиях конца «холодной войны» этот риск «идеальной сетевой демократии» был оправдан, коль скоро «открытому обществу» противостояла совсем неповоротливая, угасающая ригидная советская система, которую рано или поздно сетевая стихия, безусловно, разъела бы.

Но советский лагерь рухнул слишком стремительно. И такое идеологическое оружие, как сеть Интернет, несколько изменило свою функцию.

Возникло определенное концептуальное противоречие. «Мировая паутина» как геополитическое орудие Запада предполагает однонаправленную речь: право на голос (и, самое главное, право на язык) есть у Запада, право на слушание — у всех остальных. С другой стороны, лежащий в основе Сети принцип интерактивности предполагает, что «говорящий Запад» может получить не совсем адекватный ответ, когда на китайском, иранском, русском и филиппинском языках на него обрушаться странные, совсем не английские сообщения с легко угадываемым (по агрессивно непристойной прилагаемой графике) смыслом — мол, Yankee, go home.

В принципе то же самое противоречие в наше десятилетие назрело и в политической сфере, где постепенно обостряется оппозиция: либерализм против демократии. Если либерализм однозначно служит атлантизму и мондиализму, то демократия может стать выражением совершенно иных — неатлантистских и

нелиберальных — ценностей. В таких случаях либералы традиционно прибегают к стадионам Сант-Яго и расстреливают свои парламенты из танков.

Точно так же и в случае с «мировой паутиной». С одной стороны, вся ее структура выстроена по атлантистским меркам, а с другой, в ней заложен противоречивый «приницп интерактивности», теоретически способный повернуть это оружие против его создателей.

Копирайт

Неглупые атлантисты продумывают способы защиты от экцессов интерактивности. Самый важный и действенный рычаг — экономический. Если Сеть может служить потенциальной территорией для выработки и реализации цивилизационной альтернативы атлантизму (а консолидация антиатлантистских сил становится возможной как раз за счет универсальности и вездесущести Сети) и если есть опасность возникновения в границах Сети своего языка и возможности игнорировать властные монологи Запада, то необходимо создать экономический фильтр, с помощью которого пользователи будут поставлены в неравные условия. Законопослушные граждане смогут в полной мере использовать дорогой «софт» (программное обеспечение), делающий интерактивность полноценной, маргиналы же останутся на пороге интерактивности, в позиции простых «потребителей» (юзеров), а их произведения — сетевые издания, странички, интернетовские форумы — будут иметь очень локальный успех. Кроме того, система электронной слежки поз-

волит противодействовать нонконформистам полицейскими методами. Через функцию «cookies» легко проследить, где побывал тот или иной пользователь, какие сайты посетил, какие картинки разглядывал, кроме того, сервера фиксируют IP-адреса зашедшего, так что каждый как на ладони.

Но все эти меры будут действовать на тех территориях, где финансовые законодательства и юридические детали свято чтутся. Где царствует великий идол «копирайта».

Если представить себе страну, где экономические законы легко обходятся с помощью почти открытого программного пиратства, а спецслужбы не являются прямым и марионеточно послушным продолжением ЦРУ, этот барьер становится легко преодолимым.

Мы знаем, что понимают сегодня под «многополярным миром». Это потенциальный альянс евразийских держав (Россия + СНГ, Китай, Индия и Иран), направленный на балансирование единоличной планетарной доминации США и стран НАТО.

Именно эти евразийские страны являются сегодня главными производителями и дистрибьютерами пиратского программного оборудования, причем масштаб распространения взломанных программ имеет стратегический объем. Он настолько велик, что позволяет говорить о географической стратегической зоне «антикопирайта».

В данном гигантском Евразийском регионе на пути подлинной интерактивности и, соответственно, возможности выхода в сетевой реальности из-под диктата атлантизма важнейший экономический барьер снима-

ется, так как необходимый для полноценного участия в сети пиратский «софт» не стоит практически ничего, а его качество от этого хуже не становится. Добавьте к этому весьма прохладное отношение евразийских спецслужб к своим заокеанским коллегам и различие в их представлениях о главной угрозе для общества — так мы получим очень неожиданную картину.

Причем весь парадокс заключается в том, что возникающая степень сетевой свободы в условиях номинальной «демократии» в Евразии оказалась неизмеримо выше, нежели в том чисто гипотетическом случае, если бы советский строй продержался еще десятилетие в том же состоянии, в котором он пребывал последнее время. Интернет ассоциировался бы однозначно с Западом, и никто бы и не подумал обратить это «орудие освобождения от тоталитаризма» против его создателей.

Слабое утешение, но если великую империю не сохранили, то могли бы вообще, даже чисто теоретически, сохранить? И если так устали и поглупели, что поверили глупейшим химерам «реформаторов», то смогли бы вести страну в сложнейших условиях конфронтации с хитрым, опасным и могучим противником?

Лучше поздно, чем никогда.

Сетевая Евразия

Безупречна позиция тех консерваторов, которые отмахиваются от всего современного, мол, «Чур меня, чур». Если бы они при этом могли действительно

оставаться в золотом веке и избежать всякого «замирщения», их пример был бы достойным подражания. Но актуальность настигает сегодня всех. Отсидеться ни у кого не получится, и, сколь бы мы ни отмахивались от «мировой паутины», рано или поздно мы очнемся спеленатыми ею, и вот тогда действительно будет поздно.

Тот консерватор, который не стремится укротить ход враждебного его природе тока времени, — плохой консерватор, он — пораженец и демагог. Революции надо не предотвращать, а возглавлять, тогда есть шанс «оседлать тигра». В противном случае будет нытье, застой и проигрыш. Только тот может себе позволить сохранять чистоту от мира, кто подобно членам старообрядческого бегунского согласа даже велосипед почитает за «железную раскаряку люцыфера», сесть на которую православному — смертный грех, не говоря уже о трамвае или автомобиле.

Поэтому логично перейти к проекту **Виртуальная Евразия**.

Его суть проста. Мы сознательно входим в «мировую паутину». Мы пытаемся очертить в ней максимально возможный сектор. Мы должны наполнить своим присутствием Сеть, воспитать поколение евразийских сетевиков, а в завтрашнем мире человек, пребывающий вне Сети, будет подобен тем, у кого нет телефона, телевизора, радио и почтового ящика.

Мы должны восстановить на новом этапе отечественные разработки программного обеспечения, а также поддержать развитие своих процессоров (которые на самом деле даже сегодня производятся гораздо бо-

лее успешно, чем нам хотят представить атлантисты и русофобы).

Мы должны защитить отечественную кодировку кои-8, которая представляет собой евразийский код в противовес атлантистскому win-1251.

Мы должны предложить свою евразийскую систему сетевых СМИ. Пока мы видим, что наиболее успешные сетевые проекты по СМИ финансируются атлантистскими компаниями с Запада, и экономически, и геополитически нацеленными на то, чтобы поживиться за счет русских пользователей. Сегодня атлантизм в русской Сети в зародыше. Но он растет с угрожающей быстротой. Большинство успешных сетевых проектов в стратегических областях — новостные ленты, аналитика, политика, культура — находятся под прямым контролем сомнительных западных фондов, существуют на деньги мондиалистских организаций, продолжающих вести свою «холодную войну», «идеологическую войну» против нас.

Пора понять, что Евразия имеет свое место не только в физической, экономической и политической географии, но и в географии виртуальной, сетевой.

Ясно, что мало-помалу в виртуальные миры перемещается вся цивилизация. Мир знаков и экранных симуляций поглощает и вытесняет на периферию мир вещей и существ. Это не начало дегенерации апокалиптического человечества. Это его венец, последняя стадия превращения человеческой истории в «общество спектакля».

Но и в этой топкой разреженной стихии «мировой паутины» мы должны присутствовать, должны

заявлять о себе, должны нести пламя нашей борьбы, нашей Идеи, нашей Веры.

Здесь и по ту сторону. В сетях компьютеров или под гнетом процентной паутины, растущей из тех же очагов зла, из того же пресловутого брюссельского «Зверя», из штаба НАТО, из «зеленой страны» Америки, из атлантистских глубин мирового ада, наша Евразия продолжает битву — в огне, в дыму, в слезах, в стенаниях и воплях огненной агрессии.

Против Зверя.

ИНТЕРНЕТ КАК ОРУЖИЕ ОБЕЗДОЛЕННЫХ МИРА СЕГО

Средства массовой информации суть зло. Маленькая группка людей, которая делает газету, радио- или телепередачу, манипулирует сознанием пассивных масс. Те, кто находятся с той стороны телевизора, заведомо в выигрыше, так как заказывают музыку. Те, кто находятся по эту сторону, — заведомо в проигрыше. Они не только вынуждены подчиняться чужой воле, но и привыкли принимать диктат извне за свои собственные желания. Мы проголосовали, мы проиграли, мы просто под гипнозом.

Какая альтернатива? Выключить телевизор, радио, отказаться от газет совсем не получается. Нам нужна информация, мы к этому привыкли. И выход есть. Это — Интернет.

Смысл Интернета в том, что в нем издатель уравнен с читателем, диктор с тем, кто его слушает, со-

здатель информации с ее получателем. Собственные СМИ — причем и текстовые, и аудио-, и видео- способен создать каждый. И все зависит только от фантазии, творческого потенциала, воображения, желания, ума. В обычных СМИ существует колоссальная экономическая и техническая диспропорция между изготовителем и потребителем. Аппаратура, передатчики, монтажные столы, камеры, студии, печатные станки стоят гигантских денег, заведомо превышающих возможности частного лица (даже обеспеченного). В Интернете все иначе. Одинаковую продукцию легко способен произвести как могучий концерн, так и отдельный гражданин среднего достатка. Сплошь и рядом интернетовская страничка богатейшего банка или мультинационального концерна выглядит беднее (во всех смыслах), чем «хоум пейдж» толкового одинокого панка.

В Интернете все уравнены — и маргиналы и система, и богатые и бедные, и властители СМИ и потребители информации. Поэтому каждому входящему в Сеть сразу бросается в глаза странная диспропорция — где-то половина существующих интернетовских страничек приходится на альтернативные движения, мистику, наркоманию, экстремизм, политических радикалов, абсурдистов, разоблачителей всяких заговоров, авангардных литераторов и музыкантов, т. е. всех тех, кто в обычных СМИ практически вообще не упоминаются. И оказывается, что после снятия табу на информацию вселенная планетарной Альтернативы представляет собой колоссальный сектор интересов человечества, остов какого-то нового мира,

старательно замалчиваемого официозом. В поисковых системах на имена «Бойд Райс», «Чарльз Мэнсон», «Че Гевара», «Сергей Курехин», «Юлиус Эвола» выплывают сотни страниц. На имена «Киркоров», «Березовский», «На-На», «Му-Му» и т. д. от силы пять-шесть, и то большинство — это просто экстремистские пародии, антисайты, unoffical pages.

Интернет может выступать и как организатор, и как пропагандист. Ленин, если бы сегодня был жив (а он, видимо, жив), назвал бы «организатором и пропагандистом» именно Интернет. Благодаря Сети люди самых радикальных взглядов легко находят друг друга, спокойно могут обмениваться информацией, укреплять связи. Скин и троцкист, старовер и хлыст, сторонник «Сендеро Луминосо» и русский патриот, авангардист и традиционалист сразу же понимают, что они не одиноки. В современном мире стройное политическое движение, структуру, партию имеет смысл строить только через Интернет.

В США так называемая «милиша» — крайне правые, убежденные, что их страной правит кучка масонов-сатанистов-мондиалистов-гомосексуалистов, — благодаря Интернету организовалась в мощное движение, всерьез обеспокоившее федеральные власти. В 1996 г. был подготовлен мощный «марш на Вашингтон», сорванный только благодаря экстраординарной мобилизации полиции и внутренних войск, а также внедренных в движение агентов ФБР.

Разрозненная, индивидуалистическая, отчужденная Америка сумела сорганизоваться в протестный фронт благодаря Интернету. Любопытно, что непово-

ротливых правых подняли на массовый протест анархисты — МакКвинн, Хаким Бей, Адама Парфри. Они затесались в разные крайне правые сетевые ньюсгруппы, Интернет-форумы и дискуссии и раскрутили кондовых сторонников второй поправки к Конституции (свобода ношения оружия) на форменный бунт. Официальные СМИ это почти замолчали, но факт остается фактом — в ВС США было объявлено в тот момент состояние повышенной боеготовности.

Наш народ очень талантлив и легко справляется с компьютерами. Обучиться Интернету, да и компьютеру, можно за одну неделю. Через две недели упражнений можно спокойно считать себя веб-дизайнером и публиковать свой электронный бюллетень. Компьютеры стоят не так дорого. За телефон мы пока вообще не платим. Провайдера можно купить одного на целую группу, распределив время. Небольшое усилие — и в наших руках мощное оружие, неограниченные источники информации, способность мгновенно связаться с единомышленниками во всей России, во всем мире. Никакие блокады, эмбарго, запреты не помогут. На одном сервере сайт сотрут или запретят, ничего не стоит сделать миррор где-то еще.

В русском Интернете сейчас бурный расцвет. Все больше великолепной классической и современной литературы по самым радикальным и интересным темам. Ресурсы копятся как снежный ком, и в отличие от книг и библиотек их структуризация проста и доступна. Практически с любого мало-мальски интересного сайта есть линки на целый веер близких по духу, эстетике, идеологии страниц.

А поскольку каждый может свободно связаться с каждым по электронной почте, то и организаторские функции Сеть может выполнять как никто другой.

Когда-то гадский Сорос запустил Интернет, чтобы разрушить советское (закрытое) общество. Но «Пятно» разрушил его и так, без всякого Интернета. И этот колоссальный подрывной механизм, призванный установить «открытое общество», остался не у дел. Мондиалисты без всякой Сети способны получать всю нужную информацию по своим каналам и зомбировать остальное население.

Интернет превратился сегодня в оружие обездоленных, отвергнутых, политически некорректных, искалеченных, обманутых, разоренных. Теперь с его помощью именно мы можем (и должны) минировать ненавистный мондиалистский строй.

Давайте в компьютерном пространстве начнем строить новую Виртуальную Россию, свободную от внутренних и внешних врагов. Сплотимся, отточим стратегию, укрепим ряды, организуемся. А потом снова — как и наши гордые и бесстрашные предшественники — сделаем сказку былью.

СОДЕРЖАНИЕ

Часть IV
ТЕАТР «ЛЮДИ»

Часть V
ПРИШЕСТВИЕ ТЕЛЕПУЗИКОВ

Часть VI
ПЕРФОРМАНС
ПРОТИВ СОВРЕМЕННОГО МИРА

Часть VII
ВОЗРАСТЫ НОВЫХ ТЕКСТОВ

Часть VIII
ПОСТМОДЕРН: ПРОБУЖДЕНИЕ ТИТАНОВ

Литературно-художественное издание

Александр Дугин

ПОП-КУЛЬТУРА И ЗНАКИ ВРЕМЕНИ

Ответственный редактор *Павел Крусанов*
Художественный редактор *Юлия Двоеглазова*
Технический редактор *Елена Траскевич*
Корректор *Людмила Лебедева*
Верстка *Максима Залиева*

Подписано в печать 01.08.2005.
Формат издания 75×100 1/32. Печать офсетная.
Усл. печ. л. 21,39. Тираж 5000 экз.
Заказ № .

Издательство «Амфора».
Торгово-издательский дом «Амфора».
197342, Санкт-Петербург, наб. Черной речки, д. 15, литера А.
E-mail: info@amphora.ru

Отпечатано с диапозитивов
в ФГУП ИПК «Лениздат» Федерального агентства
по печати и массовым коммуникациям
Министерства культуры и массовых коммуникаций РФ.
191023, Санкт-Петербург, наб. р. Фонтанки, 59.